КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ XXIV.

ФЕВРАЛЬ.

1889 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ.

Годъ восьмой. ТОМЪ XXIV. 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Воспоминанія Н. И. Усковой о Т. Г. Шевченкѣ. Съ примѣчаніями М. К. Чалаго. Н. Зарянки. (297—313).

II. Русскія колоніи въ Добруджѣ. II. Лупулеску. (314—336).

III. Бѣлая Панна. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавш. поэта). V—IX. (Оконч). Г. А. Мачтета. (337—387).

IV. Воспоминанія М. К. Чалаго. III. (388-402)

V. Культурныя переживанія. V—VI. проф. Н. Ѳ. Сумцова. (403—423).

VI. Прошлое переяславскаго духовнаго училища. Памфила Левицкаго. (424—444).

VII. Скорбный листъ архива Малоросс. Коллегіи. Ив. В. Теличенка. (445—458).

VIII. Документы, Извѣстія и Замѣтки. Посѣщеніе Т. Г. Шевченкомъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка. М. Чалаго. Изъ путешествія въ сѣверо-западный край I—II. Н. Петрова. Бѣлорусскія колядки. Хр. Ящуржинскаго. Народные разсказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ. Сообщ. А. Савичъ. Рукописный альбомъ Андрея Ищенка 1780—82 гг. В. П. Науменка. Къ исторіи зарожденія Кіевскаго дворянскаго собранія. В. П. Науменка. Изъ воспоминаній о П. П. Артемовскомъ-Гулакѣ А. Ш. Стефанъ Качала (некр). К. Х. (459—512).

IX. Для справокъ. (506—512).

X. Библіографія. П. В. Владиміровъ. Докторъ Франциск Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб 1888 г. А. Степовича. Б. Хмельницкій. Ист. повѣсть для юнош., О. И. Роговой. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1888 г. О. Л. Юл. Солтыкъ Романскій. Вѣнецъ слав. поэтовъ. Сборникъ памяти поэзіи славянск. міра, Т. I. Слово о Полку Игоря древнеславянск. (?!) поэма XII в. съ переводами: на русскій (новорусскій?), чешскій и польскій. Львовъ Ц. 1 гульд. A. Stepowicza. Ugowski. — Ostatnia starościna Zwinogrodzka. Kraków. 1888. B. A Deux voyages en Asie au XIII-e siècle par Guillaume de Rubruquis, envoyé de Saint Louis et Marco Polo, marchand venitien (Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bibliothèque historique et litteraire, publiée sous la direction de M. Eugène Muller, conservateur à la Bibliotheque de l'Arsenal). П. Голубовскаго. Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра, раздѣленное на пять участковъ: 1) отъ Смоленска до Лоева; 2) отъ Лоева до Кіева; 3) отъ Кіева до Екатеринослава; 4) отъ Екатеринослава до Александровска и 5) отъ Александровска до лимана. Издано статистическимъ отдѣломъ Минист. Путей Сообщ. С.-Петербургъ. А. Л. Путеводитель по Одессѣ и ея окресностямъ. Адресъ-Календарь съ приложеніемъ плановъ г. Одессы, ея окрестностей, городскихъ театровъ. Изданіе В. В. Скидана. Н. Т. Виленскій Календарь на 1889 г. Н. Т. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 и 1889 г. Книги вышедшія съ 1888 года, касающіяся ю. Россіи (513—560).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.

2) Южнорусское житіе св. Владиміра XIV в. съ пред. проф. П. В. Владимірова.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1889.

Дозволено цензур. Кіевъ, 31 -го Января 1889 г.

ВОСПОМИНАНІЯ Н. И. УСКОВОЙ О Т. Г. ШЕВЧЕНКѢ.

Съ примѣчаніями М. К. Чалаго.

Наталья Ираклiевна Ускова съ вдохновеннымъ Кобзаремъ провела лишь первые годы своего дѣтства и самолично немного удержала въ памяти о событіяхъ того счастливаго, по ея заявленію, времени, когда Тарасъ Григорьевичъ былъ для нея другомъ—нянею; но постоянно повторяемые разсказы и воспоминанія ея родителей, которые прожили съ Шевченкомъ къ Новопетровскомъ укрѣпленіи послѣдніе пять лѣтъ его ссылки до самаго его освобожденія [1]), много пополнили свѣдѣнія, касающіяся той жизни поэта.

Услышавъ отъ нея въ первый разъ разсказъ о Ш-кѣ въ 1882 году, я записалъ его и затѣмъ напечаталъ въ 75 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за тотъ же годъ, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія Наты о дядѣ Тарасѣ“. Въ настоящее время мнѣ удалось получить отъ той же Н. И. еще нѣсколько свѣдѣній по тому же предмету и три собственноручныхъ письма Т. Г—ча къ ея отцу. Все это и помѣщается ниже.

Отецъ Н. И—ны Ираклій Александровичъ Усковъ до 1853 года служилъ въ Оренбургѣ, состоя адъютантомъ при главномъ начальникѣ оренбургскаго края гр. В. А. Перовскомъ. Въ 1853 году онъ былъ назначенъ комендантомъ Новопетровскаго укрѣпленія и, прибывъ туда, нашелъ Т. Г. Шевченка, въ

[1]) При комендантѣ Усковѣ Ш—ко прожилъ въ укрѣпленіи около четырехъ лѣтъ, именно съ осени 1853 по 2 августа 1857-го.

качествѣ рядоваго, въ жалкомъ положеніи: ближайшіе начальники обращались съ нимъ слишкомъ строго [1]).

Съ прибытіемъ Ускова, такое суровое обращеніе съ опальнымъ солдатомъ прекратилось и заявленія нѣкоторыхъ лицъ о томъ, что Т. Г. былъ притѣсняемъ до самаго его освобожденія, совершенно неосновательны. Еще въ Оренбургѣ, когда стало извѣстно, что комендантомъ Новопетровскаго укрѣпленія назначается Усковъ, многіе добрые люди [2]) просили его сдѣлать все возможное къ облегченію участи Ш—ка и предупредили о его слабости къ вину.

Первая встрѣча Ускова съ Т. Г—чемъ послѣдовала на смотру, когда чины укрѣпленія представлялись новому коменданту. Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ смотра, какъ Ш—ко нашелъ теплое сочувствіе и самый радушный пріемъ въ домѣ Ускова [3]). Недовѣрчивый вообще къ людямъ, при пер-

---

[1]) Въ первые два года пребыванія Ш—ка въ Новопетровскомъ укрѣпленіи комендантомъ былъ Антонъ Петровичъ Маевскій, который очень любилъ Т. Г—ча и принималъ его у себя въ домѣ, не какъ солдата, а какъ умнаго собесѣдника, что случалось очень часто, такъ какъ А. П. былъ старый холостякъ и велъ жизнь, что называется, отца командира, вполнѣ холостую. Жилъ Кобзарь въ его комендантство постоянно въ казармахъ, но имѣлъ тамъ, по протекціи доктора Никольскаго, особенную койку и не посылался на черныя работы. Въ эти два года Т. Г. нарисовалъ нѣсколько портретовъ и получалъ безпрепятственно черезъ коменданта письма и деньги. Въ концѣ 1852 года Маевскій скончался и Ш—ко лишился въ немъ покровителя; батальонное же начальство отнеслось къ нему весьма сурово. Въ письмѣ своемъ къ Гулаку поэтъ горько жалуется на угнетеніе: «Якъ бы ты побачивъ мижъ якимъ людомъ верчуся я!... А я у нихъ въ кулакѣ сижу: давитъ, безъ всякаго милосердія давятъ, а я повиненъ ще й кланяться, а то визьме тай роздавить, якъ ту вошу мижъ ногтями».

Такъ продолжалось со дня смерти А. П. Маевскаго вплоть до прибытія въ укрѣпленіе новаго коменданта, почти цѣлый годъ.

[2]) Это были К. И. Гернъ, Ѳ. М. Лазаревскій и Матвѣевъ.

[3]) Комендантъ Усковъ, въ первый годъ своего пребыванія въ укрѣпленіи, дѣйствовалъ, въ отношеніи Ш—ка, чрезвычайно осторожно, опасаясь доносовъ, которыми кипѣлъ этотъ забытый Богомъ и проклятый людьми край.

вой съ ними встрѣчѣ, онъ и въ данномъ случаѣ не сразу повѣрилъ искренности добряка Ускова, но скоро, убѣдившись въ ней, сдѣлался постояннымъ гостемъ и дорогимъ собесѣдникомъ, а затѣмъ и преданнымъ другомъ семьи коменданта.

Новопетровское укрѣпленіе, гдѣ поэтъ провелъ послѣдніе семь лѣтъ своей изгнаннической жизни, нынѣ уже упраздненное, во время его тамъ пребыванія, представляло собой небольшой укрѣпленный пунктъ съ девятью или десятью орудіями и было расположено на обрывистой известковой скалѣ западной оконечности полуострова Мангишлака, верстахъ въ трехъ отъ берега Каспійскаго моря. Небольшая каменная церковь, комендантскій домъ, караульный домъ, госпиталь и нѣсколько каменныхъ флигелей для помѣщенія нижнихъ чиновъ и офицеровъ—вотъ все, что находилось въ крѣпости и было окрашено въ желтый казенный цвѣтъ. Около крѣпости, подъ горой, нѣсколько армянскихъ лавокъ, а кругомъ голая степь и ни признака растительности.

Въ годъ прибытія коменданта Ускова, именно осенью 1853 года, были посажены первыя вербы [1]), въ разстояніи около версты отъ укрѣпленія, на мѣстности болѣе для того пригодной, и послѣ многихъ и долгихъ усилій, съ помощью чернозема и деревьевъ, привезенныхъ изъ Астрахани, удалось устроить садъ, нѣкоторыя деревья котораго ко времени отъѣзда Ш—ка давали уже значительную тѣнь. Въ саду былъ построенъ небольшой одноэтажный въ двѣ комнаты домъ съ плоскою крышей, гдѣ въ

Получивъ на имя своего предмѣстника письмо, для передачи Т. Г—чу, со вложеніемъ 20 рублей, онъ хотѣлъ было отослать его обратно, но батальонный докторъ Никольскій, большой поклонникъ поэзіи Кобзаря, упросилъ Ускова не дѣлать этого. Значитъ, не «черезъ нѣсколько дней», а почти черезъ годъ поэтъ нашелъ «радушный пріемъ въ домѣ коменданта».

[1]) Первая верба была посажена самимъ Ш—комъ въ 1850 году. «Когда меня препроводили изъ Орской крѣпости въ Н. П. укрѣпленіе, въ Гурьевѣ Городкѣ я поднялъ на улицѣ свѣжую вербовую палку и, принесши ее въ укрѣпленіе, воткнулъ въ землю на гарнизонномъ дворѣ» (см. письмо Ш—ка къ художнику Осипову въ «Основѣ»).

лѣтнее время помѣщалась семья коменданта, и двѣ деревянныя бесѣдки, изъ которыхъ одна, шестигранной формы, съ тремя небольшими окнами и конической крышей, а другая ажурная съ плоской крышей; первая служила для ночлега Т. Г—ча, а вторая для дневнаго отдыха въ тѣ дни, которые онъ проводилъ въ саду [1]).

Первое облегченіе ссыльной жизни Ш—ка выразилось тѣмъ, что комендантъ Усковъ, со вступленіемъ своимъ въ должность, не требовалъ уже отъ него несенія солдатской службы со всею строгостью, которую налагала на рядоваго военная дисциплина, допустивъ появленіе его въ строю лишь въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда манкированіе службой могло повлечь за собою непріятности.

Жилъ Т. Г—чъ не въ казармахъ, какъ было до сихъ поръ, а съ кѣмъ нибудь изъ офицеровъ [2]) въ зимнее время, а лѣтомъ въ комендантскомъ саду; очередныхъ дежурствъ и караульной службы не несъ, нанимая, когда приходила такая очередь, за себя какого нибудь рядоваго. Обѣдалъ въ семьѣ Ускова зимою и лѣтомъ ежедневно, за исключеніемъ лишь тѣхъ дней, когда чувствовалъ не въ мѣру выпитую рюмку вина: въ этихъ случаяхъ Т. Г—чъ обѣдалъ у знакомыхъ офицеровъ или являлся въ комендантскую кухню, гдѣ, войдя въ дипломатическія сношенія съ поваромъ, по секрету что нибудь съѣдалъ и уходилъ незамѣтно. Такимъ образомъ, отсутствіе Ш—ка въ домѣ коменданта въ обѣденное время обыкновенно обозначало, что онъ выпилъ лишнее и не является къ столу, чтобъ не вызвать со стороны Ускова и его жены обычныхъ въ этихъ случаяхъ назиданій.

---

[1]) Любимѣйшимъ мѣстомъ отдохновенія для Т. Г—ча служила также и его разросшаяся въ большое дерево верба; подъ ея тѣнью онъ съ пріятелемъ Фіалковскимъ штудировалъ эстетику Либельта (см. Дневникъ въ «Основѣ»).

[2]) Жить съ офицерами рядовому Ш—ку не дозволяла строгость военной дисциплины. Одинъ изъ нихъ Мостовскій предлагалъ поэту поселиться у него на квартирѣ, но тотъ не согласился, подъ опасеніемъ доноса, который вслѣдъ затѣмъ и не замедлилъ послѣдовать. Сдѣлалъ его какой то М—въ: «Какую подлую кляузу могъ вывести этотъ отвратительный надворный совѣтникъ изъ нашего сожительства» пишетъ поэтъ въ дневникѣ.

Суровый, непривѣтливый, съ мѣшковатой походкой, Ш—ко производилъ первое впечатлѣніе неблагопріятное, но, по мѣрѣ дальнѣйшаго съ нимъ знакомства, каждый незамѣтно привязывался къ нему и въ Новопетровскомъ укрѣпленіи мало было людей, которые относились къ нему недоброжелательно. Однакожъ были и такіе люди. Нѣкоторыхъ офицеровъ, по ихъ неразвитости, весьма шокировало пребываніе рядоваго Ш—ка въ ихъ обществѣ въ домѣ коменданта, какъ гостя; имъ не нравилось явное предпочтеніе, оказываемое ему, и допускаемыя Усковымъ облегченія, которыя выражались и тѣмъ, что Т. Г—чу не препятствовали писать и рисовать, а даже помогали ему въ томъ. Все это приводило въ негодованіе недоброжелателей поэта, вооружало ихъ противъ коменданта и дало поводъ еще къ одному доносу генералъ-губернатору Перовскому. Впрочемъ доносъ этотъ графомъ принятъ не былъ. Подробности этого дѣла изложены въ воспоминаніяхъ И. С. Тургенева о Шевченкѣ [1]).

Въ Новопетровскомъ укрѣпленіи Тарасъ Григорьевичъ былъ душою общества. Рѣдкій пикникъ, рѣдкая прогулка совершались безъ его участія и въ часы хорошаго расположенія духа не было конца его шуткамъ и остротамъ. При поѣздкахъ новопетровскаго общества на гулянья онъ обыкновенно садился въ экипажъ съ провизіей и бралъ на свою отвѣтственность охраненіе бутыли съ водкою; однако привозилъ ее на мѣсто прогулки далеко не полною; а потому собутыльники предложили ему выбирать мѣсто подальше отъ бутылокъ.

---

[1]) «Подробности», сообщенныя Тургеневымъ, ни на чемъ не основаны. Ѳ. М. Лазаревскій, близко знавшій отношенія гр. Перовскаго къ окружавшимъ его лицамъ, не допускаетъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ осмѣлился наушничать этому гордому и недоступному вельможѣ. Еще неправдоподобнѣе другой разсказъ—Лѣскова о томъ, что яко бы Перовскій собственноручно билъ Ш—ка: въ продолженіе 7 лѣтъ, при гр. Перовскомъ, Т. Г—чъ безвыходно находился въ укрѣпленіи, гдѣ Перовскій не бывалъ никогда, слѣд. и не могъ изъ Оренбурга достать поэта, за 800 слишкомъ верстъ. Собственноручная рукопашная расправа была вовсе не въ характерѣ гр. Перовскаго; никогда этотъ гордый и сильный человѣкъ не унизился бы до того, чтобы лично кого нибудь бить.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ на Хангу Бабу [1]) (небольшая лощина, лежащая въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленія, имѣвшая десятокъ тутовыхъ деревьевъ, дававшихъ тѣнь), Ш—ко лежалъ на коврѣ и болталъ съ офицеромъ. Послѣдній, замѣтивъ, что Т. Гр. выпилъ лишнее, вздумалъ подшутить надъ нимъ: собравши разсыпанные по степи „орѣшки", потерянные гуртами овецъ, онъ предложилъ ихъ Ш—ку за кедровые, тотъ попробовалъ... Почувствовавъ, что это было въ дѣйствительности, онъ не высказалъ неудовольствія, и занялся мыслію, какъ бы наказать шутника. Возвратясь въ садъ, онъ набралъ клещевинику (изъ котораго приготовляютъ касторовое масло), состряпалъ самъ лично соусъ, и, пригласивъ къ себѣ офицера на завтракъ, накормилъ его этимъ соусомъ. Гость, конечно, скоро почувствовалъ дѣйствіе оригинальнаго блюда...

Не бѣгалъ Т. Гр. и дамскаго общества, которое также иногда не прочь было подтрунить надъ нимъ. Такъ, однажды было рѣшено сдѣлать пельмени,—любимое блюдо поэта,—такъ какъ онъ заспорилъ, увѣряя дамъ, что съѣстъ ихъ цѣлую сотню. Барыни, сговорясь между собою, изготовили пельмени, по возможности, покрупнѣе и, чтобы затруднить ѣдоку выиграть пари, нѣсколько изъ нихъ начинили одной горчицей или однимъ перцемъ. Но Ш—ко, къ удивленію многолюднаго участвовавшаго въ завтракѣ общества, не поморщившись, одинъ за другимъ уничтожилъ цѣлое блюдо [2]).

---

[1]) Въ первый годъ своего пребыванія въ укрѣпленіи поэтъ, вмѣстѣ съ Брониславомъ Залѣскимъ, предпринималъ экскурсію на Хангу Бабу, но не съ цѣлію покутить на свободѣ, а полюбоваться хоть тощею растительностію и порисовать деревья. Разставшись же съ нимъ, Т. Гр. любилъ посѣщать это мѣсто, освященное дружбой; ему «такъ сладко было сидѣть тамъ, подъ вѣтвями стараго дерева, обнажившаго свои корни»...

[2]) «Отуманенный лестію» (пишетъ Ш—ко въ своемъ дневникѣ) «я не имѣлъ силы, во вредъ желудку, отказаться отъ *пельменей:* они были мастерски приготовлены... (послѣ продолжительной прогулки) я сладко заснулъ и видѣлъ во снѣ Новгородъ-Сѣверскій; по улицѣ ѣздили огромные рыжіе, пьяные монахи, тутъ былъ и Семенъ (Гулакъ)... Это все пельмени такъ наметаморфозили»....

Если какая нибудь дама, подтрунивая надъ тяжеловатостію и неповоротливостію Ш—ка въ движеніяхъ, заявляла, что въ него не легко влюбиться, Т. Г. въ отвѣтъ напѣвалъ съ улыбкой русскую пѣсню: „Ходитъ вѣтеръ у воротъ“, особенно сильно налегая на послѣдній ея куплетъ:

Дунулъ вѣтеръ и Авдѣй
Полюбился снова ей,
Дунетъ вѣтеръ еще разъ—
И полюбится Тарасъ.

Дѣтей Ш—ко очень любилъ. Въ Новопетровскомъ укрѣпленіи любимицей его была именно Наталья Иракліевна, старшая дочь Ускова, родившаяся чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ прибытія ея родителей въ фортъ. Съ ней поэтъ постоянно дѣлилъ часы досуга, разсказывалъ о своей дорогой родинѣ понятнымъ ей дѣтскимъ языкомъ, дѣлалъ ей удочки, плелъ корзины и пѣлъ пѣсни, то грустныя, заставлявшія сжиматься ея дѣтское сердечко и проливать слезы, то веселыя. И несказанно любила Наталенька [1]) своего дядю—Горича, какъ она его называла. „Истый Тарасъ Горичъ, мое серденько, моя ясочка!“ приговаривалъ поэтъ, цалуя ее.

Для своей любимицы, Наточки, онъ оставлялъ кусочки сахару отъ утренняго чаю, которые, иногда запачканные мухами, служили ей лучшимъ лакомствомъ.

Случалось, что Т. Гр. появлялся въ домъ коменданта съ покраснѣвшимъ носомъ, тогда малютка Ната заботливо ходила за дядей Горичемъ съ баночкой спармацетной мази, упрашивая его помазать носъ, такъ какъ, по ея дѣтскому убѣжденію, никакого другаго цѣлебнаго средства не существовало.

Непривыкшая видѣть дядю Горича курящимъ, она однажды была поражена, увидя его вечеромъ съ дымящейся сигарой въ зубахъ [2]), и когда онъ пытался поймать ее, чтобъ поцѣловать,

[1]) «Кого любятъ дѣти, тотъ еще не совсѣмъ поганый человѣкъ», говаривалъ о себѣ Тарасъ Григорьевичъ.

[2]) Ш—ко былъ не изъ курящихъ; но В. М. Лазаревскій соблазнилъ его, прислалъ въ подарокъ 25 сигаръ «настоящихъ гаванскихъ». «Взявъ три

со страхомъ убѣгала, боясь быть обожженною. Лѣтомъ, послѣ обѣда, онъ часто усаживался на каменную скамью террасы комендантскаго дома и какъ только дѣвочка приближалась къ нему, Т. Гр., со словами: „сейчасъ пущу ракету!“ быстро проводилъ раковиной по камню и заставлялъ ее поспѣшно убѣгать, добродушно смѣясь ея страху.

Незадолго до своего отъѣзда, именно 4 іюня 1857 года, въ день рожденія Наташеньки, Ш—ко устроилъ транспарантъ съ вензелемъ ея, установилъ его въ концѣ сада и вечеромъ освѣтилъ разноцвѣтными огнями; а когда поэтъ, покидая Новопетровское укрѣпленіе, собирался въ дальній путь, онъ подарилъ своей любимицѣ ея портретъ, нарисованный имъ сепіей, и книгу „О подражаніи Христу, переводъ Сперанскаго“ [1]). На подаркахъ этихъ собственноручныя надписи: „Милой умницѣ Наташенькѣ на память отъ дяди Тараса Шевченка“.

Живописью въ укрѣпленіи, особенно въ послѣдніе годы, Т. Гр. занимался весьма усердно. Масляными красками и акварелью онъ не работалъ, а всѣ рисунки сдѣланы сепіей или карандашомъ. Сюжетами для нихъ обыкновенно служили окрестные виды и ближайшіе киргизскіе аулы. Было нарисовано и нѣсколько портретовъ [2]). Усковымъ на память о прожитомъ съ ними времени и о самомъ себѣ Ш—ко оставилъ портреты: жены коменданта Агафьи Емельяновны, со старшей дочерью на рукахъ, Кати—няни Наташиной, въ киргизскомъ костюмѣ и пять пейзажей: на двухъ изображены ближайшіе къ укрѣпленію

оставшіяся у меня завѣтныя сигары, я пришелъ на огородъ къ вечернему чаю и попотчивалъ Ир. Ал. и его гостя и самъ закурилъ остальную. Всѣ, начиная съ Наташеньки, немало удивились, увидѣвъ въ моемъ лицѣ торчащую дымящуюся сигару, хотя и находили, что мнѣ она къ лицу» (Дневникъ).

[1]) Книга эта—дорогой подарокъ княжны В. Н. Репниной—была очень дорога поэту и онъ не безъ сожалѣнія разстался съ нею.

[2]) Къ послѣднимъ двумъ годамъ ссылки относятся превосходные рисунки Т. Гр—ча, которые онъ отсылалъ Бр. Залѣскому, какъ запретный плодъ, подъ именемъ «разныхъ кусковъ шерстяной матеріи»; выручка отъ продажи ихъ отсылалась въ укрѣпленіе. Отсылаемыя тому же лицу стихотворенія извѣстны были подъ названіемъ «свяченой воды».

аулы, на другихъ двухъ комендантскій садъ—въ первый годъ его существованія и въ годъ отъѣзда поэта; пятый пейзажъ представляетъ видъ самаго Новопетровскаго укрѣпленія со стороны моря.

Находя въ семействѣ Ускова постоянно самый радушный, сердечный пріемъ и теплое участіе, Т. Гр. отвѣчалъ на то полною преданностію. Однако съ Усковыми у него случались и размолвки. Жена коменданта и самъ Ираклій Александровичъ находили нужнымъ удерживать Ш—ка отъ его слабости и это то обстоятельство иногда бывало поводомъ нѣкотораго недоразумѣнія, что впрочемъ скоро забывалось [1]). За исключеніемъ размолвокъ, о которыхъ только что сказано, между Ш—комъ и Усковымъ существовали ~~самыя~~ лучшія отношенія. Когда у Т. Гр. не было денегъ, онъ ссужался ими у Ираклія Александровича, съ нимъ онъ занимался и фотографіей. Книги и рисовальныя принадлежности высылались поэту его далекими друзьями на имя коменданта, чрезъ котораго велась вся переписка. Такимъ образомъ и радостное извѣстіе, полученное имъ отъ М. М. Лазаревскаго о давно ожидаемой свободѣ, было передано при слѣд. письмѣ къ Ускову:

---

[1]) Добрѣйшая душа Ир. Ал., подъ опасеніемъ большой отвѣтственности за фамиліарное обращеніе съ нижнимъ чиномъ, принялъ поэта въ свою семью, какъ роднаго. Помимо глубокой признательности, какую, естественно, долженъ былъ питать къ Ускову обездоленный изгнанникъ, въ его душѣ, открытой для всего изящнаго, пробудилось иное чувство: онъ влюбился въ комендантшу: «Это одно единственное существо, которымъ я увлекаюсь до поэзіи... (сознается онъ Залѣскому). Да и могло ли быть иначе вприсутствіи высоко нравственной и физически прекрасной женщины? Я полюбилъ ее возвышенно чисто, всѣмъ сердцемъ и всею благодарной моей душой»... Но несмотря на такую пламенную любовь, близкую къ обожанію, подъ конецъ своей ссылки, нашъ Кобзарь разочаровался въ ней. Охлажденіе къ прекрасной «Агатѣ» произошло отъ неосторожнаго съ ея стороны намека на благодѣянія, оказываемыя въ *ея* домѣ рядовому Ш—ку. «И я, (пишетъ Т. Гр. ~~въ дневникѣ~~ Залѣскому) отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ и повторилъ слова флорентинскаго изгнанника:

Горекъ хлѣбъ подаянія
И жостки ступеньки чужого крыльца.

С.-Петербургъ. 2 мая 1857 года.

М. Г. Ираклій Александровичъ!

Прилагая при семъ 75 рублей для передачи Тарасу Григорьевичу, я увѣренъ, что и Вы обрадуетесь его радости.

Будьте добры, выгоняйте его скорѣе оттуда. Извините, что я не въ первый разъ уже безпокою Васъ своими просьбами, не бывши съ Вами знакомъ... Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ было прислано и другое, на имя самого Шевченка (см. Біографія стр. 95).

Оффиціальное извѣстіе о свободѣ рядоваго Шевченка прибыло къ коменданту 21 іюля и Усковъ, не дожидаясь изъ Оренбурга указа объ отставкѣ, выдалъ ему на свой страхъ пропускъ до самаго Петербурга. Т. Гр. выѣхалъ изъ Новопетровскаго укрѣпленія 2 августа вечеромъ, напутствуемый лучшими пожеланіями людей, искренно его любившихъ.

Первое письмо, полученное Усковымъ отъ поэта, послѣ его отъѣзда, было изъ Астрахани отъ 10 августа 1857 года, но оно затерялось. Слѣдующее затѣмъ письмо отъ 12 ноября получено изъ Нижняго Новгорода; третье отъ 17 февраля 1858 года тоже изъ Нижняго, а четвертое—изъ Петербурга.

I.

12 ноября 1857 года. Нижній Новгородъ.

Многоуважаемый Ираклій Александровичъ!

Давно уже я собираюсь описать вамъ все случившееся со мною со дня, въ который я послалъ вамъ мое письмо изъ Астрахани, т. е. съ 10 августа, но для этого описанія не доставало главнаго матеріала т. е. конца, заключенія этого на диво курьезнаго путешествія.

22 августа выѣхалъ я изъ Астрахани, вмѣстѣ съ семействомъ А. А. Сапожникова, съ которымъ мы возобновили старое знакомство. 19 сентября прибыли мы благополучно и весело въ Нижній Новгородъ и того же дня полиціймейстеръ объявилъ мнѣ, что я за настоящимъ указомъ объ отставкѣ долженъ отправиться обратно въ Оренбургъ. Такое милое предложеніе меня не мало

озадачило, но я вскорѣ оправился т. е. заболѣлъ и самъ написалъ въ Оренбургъ и добрыхъ людей просилъ написать о себѣ прямо Катенину, прося его развязать сей гордіевъ узелъ какъ нибудь помягче. Пока этотъ таинственный узелъ развязывался, я хворалъ, бродилъ по грязнымъ нижегородскимъ улицамъ и скучалъ до ипохондріи. Наконецъ вчера здѣшній военный губернаторъ получаетъ отъ генералъ-губернатора оренбургскаго подробное объясненіе моего увольненія отъ военной службы. Объясненія эти вчера же прочитаны мнѣ. Въ нихъ изображено, что я, бывшій художникъ, имѣю право поселиться гдѣ мнѣ угодно въ предѣлахъ Россійской Имперіи, кромѣ столицъ, а около столицъ даже мимо проѣзжать запрещено. Сегодня же написалъ я моимъ друзьямъ въ Петербургъ объ этой катастрофѣ и въ ожиданіи будущихъ благъ, поселился въ Нижнемъ Новгородѣ.

Мнѣ здѣсь пока хорошо. Нижегородская аристократія принимаетъ меня радушно и за работу платитъ, не торгуясь, 25 рублей серебромъ за портретъ, нарисованный карандашомъ. Деньги у меня есть. Костюмъ себѣ построилъ перваго сорта, начиная съ голандскаго бѣлья, и въ добавокъ запустилъ бороду, настоящее помело. Теперь мнѣ только не достаетъ столицы, а то все, слава Богу, имѣю, начиная съ здоровья. Столицу я не раньше надѣюсь увидать, какъ черезъ годъ. И я теперь не знаю, что мнѣ дѣлать съ письмами Кирѣевскаго и съ вашей довѣренностью. Напишите мнѣ.

Весело ли у васъ? Здорова ли Агафья Емельяновна? Здоровы ли мои большіе друзья Наташенька и Наденька? Не посылаю имъ гостинца, потому что Нижній Новгородъ безъ ярмарки та же деревня, еще хуже по дороговизнѣ самыхъ необходимыхъ вещей.

Газетныя новости вамъ извѣстны, о нихъ и говорить нечего, а не газетныя не стоютъ того, чтобъ о нихъ говорить. Занимаетъ теперь всѣхъ самый животрепещущій вопросъ о томъ, какъ освободить крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія. Съ новымъ годомъ ожидаютъ правительственныхъ распоряженій по этому вопросу.

Прощайте, Ираклій Александровичъ! Желаю вамъ здоровья и счастія. Цалую отъ души моихъ большихъ друзей Наташеньку

и Наденьку и свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Агафьѣ Емельяновнѣ и остаюсь благодарный вамъ Т. Шевченко.

Кланяюсь я Жуйковымъ, Бурцевымъ и моему старому, незабвенному другу Мостовскому [1]).

II.

Многоуважаемый Ираклій Александровичъ!

Письмо Ваше отъ 7 января получилъ я 15 февраля, за которое приношу вамъ искреннюю благодарность и за письмо стараго моего друга Черноморца Кухаренка приношу такую же вамъ искреннюю благодарность. Сердечно радуюсь благополучію вашему, Агафьи Емельяновны и здоровью моихъ милыхъ и малыхъ друзей Наташеньки и Наденьки. Наденька, я думаю, уже бѣгаетъ, какъ бы мнѣ хотѣлось ее потютюшкать! А моя умница, красавица Наташенька вспоминаетъ ли своего друга, дядю Тараса Горича? Сердечно жалѣю, что не могу ничѣмъ ей напомнить о себѣ. Нижній Новгородъ безъ ярмарки настоящая деревня. Хуже, потому что обыкновенные сельскіе продукты до-

---

1) На это письмо, полученное Усковымъ 5 января 1858 г., Тарасъ Григорьевичъ получилъ отвѣтъ съ разными порученіями со стороны коменданта:

7 января 1858 года. Новопетровское.

Какъ я радъ, добрѣйшій Тарасъ Григорьевичъ, что вы догадались остаться въ Н. Новгородѣ и сождать тамъ результата рѣшенія изъ Оренбурга. Я второпяхъ забылъ вамъ вложить письмецо, а главное сомнѣвался, чтобы моя бумага застала васъ въ Нижнемъ. Этотъ скотина Михальскій, завѣдывающій въ отсутствіе Львова батальономъ, написалъ галематьи на счетъ вашего увольненія и чрезъ это подвергъ меня большимъ непріятностямъ: корпусный командиръ, получивши отъ меня донесеніе на счетъ увольненія вашего въ Петербургъ, вопреки сдѣланнаго имъ распоряженія, прислалъ мнѣ строгій выговоръ и написалъ отъ себя въ обѣ столицы, чтобы вамъ объявить о Высочайшей волѣ. Я теперь радъ, по крайней мѣрѣ, что васъ не потребовали въ Оренбургъ и что вы можете пользоваться свободой ѣхать, куда угодно. Кстати, я получилъ отъ Еленева письмо къ вамъ отъ Кухаренка, и при семъ его прилагаю.

Письма Кирѣевскаго, пожалуйста, пришлите ко мнѣ съ конвертами, какъ они есть. Я думаю послать ихъ къ его отцу, а тамъ посмотрю, что будетъ.

роже, нежели въ селѣ. Городъ просто самъ по себѣ дрянь. Семь лѣтъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи мнѣ не казались такъ длинны, какъ въ Нижнемъ эти пять мѣсяцевъ. Это значитъ перепутье. На рождественскихъ святкахъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ гости изъ Москвы мой старый другъ Михайло Семеновичъ Щепкинъ (извѣстный актеръ). Теперь я думаю отдать ему старику визитъ. Онъ мнѣ сдѣлалъ честь, какой немногіе удостоились отъ знаменитаго старца. На будущей недѣлѣ думаю навсегда оставить Нижній Новгородъ, прожить до весны подъ Москвой у сына Щепкина, а весною, если не разрѣшатъ мнѣ жить въ столицахъ, поѣду въ Харьковъ, въ Кіевъ, въ Одессу и за границу. Богъ съ ними и съ столицами! Деньжонокъ уже накопилось столько, что безбѣдно можно прожить года три за границею, а тамъ—что Богъ дастъ. Не погибъ въ неволѣ, не погибну и на волѣ, говоритъ малороссійская пѣсня.

Какова у васъ зима нынѣшній годъ? Здѣсь ужасно много снѣгу, а морозовъ сильныхъ еще не было. Письмо мое вы по-

---

Можетъ быть еще вамъ же придется выручать мои деньги, если будете въ Петербургѣ.

Я увѣренъ, что вы не прервете со мною переписки, по старому знакомству. Если будете въ Кіевѣ, то побывайте у моего дяди полковника Матвѣя Яковл. Ускова, онъ живетъ на Подолѣ, противъ Набережнаго Николая, въ собств. домѣ.

Итакъ, дай вамъ Богъ успѣховъ въ вашихъ занятіяхъ живописью. Радуюсь отъ души, что вы имѣете хорошій пріемъ въ Нижнемъ.

Меня надулъ подлецъ Чернягинъ и выслалъ объективы и вещи прескверныя, и сверхъ того отъ небрежной укупорки большая часть изъ нихъ попорчена и побита. Г. Лазаревскій даже не потрудился посмотрѣть вещи и только написалъ мнѣ, что онъ просилъ Чернягина скорѣй отправить ко мнѣ посылку. Это мнѣ весьма не было въ пользу.

Жена моя и дѣти, слава Богу, здоровы и вамъ кланяются. И такъ, прощайте Тарасъ Григорьевичъ! не забывайте насъ и пишите; намъ всегда будетъ пріятно получать отъ васъ вѣсточки, какъ отъ стараго пріятеля.

Преданный вамъ И. Усковъ.

P. S. Хропачевскій въ Уральскѣ женился на распутной вдовѣ эсаульшѣ. Мостовскій, Бурцевы и Жуйковы вамъ кланяются.

лучите не раньше праздника Воскресенія Христова, то я и поздравляю васъ съ этимъ свѣтлымъ праздникомъ и отъ души цѣлую васъ всѣмъ: и Катю, и няню, и въ особенности большихъ друзей моихъ Наташеньку и Наденьку. Пошли имъ Богъ здоровья!

Прощайте, многоуважаемый Ираклій Александровичъ, не забывайте искренняго вашего Т. Шевченка.

P. S. Если получу фотографическій портретъ—пришлю, а вы мнѣ пришлите собственнаго издѣлія портреты друзей моихъ Наташеньки и Наденьки. А письмо ваше адресуйте на имя М. С. Щепкина въ Москву, въ контору императорскихъ театровъ.

Цѣлую Жуйкова съ благовѣрною и Бурцова съ благовѣрною же, а старого полыводу Мостовскаго безъ благовѣрной три раза цѣлую.

1858 года февраля 17.

Съ боку приписка: Поздравляю Агафью Емельяновну съ прошедшимъ днемъ ангела [1]).

III.

Іюля 4, 1858.

Многоуважаемый Ираклій Александровичъ!

Наконецъ я добрался до Петербурга и до завѣтнаго Павловска. Но Павловскъ, увы! не обѣщаетъ ничего хорошаго. Три раза, впродолженіе одной недѣли, побывалъ я въ Павловскѣ и три раза стучался напрасно у дверей вашего честнаго и въ добавокъ высокоблагороднаго комиссіонера. Онъ никого не принимаетъ потому, что къ нему, кромѣ заимодавцевъ, никто не заходитъ. О пребываніи моемъ въ Петербургѣ онъ узналъ отъ генерала Бюрно, съ которымъ я встрѣтился въ Павловскѣ же

Упомянутое въ настоящемъ письмѣ И. А. Ускова письмо черноморца Кухаренка, автора драматическаго произведенія „Черноморскій Побытъ“, будетъ помѣщено на страницахъ „Кіевской Старины“ вмѣстѣ съ другими письмами его къ Т. Г. Шевченку, въ числѣ шести, изъ коихъ одно относится къ 1844 году, а остальныя пять къ 1856—1860 годамъ.—Отвѣтныя же письма И—ка можно найти въ „Основѣ“.

[1]) На это второе письмо отвѣта не послѣдовало.

и имѣлъ неосторожность разсказать ему о сдѣланномъ мнѣ вами порученіи. А Киріевскій, ловкій шарлатанъ, смекнулъ дѣломъ и не велѣлъ меня принимать. А случайно гдѣ то встрѣтившись съ Марковичемъ, увѣрялъ его, что онъ зимнимъ путемъ еще выслалъ вамъ отличнѣйшій фотографическій аппаратъ со всѣми принадлежностями; даже много лишняго выслалъ. Подлецъ! и въ добавокъ неловкій.

Довѣренность ваша не по формѣ написана и Михайло Матвѣевичъ говоритъ, что она не можетъ имѣть никакой силы. Попробуйте написать его матери; она живетъ въ Павловскѣ, вмѣстѣ съ нимъ, въ собственномъ домѣ. За успѣхъ ручаться нельзя, а попробовать можно.

Посылка ваша сегодня же отправляется. Кажется вы получите все требуемое исправно и лучшаго свойства. Я посылаю вамъ „Губернскіе очерки“, письма (Киріевскаго) и вашу довѣренность, а вы мнѣ пришлите двѣ чорныя мерлушки, чѣмъ премного обяжете, и адресуйте вашу посылку на имя М. М. Лазаревскаго.

Въ Питерѣ мнѣ хорошо пока. Квартирую я въ самой академіи. Товарищи—художники меня полюбили, а безчисленные земляки меня просто на рукахъ носятъ. Однимъ словомъ, я совершенно счастливъ.

Какъ то вы тамъ поживаете? Что мои великіе друзья подѣлываютъ? Наденька, я думаю, уже бѣгаетъ, а Наташа читаетъ. А басенъ Крылова все таки не издаютъ съ порядочными картинками. Посылаю вамъ свой плохой портретъ, снятый съ натуры въ Петербургѣ. Каковъ вашъ садъ? Нынѣшнее лѣто у васъ должно быть много винограду и абрикосовъ.

Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Агафьѣ Емельяновнѣ, цѣлую отъ всего сердца моихъ большихъ друзей и остаюсь уважающій васъ Т. Шевченко.

Кланяюсь Бажановымъ, Жуйковымъ и старому волокитѣ Мостовскому [1]).

---

[1]) Отправивъ это письмо, Т. Гр. получилъ отъ коменданта Ускова еще два письма, и затѣмъ переписка между ними прерывается. Усиленныя занятія

Вотъ все, что сохранилось изъ переписки Шевченка съ Усковымъ. Тяжело было семьѣ коменданта услышать о преждевременной кончинѣ Тараса Григорьевича. Четыре съ половиною года, прожитые съ нимъ вмѣстѣ, тѣсно связали ихъ и навсегда оставили о Т. Гр. свѣтлыя воспоминанія. Нѣкогда „милая умница

гравюрой, исполненная тревогъ поѣздка въ Малороссію, хлопоты о покупкѣ усадьбы и постройкѣ дома, заботы о выкупѣ родныхъ изъ крѣпостной неволи, перипетіи по случаю неудавшагося сватанья и эта вѣчная сутолока столичной жизни—все это совершенно заслонило отъ нашего поэта скромные образы добродушной семьи коменданта.

Вотъ эти письма:

1.

20 августа 1858 г. (наше укрѣпленіе переименовано въ *фортъ Александровскій*).

Добрѣйшій нашъ Тарасъ Григорьевичъ!

Какъ мы рады, что вы наконецъ достигли цѣли вашихъ искреннихъ желаній и теперь въ Питерѣ. Слава Богу! Жена моя и дѣти чрезвычайно обрадовались, получивши вашъ портретъ. Наташа сейчасъ узнала васъ, хоть портретъ не совсѣмъ удался, но похожъ.

Я зналъ, что вы не сладите съ мошенникомъ Киріевскимъ, но по крайней мѣрѣ узнайте и напишите, какъ зовутъ его мать и какъ ей адресовать, а также отца. Я имъ всѣмъ хочу написать почетныя письма, какъ пишутъ обыкновенно такимъ людямъ, у которыхъ ни на волосъ нѣтъ совѣсти. Я деньги считаю уже пропавшими; по крайней мѣрѣ доставьте мнѣ случай разругать подлецовъ.

За присылку книги «Губернскіе очерки» премного благодаренъ, а мерлушки вышлю непремѣнно. И вы насъ не забывайте. Наташа начинаетъ читать, а Надя бѣгаетъ. Все, слава Богу! Наташа все собирается писать къ вамъ, но говоритъ, что перо нехорошо—не пишетъ: она, какъ обезьяна полагаетъ, что съ очками можно читать, не учившись.

Садъ намъ нынѣшній годъ уродилъ; много абрикосовъ и персиковъ, но винограду мало. Посылку отъ Нагорѣцкаго я получилъ въ исправности, но онъ не всѣ мнѣ вещи выслалъ, о которыхъ я писалъ, вѣроятно, потому что не достало денегъ. Чернягинъ не досталъ мнѣ воронокъ и стеколъ (для фотографій) и еще осталось у него немного моихъ денегъ, не знаю почему не присылаетъ.

Прощайте! Не забывайте всегда преданнаго вамъ И. Ускова.

Наташенька“ и въ настоящее время не можетъ вспомнить безъ слезъ своего лучшаго друга дѣтства, дядю Тараса Горича.

Полковникъ И. А. Усковъ занималъ должность коменданта Новопетровскаго укрѣпленія (переименованнаго въ 1858 году въ „Александровскій фортъ“, а въ 1865 году упраздненнаго и срытаго) до 1865 года. Затѣмъ, выйдя въ отставку, поселился сперва въ Саратовѣ, а потомъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 15 іюля 1882 г., не оставивъ никакихъ записокъ, касательно жизни Шевченка.

Н. Зарянко

2.

Добрѣйшій Тарасъ Григорьевичъ!

Вмѣстѣ съ этимъ я послалъ къ вамъ пять мерлушекъ, изъ нихъ нѣкоторыя попорчены немного молью, но эти мѣста можно вырѣзать, и потому то вамъ, вмѣсто трехъ, посылаю пять. Лучшихъ нельзя было достать: ихъ обыкновенно привозятъ только весной.

Я писалъ почтеннѣйшему Михаилу Матвѣевичу, чтобы онъ взялъ отъ Чернягина оставшіяся у него за камеру деньги 2 р. 44 коп., и кромѣ того, онъ не дослалъ мнѣ всего, что требовалось.

Агафья Емельяновна и мои дѣти, ваши искренніе друзья, вамъ кланяются и желаютъ всего лучшаго для васъ въ свѣтѣ. Не забывайте насъ, Т. Гр., пишите, будетъ грѣхъ вамъ забывать людей, которые всегда питали къ вамъ теплыя, искреннія чувства. Не пишите часто: этого нельзя требовать при вашихъ теперешнихъ занятіяхъ,—но хоть изрѣдка, только бы знать намъ о васъ, гдѣ вы находитесь и какъ поживаете.

Остаюсь искренно преданный вамъ И. Усковъ.

9 сентября 1858 года
фортъ Александровскій.

РУССКІЯ КОЛОНІИ ВЪ ДОБРУДЖѢ.[1)]

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

II.

Нынѣшнія поселенія въ Добруджѣ.—Количество украинскаго населенія и расположеніе его.—Занятія—рыболовство и хлѣбопашество.—Городское населеніе, ремесла.—Рабочіе.—Бытовая обстановка.—Отношенія къ прочимъ народностямъ.

Перейдемъ къ нынѣшнему украинскому населенію Добруджи и устьевъ Дуная. Вполнѣ точное опредѣленіе количества этого населенія въ настоящее время врядъ ли возможно, такъ какъ во время турецкаго владычества въ Добруджѣ, ни о какой сколько нибудь правильной статистикѣ не могло быть и рѣчи,—теперь же, когда этотъ край присоединенъ къ Румыніи, т. е. съ 1879 г. исчисленіе населенія хотя и началось, но находится въ далеко еще несовершенномъ видѣ. Это, впрочемъ, не очень и легкая вещь, такъ какъ населеніе Добруджи, кромѣ величайшей разношерстности, отличается еще чрезвычайной подвижностью. Здѣсь живетъ много грековъ, пріѣзжающихъ сюда по торговымъ дѣламъ и остающихся въ странѣ на довольно долгое время, затѣмъ еще большее количество болгаръ, жителей главнымъ образомъ Македоніи и Восточной Румеліи, держащихъ здѣсь свои стада и пребывающихъ въ Добруджѣ большую часть года, очень много моканъ, т. е. трансильванскихъ румынъ, тоже занимающихся здѣсь скотоводствомъ и населяющихъ цѣлыя деревни, потомъ достаточное количество эмигрирующихъ туда и сюда

[1)] См. „Кіев. Стар.“ 1889 г., январь.

татаръ, турокъ, албанцевъ, славуновъ, т. е. далматинцевъ, черногорцевъ, сербовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, наконецъ, евреевъ и т. д. Понятно, что при такомъ количествѣ и пестротѣ подвижнаго населенія, правильная статистика была бы не легка и для болѣе цивилизованныхъ странъ, чѣмъ Турція и Румынія. Вслѣдствіе этого и относительно украинскаго населенія Добруджи мы должны довольствоваться только цифрами болѣе или менѣе приблизительными, извлекая ихъ отчасти изъ напечатанныхъ отчетовъ румынскихъ префектовъ, отчасти же восполняя недостающее разспросами и соображеніями. При этомъ благопріятнымъ для нашей цѣли обстоятельствомъ является то, что по румынской статистикѣ южноруссы (rusi) всегда почти строго отдѣляются отъ великоруссовъ (lipoveni). Наибольшее смѣшеніе можетъ произойти отъ причисленія въ рубрику rusi—молоканъ, но это не составляетъ большой разницы, такъ какъ количество этихъ послѣднихъ въ Добруджѣ очень невелико, а именно не превышаетъ 40—50 семействъ,—и то почти исключительно въ г. Тульчѣ. Такимъ образомъ, по оффиціальной статистикѣ [1]), не обнимающей всей Добруджи, и по инымъ дополнительнымъ справкамъ, количество украинскаго населенія этой страны, вмѣстѣ со всѣмъ пространствомъ дунайской дельты, можно считать доходящимъ по самой меньшей мѣрѣ до *десяти тысячъ* человѣкъ [2]).

Принимая же во вниманіе, что въ эту цифру не входитъ часть населенія о—ва Лети, бродячее рыболовно-бурлацкое населеніе дунайской дельты, а отчасти и добруджскихъ лимановъ

[1]) Expunerea, Situatiunei plasilor Sulina, Babadag, Tulcea si Macin din judetul Tulcea. Tulcea. 1881.

[2]) Городъ Тульча—около 2500 д., тульчанскій округъ—1651 д., сулинскій округъ—3060 д., бабадагскій—495 д. и мачинскій около 2300 д. При этомъ главными центрами украинскаго населенія являются: въ тульчанскомъ округѣ—г. Тульча, Муругиль (244 д.), Верхній Дунавецъ (бывшая Сѣчь—132 д.), Нижній Дунавецъ (160), Телица (около 500 д.), въ бабадагскомъ округѣ—Сатуновъ (150), Черкасская Слава (188 д.), въ сулинскомъ округѣ—г. Сулина (775 д.), Старая Килія (1325 д.), Сатуновъ (355), Катирлезъ (325 д.), Кара-Орманъ (260 д.). Изъ нихъ исключительно украинскими можно считать: Муругиль, оба Дунавца, Телицу, Черкасс. Славу, Ст. Килію, Катирлезъ, Сатуновъ, Кара-Орманъ, въ прочихъ же поселеніяхъ украинскій элементъ входитъ только какъ составная часть.

и, наконецъ, населеніе украинскихъ селъ подъ Силистріей, о которомъ намъ также не удалось добыть сколько нибудь точныхъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что села эти входятъ въ составъ нынѣшняго болгарскаго княжества, все украинское населеніе за Дунаемъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, полагать никакъ не меньшимъ 12—15000 д., что составляетъ около 15% всего населенія страны, въ которой, кромѣ развѣ болгаръ, нѣсколько преобладающихъ по численности, всѣ прочіе элементы находятся почти въ одинаковомъ другъ къ другу отношеніи. Въ частности преобладающимъ элементомъ въ сулинскомъ округѣ (именно въ г. Сулинѣ) оказываются греки, въ тульчинскомъ—румыны и болгары, въ бабадагскомъ—болгары и турки, въ дельтѣ же Дуная за исключеніемъ Сулины,—во всякомъ случаѣ, руснаки и липоване. Такимъ образомъ интенсивность украинскаго населенія наибольшей степени достигаетъ въ дунайской дельтѣ, гдѣ оно замѣтно преобладаетъ надъ прочими элементами, и затѣмъ постепенно уменьшается, по мѣрѣ удаленія къ западу. Но ни въ дунайской дельтѣ, ни въ восточной Добруджѣ, украинцы, живя отдѣльными селами, какъ мы однажды замѣтили, нигдѣ не составляютъ вполнѣ сплошнаго населенія цѣлой мѣстности, хотя бы даже на не особенно большомъ пространствѣ, и вездѣ болѣе или менѣе перемѣшаны съ населеніемъ другихъ національностей. Такое разселеніе украинскихъ колонистовъ обусловливалось, разумѣется, прежде всего самымъ ходомъ и условіями колонизаціи; этимъ же, въ связи, разумѣется, съ характеромъ мѣстности, обусловливается и то, что восточныя украинскія поселенія сохранили и до настоящаго времени рыболовство въ качествѣ своего главнаго занятія и средства къ жизни, въ восточныхъ же господствуетъ почти исключительно одно земледѣліе. Жители Катирлеза, о—ва Лети, большая часть жителей Кара-Ормана и Киліи занимаются исключительно однимъ рыболовствомъ, жители же Муругиля, обоихъ Дунавцевъ, отчасти Кара-Ормана и Киліи и даже въ извѣстной степени самой Тульчи—занимаются лѣтомъ хлѣбопашествомъ, осенью же и зимою рыболовствомъ; жители Телицы и другихъ горныхъ и степныхъ селеній—исключительно однимъ земледѣліемъ.

Вполнѣ самостоятельное рыболовство въ сколько нибудь крупныхъ размѣрахъ встрѣчается у руснаковъ только въ Катирлезѣ и отчасти въ нѣкоторыхъ другихъ близкихъ къ морю деревняхъ. Это такъ назыв. *кармашные заводы*. Во время существованія въ Дунавцѣ запорожской сѣчи, большая часть рыболовныхъ заводовъ, технически ничѣмъ, кажется, не отличавшихся отъ нынѣшнихъ, принадлежала сѣчевымъ куренямъ, и слѣдовательно, составляла вполнѣ общинное предпріятіе. Но уже и въ то время, въ эту область начала врываться частная предпріимчивость, съ уничтоженіемъ же задунайской сѣчи и съ паденіемъ запорожской общины, рыболовныя заводы стали исключительно дѣломъ частныхъ предпринимателей, изъ людей владѣющихъ достаточными средствами для веденія этого, нужно сказать, довольно рискованнаго промысла; впрочемъ, по отношенію къ рабочимъ, заводы эти и по настоящее время сохраняютъ еще извѣстный общинно-артельный характеръ. Въ настоящее время *кармаки* (т. е. длинныя осмоленныя веревки съ крючьями) растягиваемыя на шестахъ по песчанымъ отмелямъ вдоль морскаго берега, преимущественно же противъ устьевъ Дуная, для лова исключительно красной рыбы (бѣлуги, осетра, севрюги, стерляди и т. п.) принадлежатъ только болѣе или менѣе крупнымъ хозяевамъ, которые принимаютъ большую часть своихъ рабочихъ (занимающихся именно ловлей рыбы) съ полу-пая, т. е. въ качествѣ участниковъ предпріятія съ половинной доли всего улова, при чемъ кормъ и вообще содержаніе рабочихъ вычитается изъ ихъ половины. Такимъ образомъ сумма, выручаемая отъ всего улова, дѣлится пополамъ между хозяиномъ и артелью, или „ватагой“ рабочихъ, которыхъ всегда бываетъ опредѣленное количество. Кромѣ кармашниковъ, т. е. рабочихъ, ловящихъ рыбу, на каждомъ заводѣ есть еще рѣзальщики, солильщики и т. п., которые работаютъ по найму отъ хозяина и получаютъ помѣсячную или посезонную плату, не участвуя, подобно кармашникамъ, въ выгодѣ и рискѣ предпріятія. Въ прѣсноводномъ рыболовствѣ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ видовъ его, получившій уже вполнѣ капиталистическій характеръ, составляютъ такъ наз.

ерики (слово, занесенное въ Добруджу некрасовцами), т. е. небольшіе, по большей части искусственные, протоки, соединяющіе лиманы или озера съ рѣкой, откуда рыба переходитъ весной въ эти лиманы для метанія икры, а подъ осень вылавливается въ такъ назыв. *гардахъ*, т. е. перегородкахъ, замыкающихъ эти ерики. На ерикахъ, большинство которыхъ принадлежитъ впрочемъ липованамъ, искуснѣйшими спеціалистами этого дѣла, такъ наз. *гардаджи*, бываютъ обыкновенно старые, опытные руснаки. Въ ерикахъ ловится, главнымъ образомъ, рыба изъ породы карповъ. Этого же рода рыба ловится и въ большихъ лиманахъ, какъ напр. въ Разинѣ, бабадагскомъ лиманѣ, въ лиманахъ къ с. з. отъ Тульчи и проч., посредствомъ очень большихъ неводовъ, такъ наз. *матулъ*, принадлежащихъ также обыкновенно частнымъ предпринимателямъ, принимающимъ рабочихъ тоже съ полу-пая. Кромѣ этихъ видовъ крупнаго рыболовства, существуетъ еще довольно много видовъ мелкаго: *авами*, *китцями*, *вентерями*, и проч., болѣе или менѣе доступныхъ уже каждому, требующихъ сотрудничества не болѣе 2—4—6-ти человѣкъ и практикуемыхъ почти всѣми жителями Добруджи, гдѣ только есть вода. Ловля рыбы кармаками производится, какъ мы сказали, въ Катирлезѣ, отчасти возлѣ Сулины и вообще по побережью Чернаго моря, ерики разбросаны по всей дунайской дельтѣ вдоль теченія гирлъ, матульные же заводы передвигаются съ мѣста на мѣсто, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ лимана Разина и по прочимъ лиманамъ.

Катирлезскіе рыбопромышленники — народъ, по большей части, довольно богатый, живутъ въ хорошихъ хатахъ, напоминающихъ наши мѣщанскіе домики, имѣютъ спеціальныя постройки для соленія и склада рыбы и ведутъ свое дѣло въ видѣ спеціальнаго промысла, не занимаясь больше никакими посторонними предпріятіями. Ерики содержатся тоже людьми болѣе или менѣе состоятельными, но уже больше въ видѣ побочнаго промысла и принадлежатъ, какъ было сказано, по большей части купцамъ—липованамъ, украинцы же являются въ этомъ промыслѣ чаще всего только въ качествѣ спеціалистовъ—гардаджи. Еще болѣе второстепенную роль занимаютъ украинскіе рыбалки

въ матулахъ, которыхъ владѣльцами бываютъ греки и липоване и въ которыхъ изъ украинцевъ бываютъ только рабочія артели, начиная съ первыхъ лицъ каждой такой артели—*атамана* и его помощника—*карлаша* и кончая обыкновенными матульняками, рѣзальщиками, солильщиками и кухарями. Это отчасти народъ семейный и иногда довольно достаточный, отчасти же, особенно простые матульняки, рѣзальщики и т. п., почти совершенно голые бурлаки, точно такіе же, какъ и рабочіе кармашники. Это народъ, по большей части, довольно молодой и здоровый, почти всегда въ буквальномъ смыслѣ голый (до того въ буквальномъ смыслѣ, что весь костюмъ ихъ иногда доходитъ до куска старой сѣти „матулы", обернутой вокругъ бедеръ на подобіе костюмовъ акробатовъ, исключая трико), не имѣющій никакого пристанища, кромѣ камышевой „калибы" на рыбномъ заводѣ и кабака, когда ловля рыбы прекращается. Въ началѣ каждаго рыболовнаго сезона, весь этотъ оборванный сбродъ начинаетъ въ очень большомъ количествѣ собираться въ особо излюбленныхъ ими шинкахъ Тульчи и Катирлеза, туда же являются и хозяева рыбныхъ заводовъ и тамъ заключаются сдѣлки на сезонъ. Обыкновенно артель рекрутируется атаманомъ и карлашемъ, которые пріискиваются хозяиномъ заранѣе, но всегда въ присутствіи послѣдняго, такъ какъ онъ выдаетъ поступающимъ въ матулу задатки и выкупаетъ ихъ вещи изъ шинковъ или покупаетъ новыя, въ счетъ будущаго заработка. Почти всегда, получивши задатокъ или вещи, матульнякъ отправляется сейчасъ же въ другой шинокъ, закладываетъ все полученное и, спустивши все тутъ же, начинаетъ искать новаго хозяина, для того, чтобы съ нимъ въ свою очередь продѣлать то же самое. Продолжается это до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, всѣми правдами и неправдами хозяинъ съ атаманомъ не соберутъ всей матулы, т. е. 12 человѣкъ неводчиковъ и 4—6-ти рѣзальщиковъ и солильщиковъ и не отправятъ ихъ на заводъ, откуда впрочемъ тоже нерѣдко бываютъ побѣги, съ похищеніемъ разныхъ вещей. Герои всѣхъ этихъ продѣлокъ, матульняки представляютъ собой очень часто типы въ высшей степени оригинальные: случалось встрѣчать между ними людей бывавшихъ въ гимназіяхъ и семинаріяхъ,

говорившихъ когда то по французски, по нѣмецки, кое что читавшихъ и радовавшихся возможности добыть книжекъ, находясь даже въ матулѣ. Народъ этотъ по большей части безъ роду и племени, бѣжавшій изъ Россіи, иногда вслѣдствіе очень серьезныхъ преступленій, видѣвшій всевозможные виды и, наконецъ, „замотавшійся въ матулу“. Приходитъ однажды къ доктору одинъ изъ такихъ „сиромахъ“—старикъ уже, но очень крѣпкій, хотя и хронически полупьяный: по разспросамъ оказывается, что онъ былъ когда то чѣмъ то при Садыкъ-пашѣ (Чайковскомъ), затѣмъ какимъ то чиновникомъ, а потомъ гдѣ то поваромъ и грамотѣ кого то училъ и вставляетъ въ свой довольно книжный разговоръ латинскія фразы и т. д...—Ну, а теперь же вы какъ?—„Въ настоящее время состою-съ при матулѣ!..“ Этимъ, разумѣется, уже все сказано. Судьба этихъ матульняковъ обыкновенно бываетъ очень незавидна: страшный физическій трудъ, при самыхъ невыгоднѣйшихъ условіяхъ, жизнь среди болота и плавней, въ мѣстности крайне лихорадочной, постоянное пьянство, драки, наконецъ, сифилисъ очень быстро разрушаютъ часто желѣзные организмы этихъ послѣднихъ эпигоновъ украинской „сиромашни“ и сводятъ ихъ преждевременно въ могилу. Довольно сносный, а очень часто и совсѣмъ хорошій заработокъ всегда пропивается, иногда даже раньше его полученія, и матульняки, даже пожилые, очень рѣдко дѣлаются самостоятельными хозяевами, а обыкновенно или умираютъ, или просто исчезаютъ какъ то неизвѣстно куда.

Совершенно иное представляетъ собой земледѣльческое украинское населеніе Добруджи. Мы упоминали уже о томъ, что въ зависимости отъ рода своихъ занятій, позднѣйшіе эмигранты изъ Украины селились болѣе на западной сторонѣ Добруджи, вверхъ по Дунаю. Благодаря малой населенности этой мѣстности и отсутствію всякой регламентаціи со стороны турецкаго правительства, переселенцы имѣли полную возможность занимать подъ поля столько земли, сколько каждая семья хотѣла или могла обработать. „Населяющія Добруджу народности, говоритъ Петерсъ, живутъ на основаніи законовъ, управляющихъ всѣми подданными В. Порты, и въ частности на основаніи но-

выхъ колонизаціонныхъ патентовъ, которые, подобно всѣмъ новѣйшимъ законамъ Турціи, отличаются большимъ либерализмомъ. Безплатно надѣляемые участки земли остаются въ теченіи 6-ти лѣтъ свободными отъ всякихъ поземельныхъ платежей въ казну (при чемъ колонисты освобождаются и отъ взноса подати, взамѣнъ военной повинности) и затѣмъ по истеченіи 20 лѣтъ переходятъ въ полную собственность колониста“ [1]). Такъ дѣло шло почти до самаго послѣдняго времени—теперь же, хотя румынское правительство и начало уже регулировать поземельныя отношенія, но, несмотря даже на то, что оно зачислило большую часть земель въ государственныя имущества и раздаетъ эти земли колонистамъ уже съ нѣкоторою осмотрительностью и на извѣстныхъ болѣе тяжелыхъ условіяхъ,—преселенцы даже и въ послѣднее время получаютъ довольно значительныя количества земли, сравнительно почти даромъ. Въ зависимости отъ всего этого, украинское населеніе Добруджи пользуется весьма достаточными земельными участками: въ Верх. Дунавцѣ, напр. селенія, гдѣ жители занимаются земледѣліемъ только на половину, такъ какъ всѣ они въ то же время и рыбопромышленники, на 52 семьи приходится 32000 дюлюмовъ (дюлюмъ—40 кв. метровъ) пахатныхъ полей, что составляетъ около 6-ти десятинъ на дворъ. При этомъ нужно принять во вниманіе, что здѣсь дѣло идетъ только о пахатной землѣ, независимо отъ сѣнокосовъ, пастбищъ и лѣса, которые по сохраняющимся еще отъ турецкаго времени обычаямъ, считаются казенными и на извѣстныхъ основаніяхъ (т. е. подъ надзоромъ сельскихъ властей) находятся въ почти безплатномъ пользованіи всѣхъ хозяевъ (взымается, напр., за пользованіе лѣсомъ только ничтожная плата за билетъ). На восточной части Добруджи поземельные участки гораздо значительнѣе и очень нерѣдко, даже, можно сказать, среднимъ числомъ, доходятъ до 10—15 дес. на семью. Вслѣдствіе этого уровень благосостоянія украинскихъ переселенцевъ за Дунаемъ можно назвать очень высокимъ, несмотря на довольно серьезные налоги, введенные въ послѣднее время румынскимъ правительствомъ. Въ

[1]) Peters. S. 131.

заброшенномъ между моремъ и болотами Катирлезѣ, гдѣ буквально ни одна душа не занимается земледѣліемъ, большая половина семей имѣетъ по волу и на каждое хозяйство приходится по 4 коровы, не считая мелкаго скота. Въ Телицѣ почти каждая семья имѣетъ по парѣ воловъ и по лошади, вообще же на каждое хозяйство приходится по 5-ти штукъ крупнаго скота и по столько же штукъ мелкаго, кромѣ того почти всѣ имѣютъ *баши*, т. е. виноградники, табачныя плантаціи (особенно до введенія монополіи), сады и т. п. Система хозяйства въ Добруджѣ почти такая же, какъ и у насъ на Украинѣ, при чемъ поля тоже распредѣляются такъ, чтобы въ каждой смѣнѣ у каждаго хозяина былъ свой участокъ. Такъ, въ Телицѣ, напр., пахатныя поля, находящіяся по обѣимъ сторонамъ села, обрабатываются по очереди черезъ годъ, и въ каждой половинѣ всякій хозяинъ имѣетъ свой участокъ. Виноградники находятся почти всегда внѣ села, по большей части на южныхъ склонахъ горъ и обыкновенно въ одномъ мѣстѣ. Иногда они бываютъ расположены довольно далеко отъ селъ, на разстояніи даже нѣсколькихъ верстъ. Земля (въ западной части Добруджи суглинокъ, а въ восточной—чистый и глубокій черноземъ) вовсе не истощена еще и очень плодородна, обрабатывается она почти исключительно плугомъ, при чемъ вліяніе нѣмецкихъ колонистовъ въ послѣднее время способствуетъ введенію болѣе легкихъ и практичныхъ плужковъ, новаго устройства. Это вліяніе нѣмцевъ отразилось также и на формѣ повозокъ: теперь въ Добруджѣ только развѣ у турокъ удержались еще маленькіе возики, въ родѣ нашихъ малороссійскихъ, обыкновенно же употребляются повозки нѣмецкой или скорѣе венгерской конструкціи, напоминающія большія польскія брички, всегда на желѣзныхъ осяхъ (получаемыхъ изъ Австріи) и очень прочно окованныя. Ходъ обработки земли вообще такой же, какъ и у насъ въ Украинѣ, съ той только разницей, что молотьба производится не цѣпами, какъ у насъ, а на такъ наз. *гарманахъ*, которые впрочемъ встрѣчаются и у насъ въ Новороссіи. Гарманъ—это круглый токъ съ столбикомъ посрединѣ, къ которому привязываются лошади; на этомъ току раскладываютъ снопы и выбиваютъ изъ нихъ зерна, гоняя

по току лошадей. За отсутствіемъ надлежащаго количества лошадей, употребляютъ на гарманѣ такъ наз. *бутукъ*, т. е. деревянный или каменный цилиндръ съ рубцами вдоль оси, который парою лошадей, а иногда и одною таскаютъ по разбросаннымъ снопамъ. Такимъ образомъ молотятъ пшеницу, рожь, овесъ, ячмень и проч. Кромѣ этихъ хлѣбныхъ растеній, въ добруджскомъ хозяйствѣ играетъ также очень важную роль кукуруза (папушой), которую разводятъ въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ у насъ, хотя все таки меньше, чѣмъ въ Румыніи. Способы воздѣлыванія винограда и приготовленія вина очень еще примитивны, благодаря чему вино получается только самое обыкновенное, не особенно высокаго качества, хотя виноградъ очень хорошъ и, при усовершенствованныхъ способахъ производства, могъ бы давать вино гораздо лучшее. Виноградный сокъ обыкновенно выжимаютъ ручными прессами „тисками“, имѣющимися почти у каждаго хозяина, владѣющаго сколько нибудь порядочной багой. Учителями нашихъ украинцевъ въ виноградствѣ были болгары и отчасти турки—тѣ и другіе великіе мастера по части всякаго садоводства и огородничества. Между прочимъ болгары познакомили нашихъ переселенцевъ и съ восточнымъ способомъ орошенія огородовъ и даже полей посредствомъ канавокъ, въ которыя вода накачивается колесомъ съ ведрами по окружности его, приводимымъ въ движеніе если не самой водой, гдѣ это возможно, то волами, лошадьми, иногда буйволами.

Украинское населеніе городовъ, т. е. главнымъ образомъ Тульчи, занимается также преимущественно земледѣліемъ, хотя извѣстная, чѣмъ дальше, тѣмъ большая, часть его превращается уже въ классъ городскихъ ремесленниковъ и рабочихъ. Нѣкоторые, кромѣ земледѣлія и виноградарства, занимаются еще кой-какими видами торговли, напр. рыбою, солью, весьма немногіе держатъ шинки или чайныя, промышляютъ извозомъ и т. п. Изъ ремеслъ украинскіе жители Тульчи занимаются преимущественно сапожнымъ мастерствомъ, нѣкоторые кузнечнымъ, печнымъ, столярнымъ, постройкой и оснасткой судовъ и т. п. Сапожничество—это самое надежное и наиболѣе распространенное ремесло въ Тульчѣ, такъ какъ этотъ городъ представляетъ

собою торговый и промышленный центръ всей страны и поставляетъ обувь всему рабочему, сельскому и главнымъ образомъ всему „рыбальскому“ населенію. Ремесло это организовано на тѣхъ же мануфактурныхъ, а иногда и кустарныхъ началахъ, какъ и у насъ, при чемъ отношенія хозяевъ къ рабочимъ также нельзя назвать удовлетворительными. Существовавшее, или лучше сказать, державшееся еще при туркахъ цеховое устройство, въ извѣстной степени все таки поддерживавшее корпоративную организацію, теперь разрушилось, а вмѣсто нея существуетъ нѣчто среднее, отставшее отъ цеха и не доросшее до европейской организаціи ремеслъ. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ, разумѣется, внѣшнихъ причинъ, молодые тульчанскіе подмастерья, два раза пробовали устраивать ассоціаціи на кооперативныхъ началахъ, но оба раза неудачно, отчасти благодаря сообразительности хозяевъ, догадавшихся кому прибавить заработную плату, кого угостить окомъ—другимъ вина и т. п., отчасти же въ силу того соціальнаго закона, по которому сапожники и въ Тульчѣ не особенно уклоняются отъ своей профессіональной репутаціи ревностныхъ поклонниковъ Бахуса, а въ концѣ концовъ и потому, почему разрушается большая часть подобныхъ предпріятій вездѣ, т. е. благодаря появленію ловкаго человѣка, сумѣвшаго превратить ассоціацію въ единоличное предпринимательство. Въ качествѣ простыхъ рабочихъ, а часто и низшихъ техниковъ, украинскій элементъ играетъ очень видную роль въ дунайскомъ судоходствѣ и въ исполненіи работъ европейской Дунайской коммиссіи. Это происходитъ отъ того, что занимавшіеся въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ плаваніемъ по Дунаю и его дельтѣ, украинцы-рыбаки до того свыклись съ судоходствомъ и изучили вездѣ мѣстность, что по справедливости считаются лучшими знатоками своего дѣла. Начиная отъ зимней переправы въ Мачинѣ, единственной на всю Добруджу и очень опасной вслѣдствіе почти всегда сильнаго и продолжительнаго ледохода, и кончая работами по регулированію сулинскаго гирла,—вездѣ, за исключеніемъ пароходнаго лоцманства, монополизированнаго греками, въ числѣ лучшихъ рабочихъ на водѣ встрѣчаются руснаки. До какой степени они составляютъ во всемъ этомъ видный эле-

ментъ, можно судить уже по тому, что почти всѣ служащіе въ европейской Дунайской коммиссіи нѣмцы, французы и англичане, пробывшіе довольно долго уже на службѣ и совсѣмъ не знающіе русскаго языка, говорятъ довольно сносно по украински. Но при всемъ этомъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія всякой капиталистической предпріимчивости и практической ловкости въ обдѣлываніи такъ назыв. „дѣлишекъ", украинскій элементъ является здѣсь почти исключительно рабочимъ и находится въ замѣтномъ экономическомъ подчиненіи у грековъ, липованъ и прочихъ лицъ другихъ національностей. Въ качествѣ обыкновенныхъ городскихъ чернорабочихъ украинцы встрѣчаются впрочемъ очень рѣдко, такъ какъ для этого существуютъ въ Тульчѣ еще болѣе низкія въ соціальномъ отношеніи расы людей въ видѣ татаръ, албанцевъ, иногда болгаръ, очень часто бывшихъ повелителей Добруджи—турокъ и нынѣшнихъ—румынъ.

Въ этнографическомъ отношеніи добруджскіе и дунайскіе *руснаки* (какъ они сами себя и другіе ихъ называютъ въ отличіе отъ великоруссовъ, обыкновенно здѣсь называемыхъ липованами) представляютъ собой совершенно еще чистый и хорошо сохранившійся національный типъ. Большая часть руснацкихъ селъ, въ особенности же села старыя, даже и по наружности имѣютъ совершенно малороссійскій характеръ. Пріютившійся за обрубленными вербами съ своими бѣлыми хатками надъ водой Катирлезъ, раскинувшаяся вдоль глубокаго оврага между горами Телица, выглядывающій изъ за камышей и смотрящійся въ лиманъ Муругиль, стоящій на мѣстѣ прежней Сѣчи Верхній Дунавецъ и даже утопающая въ вишневыхъ и абрикосовыхъ садахъ руснацкая „магала" Тульчи съ перваго же взгляда даютъ почувствовать зрителю, что онъ находится въ Украинѣ, точно гдѣ нибудь надъ Днѣпромъ. Сходство это, зависящее отъ общаго характера построекъ и садовъ, въ значительной степени дополняется знакомой архитектурой церквей, совсѣмъ похожихъ на наши украинскія. Внутри селъ то же самое: тѣ же бѣленькія, чистенькія хаты, „причилками" на улицу, тѣ же соломенныя или камышевыя „стрихи", тѣ же двойные дворики, тѣ же плетеные изъ хвороста „хижи", „повитки" и „кошары", тѣ же зе-

леные садки и цвѣтнички съ неизбѣжными ярко-желтыми повняками и чорнобрывцями, даже тѣ же гирлянды изъ ярко-желтой кукурузы или краснаго перца подъ „стрихами“ надъ окнами, какъ и у насъ на Украинѣ... Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только совсѣмъ новыя села въ родѣ Пошты, или села, бывшія прежде черкесскими или татарскими, а теперь занятыя руснаками, какъ напр. Черкасская Слава и Нижній Дунавецъ. Въ послѣднемъ сразу бросается въ глаза отсутствіе садовъ, желтыя, невыбѣленныя хаты, обращенныя выходомъ прямо на улицу, почти безъ дворовъ и крайне безобразной постройки. Это хаты, оставленныя бывшими здѣсь татарами, вслѣдствіе чего на многихъ изъ этихъ хатъ, пока пустыхъ еще, мы видѣли написанные по стѣнамъ снаружи и извнутри большіе кресты. Вообще же въ Добруджѣ архитектура руснацкихъ хатъ совершенно украинская, болѣе или менѣе новороссійскаго типа, иногда впрочемъ съ привнесеніемъ молдаванской галлерейки или веранды подъ окнами. Окна и двери, а иногда и „присьба“ (завалинка) почти во всякой хатѣ обведены синими или красными полосами, очень часто съ разными „марафетами“, какъ здѣсь говорятъ, т. е. узорами и цвѣтами, ставеньки, гдѣ онѣ есть, тоже почти всегда размалеваны знакомыми украинскими узорами. Новороссійскій или вообще южно-украинскій характеръ хатъ зависитъ, по всей вѣроятности, не столько отъ того, что почти всѣ переселенцы прошли черезъ Новороссію и Бессарабію, но и отъ самаго матеріала постройки, одинаковаго съ бессарабскимъ и вообще степнымъ. Здѣсь почти всѣ безъ исключенія хаты строятся изъ камыша, битой глины или чамура, т. е. кубиковъ, сдѣланныхъ изъ смѣси земли, глины, навоза и соломы и высушенныхъ на солнцѣ. Въ Тульчѣ даже одна изъ руснацкихъ церквей, а именно старая, построена также изъ битой глины и только сверху обшита деревомъ. Въ этихъ способахъ постройки высказывается между прочимъ та замѣчательная рутинность пріемовъ, которая такъ ярко поражаетъ наблюдателя и у насъ въ волынской губ. Въ странѣ, гдѣ лѣса и камня сколько угодно, гдѣ, наконецъ, прочіе жители, какъ напр. въ Добруджѣ татары и турки, дѣлаютъ всѣ свои постройки, даже заборы, исключительно изъ камня, а

крыши изъ черепицы,—наши украинцы упорно держатся своихъ камышевыхъ, земляныхъ и, самое большее, деревянныхъ построекъ. Въ восточной части Добруджи и именно въ дунайской дельтѣ—это еще понятно, такъ какъ тамъ дѣйствительно нѣтъ даже и дерева, но въ западной—это болѣе чѣмъ странно. Съ такимъ же, но только гораздо болѣе раціональнымъ постоянствомъ, добруджскіе руснаки держатся своихъ національныхъ традицій во внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ жилищъ. Войдя въ руснацкую хату, путешественникъ видитъ то же расположеніе ея, какъ и въ Малороссіи, съ тою только разницею, что здѣсь почти всякая хата бываетъ съ „кимнатою“ и обѣ половины хаты—жилыя, тогда какъ у насъ одна половина обыкновенно представляетъ изъ себя „комору“. Затѣмъ убранство хаты, расположеніе мебели, иконъ, полокъ для посуды (мысныкъ), оконъ, печи и т. п.,—то же, что и на Украинѣ. Возлѣ иконъ цѣлыя коллекціи разныхъ рушниковъ, голубковъ, яицъ, душистыхъ растеній и т. п., очень часто разныя картины, заносимыя сюда, такъ какъ и къ намъ, великорусскими офенями, но преимущественно (особенно духовнаго содержанія) кіевской лаврской печати, лавы (скамьи) очень часто покрыты самодѣльными или болгарскими коврами, а въ комнатѣ почти всегда и зеркальцо, драпированное рушникомъ, и занавѣски на окнахъ, и цвѣты, и большая парадная кровать, и лавы уже въ родѣ диванчиковъ со спинками и ручками, и даже стулья—такъ, какъ у насъ бываетъ только у зажиточныхъ мѣщанъ, да у сельскаго духовенства. Во всемъ этомъ однако сохраняется строго украинскій колоритъ. Наиболѣе этнографическихъ измѣненій потерпѣлъ у добруджскихъ руснаковъ, кажется, костюмъ. Изъ обыкновеннаго украинскаго костюма, какъ извѣстно болѣе или менѣе одноroднаго на всемъ пространствѣ Малороссіи, въ Добруджѣ сохранились въ мужской одеждѣ только черная или чаще сивая шапка, да широкіе шаровары, опущенные въ длинные сапоги—даже вышитая рубашка теперь здѣсь уже рѣдкость. Свитъ въ Добруджѣ теперь уже не носятъ, а сверхъ рубахи обыкновенно надѣвается жилетъ съ рукавами, при чемъ жилетъ дѣлается по большей части синяго цвѣта съ большимъ количествомъ пуговокъ, спина

же и рукава непремѣнно изъ какой нибудь цвѣтной, клѣтчатой фланели. Сверхъ этого жилета носятъ, особенно въ парадныхъ случаяхъ, суконный, обыкновенно тоже синій или коричневый *капаранъ*, нѣчто въ родѣ куртки, носимой также турками и болгарами и называемой у нихъ *антеріэ*. Въ видѣ верхней одежды носятъ здѣсь вмѣсто нашихъ „кобеняковъ"—*чекмени*, похожіе на великорусскіе или татарскіе армяки. „Перше носылы довги свыты з скрыпками иззаду, пидшыти червонымъ сукномъ, а теперъ уже оци чорт-зна яки чекмени пишлы", такъ говорилъ старецъ Коломыецъ. Кромѣ того нужно замѣтить еще, что мужчины носятъ бороды, начиная уже лѣтъ съ 40-ка, а то даже и ранѣе, прическу же сохраняютъ по большей части малороссійскую. Но этотъ костюмъ, несмотря на все его уклоненіе отъ національнаго типа, тѣмъ не менѣе отличителенъ для руснаковъ, такъ какъ великоруссы—липоване сохранили во всей первобытной чистотѣ свой отечественный костюмъ, молокане приняли костюмъ общеевропейскій, болгары же и прочіе одѣваются по своему, ничуть не похоже на руснаковъ. Что же касается женскаго малорусскаго костюма, то онъ почти совершенно исчезъ въ Добруджѣ и замѣнился „нѣмецкимъ", т. е. такимъ, въ какой одѣвается у насъ городская прислуга, и т. п. Главной причиной такого измѣненія была, кажется, прежде всего скитальческая жизнь, заставлявшая носить то, что легче и дешевле было достать, а затѣмъ, можетъ быть, до извѣстной степени желаніе одѣваться „не по мужицки", тѣмъ болѣе, что все остальное женское населеніе Добруджи, исключая липованокъ и отчасти болгарокъ, одѣвается тоже по европейски. Тѣмъ не менѣе своеобразный украинскій вкусъ выражается все таки въ извѣстномъ выборѣ цвѣта и рисунка ситцевъ: тогда какъ турчанки, татарки и отчасти болгарки предпочитаютъ ситцы съ яркимъ крупнымъ рисункомъ, а липованки отличаются страстью къ невыносимо яркимъ, кричащимъ цвѣтамъ—русначки предпочитаютъ довольно скромные ситцы съ мелкимъ цвѣточнымъ узоромъ, по цвѣтному, а чаще по темному фону, точно такіе же, какіе больше всего въ ходу и на Украинѣ. Пища добруджскихъ руснаковъ, сохраняя болѣе или менѣе свой украинскій составъ и порядокъ, отли-

чается гораздо большимъ разнообразіемъ и лучшимъ качествомъ въ зависимости какъ отъ общаго благосостоянія страны, такъ и отъ привнесенія многихъ матеріаловъ, не употребляющихся въ народномъ быту на Украинѣ. Такъ, въ Добруджѣ въ составъ руснацкой пищи входитъ въ большомъ количествѣ и лучшаго качества рыба, между которою главную роль играетъ коропъ, свѣжая селедка, бѣлужина, соленая, а часто и свѣжая даже осетрина и т. п., большое разнообразіе овощей и плодовъ, изъ которыхъ черные баклажаны, разные виды паприки, абрикосы, персики, виноградъ и т. п., у насъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ почти не встрѣчаются. Изъ напитковъ въ довольно большомъ употребленіи чай, а изъ спиртныхъ—больше всего въ ходу мѣстное виноградное вино. Водка употребляется, сравнительно съ виномъ, въ очень небольшомъ количествѣ и хотя руснаки потребляютъ ея больше, чѣмъ прочіе жители Добруджи (за исключеніемъ липованъ), но можно сказать съ увѣренностью, что потребленіе это меньше, чѣмъ гдѣ либо. Извѣстный бытовой ритуалъ и разные обычаи держатся у добруджскихъ руснаковъ, особенно у селянъ „по слободахъ“ еще въ достаточной неприкосновенности,—у горожанъ же они начинаютъ понемногу утрачиваться и переходить къ бытовому строю „по господському“. Пѣсни, игры, разныя семейныя и общественныя торжества и церемоніи, свадебные обряды—все это устраивается съ соблюденіемъ старыхъ украинскихъ обычаевъ, при чемъ появились, разумѣется, и нѣкоторыя смягченія, вошедшія впрочемъ уже въ обыкновеніе и на Украинѣ. Для сватанья посылаютъ „старостивъ“ съ хлѣбомъ, даютъ традиціонныя „рушныкы“ и т. п.; „весилья“ т. е. свадьбу празднуютъ и три дня, и цѣлую недѣлю, какъ кто можетъ, со всѣми установленными вѣковымъ обычаемъ пѣснями и церемоніями, „якъ усе добре, то добри писни спивають, а якъ недобре—то другіи... а быть не бьють и хамута зъ соломы батькамъ не надивають... того вже нема!“... Въ извѣстной степени къ старымъ украинскимъ обычаямъ начали примѣшиваться уже и нѣкоторые мѣстные, позаимствованные отъ прочихъ населяющихъ Добруджу народовъ, но эти обычаи касаются не столько обрядовой стороны жизни, сколько ма-

неръ и нравовъ. Такъ, напр., у руснаковъ, подобно всѣмъ южнымъ народамъ, въ Добруджѣ проснулась потребность жить и особенно веселиться на улицѣ, въ саду, словомъ—на воздухѣ, они рѣдко снимаютъ шапки въ комнатѣ, усвоили себѣ южную манеру выражать отрицаніе кивкомъ головы снизу вверхъ и обратно (что у насъ было бъ понято какъ разъ наоборотъ) съ легкимъ прищелкиваніемъ языкомъ, а утвержденіе—кивкомъ нѣсколько въ бокъ (что у насъ было бы понято за отрицаніе), удивленіе они выражаютъ, какъ и прочіе южане, рядомъ короткихъ прищелкиваній (т. т. т...), а желая кого нибудь позвать, махаютъ рукой не къ себѣ, а *отъ себя*, при питьѣ въ компаніи всегда чокаются стаканами и никогда не пьютъ полнымъ стаканомъ, а всегда наливаютъ вино или водку — все равно—до половины или до $^2/_3$ стакана или рюмки, что у насъ, угощая другихъ, показалось бы неприличнымъ, и т. п. Сапожникъ-подмастерье или калфа въ Тульчѣ (мастеру это ужъ не совсѣмъ прилично), если имѣетъ возможность и желаетъ „гулять“, то поступаетъ такъ же совершенно, какъ и всѣ румыны: садится въ извощичій фаэтонъ (кстати сказать, ихъ всего въ Тульчѣ только семь), возлѣ себя сажаетъ одного или двухъ товарищей, а противъ себя на скамеечкѣ двухъ цыганъ со скрипками и въ такомъ видѣ, съ музыкой, медленно ѣдетъ по улицамъ, останавливаясь непремѣнно возлѣ каждаго кабака (т. е. на извѣстныхъ улицахъ чуть ли не возлѣ каждаго дома), изъ котораго обязательный хозяинъ сейчасъ же выноситъ на подносѣ равное числу участвующихъ въ этой процессіи количество стаканчиковъ съ виномъ... всѣ, никогда не исключая ни кучера, ни цыганъ, чокаются, пьютъ и двигаются далѣе. Совсѣмъ иначе, опять, гуляетъ катирлезскій кармашникъ. Получивши деньги по окончаніи дувана, онъ прежде всего наряжается во все новое, затѣмъ отправляется въ кабакъ, захвативши съ собой предварительно фунтъ или два стеариновыхъ свѣчей, садится за отдѣльный столикъ, налѣпливаетъ по краямъ этого столика всѣ свои свѣчи, зажигаетъ ихъ и требуетъ око вина, которое подается тамъ обыкновенно въ кувшинахъ. Наливши стаканъ, онъ отпиваетъ одинъ глотокъ, а остальное выплескиваетъ тутъ же на полъ,

затѣмъ точно также съ слѣдующимъ стаканомъ и т. д. Очень часто это продолжается и съ цѣлыми кувшинчиками, которыхъ, разумѣется, требуется цѣлый рядъ..., а иногда и съ нѣсколькими бутылками поддѣльнаго, конечно, но все таки очень дорогаго хереса, лафита и т. п. Однимъ словомъ, вся прелесть и радость закутившаго кармашника заключается въ одномъ случаѣ въ томъ, чтобы выразить какъ можно больше презрѣнія къ деньгамъ, и эта черта, какъ кажется, у нихъ не подражательная, а составляетъ прямое наслѣдіе отъ запорожцевъ; называется все это „катирлезськи церемоніи“. И нужно замѣтить, что все это совершаетъ человѣкъ вовсе не до безчувствія пьяный, а только такъ-- пришедшій въ нѣкоторый веселый задоръ... съ разными, иногда очень остроумными, шутками на счетъ своего собственнаго бурлацкаго положенія, а еще чаще съ очень грустною бурлацкой пѣсней, въ которой главную роль играетъ тяжелая тоска по родинѣ.

Вотъ въ общихъ чертахъ бытовая жизнь украинскихъ переселенцевъ въ ихъ новомъ отечествѣ, среди самаго пестраго смѣшенія разныхъ другихъ народностей. Къ своимъ сосѣдямъ руснаки относятся, по большей части, очень добродушно, хотя, разумѣется, не ко всѣмъ одинаково. Больше всего симпатій обнаруживаютъ руснаки къ туркамъ, татарамъ, грекамъ, румынамъ, западнымъ европейцамъ, русскимъ-молоканамъ, въ особенности же къ славянамъ въ родѣ далматинцевъ, сербовъ и т. п.— меньше всего къ городскимъ болгарамъ, евреямъ и къ липованамъ. Это нерасположеніе къ липованамъ, доходящее даже до ненависти, имѣетъ въ Добруджѣ свое спеціальное, историческое основаніе, заключающееся въ томъ, что до прихода запорожцевъ, устья Дуная и восточная Добруджа были заняты некрасовцами, т. е. бѣглыми донскими козаками, пришедшими туда съ Кубани, и вотъ когда, въ концѣ прошлаго столѣтія, появились въ дунайской дельтѣ запорожцы, то между ними и некрасовцами, смотрѣвшими на себя уже какъ на хозяевъ мѣстности, неминуемо должны были произойти столкновенія, и дѣйствительно въ началѣ нынѣшняго столѣтія столкновенія эти приняли характеръ постоянной партизанской войны, перешедшей въ настоящій пра-

вильный походъ запорожцевъ, предпринятый подъ предлогомъ наказанія некрасовцевъ за убійство одного изъ козаковъ, но въ сущности для того, чтобы завладѣть Дунавцемъ, т. е. всею вдающеюся въ дельту восточной оконечностью Добруджи. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ страшной взаимной рѣзни [1]), некрасовцы, какъ извѣстно читателю, были окончательно вытѣснены изъ этой части Добруджи, а турецкое правительство, для прекращенія этой безконечной бойни, должно было перевесть ихъ въ Майносъ на берегу Малой Азіи. Тѣмъ не менѣе извѣстная часть некрасовцевъ осталась на западномъ берегу лимана Разина и въ бабадагскихъ горахъ въ долинѣ р. Славы, впослѣдствіи же къ нимъ постепенно присоединялись бѣжавшіе изъ Россіи старообрядцы, но уже не козаки, а уходившіе отъ религіозныхъ преслѣдованій старообрядцы „филиппоны“, или по мѣстному—„липоване“. Понятно, что это позднѣйшее наслоеніе, связанное съ некрасовцами единствомъ религіозныхъ воззрѣній, унаслѣдовало отъ нихъ вражду къ запорожцамъ, а запорожцы съ своей стороны передали свою ненависть къ липованамъ своимъ наслѣдникамъ въ Добруджѣ, позднѣйшимъ украинскимъ переселенцамъ. Чрезъ большой уже промежутокъ времени, послѣ войнъ съ некрасовцами, далеко даже послѣ того, какъ перестала существовать задунайская Сѣчь, передъ крымской войной, на Дунавцѣ противъ нынѣшней слободы Нижняго Дунавца „тамъ де гардъ забывають на Дунавци“, по разсказамъ Остапа Дончука, въ урочищѣ Калиновомъ Кутѣ была хата, въ которой жилъ старый запорожецъ Завадській съ своимъ сыномъ Кондратомъ. „Воны охотнычалы—звира тоди сыла була,—и лыпованъ ризалы... усе по старому, бачыте, піймають було та й зарижуть“... Старикъ умеръ, а Кондрата „взялы москали за те, що лыпованъ воны ризалы,—якъ одвелы у Россію, то больше й не чуть було“. Вмѣстѣ съ охотничьимъ и рыболовнымъ существованіемъ, эту старинную вражду къ липованамъ поддерживали, особенно сначала, какъ мы говорили, и позднѣйшіе пришельцы изъ Украины, главнымъ образомъ такъ называемая „сиромашня“. Тотъ же Остапъ разсказываетъ, что въ Муругилѣ

[1]) Задунайская сѣчь 31—39.

лѣтъ около десяти-пятнадцати тому назадъ, жилъ одинъ „невелыкый, такъ—непоказный соби чоловичокъ,—то бу..о якъ зійдуться, то й каже: „я, каже, не багацько (не много) лыпованъ выризавъ—тильки девьятнадцятеро, а ще маю одного заризаты—до двадцяты... Та й добре ихъ ризать: узявъ за бороду, голову одигнувъ назадъ та й чыкнувъ...“ Понятно, что липоване съ своей стороны не упускали случая „зарѣзать хохла“, и эта взаимная вражда, утратившая, конечно, въ настоящее время свой прежній кровавый характеръ (единичные случаи бываютъ, разумѣется, и теперь, особенно со стороны липованъ, и то, впрочемъ, больше съ цѣлью грабежа, вслѣдствіе чего, напр., въ долину р. Славы руснакъ особенно ночью и теперь одинъ не поѣдетъ) сохраняется все таки въ видѣ взаимнаго отчужденія, разнаго рода остротъ, насмѣшекъ и т. п. Этому содѣйствуетъ въ значительной степени также религіозный фанатизмъ липованъ, не только не допускающій браковъ съ иновѣрцами, но заставляющій липованъ, особенно безпоповцевъ, даже не ѣсть и не пить изъ одной посуды съ людьми другой вѣры, хотя бы и христіанами и т. п. Тотъ же религіозный фанатизмъ создалъ у липованъ своего роди условную нравственность, прощающую послѣ очистительной молитвы самыя страшныя преступленія и безпощадно карающую малѣйшее отступленіе отъ освященныхъ временемъ раскольничьихъ формъ и обрядовъ. Эта особенность, вмѣстѣ съ крайне узкимъ міровоззрѣніемъ, грубостью нравовъ и какимъ то фанатическимъ обскурантизмомъ, отталкиваютъ отъ липованъ не только украинцевъ, но и людей прочихъ національностей.

Доказательствомъ того, что, кромѣ извѣстныхъ уже читателю историческихъ основаній, причина всей этой вражды не заключается въ національной нетерпимости руснаковъ, служитъ то, что въ отношеніяхъ руснаковъ къ прочимъ народамъ и въ особенности къ молоканамъ не замѣчается рѣшительно ничего подобнаго. Въ 1851 г. во время рождественскихъ праздниковъ, въ г. Тульчѣ произошло довольно серьезное столкновеніе руснаковъ съ греками, но это столкновеніе имѣло характеръ чисто случайный и никакъ не можетъ быть объясняемо какой нибудь

національной враждой. Въ этомъ году въ Тульчѣ зимовало больше сотни греческихъ судовъ и, слѣдовательно, было очень много матросовъ-грековъ. Однажды, по какому то случаю, руснаки танцовали возлѣ дома одного своего земляка Андрея Довгополенка, при этомъ въ числѣ зрителей было много грековъ и одинъ изъ нихъ вздумалъ поцѣловать какую то руснацкую дѣвушку. Кто то его за это ударилъ, началась драка съ одной стороны ножами, съ другой—дубинами, натасканными изъ лежавшихъ вблизи дровъ, и въ результатѣ оказалось около 20 чел. убитыхъ, по разсказу молоканскаго настоятеля Ив. Ив. Ѳедорова, все грековъ, такъ какъ у руснаковъ былъ одинъ человѣкъ Андрей Охременко, „хохолъ такой—такъ онъ зналъ *гартовать*, т. е. отъ ножа людей заговаривать, вотъ онъ своихъ то и загартовалъ... а его самого привели въ конакъ—такъ на немъ ни одной раны нѣтъ—синяки только, а шубенка на немъ вся изрѣзана“... Извѣстнаго рода нерасположеніе руснаковъ къ болгарамъ и евреямъ, раздѣляемое впрочемъ всѣми народами, живущими въ Добруджѣ, зависитъ главнымъ образомъ отъ ихъ экономической роли, вполнѣ аналогичной съ такою же ролью евреевъ въ Россіи, при чемъ нужно замѣтить, что роль эта въ Добруджѣ въ значительной степени раздѣляется и липованами, особенно въ отношеніи рыбнаго промысла и торговли рыбою. Что же касается прочихъ народовъ, то, какъ мы сказали выше, отношенія между ними и руснаками отличаются полнымъ добродушіемъ и сосѣдской обязательностью. Да не удивитъ, между прочимъ, читателя и то, что, говоря о народахъ, къ которымъ руснаки относятся съ особенной симпатіей, мы назвали прежде всего турокъ.

„Жылы мы у турка, якъ горобци у стриси!...“ (какъ воробьи въ соломенной крышѣ), говорилъ намъ со вздохомъ не разъ уже нами упомянутый Остапъ Дончукъ. „Турокъ честный человѣкъ“, отвѣчалъ одинъ старикъ старообрядецъ на вопросъ о турецкихъ притѣсненіяхъ, „хоть и не въ нашего Бога вѣруетъ... обиды никакой отъ него не было... десятину свою возьметъ, а

больше пальцемъ не тронетъ... Вотъ развѣ на счетъ женскаго пола—ну, бывало! да и то вѣдь не турокъ, а черкесъ...“ Какъ оказалось изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, причина этого сожалѣнія о турецкомъ режимѣ заключается прежде всего въ томъ, что при туркахъ и налоговъ было меньше и, главное, податная система была несравненно выгоднѣе для плательщиковъ, чѣмъ теперь. „Знаешь себѣ одну десятину, говорилъ намъ тотъ же старообрядецъ, да и ничего больше: много уродило и отдашь больше, меньше уродило и платить меньше, ничего не уродитъ—ничего и не платишь!... А теперь при румынахъ другой разговоръ, сколько тебѣ тамъ ни уродитъ, хоть и совсѣмъ ничего Богъ не дастъ, а плати каждый годъ одинаково“... „Добре було“, говоритъ старый Остапъ,—„хто бъ не прыйшов не записавсь—жывы!... Давъ 30 левъ—якъ ще давъ, бо винъ тамъ по регистрахъ не шукае—та й живи соби, нихто тебе й не займе (не тронетъ). Стрине, було зборщыкъ: Ты дававъ *гарачъ?* (подать)—Ни!—„Давай 15 левъ! Тутъ тоби на сидли напысавъ, давъ тоби, тай годи. А якъ утечешъ, то й такъ пропаде! Оце бижять було хлопци зъ базару: Вы, дядьку, куды?—На базаръ!... Не ходить... тамъ за гарачъ ловлять! Тильки жъ на базари, а у хату не пійде!“... Этотъ разсказъ Остапа относится, конечно, къ десятинѣ и къ личной подати, т. е., лучше сказать, ежегодной платѣ, взымавшейся въ Турціи съ немагометанъ, вмѣсто отбытія воинской повинности. Другая причина сожалѣнія о туркахъ—это ихъ полная вѣротерпимость, допускавшая всѣ секты и вѣры и публичное отправленіе богослуженія для всѣхъ, о чемъ мы будемъ говорить еще далѣе.

Для всякаго, не бывавшаго на Балканскомъ полуостровѣ и знакомаго съ тамошними международными отношеніями только по газетнымъ статьямъ времени минувшей войны,—это можетъ показаться очень страннымъ и даже неправдоподобнымъ; но мы ссылаемся на всѣхъ, кто хоть разъ въ жизни бывалъ за Дунаемъ, что турки не только со стороны руснаковъ, но и со стороны всѣхъ славянскихъ и не славянскихъ народовъ, населяющихъ

Европейскую Турцію,—единогласно и единодушно признаются народомъ въ высшей степени симпатичнымъ, добрымъ, безукоризненно честнымъ и справедливымъ. Путешественникъ въ первые же дни своего прибытія въ Добруджу обыкновенно изумляется тѣмъ замѣчательнымъ единодушнымъ сожалѣніемъ, съ которымъ всѣ „освобожденные отъ турецкаго ига“ жители Добруджи: и болгары, и греки, и русскіе всевозможныхъ сектъ, и руснаки, вспоминали о турецкомъ господствѣ. „При туркѣ было гораздо лучше“, слышали мы со всѣхъ сторонъ.

Лупулеску.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Бѣлая Панна.[1]

(ИЗЪ ДѢТСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ НЕУДАВШАГОСЯ ПОЭТА).

(*Окончаніе*).

ГЛАВА V.

На волѣ.

Я уже сказалъ раньше, что я росъ одинъ, безъ сверстниковъ, въ обществѣ трехъ стариковъ, что, очень можетъ быть, и сдѣлало меня скрытнымъ, сосредоточеннымъ и мечтательнымъ ребенкомъ... У дѣда было много хлопотъ и всякихъ дѣлъ,—Панасъ вѣчно сопѣлъ люлькой на печи, Горпына шныряла по хозяйству, такъ что волей неволей мнѣ приходилось быть всегда одному и самому забавлять себя съ утра до ночи по своему вкусу... Я полюбилъ бродяжить, полюбилъ грезить,—но всего этого было для меня, конечно, мало... Дѣтская душа, вообще не выносящая одиночества, способна одухотворить камень, чтобы замѣнить себѣ недостающаго живаго сверстника, живую душу,—но камень ея не удовлетворитъ, ибо не угаситъ вѣчно живой потребности въ любви... Камень, мертвый камень не можетъ стать объектомъ любви, какъ бы болѣзненно ни было развито воображеніе ребенка... Для этой страстной жажды непремѣнно нужно что нибудь живое, имѣющее свои дѣйствительныя потребности, свое живое „я“, будь оно хоть червякъ, птица—все равно... Такимъ образомъ я полюбилъ собаку...

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1889 г., январь.

Моя первая любовь, страшный Разбой былъ скорѣе лютый звѣрь, чѣмъ домашняя собака... Цѣпь ли, на которой онъ былъ прикованъ съ дѣтства, сдѣлала его такимъ лютымъ, вѣчное ли одиночество,—или ужъ природа его была такова,—не знаю,—но его трепетали всѣ кромѣ дѣда и Панаса,—вся Пустынька... Я кормилъ его часто издали, но не гладилъ, не подходилъ даже близко по настоянію дѣда,—хотя песъ никогда не глядѣлъ на меня злобно... Можетъ быть въ моихъ глазахъ онъ читалъ свою грусть, тоску, свое одиночество и свое же, можетъ быть, несознанное стремленіе къ ласкѣ и потребность хоть чьей нибудь дружбы,—по крайней мѣрѣ онъ никогда не рычалъ на меня одного... Я побаивался его, жалѣлъ, а можетъ быть и онъ меня жалѣлъ или считалъ слишкомъ ничтожнымъ для своей злобы...

Это страшилище срывалось иногда съ цѣпи, приводя всѣхъ въ испугъ и смятеніе... Разъ онъ сорвался и долго пропадалъ безъ вѣсти, такъ что его сочли пропавшимъ... Гдѣ онъ бѣгалъ, что дѣлалъ,—не зналъ никто и его будка, похожая на домикъ, стояла пустою... Въ жаркій день я игралъ на дворѣ и видъ пустой будки и темнота въ ней соблазнили меня;—я влѣзъ въ будку, задумавъ превратить ее себѣ въ домикъ... Безпечно игралъ я въ ней камнями и прочей мелочью, которыми всегда были набиты мои карманы, какъ вдругъ мой взглядъ встрѣтился со взглядомъ страшнаго звѣря...

Онъ прибѣжалъ и неожиданно стоялъ у самаго входа въ будку, слегка всунувъ въ нее свою огромную морду... Пасть его была открыта отъ жары, красный языкъ высунулся, громадные бѣлые клыки сверкали и страшные глаза глядѣли на меня не моргая какимъ то удивленнымъ взглядомъ... Что прочелъ онъ въ моемъ застывшемъ взорѣ, не знаю,—но онъ вдругъ сталъ обнюхивать мое лицо и двинулся лапами въ будку. Я сидѣлъ неподвижно, не дыша, не спуская глазъ съ собаки, пока она вдругъ не лизнула мою руку... Тогда я его погладилъ и звѣрь завизжалъ и завилялъ хвостомъ... Я погладилъ его смѣлѣе, онъ влѣзъ, весело визжа, въ будку и сталъ лизать меня всего.

Горпына какъ то случайно заглянула въ будку, всплеснула руками и, какъ сама говорила, „окаменѣла на мѣстѣ“. Я спо-

койно спалъ, положивъ свою голову на рядомъ свернувшагося звѣря...

— Пресвята Богородыця! Панычыку! Що вы тутъ робыте!?— разбудилъ меня ея испуганный визгъ. Но собака грозно зарычала ей въ отвѣтъ... Она уже полюбила меня беззавѣтно и ревновала ко всему на свѣтѣ... Такъ завязалась эта дружба звѣря и ребенка, сдѣлавшая громадный переворотъ въ жизни того и другаго... И звѣрь, и я,—мы уже не были одиноки, намъ обоимъ не приходилось уже только грезить,—ему на цѣпи, мнѣ на волѣ, не нужно было все таить только про себя, мы могли все дѣлить между собою... И мы дѣйствительно дѣлили другъ съ другомъ все, что могли и умѣли. Даже думы наши мы дѣлили, мы ей Богу, кажется, вполнѣ понимали другъ друга... Когда, казалось, я читалъ въ его темныхъ глазахъ безумную жажду воли,—я тихонько спускалъ его съ цѣпи, а когда звѣрь въ свою очередь замѣчалъ мой нахмуренный взглядъ, устремленный на замокъ, онъ грозно рычалъ и глаза его наливались кровью. Казалось, онъ грозилъ ему вмѣстѣ со мною!...

Но въ нашей любви другъ къ другу была большая разница,—одна совсѣмъ не походила на другую... Звѣрь любилъ беззавѣтно, преданно—рабски любилъ, а я точно больше позволялъ ему себя любить, гордился преданностью и любовью этого общаго страшилища, чѣмъ дѣйствительно любилъ... Впрочемъ, люди вообще, кажется, отвѣчаютъ именно такъ на беззавѣтную, рабскую любовь. Я былъ всевластный господинъ надъ нимъ,— онъ только преданный беззавѣтно рабъ... Я только требовалъ, приказывалъ, лишь снисходя къ его интересамъ, онъ только исполнялъ, подчинялся и всѣмъ поступался для меня... Я могъ съ нимъ дѣлать, что хотѣлъ, дразнить, мучить, онъ трепеталъ даже дохнуть на меня сильно... Кто любилъ чище и лучше,— звѣрь или человѣкъ, я не хочу разбирать,—но думаю, что многія жесткія стороны характера послѣдняго,—острое самолюбіе и деспотическая жилка,—если не зародились въ этой любви, то много обязаны именно ей.

Разбой спасъ меня въ самую критическую минуту моей жизни, имѣвшую, какъ увидитъ читатель ниже, большія послѣдствія.

Это случилось, когда дѣдъ однажды уѣхалъ на долго по дѣламъ все того же процесса въ городъ, а вмѣсто него завѣдывать домомъ и хозяйствомъ пріѣхала въ Пустыньку тетка генеральша съ сыномъ Валентиномъ. Я не любилъ чопорную, сухую, завистливую тетку да и она, кажется, платила мнѣ тѣмъ же... Злые языки, между прочимъ и Горпыны, увѣряли даже, что она бы и не прочь была „извести“ меня, лишь бы Пустынька досталась ея долговязому ротозѣю, два года подъ рядъ не сумѣвшему совладать съ экзаменомъ во второй классъ, несмотря на всѣхъ своихъ гувернеровъ... Впрочемъ, въ душѣ онъ былъ добрый мальчикъ,—только страшно испорченный,—хвастунъ, лгунъ и къ тому же плакса. Онъ дразнилъ меня съ утра до вечера „мазепой“, смѣялся надъ моими манерами, незнаніемъ городскихъ обычаевъ, деревенскимъ костюмомъ и доводилъ до того, что я блѣднѣлъ и задыхался отъ бѣшенства... Поощреніе онъ встрѣчалъ у тетки, тоже всегда зло подсмѣивавшейся надъ „деревенскимъ дикаремъ“, какъ она меня звала открыто. Тетка была сестрой моего отца, вдовой предсѣдателя какой то палаты, имѣла свой домъ въ городѣ, хорошій пенсіонъ, круглый капиталецъ, скопленный покойнымъ мужемъ „на службѣ“, и особенно любила „бонтонность“.—Изъ за нея она заставила своего мужа перемѣнить фамилію Онысковець на „Онисковцевъ“, что сильно смѣшило дѣда... Дѣдъ тоже сильно не долюбливалъ ее, но деликатность и гостепріимство были до того сильно развиты у него, что съ ея пріѣздомъ онъ всецѣло уступалъ ей главенство въ домѣ... И тетка мучила насъ всѣхъ, начиная съ дѣда и кончая Горпыной...

Разъ Валентинъ довелъ меня своими насмѣшками до того, что я просто очумѣлъ отъ злобы и, не въ силахъ будучи сдерживаться дольше, хотѣлъ убѣжать... Но онъ заградилъ мнѣ дверь и продолжалъ травить подъ хохотъ генеральши... Самъ не знаю какъ, совсѣмъ потерявъ голову,—я сильно ударилъ его тогда кулакомъ и ударъ пришелся по несчастью прямо въ носъ... Кровь заструилась у него по лицу и онъ взревѣлъ...

— Розогъ!—крикнула громко генеральша, задрожавъ отъ гнѣва и поблѣднѣвъ, какъ полотно.

То было въ первый разъ еще, что мое ухо услыхало это позорное слово, и я тоже весь задрожалъ... Помню, что ноги у меня подкосились, я съ трудомъ удержался, голова закружилась и я какъ то странно, по овечьи, закружился на мѣстѣ, теребя полы растерянно двигавшимися руками. Я задыхался и отъ неостывшей еще злобы, и отъ новой обиды, которая, казалось, подступая все выше и выше, сжимала горло, туманила голову и заливала блѣдныя щеки жгучимъ румянцемъ невыразимаго стыда... Позорное слово все звенѣло и звенѣло въ моихъ ушахъ и я способенъ былъ броситься отъ него въ пропасть внизъ головою и въ то же время броситься, какъ звѣрекъ, на тетку и кусать ее, и царапать въ изступленьи... Грудь моя высоко вздымалась...

— Не смѣешь!—выпалилъ я внѣ себя,—все больше охватываемый стыдомъ и злобою,—не смѣешь!—и топнулъ ногою.

— Не смѣю?! Несите скорѣе розгу!...

Въ глазахъ у меня какъ будто помутилось... Я взглянулъ на саблю, самъ не сознавая, что бы такое я сдѣлалъ съ нею, но гетманская сабля висѣла высоко... Я былъ одинъ, безпомощенъ, разъяренный, покинутый всѣми, неспособный защитить себя отъ позора... Дѣдъ!?—его не было... Панасъ!?—онъ крякхтѣлъ безсильно на печи... Горпына!?—она только страстно рыдала въ кухнѣ за своего любимца!... Никого... я одинъ!... а въ это время генеральшинъ кучеръ вносилъ позорную розгу...

Нѣтъ,—я не одинъ! У меня есть вѣрный, преданный другъ, который не дастъ меня въ обиду!... Въ этотъ роковой моментъ я вдругъ вспомнилъ о страшномъ, прикованномъ Разбоѣ,—вспомнилъ и, самъ не помню какъ, бросился въ открытое окно, разбивъ дорогую, любимую дѣдовскую вазу.

— Разбой!... Разбой!... Разбой!...

Понялъ ли вѣрный, любящій песъ, мирно дремавшій въ своей будкѣ, этотъ отчаянный вопль мчавшагося къ нему ребенка, понялъ ли онъ, что его любимцу, его властелину грозила бѣда,—не знаю,—но я слышалъ какъ страшно загрохотала тяжелая желѣзная цѣпь, какъ дрогнулъ воздухъ яростнымъ ревомъ.—Я увидѣлъ могучій прыжокъ, какимъ прикованный звѣрь взвился высоко и отъ котораго глухо застонала стѣна сарая,

къ которой былъ онъ прикованъ... Я все бѣжалъ къ нему, звалъ и молилъ,—а онъ бѣшено метался на своей цѣпи, бѣшено ревѣлъ и въ его ревѣ я, кажется, слышалъ глухое рыданье на свое безсилье... Да, звѣрь рыдалъ!—но въ этомъ рыданьи слышалась угроза, отъ которой могло замереть самое храброе сердце!...

Меня, наконецъ, схватили сзади... Чья то сильная рука налегла на мое плечо,—и я пошатнулся... Ноги мои подкосились, я пересталъ дышать, упалъ и помню только, что въ этотъ моментъ что то страшно загрохотало, что то дрогнуло кругомъ, лопнуло съ визгомъ и что то мохнатое съ ужаснымъ ревомъ коснулось моего лица...

Когда я очнулся, пришелъ въ себя,—я лежалъ на травѣ, а Разбой съ обрывкомъ цѣпи на шеѣ лизалъ мнѣ лицо, визжалъ и поднималъ голову мордой... Вдали виднѣлись испуганные генеральша съ сыномъ, конюхъ, Горпына, даже Панасъ, слѣзшій вдругъ съ печи, не смѣя сдѣлать и шага... Страшный звѣрь не пускалъ ихъ и самъ приводилъ меня въ чувство...

Тогда же я рѣшилъ бѣжать, несмотря ни на что, несмотря на заигрыванье испугавшейся тетки, на ласки любящей Горпыны... Бѣжать во что бы то ни стало отъ роднаго порога, отъ родной хаты, въ которой текли до сихъ поръ мирно мои дѣтскіе годы, а теперь вдругъ преслѣдовали меня и гнали нелюбимые люди, гдѣ въ воздухѣ все еще, кажется, звучало, какъ бы застывъ въ немъ, ужасное, позорное слово... Я еще не остылъ отъ стыда и обиды, мое сердце еще пылало мщеньемъ,—а отомстить, казалось, я могъ лучше всего побѣгомъ... Мнѣ осмѣлились грозить розгой?! Дѣдъ оставилъ меня на муки этимъ людямъ?! Никто не хотѣлъ прійдти мнѣ на помощь, кромѣ Разбоя?! Хорошо же! Пусть меня ищутъ, пусть плачутъ обо мнѣ!... Я не хочу, чтобы меня били... Я уйду съ своимъ Разбоемъ,—уйду далеко... далеко... вонъ туда,—за высокіе холмы и... и...—не вернусь!... Развѣ дѣдъ пошлетъ за мною!...

Я прокрался тихо въ кабинетъ дѣда и, обливаясь горячими слезами, невозможными каракулями, хотя, казалось, очень трогательно, — написалъ ему послѣднее прости и описалъ свои муки... Тамъ, въ кабинетѣ, моя рѣшимость какъ бы дрогнула,

но я совладалъ съ собою, утеръ слезы и пробрался въ кухню, гдѣ незамѣтно стащилъ хлѣбъ, щепоть соли и кусокъ сала... Затѣмъ я пошелъ къ Разбою и спустилъ его съ цѣпи...

Мы выбрались вдвоемъ далеко, далеко за предѣлы деревни... Пустынька исчезла и только высокія верхушки тополей, выдѣляясь на яркой синевѣ неба, напоминали мнѣ родное пепелище... Но я не думалъ о немъ, нѣтъ,—я, какъ и мой вѣрный песъ, всецѣло упивался свободой!,..

Да, свободой! — Надъ нами разстилалось безграничное, чистое небо, а впереди кругомъ зеленѣли широкія нивы... Никого не было, кромѣ насъ, вокругъ,—только жаворонокъ кружился съ пѣсней, гдѣ то щебетали маленькія пташки да въ зеленой травѣ стрекотали кузнечики несмолкавшимъ хоромъ... Угрюмый звѣрь забылъ свою цѣпную скуку и какъ маленькій щенокъ катался по травѣ, визжа отъ восторга и смотря на меня свѣтлыми глазами... Онъ чуялъ и цѣнилъ свою волю...

И я ее чуялъ,—и я упивался ею!... Безграничное небо и зеленыя нивы я видалъ часто,—но только видѣлъ, а не сливался съ ними... У меня всегда были своя хата, постель, свой уголъ, своя семья,—теперь у меня никого и ничего не было кромѣ неба, нивы, малыхъ пташекъ!... Я былъ теперь ихъ, а они моими!... И я почувствовалъ вдругъ, какъ распахнулось широко мое сердце и оттуда хлынула потокомъ свѣтлая любовь и къ небу, и къ нивѣ, каждой былинкѣ, ко всему, что тонуло далеко, далеко въ голубой дали горизонта, подъ сверкавшими лучами жаркаго солнца...

Да, я почуялъ, что я люблю все...—все... И эту травку, и этого жука, что копошится подъ нею,—и малую пташку, что робко щебечетъ, запрятавшись въ вѣчномъ страхѣ, и хлопотунью пчелу, что жужжа торопится мимо... Все, все люблю! Этой любви я не зналъ, не чуялъ, не подозрѣвалъ даже раньше и теперь она охватила меня какимъ то непередаваемо полнымъ восторгомъ и нѣгой... Точно пелена, вѣчно застилавшая мнѣ свѣтъ, упала съ моихъ глазъ,—точно грудь моя стала дышать вдвое сильнѣе... Помню, — я былъ безгранично счастливъ...

И я сталъ щебетать вмѣстѣ съ пташкой, перекликаться съ кузнечикомъ, жужжать съ пролетавшей пчелою... На все, на каждый звукъ я откликался весь, всѣмъ сердцемъ, всей душой,—какъ братъ всего того, что жило въ этомъ просторѣ... И все оно, казалось, откликалось и мнѣ, дыша веселымъ привѣтомъ... Я даже визжалъ, какъ Разбой, и къ его невыразимому восторгу сталъ кататься вмѣстѣ съ нимъ на зеленой травѣ...

— Разбой,—давай завтракать!

Мы позавтракали и пошли дальше... Играя, мы шли долго, сами не зная, куда мы идемъ и гдѣ мы... Наконецъ, мы очутились у какой то плотины, на которой стояла запряженная карета. Возлѣ кареты, что то чиня, суетились люди, а немного поодаль, ближе ко мнѣ, стояли двѣ пани. Я взглянулъ и обмеръ...

Такой дивной красоты я еще не видѣлъ... Мнѣ показалось, что прямо противъ меня стоитъ Божій ангелъ съ распущенными по плечамъ свѣтлыми волосами, съ цвѣтами на высокой груди, и смотритъ на меня своими чудными, нетлѣнными очами... Я вытаращилъ глаза и боялся шевельнуться, несмотря на свѣтлую улыбку, свѣтившуюся мнѣ на устахъ и во взорѣ... И Разбой стоялъ возлѣ, точно околдованный вмѣстѣ со мною...

— Тетя,—посмотри, что за прелестный мальчикъ!

Другая пани, старуха, обернулась и окинула меня сквозь очки взглядомъ. Это привело меня въ себя,—околдовавшія чары, казалось, разлетѣлись.

— Ты откуда, мальчикъ? спросила она.

Я замялся. Кто и откуда былъ я,—когда теперь у меня не было уже дома? Тѣмъ не менѣе уста сами собой какъ то прошептали обычное;

— Я изъ Пустыньки:

— А?! засмѣялась звонко прелестная панна,—это не ты ли побилъ моего брата?

Я сконфузился и покраснѣлъ отъ стыда... Да, отъ стыда! Мнѣ дѣйствительно стало стыдно, что я побилъ *ея* брата.

— Я!—прошептали глухо мои уста.

— Ты, говорятъ, очень не любишь поляковъ?—все также смѣялась панна.

— Да! отвѣтилъ я, низко опуская голову.

— И меня не любишь?

Этотъ вопросъ ошеломилъ меня,—я не зналъ, что отвѣтить... Я чувствовалъ только, что мои нелживыя уста не выговорятъ да,—и покраснѣлъ еще больше.

— Ну, что же?

Но я молчалъ, все краснѣя и краснѣя...

— Подойди ко мнѣ,—не бойся!

— Я ничего не боюсь!—отвѣтилъ я, какъ бы задѣтый,—и подошелъ къ ней вплотную.

— О, ты такой храбрый!? Ты не боишься и лѣса?

— Лѣса!!

Она попала въ самую слабую точку,—я только его и боялся! Меня пугали его мракъ, его таинственная глубина,—въ лѣсу я никогда не бывалъ одинъ... Мнѣ стало невыразимо стыдно и я поклялся въ душѣ побороть свой страхъ...

— Я и его не буду бояться!—глухо отвѣтилъ я ей.

Но она не разобрала или не разслышала скрытаго смысла моего отвѣта и положила свои чудныя руки мнѣ на плечи.

— А я люблю тебя, мальчикъ,—говорила она, все смѣясь,—люблю, хоть я и полячка, а ты завзятый украинецъ...

И она звонко поцѣловала меня въ губы.

— Вотъ тебѣ на память отъ польки! она бросила мнѣ, откловъ отъ груди, бѣлую розу.

Карета давно умчалась съ тучей поднятой сѣрой пыли, а въ моихъ ушахъ все еще звенѣлъ этотъ звонкій дѣвичій смѣхъ и на губахъ горѣлъ жаркій поцѣлуй, какъ горѣла въ рукахъ бѣлая роза.—Я стоялъ неподвижно, жадно смотря въ даль за умчавшейся каретой, готовый, казалось, броситься вслѣдъ за нею... Да, броситься за нею, чтобы разсказать чудной паннѣ, за что я не любилъ ляховъ, за что я побилъ ея брата... Мнѣ точно оправдаться хотѣлось предъ нею, точно снять съ себя что то и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать ей... сказать... я не сознавалъ, казалось, что именно хотѣлъ я сказать ей,—но я чувствовалъ, что и ея слова, и ея поцѣлуй пронизали точно огнемъ все мое я,—все затуманили, спутали и затеплили въ

душѣ что то совсѣмъ новое, теплое и невыразимо сладкое... Еще немного,—и очень можетъ быть, самъ не зная почему, я бы вдругъ заплакалъ,—но меня привелъ въ себя Разбой; удивленный моимъ столбнякомъ, онъ ткнулъ меня мордой.

— Пойдемъ, Разбой!

Я вспомнилъ снова все и мою клятву не бояться лѣса... Я повернулъ назадъ, къ нему, темной дугой огибавшему Пустынку... Тамъ навѣрное не найдетъ меня теткина погоня...

ГЛАВА VI.

Лѣсъ.

Когда мы подошли къ опушкѣ, было далеко за полдень... Дремучій лѣсъ, казалось, спалъ и громадные мшистые дубы стояли неподвижно и молча, широко распластавъ свои вѣтви, точно крылья въ застывшемъ отъ зноя воздухѣ. Въ немъ, за стволами, подъ непроглядною зеленою кущей царилъ, казалось, безпросвѣтный мракъ, но на опушкѣ, между порослей и невысокими кустами, на зеленыхъ прогалинахъ, пестрѣвшихъ яркими цвѣтами дикаго мака и золотоцвѣта, бѣлой кашкой и всевозможныхъ цвѣтовъ колокольчиками, всецѣло властвовало еще горячее солнце. Тутъ кишѣла еще жизнь:—перелетала, щебеча мелкая пташка, прыгалъ стрекотунъ кузнечикъ, шумно гудѣлъ круглый шмель, да тихо звенѣла почти невидимая мошка. Въ лѣсу же было тихо, совсѣмъ тихо! Только гдѣ то сбоку и ближе къ опушкѣ лѣса тоскливо ныла горлица, точно баюкая и навѣвая дрему, да временами звонко разсыпался въ тишинѣ, разя холодомъ, зловѣщій пискливый хохотъ хищнаго кобчика. Глухо и мѣрно, точно маятникъ, стучалъ еще невидимый дятелъ.

Свѣтлая опушка пріободрила меня, а влажный и густой ароматъ лѣса, точно волной, пахнувшей изъ него, потянулъ, казалось, къ себѣ. Я прошелъ, наконецъ, опушку, зашелъ за стволы и остановился въ тревогѣ и недоумѣньи. Страшный, непроницаемый мракъ, который такъ пугалъ меня всегда издали и начинался, казалось, сейчасъ за стволами, ушелъ дальше въ глубину. Я двинулся впередъ, мракъ ушелъ еще дальше, онъ

точно манилъ меня! Что то враждебное, казалось мнѣ, крылось въ этомъ заманиваньи и я громко крикнулъ, чтобы вызовомъ скорѣе разрѣшить свою тревогу и пріободрить оробѣвшее сердце. Мой крикъ пронесся гулко, протяжно и точно потонулъ въ этомъ уходившемъ густомъ мракѣ. Все оставалось также неподвижно, также тихо, только птица какая то сорвалась и тяжело захлопала крыльями. Спокойный Разбой посмотрѣлъ на меня удивленными глазами, я прижался къ нему ближе и пошелъ смѣлѣе. Мой вызовъ очевидно не былъ принятъ! И мракъ все отступалъ и отступалъ. Иногда съ Разбоемъ мы попадали даже въ цѣлый потокъ горячаго свѣта, который, врываясь густыми волнами сквозь просвѣты въ зеленой пущѣ, падалъ яркими озерами на зеленую муравy, трепеталъ въ зеленыхъ листьяхъ и сверкалъ на угрюмыхъ стволахъ. Сюда сейчасъ же врывалась и жизнь вмѣстѣ съ золотыми лучами, здѣсь прыгало, кружилось, гудѣло, звенѣло все, что было разбужено свѣтомъ. Я самъ набирался здѣсь мужества и все дальше, все смѣлѣе пробирался между стволами сквозь густую чащу молодой поросли, сплетенной дикимъ хмѣлемъ и тонкимъ вьюнцомъ.

Гдѣ же страхи?!

Если они и были, то, конечно, отступали все дальше и дальше въ глубь вмѣстѣ съ мракомъ, потому что на мнѣ былъ крестъ, а Разбой былъ „марчукъ“ [1]), котораго боится и волкъ и нечистая сила. О, насъ никто и ничто не тронетъ, пусть только попробуетъ! Я знаю заклинанья, которымъ научилъ меня Панасъ, а Разбой задастъ такую трепку, что и тошно станетъ! Правда, Разбой!? Я даже запѣлъ знаменитую старую пѣсню,—какъ смѣлый вызовъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ тонъ мой становился заносчивѣе и смѣлѣе... „Гей, кто въ лиси,—отзовыся“ кричалъ я все громче и громче, но никто не отзывался. Еще бы,—попробуй только!

Тѣмъ не менѣе разъ, когда мои шаги вспугнули тяжело взлетавшую сову, мое сердце забилось такъ скоро, что я чуть не замеръ на мѣстѣ...

---

[1]) „Марчукъ“—собака, рожденная въ мартѣ. Народное повѣрье.

Куда же я шелъ?! Я пробирался къ той свѣтлой зеленой прогалинѣ съ отдѣльными группами развѣсистыхъ дубовъ, которую видѣлъ на изображеніи святаго схимника, которая издавна манила меня своимъ чистымъ миромъ, покоемъ и поэтической красотой и которая несомнѣнно должна быть въ лѣсу... Если есть тамъ сѣдой схимникъ,—я паду на колѣни, жарко, жарко помолюсь Богу и исповѣдуюсь во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ... Я попрошу сѣдаго схимника оставить меня у себя,—буду носить ему изъ чистаго ключа воду, буду искать съ нимъ лѣсные коренья... А Разбой останется съ нами, оберегать насъ, защищать отъ всего враждебнаго, хищнаго и злаго... Вѣдь, если и нѣтъ у него души, то все таки есть доброе сердце и вѣроятно не хуже, чѣмъ у льва св. Марка.

И я нашелъ ее, эту прогалину, свѣтлую, мирную, дышавшую какой то скрытой, невыразимой красотой, только безъ сѣдаго схимника... Она раскинулась у небольшаго проточнаго озерка, густо поросшаго камышемъ, изъ котораго немедленно взвился, трепеща, кверху быстрый бекасъ, да зашлепали двѣ грузныя утки. Озеро съ избыткомъ питало здѣсь все просившее влаги,—трава, отливавшая пріятнымъ синеватымъ цвѣтомъ, была гуще и ярче, сама почва мягче и упруго гнулась подъ ногою,—воздухъ свѣжѣе... Темная чаща окружала ее красивой, какъ бы очерченной линіей, а сверху смотрѣло голубое бездонное небо, въ которое прихотливыми зубцами врѣзывались верхушки молчаливаго лѣса...

— Разбой, купаться!

Мы долго, долго провозились въ прохладной водѣ, играя съ шумомъ и визгомъ, а затѣмъ катались на стогѣ сѣна, стоявшаго между озеркомъ и чащей...

Когда я проснулся,—и озеро, и листва, и угрюмые стволы, и полянка,—все горѣло уже раскаленымъ жаромъ, какъ и моя, казалось, вдругъ отяжелѣвшая, точно свинцомъ налитая голова. Все пылало въ розовыхъ лучахъ и даже шерсть свернувшагося возлѣ Разбоя пестрѣла красноватыми пятнами. Очевидно стоялъ уже вечеръ, близилась темная ночь,—но мнѣ было какъ то все равно,—я ни о чемъ не думалъ... Налитая голова не двига-

лась,—все тѣло мое ныло,—во рту было сухо, тяжелыя вѣки слипались сами собой... Я разорвалъ воротъ, разметалъ руки и снова заснулъ...

Долго ли спалъ я,—не знаю,—но проснулся вновь отъ страшнаго холода темною, глубокою ночью. Надо мной сверкали, мигая, звѣзды, но кругомъ стоялъ такой мракъ, что я только по дыханью различалъ спящую рядомъ собаку. Впрочемъ,—мнѣ опять было какъ то все равно,—тьма ли стоитъ надо мною,—свѣтъ ли блещетъ... Меня мучили боль въ вискахъ и сильный ознобъ, отъ котораго дрожало все мое нывшее тѣло и не переставая стучали зубы... Я даже не различалъ хорошо—гдѣ я, дома ли, въ своей мягкой постелькѣ, или въ дремучемъ лѣсу забился въ сѣно... Все у меня спуталось... Я хотѣлъ только согрѣться, во что бы то ни стало согрѣться и слабою, непослушною, точно спавшею рукою потянулъ къ себѣ Разбоя... Онъ придвинулся, прикрылъ меня, лизнулъ и какъ то трѣвожно обнюхалъ... А я все дрожалъ и дрожалъ...

Наконецъ, тепло вдругъ какъ то снова разлилось по мнѣ и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось сильнѣе... Разбой дышалъ на меня точно раскаленнымъ воздухомъ жарко натопленной печи, точно жегъ меня,—но я не могъ шевельнуться, я лежалъ какъ мертвый... Въ головѣ у меня все подернулось точно флеромъ, я ничего не видѣлъ, не различалъ, я тонулъ, казалось, въ какомъ то горячемъ, влажномъ туманѣ... Вдругъ я услышалъ шепотъ, таинственный и нѣжный... Я открылъ, казалось, глаза,—и снова какъ будто сталъ различать все хорошо и ясно... Между мной и блестѣвшимъ звѣздами небомъ стояла бѣлая роза, которую утромъ я сунулъ за пазуху, куда обыкновенно пряталъ все самое дорогое,—та роза, которую дала мнѣ... Кто, въ самомъ дѣлѣ?—бѣлая же роза?... или... полячка!? Право,—я какъ то все спуталъ...

И видѣлъ я, какъ она, эта роза,—то принимавшая образъ чудной полячки, то снова становившаяся бѣлой розой,—смотрѣла на меня печально и грустно, точно рыдая... Я безжалостно, грубо измялъ ее за пазухой, я растрепалъ, истерзалъ ея нѣжные, ароматные лепестки...—За что?—спрашивалъ меня ея нѣжный шепотъ,—что сдѣлала тебѣ я,—молоденькій хлопче?! За что

же ты ненавидишь меня и собираешься воевать съ моимъ гнѣздомъ, съ моимъ замкомъ?! Развѣ я жгла твоего гетмана и мучила вольныхъ козаковъ?—Нѣтъ! Такъ зачѣмъ же ты переносишь чужіе, давніе грѣхи на меня молодую и невинную,—на меня, которой, какъ и тебѣ, хотѣлось жить вольно на свѣтѣ?! За что ты измялъ мои лепестки, обломалъ мои стебли,—о, за что, молоденькій хлопче!?

И бѣлая роза зарыдала... Слезы закапали, какъ роса, съ ея бѣлыхъ, измятыхъ лепестковъ и падали, казалось, мнѣ въ самое сердце, разливаясь оттуда жаромъ по всему тѣлу... Я хотѣлъ ей что то отвѣтить,—но не могъ,—мои уста запеклись,—а она продолжала:

— Слушай дальше!... А развѣ мало потоптали твои козаки моихъ сестеръ и братьевъ, когда вихремъ летали по степи?!.. Развѣ мало легло подъ копытами ихъ борзыхъ коней цвѣтовъ яркаго мака, золотоцвѣта, кувшинчиковъ и сестеръ моихъ,—степныхъ лилій?! А вотъ же я люблю тебя!... Я такъ жарко поцѣловала тебя сегодня утромъ на плотинѣ, что и до сихъ поръ пышутъ твои уста жгучимъ пламенемъ!—Развѣ не помнишь?!

— О, помню... Я все помню, бѣлая роза!—прошептали мои засохшія губы...

— Помнишь?—улыбнулась сквозь слезы роза,—такъ сравни же меня, невинную и любящую,—съ твоей суровой, холодной теткой!... Генеральша лишила тебя роднаго крова и теплой постельки!... Ты бѣжалъ отъ нея въ дремучій боръ и пугливо запрятался въ сѣно... Она смѣется надъ твоей рѣчью и твоей пѣсней... Что ей твои предки, старая сабля и кубокъ,—она ихъ и знать не хочетъ!... Она подняла, наконецъ, на тебя свою позорную розгу!...

Я хотѣлъ слушать дальше, но все исчезло вдругъ отъ страшнаго рева... Вѣрный Разбой, весь нащетинившись и дрожа отъ ярости, рычалъ предо мною куда то въ темную глубь,—гдѣ что то видѣлъ... И я увидѣлъ! Двѣ свѣтлыя, зеленоватыя точки глядѣли на меня изъ густаго мрака и двигались... Я принялъ бы ихъ за звѣзды, упавшія съ неба, стой онѣ неподвижно... Но теперь я узналъ ихъ... Это... это... страшные глаза... да, страшные глаза!... Но чьи же?...—Господи,—чьи же?!... А... Глаза генеральши!...

— Разбой! Не дай, добрый Разбой!...

Моя мольба, мой крикъ поднялъ на дыбы вѣрнаго друга! Онъ взвизгнулъ мнѣ и зарычалъ такъ страшно въ чащу, что все задрожало, все исчезло!...

Я проснулся, пришелъ въ себя вновь только подъ жгучими, палящими лучами новаго полдня... Меня разбудили жажда и жалобный вой Разбоя!... Онъ лизалъ мнѣ лицо, обнюхивалъ, затѣмъ поднималъ морду вверхъ и вылъ такъ страшно, точно прощался съ самою жизнью...

— Разбой, перестань!... Разбой,—я пить хочу... Пить, Разбой!

Звѣрь смотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза и визжалъ, точно оправдываясь, что не понимаетъ моей рѣчи... О, что же мнѣ дѣлать!? жажда была мучительнѣе боли, мучительнѣе изнеможенія,—она вооружила меня неестественной волей... Я поднялся на руки, закачался, изнемогалъ,—но все таки ползъ. Инстинктъ, а не глаза влекли меня къ ручью,—кажется, я его даже и не видѣлъ. Но я изнемогъ... я растянулся по дорогѣ...

— Разбой... о, Разбой!... простоналъ я сквозь слезы.

Больная ли грёза, или дѣйствительность была то,—не знаю, но ей Богу я, кажется, помню, что умный песъ точно понялъ меня, наконецъ... Сквозь какой то неясный туманъ, заслонившій мою память, я вспоминаю однако, что онъ завизжалъ, завилялъ хвостомъ и, не берусь утверждать, но, право, мнѣ какъ то рисуется, хотя и не ясно, что, бережно взявъ меня за воротъ зубами, онъ помогъ мнѣ ползти. По крайней мѣрѣ я былъ у ручья, я пилъ его чудную влагу.

Ахъ, какъ я пилъ! Я пилъ глазами, ртомъ, всѣмъ тѣломъ, я дыханьемъ пилъ и все мнѣ казалось мало и мало... Я боялся, что ручья не хватитъ, что я никогда не утолю этой жажды, которая отъ каждаго глотка разливалась пожаромъ, сильнѣе и сильнѣе. Но все таки, кажется, я поднялся освѣженный... Да, кажется!... Но какъ я вновь добрался до стога, какъ я снова повалился въ сѣно, я ничего. . ничего не помню!

Точно сквозь туманъ, помню еще, что на мигъ я пришелъ въ себя опять ночью отъ страшнаго визга Разбоя, отъ громкаго говора какихъ то людей, стоявшихъ съ факелами и фонарями.

Чьи то сильныя руки подняли меня на воздухъ, чьи то слезы закапали мнѣ на лицо...

— Грыцю!.. Мій внуку!.. Що зъ тобою, дытыно?!—слышу я чей то ласковый, знакомый шепотъ. Неужели дѣдъ!? Кажется, его длинные усы щекочутъ мнѣ горячія щеки?! Нѣтъ, это золотыя кудри... Это черные глаза и густыя дугою брови!.. Это полячка прижимаетъ меня къ своей упругой, полной груди и шепчетъ, и дышетъ на меня какъ бѣлая роза!... это... это!... И горячими руками обнимаю я чью то шею и шепчу въ отвѣтъ:— я люблю тебя, чудная панна!

. . . . . .

Когда я выздоровѣлъ у себя на постелькѣ, я узналъ и отъ дѣда, и отъ Горпыны, и отъ Панаса, что меня хватились только къ вечеру дня побѣга и всюду разослали людей на поиски. На другой день пріѣхалъ дѣдъ и самъ повелъ поиски, разсорившись навсегда съ рыдавшей въ испугѣ генеральшей. Меня нашли скоро, благодаря неустанному вытью Разбоя. Помню, я страстно рыдалъ и каялся, когда узналъ, какую муку причинилъ любившимъ меня людямъ.

Янкель, конечно, разнесъ всюду исторію моего побѣга, моей болѣзни и въ одно утро изъ замка мнѣ прислали громадный букетъ и сласти.

— Тебѣ панна прислала изъ замка!.. сказалъ дѣдъ, передавая мнѣ съ удивленіемъ присланное, но въ тонѣ его не слышалось раздраженья, онъ, кажется, даже радъ былъ такому вниманію къ его больному внуку,—ты ее видѣлъ?

— Да! отвѣтилъ я покраснѣвъ.

— Гдѣ же? Да, кстати! Ты все поминалъ въ бреду какую то панну... Ужъ не ее ли?

Я покраснѣлъ еще больше и обнялъ его шею.

— Дѣдъ!—прошепталъ я стыдливо,—она поцѣловала меня на плотинѣ и дала бѣлую розу!..

Съ этихъ поръ дѣдъ однако отказался самъ отъ педагогіи и выписалъ изъ города заштатнаго учителя, добраго старичка Ивана Семеновича, взявшагося приготовить меня въ третій классъ.

Я занимался много и хорошо, но все таки имѣлъ довольно досуга бѣгать въ темный лѣсъ, котораго я уже не боялся и гдѣ скоро свелъ новое знакомство, о которомъ разскажу въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII.

Въ античномъ мірѣ.

Говорятъ, что какому то молодому князю, страстно увлекавшемуся Гомеромъ, красотой изображеннаго имъ античнаго міра, суровый патеръ воспитатель строго замѣтилъ, что грѣшно увлекаться такимъ языческимъ вздоромъ.—„Да, это конечно вздоръ,—отвѣтилъ, говорятъ, юный князь,—но отъ него мнѣ такъ сладко, отче!“ Моимъ Гомеромъ былъ Охримъ.

О, чего только не зналъ онъ, чего не понималъ, куда не проникалъ своимъ пытливымъ, вдумчивымъ окомъ?! Все было ему ясно, все, и въ безграничномъ небѣ, и на широкой землѣ. Ему были открыты всѣ тайны дремучаго лѣса, онъ читалъ въ водяной пучинѣ, какъ хорошій чтецъ въ открытой книгѣ, онъ проникалъ насквозь непроглядную тьму глубокой, таинственной ночи, твердо зная, что скрыто ею отъ глазъ человѣка, онъ зналъ все... все то, „що колысь було правдою, а теперъ стало брехнею“. И если всѣ его знанія безусловно расходились съ тѣмъ, что зубрилъ я въ книжкахъ, если всѣ эти знанія ученый Иванъ Семеновичъ называлъ „чистѣйшимъ вздоромъ, которымъ стыдно увлекаться“, за то онѣ были мнѣ невыразимо сладки... Да, именно сладки! Мнѣ положительно становилось иногда горько, что книжки говорятъ иное, что въ мірѣ можетъ происходить все не такъ, какъ говорилъ Охримъ, я какъ то ближе былъ къ *его* міру, чѣмъ къ другому. Впрочемъ, помню, я какъ то странно двоился: училъ, зналъ я одно, а сердцемъ вѣрилъ въ другое. Сердцемъ я сливался въ вѣрѣ съ Охримомъ.

У него къ тому же было одно несомнѣнное преимущество предъ книжками и ученымъ Иваномъ Семеновичемъ. Тѣ знали разные „но“ и сомнѣнья, многое ими только предполагалось, требовало еще доказательствъ, многое было невыяснено, а еще

большее обѣщало стать для меня яснымъ только современемъ-де „когда выростешь", ничего этого не было у Охрима. О, онъ не зналъ ни „но", ни сомнѣній, ни колебаній, у него было все ясно, опредѣленно, цѣльно, *ничто* не требовало никакихъ доказательствъ. Тамъ казалось все сухо, безжизненно, какъ мертвая формула, какъ застывшій законъ, у Охрима все носило живой, сознательный образъ, всякое явленіе вызывалось и двигалось опредѣленной цѣлью, тѣсно связанной съ живымъ человѣческимъ міромъ, все было полно поэзіи, пластики, дышало неотразимой красотой творческаго духа. И все къ тому же могло стать для меня яснымъ сей часъ же, сію минуту!

Охримъ былъ пастухъ и если имъ не родился, какъ родился крѣпостнымъ графа, то едва ли помнилъ себя чѣмъ нибудь инымъ на свѣтѣ. Дремучій лѣсъ, полный тайны и страховъ, зеленый лугъ, весь трепетавшій неугомонной жизнью, небесный куполъ равно для всѣхъ ласковый и свѣтлый, послушное стадо, понимавшее его такъ же хорошо, какъ и онъ его понималъ— вотъ и все, съ чѣмъ онъ близко соприкасался съ дѣтства, что такъ или иначе могъ считать своимъ. Да не знаю, и хотѣлъ ли онъ еще чего нибудь?! Говорили, что когда то онъ любилъ богатую красавицу, дочь мельника, которую, конечно, не отдали за бездомнаго сироту—пастуха, отчего она и умерла съ горя. Съ той поры онъ и сталъ играть на своей сопилкѣ.

По этой сопилкѣ его знали всѣ кругомъ, зналъ и я гораздо раньше, чѣмъ сошелся съ нимъ, бродя въ свободные часы въ чащѣ полюбившагося мнѣ лѣса. Вечерами, когда по землѣ, отдыхавшей полною грудью отъ зноя,—стлались легкія тѣни и тихо дрожали въ послѣднихъ розовыхъ лучахъ заката, когда и воздухъ, не то розовый, не то подернутый дымкой, начиналъ дрожать и какъ бы струиться,—откуда то внезапно, дрожа и струясь какъ воздухъ, какъ вечернія тѣни,—приносились и легкіе тоны этой волшебной сопилки... Что за власть крылась въ этихъ тонахъ,—не знаю,—но хлопотливыя бабы останавливались, подпирались рукою, вслушивались, глаза ихъ туманились влагой и онѣ тихо шептали: „то Охримъ грае!"—Да, конечно, Охримъ! Кто жъ бы другой могъ околдовать эти перестававшіе дрожать

воздухъ и тѣни, кто другой могъ погрузить въ такую неподвижно-глубокую дрёму потемнѣвшіе въ сумеркахъ развѣсистые дубы и липы, предъ кѣмъ же еще, предъ какимъ другимъ чародѣемъ, смолкли бы эти неугомонные птичьи хоры?!... Все окрестъ околдовывали эти звуки Охримовой сопилки и, чаруя млѣвшую въ восторгѣ и нѣгѣ землю, поднимались отъ нея куда то высоко, высоко, вмѣстѣ съ легкой, чуть видной дымкой вечерняго тумана. Тамъ они, казалось, трепетали съ послѣдними лучами догоравшаго румянаго блеска и вмѣстѣ съ ними таяли и утопали въ темнѣвшей, лазуревой выси,—но утопая, расплываясь, это они, и только они вызывали изъ непроницаемаго эфира блѣдныя звѣзды!... На эти волшебные звуки, точно на вызовъ, выныряли звѣзды одна за другою...

Такую непередаваемо чудную музыку чарующихъ звуковъ любятъ часто сравнивать съ чѣмъ нибудь близко знакомымъ человѣческому уху... Любятъ говорить, что скрипка или флейта рыдаетъ... Нѣтъ,—Охримова сопилка не рыдала, рыдать можетъ всякій!... Она прямо хватала своими невидимыми, но властными тонами за сердце, точно руками, и влекла его за собою въ безграничную, подернутую фіолетовой дымкой, задумчивую даль... Можетъ быть туда, гдѣ она искала душу красивой мельниковой дочки?...

Какими чарами вызывалъ Охримъ въ своей простой дудкѣ такіе звуки,—осталось его тайной,—что за власть и сила крылась въ нихъ,—я не знаю,—но я живо помню, что дѣлали они съ моей дѣтской душою... Предо мною почему то вставала вся облитая багровымъ свѣтомъ заката далекая, турецкая Кафа, о которой поетъ слѣпой лирникъ, гдѣ стонали о „тыхыхъ зоряхъ“ родной Украины бѣдные невольники козаки въ желѣзныхъ путахъ,—и мнѣ хотѣлось тогда стонать вмѣстѣ съ ними... Эти звуки разворачивали предъ моимъ духовнымъ окомъ, какъ свитокъ, безграничную зелень Великаго Луга, гдѣ жалобно клекочетъ степная орлица, тщетно сзывая, какъ въ пѣснѣхъ, непробудно заснувшихъ козаковъ,—и мнѣ хотѣлось также клекотать вмѣстѣ съ нею... Я видѣлъ, наконецъ, какъ въ волнахъ голубаго эфира ныряла бѣдная чайка, я слышалъ, какъ она рыдала, что

„вывела дитокъ на бытій дорози," и меня неудержимо влекло рыдать вмѣстѣ съ чайкой... Влекло до того, что я плакалъ...

— На що... на що, Горпыно, винъ такъ грае?!—взволнованно, точно жаловался я, хватаясь за ея запаску.

— Цыть-те, панычыку, цыть-те!—чуть слышно шептала мнѣ въ отвѣтъ очарованная Горпына,—послухайте! Такъ ёму уже Богъ давъ!

Развѣ, что Богъ!...

Я и теперь еще живо и ясно помню наши встрѣчи... И теперь еще пышетъ на меня багровое тепло ночнаго костра, въ которомъ печется нашъ картофель, пока мы ведемъ свои бесѣды подъ чернымъ пологомъ неба, усыпаннаго звѣздами... Отъ яркаго пламени костра еще чернѣе кажется темное небо, еще гуще становится налегшая на землю ночная мгла, изъ которой рѣзко вырисовывается пылающій профиль Охрима. Онъ крѣпко сжалъ руками ярко освѣщенные колѣни, его брови сдвинуты; плотно стиснутая губами люлька совсѣмъ погасла,—его темные глаза неподвижно устремлены въ пылающее пламя... Что онъ тамъ видитъ, о чемъ думаетъ,—я не знаю!... Онъ вспоминаетъ, можетъ быть, прошлое,—другое пламя, что пылало въ немъ, въ немъ самомъ когда то,—пылало... и разсыпалось пепломъ, какъ сухой валежникъ?... Или онъ видитъ бранный станъ лихихъ запорожцевъ, о которыхъ поетъ въ своихъ пѣсняхъ,—видитъ и ждетъ условнаго „пугу!"—чтобы, вскочивъ на „вороного", умчаться птицей,—нѣтъ, что птицей!—вихремъ умчаться въ безгранично вольныя степи и вздохнуть въ нихъ,—о, такъ сладко вздохнуть!—полною грудью!... Я не знаю и не хочу знать!... Трещитъ, разсыпая искры, яркое пламя, тихо пофыркиваютъ пасущіеся кони, глубоко и протяжно вздыхаютъ во мракѣ волы... Молчитъ Охримъ и я самъ молчу, весь истомленный этой нѣгой лѣтней ночи, ея душистой мглою, этимъ багровымъ теплом костра,—этой цѣпью видѣній, грёзъ, какихъ то неясныхъ обрывковъ, что смутно проносятся въ головѣ, навѣянныя ночью...

— Гляди, Охримъ, гляди!... Вонъ скатилась звѣздочка!...

— Это не звѣздочка, панычу!—увѣренно поучаетъ Охримъ, посасывая люльку и надавливая золу пальцемъ, не поворачиваясь

и не глядя на меня.—Это не звѣздочка!—Это дитя родилось на свѣтъ...

— Дитя родилось?!

— Эге-жъ! Это Господь посылаетъ ему душу...

Вотъ какъ!?

— Отчего жъ онѣ разныя?—заинтересованный, страстно спрашиваю я Охрима.—Отчего жъ одна бѣлая, другая бываетъ красная,—а то и синеватая?

— Про то Господь знаетъ,—говоритъ онъ, не мѣняя позы, тѣмъ же докторальнымъ, не знающимъ сомнѣній тономъ.—Люди не могутъ знать... Опять же, мужская душа и женская!... Все же разница...

Да, конечно... Все это такъ понятно, такъ ясно и мнѣ дѣлается какъ то покойно, что именно такъ оно, а не иначе на свѣтѣ...

Во все посвящалъ меня Охримъ въ эти ночи,—весь міръ, загадочный и чудный, открывалъ онъ предо мною въ какой то стройной, красивой поэмѣ... Я узналъ всѣ легенды, всѣ преданья, я услышалъ чудныя пѣсни, которыя въ живыхъ образахъ воскрешали мнѣ таинственное прошлое, я услышалъ живой говоръ человѣка съ природой той поры еще, когда онъ не покорилъ ее для наживы и обмана, а жилъ съ нею, какъ братъ съ сестрою. Я полнѣе узналъ, наконецъ, что мучитъ, печалитъ и радуетъ человѣческую душу, узналъ многое такое, отъ чего замирало мое сердце... И еще шире раскрылось оно,—шире чѣмъ тогда,—на волѣ и еще глубже, еще страстнѣе забилось оно любовью... И если теперь даже, теперь, когда жизнь такъ жестоко истоптала все, чѣмъ оно билось, когда въ душѣ она не оставила ни одного мѣста, не обожженнаго слезою,—когда она даже рѣчь мою сумѣла замѣнить другою,—если и теперь еще въ моемъ сердцѣ тлѣетъ хоть одна теплая искра, то она навѣрное запала туда изъ багроваго костра въ эти волшебныя ночи!...

— А ты не боишься лѣса... одинъ... ночью?

— Чего же мнѣ бояться?...—vклончиво и какъ бы въ раздумьи цѣдитъ Охримъ сквозь стиснувшіе люльку зубы.

— А страхи! Развѣ нѣтъ въ лѣсу страховъ?

— Какъ нѣтъ?—есть! Вездѣ, панычку, есть страхи... Только бояться мнѣ ихъ нечего,—крестъ на мнѣ и живу я въ правдѣ...

— А кто же живетъ въ неправдѣ?

— Ляхи живутъ въ неправдѣ, паны!—говоритъ Охримъ, сплевывая на сторону.—Всякій, кто обижаетъ другаго, зло дѣлаетъ, завидуетъ...

— А ты не завидуешь, Охримъ?—наивно спрашиваю я его.

— Нѣтъ, панычку, я никому не завидую...

— А хотѣлъ бы ты быть паномъ?

— Паномъ? И паномъ не хотѣлъ бы я быть!—послѣ нѣкотораго раздумья твердо отвѣчаетъ Охримъ.—На что мнѣ панство? Тѣлу оно въ сладость, за то душѣ на сгубу... Такъ, панычку, въ лѣсу оно лучше. Солнце тебѣ грѣетъ, пташка всякая поетъ и живешь ты себѣ въ правдѣ... Развѣ не хорошо здѣсь, панычку?

Каждымъ фибромъ своимъ чувствую я правоту Охрима и и въ то же время больной, щемящій червь заползаетъ мнѣ въ душу и румянитъ во мглѣ мои щеки.

— А я, вѣдь, панычъ,—Охримъ!—не то стыдясь, не то съ болью, какъ то робко шепчутъ ему мои уста.

Чуткій Охримъ понялъ меня сразу и говоритъ мнѣ ласково и нѣжно, точно извиняясь:

— Что жъ, что панычъ? Это Божья воля... И Савлъ былъ паномъ, а сталъ святымъ апостоломъ... И дѣдусь вашъ живетъ въ правдѣ и всѣ люди его любятъ и уважаютъ, даромъ что панъ... Только бы душу не сгубить въ панствѣ,—вотъ оно что, панычку!

О, нѣтъ,—я не сгублю ее!... И я клянусь въ томъ и ему, и темной ночи, и звѣздному небу!... Я не сгублю ее, какъ не сгубилъ Охримъ, не сгубилъ дѣдусь, не сгубили всѣ тѣ, что почили въ этихъ высокихъ могилахъ... И когда я выросту и окрѣпну,—я стану весь на сторонѣ такихъ чистыхъ душою, какъ Охримъ, и пойду за нихъ противъ „ляховъ“...

Да, я пойду,—чего бы это мнѣ ни стоило... Пусть они готовятъ свои жаровни, на которыхъ жгли козаковъ, пусть изобрѣтаютъ что нибудь другое, болѣе утонченное, болѣе жестокое,—я не сдамся! А если мнѣ станетъ тяжело, не подъ силу, еслу

стонъ будетъ вырываться самъ собою, я, какъ Гонта, облегчи себя вздохомъ, молитвой за родную Украину...

— Да, да, Охримъ!—страстно клянусь я ему на его мягкій, ласкающій, полный благодарности взглядъ,—ты увидишь!

Какъ бы въ отвѣтъ на мои клятвы, онъ вынимаетъ свою волшебную сопилку и начинаетъ играть на ней что то такое чудное, что я, кажется, росту и крѣпну подъ эти чарующіе звуки...

Въ одну изъ такихъ ночей Охримъ разсказалъ мнѣ легенду. Много я слышалъ уже легендъ, многія чаровали уже меня своей красотой и драматизмомъ, но эта поразила всѣхъ сильнѣе,—поразила до того, что я почти бредилъ ею... И теперь еще, когда я ее вспомню, когда предо мною встанетъ образъ несчастной панны, глубоко любящей, но обреченной всегда вѣщать одно горе, мнѣ становится жутко и глубокая скорбь сжимаетъ мое сердце... Желать одного добра и приносить одно горе! Да есть ли что нибудь на свѣтѣ полное большаго ужаса, болѣе глубокаго драматизма, болѣе жгучей скорби?!... Ничего такого нѣтъ въ дантовскомъ „Адѣ“,—воображеніе великаго поэта было безсильно создать подобную муку!... Ее могло создать только творчество цѣлаго народа, вѣками искусившагося въ мукахъ...

Помню, я прибѣжалъ къ костру запыхавшись, горя нетерпѣніемъ скорѣй сообщить Охриму жгучую новость...

— Охримъ,—ты хотѣлъ бы быть вольнымъ?!

— Вольнымъ?—какъ то усмѣхнулся Охримъ.—Кто жъ, панычыку, не хочетъ быть вольнымъ?! Всякая тварь Божья! Малая птица,—звѣрь въ лѣсу, рыба въ водѣ,—всѣ хотятъ... Какъ же не хотѣть человѣку?

И онъ угрюмо свѣсилъ голову, точно вопросъ мой давилъ его какимъ то тайнымъ искушеніемъ.

— Такъ ты будешь вольнымъ!... Всѣ, всѣ будете вольными... Я слышалъ, какъ дѣдусь говорилъ, что царь даетъ волю...

— Слышно въ народѣ!—нерѣшительно протянулъ Охримъ! поднявъ вдругъ голову, но глаза его ясно блеснули.—Слышно, Пошли Господь бѣлому царю счастье и здоровье... Великое это будетъ дѣло, панычыку!—и онъ набожно перекрестился.

— Да, Охримъ,—это правда! Дѣдусь говорилъ, что скоро уже будетъ воля! Скоро!

Охримъ не отвѣтилъ,—онъ только вздохнулъ,—но этотъ вздохъ былъ могучѣе и краснорѣчивѣе всякаго слова... Этотъ вздохъ, казалось мнѣ, поднялся къ черному небу и отъ него задрожали свѣтлыя звѣзды... Онъ разбудилъ дремавшее эхо мрачнаго лѣса и лѣсъ, казалось, тоже вздохнулъ въ отвѣтъ тысячегрудымъ вздохомъ.—Онъ пронесся въ даль,—и точно вся даль вздохнула... Онъ глубоко проникъ въ мое дѣтское сердце и расплылся тамъ горячею скорбью.... Мнѣ стало невыразимо жаль Охрима...

— Охримъ!—и, повинуясь безотчетному порыву, я обнялъ его загорѣлую шею дѣтскими руками... Лихорадочными устами я шепталъ ему страстныя, любовныя рѣчи и возбужденное ухо мое чутко ловило громкіе удары его сердца въ отвѣтъ на этотъ шепотъ... Мнѣ казалось, что самъ я какъ то изчезаю,—что въ этотъ моментъ я нераздѣльно сливаюсь съ Охримомъ, въ одно цѣлое, общее,—какъ два ручья сливаются въ одномъ рѣчномъ ложѣ... Сдержанному, всегда одинокому Охриму стала, наконецъ, не подъ силу эта необычная нѣга ласки...

— Эге,—ге, мылый панычыку,—а не поспѣлъ ли нашъ картофель?!—весь взволнованный, крѣпко прижимая меня къ себѣ сильной, но дрожавшей рукою, спросилъ онъ, чтобы отогнать отъ себя этимъ вопросомъ сладкій, околдовывавшій кошмаръ...

Мы ѣдимъ горячій картофель и разнѣженный Охримъ, какъ бы платя за ласку, разсказываетъ мнѣ свои чудныя легенды... Я слушаю повѣсть о жестокомъ панѣ, обратившемъ въ раба роднаго брата, за что правосудный Богъ превратилъ его послѣ смерти въ дикій камень, вѣчно неподвижный, холодный и мрачный, и на вѣки вѣчные поставилъ стоять, какъ знаменіе своего гнѣва, за Збручемъ, на одной изъ угрюмыхъ вершинъ Карпатовъ... Я слушаю, какъ свѣтлая луна по Божьему слову отпечатлѣла на себѣ образъ первороднаго грѣха, чтобы люди никогда его не забыли... Я узнаю, какъ страшно, дико, леденя на смерть, можетъ хохотать угрюмый боръ темною ночью...

— Какъ!? Лѣсъ можетъ смѣяться!?

— Эге, панычку,—можетъ!—увѣренно и твердо говоритъ Охримъ, затягиваясь люлькой.—Все можетъ:—и смѣяться можетъ, и стонать, и плакать!... Только не дай Богъ никому слышать, какъ лѣсъ смѣется! Страшный это смѣхъ! Былъ одинъ человѣкъ, что не вѣрилъ,—такъ Богъ и наказалъ его... Шелъ онъ разъ ночью и услышалъ... Ну, и умеръ онъ отъ того смѣха...

— Какъ же лѣсъ смѣется, Охримъ?..

— Богъ его знаетъ, панычку, я слава Богуне слышалъ,—только люди говорятъ, что страшно!... Говорятъ,—такъ вдругъ!.. Тихо, тихо... а тутъ сразу что то засмѣется, да и пойдетъ, да и пойдетъ по всему лѣсу... Каждое дерево, панычку, смѣется,—каждый кусточекъ, каждая травка... Говорятъ, лѣсныя дивчата играются это...

— А ты видѣлъ ихъ, Охримъ?—охваченный жгучимъ интересомъ, въ которомъ сквозитъ страхъ,—почти шепотомъ спрашиваю я Охрима.

— Нѣтъ,—не доводилось, слава тебѣ Господи! А вотъ покойникъ Панасъ, панычку, что на печи у васъ умеръ,—царство ему небесное,—тотъ говорятъ Бѣлую Панну видѣлъ передъ войною!...

— Какую Бѣлую Панну?—весь замирая, спрашиваю я.

— Что бѣду вѣщуетъ!... Развѣ не слыхали, панычку?—Нѣтъ?! Ну, такъ послухайте...

И снова набивъ свою люльку, онъ разсказалъ мнѣ эту дивную легенду...

Онъ разсказалъ мнѣ, какъ давно, давно,—еще за Польшу,—на крутой горѣ стоялъ мрачный замокъ и жила въ немъ злая пани, запродавшая нечистому свою душу... Онъ разсказалъ, какой хитрый уговоръ сдѣлала злая пани, поставивъ нечистому условіе, что взять ее онъ можетъ только, когда опадутъ всѣ до единой зеленыя иглы ея молоденькой елки и только въ оградѣ ея замка... И она вѣчно держала ворота настежь, чтобы бѣжать при первой опасности... А ея молоденькая дочка ничего про все это не знала...

— Она была тоже злая?—перебиваю я Охрима.

— Нѣтъ, панычку,—она была добрая, какъ мать ея была злою, и такая красивая, что и у короля не было такой краси-

вой королевны... Когда она смѣялася, панычку,—то и все съ нею смѣялось...

— И пани крѣпко холила свою елку, но разъ должна была отлучиться по какому то нечистому дѣлу,—говорилъ дальше Охримъ... И строго наказала она крѣпко любившей свою мать дочкѣ:

Поливай мою елку ключевою водою
И ходи ты за нею, какъ сестра за сестрою...

— А если бы, приказывала дальше мать,—у елки опали зеленыя иглы,—ты выйди на встрѣчу мнѣ въ черномъ... Помни же, дочка,—въ черномъ!...

— Зачѣмъ, Охримъ?—спрашиваю я, затаивъ дыханіе.—Чтобы дать ей этимъ знакъ?

— Эге-жъ, панычку... Ось, слухайте!...

— И дочка ходила, говорилъ Охримъ,—за елкой, какъ сестра, и поливала ее водою... Но къ ужасу ея, разъ, всѣ зеленыя иглы сразу опали... Не знала панна, что это значитъ, и крѣпко тужила... И подумала тутъ же своимъ добрымъ сердцемъ: „Зачѣмъ ей огорчать любимую мать еще издалека!... Нѣтъ,—пусть лучше въѣдетъ она въ свой замокъ съ ясной душою... Не одѣнетъ она чернаго платья!“... И завидѣвъ мать издалека,—вышла къ ней въ бѣломъ...

— Ну, что жъ?!—тороплю я Охрима.

— Ну, и въѣхала, говоритъ онъ, пани веселая, но завидѣвъ голую елку, задрожала, посинѣла и пропала вмѣстѣ съ замкомъ и горою... Но прежде она прокляла свою дочку... Накинулась на нее съ пѣной, назвала ехидной, и какъ ни плакала, какъ ни молила дочка, положила на нее страшное заклятіе...

— Иди же, ехидно, сказала мать, и вѣщай всѣмъ людямъ одно горе вся въ бѣломъ, какъ ты его мнѣ и провѣщала. Съ той поры и убѣжала прелестная панна въ лѣсную чащу...

— Зачѣмъ же, Охримъ, зачѣмъ же убѣжала она въ лѣсную чащу?—спрашиваю я, задыхаясь.

— А потому, панычку, что она добрая и жалко ей людей... Какъ только кто увидитъ ее,—такъ и настанетъ большое горе,—потому она и прячется отъ всѣхъ въ дремучей чащѣ... Прячется и все плачетъ...

— И навсегда это, Охримъ?

— На вѣки, панычыку... Говорятъ люди, что еслибы кто встрѣтилъ ее и пожалѣлъ, такъ кончились бы ея муки!...

— Неужели жъ, Охримъ, никто ее не пожалѣетъ?!

— Никто, панычыку, ибо всякій ее боится и бѣжитъ отъ нея... А кого боятся люди,—того они не жалѣютъ!...

. . . . . .

Меня душили жгучія слезы,—но я вздохнулъ полною грудью и съ души скатилась тяжелая гиря, наложенная было жестокой судьбою чудной панны... Если никто,—такъ я же ее пожалѣю! Я найду ее и пожалѣю,—хотя, можетъ быть, мнѣ и будетъ страшно въ первое время! О, пожалѣю всѣмъ сердцемъ!... Я пойду за ней въ дремучую чащу!...

Бѣдная панна! Такая добрая, прелестная и обреченная на одно зло и горе!... Какъ опьяненный шелъ я домой и, глотая невидимыя подъ чернымъ пологомъ ночи слезы, дрожа отъ волненья, какъ въ лихорадкѣ,—поставилъ себѣ страстный обѣтъ... Ее видѣлъ покойный Панасъ,—и я ее увижу, найду... и... Почему то она вызвала въ моемъ представленіи образъ той... что тогда... на плотинѣ... образъ той, которую давно уже смутно искало мое сердце!... Можетъ быть для другаго образа въ моемъ сердцѣ уже не было и мѣста?!...

ГЛАВА VIII.

Бѣлая панна.

И я ее увидѣлъ!...

Но до того многое успѣло уже измѣниться на свѣтѣ. Многое успѣло рухнуть, точно въ пропасть, на замутивъ даже рябью спокойную на видъ поверхность жизненнаго моря,—многое успѣло народиться, чего никогда и не было на свѣтѣ. Великое дѣло, какъ называлъ его Охримъ, совершилось, народъ по царскому слову сталъ вольнымъ. Воля, за которую вѣками билась Украина и съ ляхами, и съ туркомъ, изъ за которой когда то разорвала на двое древнюю Польшу и соединилась съ единовѣрною Москвою, стала, наконецъ, фактомъ. И какъ сильный

дождь изнывшую отъ зноя и жажды спаленную степь,—она подняла, освѣжила и укрѣпила всѣ ростки жизни, что таились глубоко, глубоко въ изнывавшемъ, изможденномъ народѣ.

Какъ все это произошло подробно,—я теперь не помню. Слишкомъ много лѣтъ и еще неизмѣримо больше впечатлѣній легло уже между мною и тѣмъ моментомъ, который видѣли мои дѣтскія очи. Потому то и встаетъ онъ теперь въ моемъ воспоминаніи, какъ долгій, долгій весенній праздникъ, полный всеобщаго ликованья и счастья. Сама природа точно ликовала тогда съ народомъ, по крайней мѣрѣ изъ моей памяти совсѣмъ исчезли какъ то зима и осень, точно въ томъ году ихъ и не было вовсе. Какъ ребенокъ, и къ тому же очень нервный, я схватилъ только самыя сильныя, общія впечатлѣнія, оттого я и помню только ясное ведро природы и счастливое ликованіе народа.

Да, все окрестъ ликовало! Но въ палатахъ магнатовъ, въ усадьбахъ шляхты творилось что то другое, тамъ не было ликованья и счастья. Оттуда несло какой то смутой и тревогой, какой то загадочной тайной и угрозой. Тамъ собирались какіе то таинственные съѣзды, шли бенкеты, на которые съѣзжались откуда то невиданные доселѣ въ краѣ люди, шли какіе то странные толки о дѣлахъ въ Варшавѣ. Шляхта одѣлась въ старинныя чамарки, шляхтянки стали носить только траурныя платья, точно вновь свидѣтельствуя этимъ свою рознь съ народомъ, даже Янкель сталъ какимъ то таинственнымъ и скрытнымъ. Дѣдъ все это видѣлъ, понималъ конечно, хмурился и укоризненно качалъ головою.

— Ничему не научилась еще эта Варшава!—вѣчно бормоталъ онъ въ свои длинные усы, глядя подчасъ въ окно на суету въ замкѣ,—а пора бы кажется!? Охъ, пора бы!

Чему было бы пора научиться Варшавѣ,—я не понималъ еще тогда, но я скоро узналъ, что значитъ это оживленье шляхты. Въ той средѣ, къ которой я былъ такъ близко,—въ средѣ народа, тоже шли свои толки. Тамъ тоже все видѣли и по своему знали, что это шляхта готовится бунтовать противъ народной воли. И грозно сдвигались тамъ брови, сумрачны ста-

новились лица, страшной угрозой дышали взоры. Зорко слѣдили оттуда за шляхтой, такъ зорко, что самый легкій вздохъ даже не прошелъ бы незамѣтнымъ, и напряженно ждали... Ждали, что съ высоты самаго высокаго на свѣтѣ золотаго трона, который, какъ небо звѣздами, усыпанъ весь миріадами драгоцѣнныхъ каменьевъ, что съ высоты этого трона, провѣщавшаго народу волю, раздастся призывъ, нѣтъ, что призывъ! одно движеніе, одинъ только намекъ на него и... и... и, конечно, „отъ Случи до Чернаго моря“ исчезла бы самая память о „ляхахъ“. Пыль засыпала бы тѣ мѣста, гдѣ стояли гордые замки важныхъ магнатовъ... подорожникъ зеленѣлъ бы на мѣстахъ шляхетскихъ усадебъ... О, хорошо помнила Украина уроки своего прошлаго!

— Не хочетъ царь позволить намъ самимъ усмирить ляховъ!— говорилъ мнѣ со вздохомъ Охримъ.—Видно, жалко царскому сердцу и ляховъ... Все жъ, вѣдь, и они тоже ему дѣти!... А мы бы!...

Охримъ не договаривалъ, только глаза его сверкали, да тонкія ноздри дрожали... Я и самъ понималъ хорошо, что сдѣлали „мы бы“...

А суета шляхты все росла и росла. Въ костелахъ стали пѣть неслыханные доселѣ гимны; по дорогамъ запрыгали таратайки то съ молчаливыми, сосредоточенными ксендзами, то съ молодыми шляхтичами, одѣтыми въ старопольское платье, старавшимися брататься съ ненавидѣвшимъ ихъ народомъ, можетъ быть, даже искренно въ тотъ моментъ, но совершенно неудачно. Дѣдъ хмурился все сильнѣе, тѣмъ больше, что народъ то и дѣло прибѣгалъ къ нему за совѣтами, что дѣлать въ виду затѣй шляхты, въ виду слуховъ о готовившемся возстаніи въ Варшавѣ, съ опасеніемъ о судьбѣ своей воли.

— Охъ, видно прійдется намъ еще разъ побить въ Украинѣ ляховъ!—вырвалось у него, помню, какъ то невзначай послѣ одной изъ бесѣдъ съ народомъ.

Разъ, я спалъ уже въ своей постели, когда къ крыльцу дома неожиданно подкатила одна изъ такихъ таратаекъ, изъ нея выскочилъ никому неизвѣстный молодой шляхтичъ и пошелъ къ дѣду. Долго они бесѣдовали о чемъ то, то тихо, то громко, но, наконецъ, дѣдъ сталъ говорить такъ сердито и громко, что я

въ удивленіи проснулся... Компата дѣда приходилась рядомъ съ моей спальней.

— Одно жъ у насъ небо, одна жъ земля насъ вскормила!— коснулись моего слуха слова незнакомца, сказанныя такимъ тономъ, точно онъ въ чемъ то убѣждалъ дѣда.

— Что жъ изъ того? — возразилъ твердо дѣдъ.—Въ одной водѣ, пане, живутъ карась и щука... Развѣ не знаете?...

— Такъ, положимъ... Но вѣдь мы оба любимъ одну и ту же Украину!.. горячился шляхтичъ.

— Любимъ, то любимъ... Да, вотъ, бѣда, пане, любимъ мы разно.

— Какъ?!—не то вспыхнулъ, не то улыбнулся иронически незнакомецъ.

— А такъ, пане!—совсѣмъ уже грозно отвѣтилъ дѣдъ.—Общаго нѣтъ у насъ съ вами... Мы подѣлились еще за время Рѣчи Посполитой, которую и мы же порвали, а порвали мы ее потому, что согласиться не могли, что у каждаго изъ насъ было нѣчто свое, что ставило насъ другъ противъ друга... Вы любили свое, а мы свое....

— Что же это такое, я не понимаю? Недоразумѣнія, что ли?—удивлялся гость, и мнѣ показалось, что онъ вновь иронически улыбнулся.

— Хороши недоразумѣнія, нечего сказать,—засмѣялся дѣдъ.— Народническая Русь и шляхетская Польша, да вѣдь это огонь и вода, пане!.. Двумъ разнымъ богамъ молились мы съ вами, вотъ что насъ подѣлило! И знайте, пане, что пока такъ стоитъ дѣло, не будетъ между нами мира и общаго..! Прислушайтесь-ка къ толкамъ народа!... Пока вы будете смотрѣть тѣми же шляхетскими глазами, вся Русь, весь народъ ея...

— Народъ?!—съ досадой, казалось мнѣ вновь, перебилъ гость.— Народъ—стадо! Кто пообѣщаетъ ему лучшее сѣно, за тѣмъ онъ и пойдетъ!..

— Стадо!?—крикнулъ дѣдъ.—Вотъ тутъ то и разница между нами, пане! Для васъ онъ только стадо, для меня онъ все на свѣтѣ! И знаете что, пане, послушайте моего совѣта, жалко мнѣ васъ! Не трогайте вы это стадо, охъ, не трогайте!.. Бросьте свои затѣи, которыя въ конецъ васъ погубятъ!.. Послушайте, пане,— если бы этому стаду вы предложили брилліантовую гору отъ

земли до неба, и тогда онъ будетъ какъ милости ждать позволенія—стереть съ земли самое мѣсто, гдѣ стоитъ Варшава.. Вотъ оно какъ, пане.

— Я могу согласиться только на томъ, что онъ такой же теперь, пожалуй, варваръ,—какимъ былъ, когда поднялъ бунтъ и противъ цивилизаціи, противъ культуры древней Польши... ѣдко возразилъ гость,—и не кончилъ, ибо въ этотъ самый моментъ неожиданно появился я на порогѣ и, щурясь отъ свѣта, сталъ съ удивленіемъ разглядывать незнакомца.

— Ты какъ здѣсь?!—съ удивленіемъ спросилъ дѣдъ, проглотивъ готовое было сорваться въ отвѣтъ гостю слово.

— Я проснулся, дѣдусю...

— Вижу... Чего жъ тебѣ надо?..

— Ничего, дѣдусю... Я такъ...

— Ты слышалъ, о чемъ мы говорили?

— Да, дѣдусь... Я слышалъ, какъ ты говорилъ, что народъ хотѣлъ бы побить Варшаву...

— Ну, а ты какъ думаешь?—усмѣхнулся дѣдъ, которому всегда пріятно было меня видѣть.

— Я тоже хотѣлъ бы, дѣдусь!—отвѣтилъ я искренно, смотря на улыбавшагося насмѣшливо гостя.

— Ну, а пока иди спать!...

Эту сцену помню я живо, хотя много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, а сущность самаго разговора стала мнѣ ясна только впослѣдствіи изъ разсказовъ самого дѣда, когда я сталъ постарше. Но я и теперь, кажется, вижу высокую разгнѣванную фигуру дѣда, готоваго было крикнуть съ ироніей:—да, до сихъ поръ, пане, помнимъ мы вашу шляхетскую цивилизацію!—и насмѣшливо улыбавшееся лицо молодаго шляхтича. Я ушелъ спать, гость уѣхалъ,—но съ тѣхъ поръ дѣду просто житья не стало отъ сосѣдняго шляхетства. Его травили всѣмъ и чѣмъ могли только, какъ самаго злѣйшаго врага, его почти открыто звали „гайдамацкой собакой“ и не было той клеветы, что не сыпалась бы на его честную, сѣдую голову... Дѣдъ молчалъ, только хмурился сильнѣе,—за то я страдалъ и кипятился за него, дѣля свое негодованіе съ Охримомъ, съ кучеромъ Панькомъ и съ дру-

гими своими знакомцами-друзьями. Разъ,—когда на дѣда посыпались со всѣхъ сторонъ угрозы,—сначала его старались выставить бунтовщикомъ народа въ глазахъ власти и это чуть не удалось было, а затѣмъ стали грозить ему смертью,—онъ позвалъ Панька и велѣлъ ему отточить завѣтную саблю.

— Отточи-но, Панько, гетманку!...

Панько отточилъ ее, какъ бритву и, показывая мнѣ чистый, сверкавшій клинокъ, произнесъ съ какой то гордой похвальбой:

— А у меня, панычу, давно уже есть „точэный"...

— Что такое?...

Панько съ гордостью вытащилъ длинный ножъ и, точно любуясь имъ, сказалъ какъ то задыхаясь:

— Глядите, паныченьку!... Охъ, еслибы только вздумали понавѣдаться сюда вражьи ляхи!!—Я по самый локоть всадилъ бы его въ ихъ панское сердце съ рукою... Такъ всадилъ бы, панычку,—ахъ, какъ всадилъ бы!

А у пастуха Охрима давно уже была заготовлена тяжелая, сучковатая дубинка...

Но и все это время я никогда не разставался съ своими грезами о чудной Бѣлой Паннѣ, которая по прежнему какъ то странно соединялась въ моемъ представленіи съ образомъ дивной полячки изъ замка, и все такъ же рыскалъ за нею по чащѣ. Меня точно околдовалъ этотъ образъ, тянулъ къ себѣ какой то невидимой, но крѣпкой нитью и какъ ни билось мое сердечко страхомъ, какъ ни блѣднѣли подчасъ мои щеки,—я не могъ совладать съ этимъ влеченьемъ, я шелъ за нимъ, несмотря на страхъ и тревогу, въ самыя густыя заросли лѣса... Казалось,—въ самомъ страхѣ, въ самой тревогѣ моей крылась какая то чарующая прелесть, мимо воли толкавшая меня впередъ и впередъ, и я шелъ, замирая, какъ нѣкогда выслѣживалъ русалокъ въ темныя ночи... Много дней пробродилъ уже я, много новыхъ тропъ проложилъ въ чащѣ и много нашелъ я скрытыхъ ущелій, темныхъ пещеръ и разсѣлинъ въ лѣсистыхъ скалахъ, гдѣ, кажется, должны бы были ютиться самые невообразимые страхи... Но все было тщетно,—меня тоже бѣжала чудная панна...

— Ей жалко людей,—ей горько вѣщать имъ злое горе!—стучали въ моемъ сердцѣ слова Охрима,—и еще сильнѣе тянуло меня къ ней, тянуло „пожалѣть“, чтобы спасти ее отъ злаго заклятья, спасти отъ вѣчной муки. Можетъ быть, тянуло такъ и потому, что она все казалась мнѣ похожей на ту... ту панну, что поцѣловала меня своими чудными устами и дала свою бѣлую розу... Та, вѣдь, тоже была вся въ бѣломъ и тоже любила!...

Но разъ, тихимъ вечеромъ на самомъ закатѣ, когда лѣсъ одѣлся какимъ то стыдливо грустнымъ румянцемъ, съ которымъ спорили, волнуясь, свѣтло-фіолетовые тоны надвигавшихся сумерекъ, я лежалъ въ густой чащѣ... Я лежалъ и смотрѣлъ безцѣльно вверхъ, ни очемъ не думая, ни чего не ожидая,—слѣдя глазами за дымной тучкой, таявшей въ пылавшемъ небѣ, какъ таетъ безъ слѣда снѣжинка, занесенная случайно къ багровому свѣту камина... Все было тихо,—все отдыхало или собиралось на отдыхъ,—только ворона каркнула гдѣ то.... И вдругъ я увидѣлъ!...

Нѣтъ,—сначала я услышалъ только шорохъ за кустами,—тамъ,—гдѣ виднѣлась зеленая полянка,—такой легкій шорохъ, точно поднявшаяся птичка всколыхнула тонкую вѣтку, точно чей то легкій вздохъ пронесся въ зеленой кущѣ вдругъ задрожавшихъ листьевъ... Я невольно повернулъ глаза, невольно вглядѣлся сквозь листья и вѣтви,—и замеръ .. Замеръ весь, какъ лежалъ съ заложенными подъ голову руками, съ поднятою дыханьемъ грудью, съ замолчавшимъ сердцемъ... Я увидѣлъ бѣлое... бѣлое платье!..

Да,—тамъ за кустами стояла Бѣлая Панна,—грустная, печальная вѣщунья,—рѣзко выдѣляясь въ тихо дрожавшей вечерней дымкѣ... Багрово-золотые лучи исчезавшаго солнца, продираясь сквозь чащу неподвижнаго лѣса, играли пурпуромъ и златомъ на складкахъ ея легкаго, бѣлаго платья, свѣтили ея золотистыя кудри, охватывали всю ее какою то дрожавшею волною свѣта... И она сама, легкая и прелестная, дрожала, кажется, свѣтясь,—вмѣстѣ съ вечерней дымкой, съ волной врывавшагося свѣта... Я не вѣрилъ себѣ и въ то же время—видѣлъ,—я замеръ въ ужасѣ и въ то же время смотрѣлъ, смотрѣлъ и смо-

трѣлъ... Что же она вѣщаетъ?! Какое и кому горе? Я боялся двинуться, чтобы не спугнуть чудное видѣнье...

И чѣмъ больше смотрѣлъ я, тѣмъ все шире раздвигались, казалось, мои зрачки,—тѣмъ все больше жгучее недоумѣніе смѣняло мой ужасъ. Видѣніе, эта заколдованная Бѣлая Панна поразительно, какъ двѣ капли воды, походила на тотъ мимо воли обожаемый образъ, которымъ давно трепетало мое сердечко, который съ какой то жгучей властью всегда виталъ предо мною и какъ ядъ грѣха, въ которомъ я самъ себѣ боялся признаться, впитался въ мою дѣтскую душу... Да, и раньше я подозрѣвалъ это сходство и раньше онѣ обѣ соединялись въ моемъ воображеніи въ одно цѣлое, въ одинъ образъ,—но теперь это было живое воплощенье, а не сходство,—предо мною дѣйствительно, казалось, стояла чудная полячка... Эти золотыя кудри... глаза,—эти брови... эта пышная грудь, на которой дрожитъ бѣлая роза! Сонъ ли это, или правда,—видѣнье,—или это дѣйствительно она,—панна изъ замка,—съ которой такъ давно уже и такъ страстно, хотя и смутно, безотчетно желалъ я новой встрѣчи!?.. Но зачѣмъ же пришла она сюда,—не меня же искать въ лѣсной чащѣ... Или... или... Неужели же чудная полячка только привидѣнье, неужели она сама—Бѣлая Панна!?...

Мои недоумѣнія разлетѣлись мигомъ, а сердце въ тотъ же моментъ сжалось болью и какимъ то новымъ, неизвѣстнымъ еще, но тяжелымъ чувствомъ... Туманъ очарованья исчезъ, какъ только у ногъ дивнаго видѣнья очутился тотъ самый шляхтичъ, что пріѣзжалъ ночью къ дѣду, что по словамъ Янкеля, былъ влюбленъ въ молодую графиню, какъ сумасшедшій,—и это видѣнье его не бѣжало... Да,—это была полячка изъ замка,—сомнѣній не было,—а это былъ онъ... тотъ шляхтичъ!... И разглядѣвъ все, я почувствовалъ, какъ вспыхнули вдругъ мои щеки, какъ загорѣлись мои глаза какимъ то нехорошимъ огнемъ,—а грудь заходила неровно...

Тотъ стоялъ у ея ногъ, цѣловалъ ея руки и шепталъ ей какія то тихія, неслышныя рѣчи... Она не отнимала рукъ,—она стояла неподвижно, молча,—прелестная, бѣлая, почти прозрачная, какъ дымка, какъ бѣлая весенняя тучка въ голубомъ небѣ,—блѣдная

и грустная... Только грудь ея колыхалась, только крупныя слезы медленно струились по ея застывшимъ, какъ мраморъ, щекамъ...

— И ты пойдешь?!

— Конечно пойду,—долженъ!—отвѣтилъ шляхтичъ.—Всѣ идутъ и твой старшій братъ съ нами!...

— Знаю!—вырвалось у панны,—но то, что вырвалось, походило скорѣе на вздохъ, чѣмъ на слово.

— Ты не хочешь?! Ты все еще не вѣришь въ наше дѣло?!

— Нѣтъ, не вѣрю!—качнула головой панна.

— Не вѣришь?! Когда за насъ Европа?

— Европа!—горько отвѣтила панна.—Не тотъ ли нѣмецъ, что совсѣмъ онѣмечилъ Познань? Не трусливый ли австріякъ, что взялъ себѣ наши лучшія части и вѣчно дрожитъ за свою цѣлость?... Не они ли?!

— А Франція! Наполеонъ!?

Панна грустно покачала головою.

— Ничего не будетъ кромѣ бѣды...

— Какъ!? Ты не вѣришь!... Ты не слыхала развѣ, что сказалъ онъ маркизу?

— Слыхала, но я ему не вѣрю...

— Не вѣришь Наполеону? Почему!?

— Онъ намъ измѣнитъ, какъ только кровь прольется,—мы для него только шашки въ его игрѣ съ Россіей... Онъ намъ измѣнитъ, какъ измѣнилъ своимъ... Онъ измѣнитъ, какъ измѣнилъ намъ его дядя...

— Ты говоришь о Великомъ?...

— Да, о немъ говорю... Развѣ не вѣрили ему наши?... Развѣ не гибли за него наши легіоны и въ Испаніи, и въ Африкѣ, и вездѣ, куда его ни носило? Развѣ мало уже пролилось нашей крови,—а что же вышло?—Одно горе! Нѣтъ,—я не вѣрю Наполеонамъ!... И нечего намъ разсчитывать на кого бы то ни было,—иначе мы сами себя погубимъ!...

— Ты говоришь не какъ полька!—съ горечью и болью отвѣтилъ ей шляхтичъ.

— Да я и не полька, а украинка, какъ и ты не полякъ, а украинецъ! Но я, какъ и ты, люблю Польшу, я, какъ и ты, всо-

сала эту любовь съ колыбели и, какъ у тебя, у меня нѣтъ другой матери-ойчизны... Я готова погибнуть для нея даже безъ вѣры, что принесу ей этимъ пользу... И я не удерживаю тебя,—я говорю тебѣ сама:—иди,—разъ ты говоришь, что долженъ... Иди!..

Я дальше не слышалъ... Въ моихъ ушахъ что то звенѣло, что то поднималось въ груди давящей, мучительной волною... Пара исчезла,—она двинулась по лѣсной тропѣ и потонула, какъ видѣнье, въ сумракѣ лѣсной чащи... Только платье зашуршало, да захрустѣлъ подъ ногами сухой валежникъ... А я все лежалъ и лежалъ, охваченный какой то неясной, смутной, но тревожной мыслью... Мнѣ какъ будто страшно стало, что я держу въ рукахъ чужую тайну, какъ будто стыдно было, что я увидѣлъ то, чего никто не долженъ былъ видѣть... И вмѣстѣ съ тѣмъ меня что то жгло, терзало,—туманило мысли до слезъ,—какое то несознанное, еще незнакомое, но жгучее чувство...

Тайна! Да, я держу въ своихъ рукахъ чужую тайну,—и, Боже,—чего мнѣ это стоитъ!.. И я сдержу ее, скрою,—хотя это можетъ быть и измѣна своимъ... Я скрою ее, какъ скрылъ отъ всѣхъ и тотъ ядъ, что впился въ меня съ прелестныхъ устъ тогда... на плотинѣ... въ горячее, горячее утро... Можетъ быть, и это измѣна,—но такъ велѣло мнѣ тогда почему то все то, что такъ сильно стучитъ у меня въ груди слѣва... Оно сильнѣе моей воли!.. Я скрою,—я никому не скажу!.. Но... но... встрѣть я теперь полячку, встрѣть я ее одну,—я бы... я... Я самъ не знаю, что сказали бы ей мои дрожавшія больной и острой мукой, побѣлѣвшія, запекшіяся уста!...

Я плакалъ...

ГЛАВА IX.

Расплата.

Стояла глубокая осень... Опавшій листъ печально шуршалъ подъ ногами, темные дубы побагровѣли, точно напитались кровью; голубое небо потеряло глубину и яркость, поблѣднѣло похолодѣло и самая даль изъ задумчивой, манящей,—стала какой то грустной...

И гордый замокъ, поднимаясь надъ багрово-желтою кущей умиравшаго лѣса, глядѣлъ теперь тоже грустно... О, не гордо уже, какъ прежде, взлеталъ онъ къ небу, царя надъ всѣмъ доломъ; — его кичливая гордость пропала... Не угрозой дышалъ мрачный камень, — онъ выглядѣлъ сумрачно, глухо, печально, точно памятникъ, поставленный на мѣстѣ, кипѣвшемъ нѣкогда жизнью, а теперь мертвомъ,—и только глубокій вздохъ о прошломъ, казалось, застылъ и таился въ его неподвижныхъ, грандіозныхъ стѣнахъ!... Разъ, я помню, дѣду принесли какую то невиданную птицу, случайно залетѣвшую съ прилетомъ съ далекаго юга и жизнью заплатившую за свою страстную пытливость... Могучая шея невиданной птицы падала безсильно... громадный клювъ съ какимъ то необычайнымъ зобомъ не грозилъ уже никому и возбуждалъ не страхъ, а любопытство... Зоркія очи навѣки потухли и только широкія крылья, шурша, когда ихъ раздвигали руки,—глухо свидѣтельствовали о гордой когда то силѣ... Замокъ напоминалъ мнѣ теперь эту птицу!..

Онъ не горѣлъ уже огнями, не кипѣлъ суетой и прежнимъ шумомъ... Все было въ немъ тихо, только поджарые донскіе кони козацкаго пикета фыркали и ржали, методически жуя сѣно въ его оградѣ,—а когда ночью слабый свѣтъ чуть-чуть мерцалъ въ нѣсколькихъ изъ его безчисленныхъ громадныхъ оконъ,— этотъ свѣтъ напоминалъ мнѣ ночное мерцанье лампадки кладбищенской церкви... Жизнь тамъ только тлѣла, догорая и гармонируя съ общимъ осеннимъ тономъ. Безуміе шляхты, дерзко поднявшей свое архивное знамя въ Украинѣ, — этотъ послѣдній порывъ окоченѣвавшаго, нѣкогда сильнаго тѣла, быстро подавленный, уничтоженный, сразили и замокъ, кичливо поднявшій то же знамя... Съ этимъ послѣднимъ порывомъ умерло навсегда все то, что отъ основанія хранили гордыя стѣны,—остался только голый остовъ, какъ памятникъ былаго,—послѣдняя пѣсня была спѣта... И гордый замокъ, казалось, понялъ это... Какъ сказочный „послѣдній рыцарь“, завернулся онъ въ свою каменную тогу и гордо почилъ, полный величья и холоднаго, презрительнаго безучастья къ тому, что вновь складывалось вокругъ него жизнью... Въ немъ могла

гнѣздиться сова,—зеленый плющъ могъ совсѣмъ обвить его сѣдые камни, паукъ заткать паутиной его фрески и узорные карнизы,—громъ могъ метать въ него свои огненныя стрѣлы,—шумъ и свѣтъ, наконецъ, могли внести въ его остовъ новые люди,—ему было все равно... Духъ, созидавшій и оживлявшій вѣками эти стѣны, исчезъ навѣки, застывъ въ нихъ, и камень, казалось, ни на что не могъ отзываться больше... Такъ, входя въ развалины древняго храма низверженнаго кумира,—вы невольно чувствуете, что сѣдой камень и знать не хочетъ васъ, чуждаго пришельца, что весь онъ полонъ только застывшей дремы о своемъ прежнемъ богѣ... И жутко дѣлается отъ этой сосредоточенной дремы и не поднимается какъ то рука зажечь въ этихъ стѣнахъ свѣтильникъ новому кумиру...

Такимъ представлялся этотъ замокъ моему дѣтскому взору, когда мятежъ шляхты былъ подавленъ и свободный народъ пересталъ дрожать за свою волю, когда шляхтѣ пришлось расплачиваться родовыми помѣстьями за свою дерзость и графу предстояло тоже распроститься съ своимъ замкомъ... Слухи гласили, что въ лучшемъ случаѣ, ему будетъ предложено немедленно продать всѣ свои помѣстья, такъ какъ участье его въ мятежѣ было несомнѣнно,—родной сынъ его исчезъ и, какъ говорили, присоединился къ какой то бандѣ... Печально короталъ послѣдніе дни въ своихъ стѣнахъ сильно осунувшійся графъ вмѣстѣ съ дочерью и младшимъ сыномъ и выглядѣлъ такъ же печально, какъ и стоявшая на дворѣ глубокая осень...

Такимъ же представляется мнѣ этотъ замокъ и теперь, когда все это давнымъ давно минуло и я, измученный жизнью пришлецъ издалека,—прибрелъ цѣловать родимую землю... Весь облитый фантастическимъ луннымъ свѣтомъ, какимъ то застывшимъ призракомъ взлетаетъ онъ вверхъ надъ окружающими его полными амбарами новаго владѣльца, поражая глазъ грустнымъ диссонансомъ... Громадныя окна пусты и зіяютъ точно темныя черепныя щели, балконы обрушились,—колонны треснули, зубцы высокихъ башенъ свалились... Но что ему за дѣло,—что ему всѣ эти амбары, эти закромы, что внѣдрились даже въ его стѣнахъ,—онъ грезитъ о своемъ богѣ!.. Я чую таинственную

сагу о прошломъ... съ этихъ умирающихъ стѣнъ на меня вѣетъ длинная повѣсть о вѣковой враждѣ народа и шляхты,—эпопея борьбы и древнихъ козацкихъ набѣговъ встаетъ предо мной, какъ живая,—я дышу поэзіей давно умершихъ сказаній,—моя собственная вражда къ нему, которой дышалъ я нѣкогда,—подернута для меня теперь поэтической дымкой, какъ будто связывающей, роднящей меня съ замкомъ... Да, что то общее, связывающее стоитъ теперь между нами и мнѣ сдается, что тоже чувствуетъ грезящій замокъ, что на меня онъ глядитъ не такъ безучастно... Можетъ быть даже привѣтомъ дышутъ на меня эти зіяющія щели!..

Такъ и больные чувствуютъ, говорятъ, какую то связь между собою, такъ и два врага, когда все, за что они нѣкогда боролись, погребено давнымъ давно чуждой имъ рукой,—встрѣчаясь,—чувствуютъ общую близость, несмотря на все, что ихъ раздѣляетъ, и любятъ вмѣстѣ помечтать о прошломъ... Въ этомъ прошломъ затрачено каждымъ такъ много собственной души и частицъ своего сердца!..

Очень можетъ быть, что нѣчто подобное испытывалъ и дѣдъ,—глядѣвшій все послѣднее время какъ то хмуро, печально, точно разочарованно, несмотря на то, что кругомъ быстро складывались новыя условія, что край кишѣлъ новыми пришлецами съ сѣвера, смѣнявшими древнюю, враждебную шляхту... Исконный врагъ былъ навсегда подавленъ и дѣду точно скучно стало, что враждовать было не съ кѣмъ, что давніе счеты были сведены помимо него,—что новые голоса, вмѣшавшіеся въ этотъ вѣковой антагонизмъ двухъ противоположныхъ элементовъ, какъ бы игнорируя, совсѣмъ заглушали его голосъ... Не такъ уже часто останавливался онъ предъ портретами непреклонныхъ предковъ, своей смѣлой рукою сдерживавшихъ своеволіе „ляховъ“ въ Украинѣ, и глухо дрожалъ его голосъ, когда онъ попрежнему пытался передавать мнѣ ихъ великіе завѣты...

Меньше говорилъ онъ о саблѣ и кубкѣ и старая Горпына, получавшая свое меню очень быстро, ворчала уже не на „шаблюку и чарку“, которыя теперь ей не мѣшали, а на то-де „что съ старымъ паномъ щось дiется,—воны якъ слабый сталы“. Ей,

можетъ быть, тоже скучно стало безъ этихъ привычныхъ разсказовъ и тревожнымъ взглядомъ окидывала она фигуру сѣдаго пана... Дѣйствительно, дѣдъ сильно измѣнился,—осунулся, согнулся, сталъ нервенъ до того, что длинные усы его вздрагивали при каждомъ звукѣ колокольчиковъ, то и дѣло звенѣвшихъ теперь по дорогамъ... Можетъ быть тутъ просто напросто сказывалась глубокая старость...

Но и я былъ грустенъ... Иванъ Семеновичъ торжествовалъ, ибо близился часъ, когда его ученикъ, по его же увѣренію, долженъ былъ первымъ выдержать экзаменъ за три класса и... и, конечно, распроститься съ чудной Пустынькой, съ „бреднями" Охрима, со всѣмъ миромъ тихой деревни... Грустно бродилъ я по чащѣ,—но я не искалъ уже Бѣлой Панны, не собирался слушать Охрима,—я прощался со всѣмъ, что было до сихъ поръ неразрывно и тѣсно связано съ моимъ сердцемъ, съ мѣстами, гдѣ я жилъ, думалъ, боролся, одухотворяя воображеніемъ мертвую природу, гдѣ учился любить и понимать,—съ плотиной, на которой увидалъ я ту, что впервые вызвала въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ новый, особенный трепетъ, съ полянкой, гдѣ въ душѣ моей впервые вспыхнула жгучая ревность... И желтый осенній листъ грустно шуршалъ подъ моими ногами, точно шепталъ мнѣ роковое: прости! а полуобнаженный, печально умиравшій лѣсъ глядѣлъ на меня, казалось, такъ холодно и безучастно, точно я былъ для него уже чуждымъ пришельцемъ... Что же изъ того, что онъ вскормилъ, воспиталъ меня въ своей могучей, полной таинственной дремы, чащѣ,—что онъ любовно навѣвалъ на меня свои чарующія грезы?... Я уходилъ отъ него,—я рвалъ съ нимъ,—я отстранялъ его ласку и надолго... надолго... надолго... убѣгалъ въ городъ...—О,—могучій, чудный, любимый лѣсъ,—точно стучало ему, плача, мое сердце,—вѣдь, не я же это,—не я... Это все этотъ Иванъ Семеновичъ! Но лѣсъ не слышалъ,—лѣсъ не хотѣлъ знать никакихъ оправданій...

Право, мнѣ казалося, что и старый Разбой глядитъ уныло, что ему тоже отчего то грустно... Не какъ прежде, бывало, бѣжалъ онъ за мною,—онъ плелся тихо, вяло, безучастно, какъ

бы неохотно даже, а повинуясь только обязательному долгу... Но разъ въ густой чащѣ онъ вдругъ оживился, насторожилъ чуткія уши, потянулъ воздухъ... Онъ почуялъ что то, ощетинился, заворчалъ, двинулся быстро и въ тотъ же моментъ моего слуха коснулся холодный лязгъ стали, тупое щелканье взводимаго курка... Какая то суета поднялась въ кустахъ, топотъ, движенье, чей то шопотъ испуганно повторялъ одно и то же слово: кто? кто? кто?...

Я онѣмѣлъ отъ испуга,—предо мною стояли какіе то оборванные, обросшіе, точно одичалые люди и тоже испуганно и подозрительно смотрѣли на меня, какъ и я на нихъ, неподвижными глазами... Цѣлый вѣкъ, казалось, длилось это молчаливое созерцанье другъ друга, во время котораго одинъ Разбой рычалъ все громче и громче... Тамъ, наконецъ, задвигались, переглянулись какъ то,—что то вновь зашептали,—а я все еще стоялъ истуканомъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ вытаращенными глазами...

— Онъ одинъ?—коснулся моего слуха новый такой же робкій шепотъ...

— Ты одинъ, мальчикъ?—спросилъ меня кто то.

Я разглядѣлъ, я узналъ, наконецъ, и понялъ... Предо мной стоялъ исчезнувшій молодой графъ, стоялъ тотъ шляхтичъ, что пріѣзжалъ къ дѣду, котораго я видѣлъ послѣ у ногъ измѣнившей мнѣ панны, и еще кто то. Но до чего они были всѣ оборваны, истощены, несчастны,—я съ трудомъ узналъ ихъ лица!... Мой испугъ не прошелъ,—онъ перемѣнилъ только свой характеръ,—онъ перешелъ въ безпредметный страхъ, въ жуткую тревогу, полную предчувствія чего то больнаго и тяжелаго...

— Одинъ!—сами собой зашептали въ отвѣтъ мои сухія губы.

— Это кажется москаль?... Изъ хлоповъ?!... Онъ предастъ насъ... Мы пропали!—испуганно шепталъ третій изъ стоявшихъ предо мною, и я помню, какъ жгучая обида вливалась отъ этихъ словъ въ мою душу и жгла ее точно каленымъ желѣзомъ... Образъ отвратительнаго Іуды мелькнулъ въ моемъ воображеніи и поднялъ гдѣ то внутри меня все отвращенье, воспитанное къ нему съ дѣтства. Негодованіе оживило, казалось, мое окоченѣвшее тѣло,—и точно заслонило страхъ обидой и злобой...

— Ты кто такой, мальчикъ?...

— Я изъ Пустыньки...

— Ты, можетъ быть, внукъ стараго пана Андрея?—спросилъ шляхтичъ.

— Да, я внукъ его!—не робко, а смѣло уже, точно вызывающе отвѣтили мои губы...

— Ты изъ нашихъ?... съ радостнымъ изумленіемъ вмѣшался третій...

Тутъ я, казалось, совсѣмъ пришелъ въ себя, я точно совладалъ, наконецъ, съ своимъ страхомъ.—Негодованіе ли такъ повліяло, или что другое,—не знаю, но во мнѣ просыпалось, вставало новое чувство, которое брало верхъ надъ страхомъ. Кажется, я испытывалъ теперь аналогичное съ тѣмъ, что вспыхнуло во мнѣ, когда генеральша пригрозила мнѣ розгой... Я точно не боялся уже этихъ людей и ихъ оружія,—и вмѣстѣ съ тѣмъ мое сердце сжималось,—я дрожалъ, но въ то же время что то непонятное, вызывающее, гордое, дерзкое, просыпаясь въ душѣ, толкало не поддаваться страху, стыдилось его, требовало мести.

— Ты нашъ?!

— Нѣтъ, я не ляхъ,—я не ляхъ!... сами собой говорили мои губы съ необычайнымъ, казалось, презрѣніемъ.

— И я не боюсь васъ,—я совсѣмъ васъ не боюсь!...

Но я сейчасъ же вновь помертвѣлъ отъ страха. И я видѣлъ, какъ помертвѣли также и молодой графъ, и незнакомецъ... Я видѣлъ, какъ смутились ихъ взоры, какъ нерѣшительно дрогнули ихъ руки—и ждалъ,—ждалъ, какъ трупъ, у котораго громко стучало бы одно сердце... Чего я ждалъ,—я не знаю,—меня сковалъ ледяной ужасъ,—но я помню, что мои дрожавшія, упрямыя уста ни за что на свѣтѣ не взмолились бы о пощадѣ... Нѣтъ,—онѣ все шептали бы одно и то же,—сквозь леденящій страхъ, онѣ все таки вызывающе твердили бы:—„я не боюсь васъ!“ Но еще немного и я, кажется, разрыдался бы истерично... Изъ такого напряженнаго состоянія вывелъ всѣхъ молодой шляхтичъ.

— Тебѣ и нечего насъ бояться, хлопче,—сказалъ онъ,—мы не разбойники... И мы такіе же, какъ и ты, украинцы.

— Нѣтъ, вы враги... Вы ляхи!... упрямо твердили мои губы, повинуясь какому то безотчетно-дерзкому порыву,—хотя на самомъ дѣлѣ я дрожалъ съ ногъ до головы...—Нѣтъ, вы враги...

— Ты не правъ, мальчикъ,—хрипя больною грудью, говорилъ шляхтичъ.—Одно у насъ съ тобой небо,—одна земля насъ вскормила... Не враги мы тебѣ,—хотя ты и не вѣришь... послѣ когда нибудь узнаешь... Да и никому мы теперь не враги... Смотри, мы оборванные, голодные, больные люди, у которыхъ нѣтъ ни крова, ни хлѣба... Смотри на насъ... Видишь?! Я смотрѣлъ на лохмотья, я видѣлъ изцарапанное, тощее тѣло,—и вновь свершалось со мною давнее, давнее дѣтское чудо... Въ груди что то закипало, поднимаясь, сжимало горло, туманило глаза, какъ и въ тѣ фантастическія ночи, когда я ребенкомъ нападалъ на замокъ, когда я, какъ Самсонъ, готовъ былъ схватить его колонны руками... Я слабѣлъ,—въ груди разливалось что то теплое и мягкое, какъ слезы,—вытѣсняя заносчивость и дерзость, когда молодой графъ съ какимъ то глухимъ стономъ повалился на землю.

— Я не могу больше!... Я не въ силахъ!—рыдалъ онъ, уткнувшись въ ладони.—Будь, что будетъ!... Мнѣ все равно... все равно...

Капля переполнила чашу... Что было дальше,—я не знаю,—что говорили мои блѣдныя уста,—я не помню,—но я, кажется, тоже плакалъ. Я былъ уже не я,—какое то чудо превратило меня во что то иное,—я жалѣлъ, я болѣлъ и это разглядѣли тѣ трое.

— У тебя нѣтъ хлѣба?

— Хлѣба!?—Нѣтъ,—но я отдалъ бы теперь всѣ свои пальцы, чтобы ладонями поднести голоднымъ хлѣба! Въ карманѣ у меня былъ пряникъ...

— Вотъ!—протянулъ я дрожащей рукою свой пряникъ.

Двѣ руки подняли меня на воздухъ, моего лба коснулись мохнатыя губы и двѣ мужскія слезы омочили мое пылавшее лицо. И я чувствовалъ какъ и поцѣлуй этотъ, и эти слезы впились въ мою душу чѣмъ то острымъ, какъ отточенный ножъ, и подчинили себѣ точно чарой.

— Будь благословенна мать, что носила тебя, хлопче, подъ сердцемъ!—сказалъ шляхтичъ, опуская меня на землю, и тутъ я не выдержалъ, я почему то горько разрыдался...

— Ты знаешь тропу до границы?

— Нѣтъ! задыхаясь, шепнулъ, я съ сожалѣніемъ.

— Окажи намъ услугу...

— Какую?

— Сбѣгай въ замокъ...

Въ замокъ!? Я,—въ замокъ!?

— Тамъ передай паннѣ...

Я поколебался,—но только на мгновенье;—чара была сильнѣе моей воли! Я не зналъ, что волновалось, сталкивалось, боролось въ моей душѣ,—я не понималъ, что со мною,—не сознавалъ ничего,—я, кажется, только чувствовалъ что то и, кажется, именно то, что я очарованъ.

Самъ не знаю какъ, повинуясь безпрекословно, какъ манекенъ,—я сжалъ въ рукѣ записку и сами собой прошептали мои уста.

— Идите же... я васъ укрою.

Я укрылъ ихъ въ одной изъ пещеръ, которую нашелъ и зналъ только я, рыща за Бѣлой Панной, и также безсознательно, кажется, двинулся изъ лѣса... Я бѣжалъ машинально, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета,—мои ноги несли меня сами собою... Кажется, во мнѣ что то двоилось... Въ головѣ шептало что то смутнымъ трепетомъ, но въ груди билось громко то, что всевластно повелѣвало каждымъ моимъ суставомъ... Только при поворотѣ изъ лѣса, гдѣ дорога двоилась въ замокъ и Пустыньку,—что то всплыло, что то смутило меня точно словомъ: „измѣна“... Я задрожалъ, что то обожгло меня, что то смутно спросило: „неужели ты измѣнникъ?“ Но я не нашелъ у себя отвѣта,—все во мнѣ смутилось и я не могъ бороться съ тѣмъ, что неудержимо двигало мною... Эти слезы, этотъ поцѣлуй, этотъ нищій видъ, это глубокое горе,—все это вмѣстѣ околдовало меня на вѣки...

И право,—будь это измѣна, будь это что хотите, но съ этой запиской, съ этимъ мокрымъ отъ слезъ клочкомъ бумаги

я, потомокъ сподвижниковъ Гонты, разстался бы, кажется, только вмѣстѣ съ жизнью...

Самъ собою какъ то выросъ предо мной величественный замокъ... Вотъ онѣ эти гордыя колонны,—вотъ онѣ,—эти мраморныя ступени... Чѣмъ же это всхожу по нимъ я,—исконный врагъ,—такъ недавно еще дышавшій одной враждой, завѣщанной мнѣ всей исторіей моего народа, всей жизнью моихъ славныхъ предковъ!? Чѣмъ я вхожу: — побѣдителемъ или побѣжденнымъ?! Какъ долженъ встрѣтить меня этотъ сѣрый камень: съ торжествующимъ величіемъ, граничащимъ съ презрѣніемъ, или онъ долженъ прошептать мнѣ: ты побѣдилъ, молоденькій хлопче!

Если бы сѣрый камень имѣлъ уста и даже крикнулъ бы мнѣ на встрѣчу, я ничего бы не понялъ въ этотъ моментъ, не разслышалъ... Я бѣжалъ уже по аллеѣ сада, куда послалъ меня какой то изумленный дворовый къ паннѣ...

Въ густыхъ сумеркахъ я чуть различилъ ее подъ темною елью... Она стояла неподвижно, какъ тогда на полянкѣ, когда я нашелъ ее въ тотъ чудный вечеръ... но у ногъ ея стоялъ теперь не шляхтичъ, стоялъ я, весь задыхаясь, волнуясь, и дрожащей рукой протягивалъ ей свою ношу. Она задрожала, она схватилась за сердце.

— Ты ихъ видѣлъ? почти крикнула она, схвативъ мою руку.

— Да!

— Они голодны и несчастны?

— Да!

— Ты развѣ нашъ?

Тутъ только, казалось, опомнился я впервые.

— Нѣтъ! сознательно отвѣтили мои губы, и я похолодѣлъ весь отъ этого страшнаго, вдругъ воскресшаго сознанія.

Но она не дала мнѣ прійдти въ себя, опомниться всецѣло... Двѣ нѣжныя руки обвили мою шею, жгучіе поцѣлуи вновь отуманили голову, милыя рѣчи ласкали мое ухо... Она то смѣялась, то плакала, то цѣловала и смѣясь, и цѣлуя, звала меня то завзятымъ запорожцемъ, то святымъ сердцемъ...

Она...

Но я помню только, какъ мы бѣжали съ нею, нагруженные хлѣбомъ, задыхаясь оба, въ густой лѣсной чащѣ... Я помню еще жгучую радость, глубокое счастье, когда тѣ трое увидали насъ предъ собою... Я помню, что надъ нами свѣтила уже задумчивая кроткая украинская луна...

А затѣмъ я помню тотъ холодъ и полный ужаса мракъ, что стояли въ моей душѣ, когда я брелъ домой одиноко. Околдовавшія чары исчезли, сознанье вернулось, я опомнился и невидимыми устами гдѣ то внутри спрятаннаго голоса спрашивалъ я себя,—что я такое сдѣлалъ... Да, что такое я сдѣлалъ?! Какъ все это вышло?!

Зубы мои стучали, холодный потъ позора оросилъ мое пылавшее чело .. Мои ноги качались, потому что земля гнулась подъ ними отъ этого позора... Звѣзды мнѣ свѣтили уже не такъ, какъ прежде, я это чувствовалъ, хотя ихъ и не видѣлъ,—онѣ сливались для меня въ какія то неясныя круги... Онѣ дрожали презрѣньемъ... Луна мнѣ тоже не свѣтила, она нарочно, казалось, обличала только путь, по которому шелъ новый Каинъ, съ начертанной уже, можетъ быть, на челѣ страшной печатью, чтобы все живое его бѣжало... Темная ночь, скрытая отъ луны въ ущельяхъ и за холмами,—мрачно дышала мнѣ въ упоръ своимъ страшнымъ вопросомъ:

— Каинъ, что ты сдѣлалъ!?

Что я сдѣлалъ? Какъ и Каинъ, я могъ отвѣтить только грубо и дерзко,—до того, очевидно, олицетворялъ я его собою... Ни стыда, ни раскаянія, ни сожалѣнія о сдѣланномъ не будилъ, какъ и у него, этотъ вопросъ въ моей упрямой, оледенѣвшей душѣ... Мои дерзкія уста могли бы отвѣтить одно грубое:—„я сдѣлалъ, что сдѣлалъ!“ Да, я былъ Каинъ!... Ни стыда, ни раскаянія, ни сожалѣнія не находилъ я въ себѣ, и грянь надо мною самое страшное проклятіе,—они навѣрное не проснулись бы. Даже больше,—я чувствовалъ, что все сдѣланное мною я, пожалуй, могъ бы продѣлать и вновь. Какъ ни былъ я жалокъ и презрѣненъ, я не хотѣлъ лгать предъ собою.

Но зачѣмъ же я иду туда, гдѣ я не могъ уже найдти ни крова, ни привѣта?! Зачѣмъ же я иду, полный мрака, туда, гдѣ такъ

много свѣта, правды и чести, гдѣ такъ гордо смотрятъ изъ рамокъ портреты доблестныхъ... Кого,—предковъ?! Но у меня, конечно, нѣтъ уже ихъ,—они всѣ отвернулись съ презрѣньемъ... Къ дѣду?! Къ честному сѣдому дѣду!—Но дѣдъ... Тутъ, помню, у меня градомъ посыпались слезы, но не раскаянія, не стыда, слезы одной невыразимой скорби.

А куда же мнѣ идти? Въ замокъ? но онъ по прежнему мой врагъ, я это чувствую, я слышу, какъ скрежещутъ мои сжатые зубы! Къ тѣмъ? но они мнѣ тоже враги и, встрѣть я ихъ въ бою, я бы!... Въ омутъ, въ этотъ тихій, глубокій прудъ? но развѣ я Іуда—предатель!?

Нѣтъ, я не предатель! Развѣ я не люблю это небо, этотъ воздухъ, эти звѣзды, эти хаты, народъ, предковъ, развѣ я промѣнялъ ихъ на другое?! И еслибъ враги, ляхи или турки, или кто нибудь даже страшнѣе ляховъ и турокъ,—обложили Пустыньку бранымъ станомъ и понадобился бы мальчикъ, что бы, рискуя головой, пробрался сквозь вражескую рать и призвалъ бы своихъ на помощь, развѣ не я былъ бы этотъ мальчикъ?

Предатель!? А совершись вдругъ чудо, всколыхнись и раскройся эти высокія могилы, гдѣ почили дѣти воинственной сѣчи... Пусть бы только блеснула булава и страшное: „пугу“ потрясло воздухъ отъ моря до Случи... Развѣ не въ первыхъ рядахъ игралъ бы подо мной „вороненькій?“

Предатель? Развѣ я молилъ бы о пощадѣ,—сожми самый страшный татарскій арканъ мою шею? Развѣ заплакалъ бы я, какъ баба, отъ самыхъ страшныхъ мукъ, какія только можетъ придумать вражеское воображеніе, окрыленное местью? И оставь мнѣ враги только уста и сердце, развѣ не пошелъ бы я, какъ Палій, въ святыя стѣны молить за родину Бога?

— Нѣтъ, я не Іуда!.. Я самъ не знаю, что я... Я что то другое, можетъ быть, дѣйствительно Каинъ, но я не предатель!

Какъ тать, я прокрался тихо къ своей постели... Дѣдъ за дверью раскладывалъ пасьянсъ, Горпына что то быстро рубила въ кухнѣ. Все, все вокругъ было уже не мое, цѣлая пропасть легла между нами. Я зналъ, что въ портретной всѣ грозныя лица дрожатъ отъ негодованія, всѣ глаза дышатъ однимъ холод-

нымъ презрѣньемъ. Правда, тамъ есть одинъ... молодой эсаулъ, что когда то изъ осажденнаго козаками пылавшаго замка выкралъ и спасъ ребенка... Можетъ быть онъ одинъ!? Но нѣтъ, едва ли. Я знаю, что мнѣ уже нѣтъ здѣсь мѣста!

Я пришелъ только, чтобы разсказать все дѣду... Да,—но какъ!? Какъ передать ему все, что случилось, какъ сказать ему, что въ моей черствой душѣ нѣтъ ни раскаянія, ни сожалѣнія? Моимъ собственнымъ устамъ прійдется сразить его доброе, любящее сердце.

Стѣны меня давили, голова кружилась, по тѣлу бѣгали мурашки. И самъ собою какъ то вырвался изъ моей груди глубокій вздохъ и рѣзко смутилъ царившую тишину.

— Кто тамъ?..

Я замеръ... Сердце ударило громко и какъ будто застыло.

— Это ты, внуку?

Дверь отворилась и мы стали лицомъ къ лицу.

— Это ты? Но что съ тобою? Ты блѣденъ, ты дрожишь...

Я молчалъ. Моя вина, какъ Каинова печать, должна была сквозить сама собою и дѣдъ самъ могъ ее видѣть.

— Да что съ тобою?—въ страшной тревогѣ спросилъ дѣдъ, протягивая руку, но я отклонился.

— Дѣдъ!... Я Каинъ...

— Что!?

— Я не знаю, что я... Я не знаю, дѣдъ!...—шепталъ я, весь охваченный дрожью, глотая струившіяся ручьями слезы.—Я пожалѣлъ ляховъ!...

— Что ты сдѣлалъ?! Какихъ ляховъ?...

И я все разсказалъ дѣду... Все... все! Моя рѣчь мѣшалась со слезами и, какъ слезы, она текла все быстрѣе и быстрѣе. Откуда то внезапно взявшимися словами я разсказалъ мою встрѣчу, споръ, мои кичливыя увѣренія, что я не боюсь ихъ. А затѣмъ... затѣмъ... Я пожалѣлъ ихъ!... Ахъ, они были такъ больны, такъ измучены, такъ несчастны и такъ жалобно, такъ горько рыдалъ молодой графъ! Я видѣлъ лохмотья, слезы, голодъ. У меня не было хлѣба, но былъ пряникъ... Я не зналъ тропу, что ведетъ къ границѣ... я... я... О, дѣдъ! я побѣжалъ туда... въ

этотъ замокъ!.. Я провелъ панну и принесъ хлѣба!... Я укрылъ ихъ!... Дѣдъ!

— Гдѣ же ты укрылъ ихъ?

— Я не скажу... Я никому не скажу дѣдъ!—зашепталъ моими устами неумиравшій во мнѣ Каинъ.

Сколько длилось напряженное молчаніе, я не знаю. Помню, оно казалось мнѣ страшно долгимъ. Я покорно склонилъ голову, я безтрепетно ждалъ финала и былъ готовъ на все... Въ моей душѣ все, казалось, было пусто, все умерло, въ ней гнѣздился уже тотъ безучастный холодъ, съ которымъ обезумѣвшая отъ страха распростертая овца должна ждать роковаго удара... Проклятіе? Или смерть Андрея Бульбы... Но развѣ я предатель?!...

И вдругъ, теплая, старческая рука коснулась моей холодной, какъ ледъ, головы, сѣдые брови наклонились вровень съ моими и не грозный, а мягкій, нѣжно ласкающій и какъ бы растроганный голосъ вызвалъ снова къ жизни мой оледѣнѣвшій слухъ!...

— Что сказалъ тебѣ шляхтичъ,—повтори...

— Онъ благословилъ мою мать!—зашептали мои безжизненныя губы.

— А я тебя, мой хлопче!...

. . . . . .

И та луна, и тѣ звѣзды, что глядѣли на меня такъ ужасно, свѣтили мнѣ теперь ясной улыбкой и сладкимъ привѣтомъ. И та земля, что гнулась подъ моими ногами,—уже не гнулась. Я бодро шелъ рядомъ съ дѣдомъ, снарядившимся точно на охоту, и прижимался къ нему съ довѣріемъ, счастьемъ, любовью, точно къ нянѣ, до хорошаго конца досказавшей свою страшную сказку. Даже лѣсъ не глядѣлъ уже хмуро и уныло, даже листъ не шуршалъ уже грустно...

— Счастливъ же ихъ Богъ, что не разглядѣли ихъ деревенскіе хлопцы, что ты укрылъ ихъ—сказалъ дѣдъ.—Принесли бы ихъ хлопцы въ мѣшкахъ въ деревню.

Но хлопцы еще не разглядѣли... Всѣ были тутъ, гдѣ я укрылъ ихъ.

— Панъ Андрей!—въ испугѣ вскричали они въ одинъ голосъ, вглядѣвшись въ высокую фигуру дѣда.—Панъ Андрей! Езусъ,Марія!

— Да, это я, но вы не бойтесь, панове!—спокойно отвѣтилъ дѣдъ.

— Мы были врагами—началъ шляхтичъ, выступая впередъ, но дѣдъ перебилъ его.

— Да... и потому вамъ нечего здѣсь мѣшкать... Собирайтесь скорѣе, пока не узнали о васъ въ деревнѣ... Скорѣе, не то плохо будетъ, панове!...

Много благословеній сыпалось на дѣда, но онъ хмуро шелъ впереди, точно ничего не слышалъ, не роняя ни одного слова. Крѣпко ступали его старыя козацкія ноги по узкимъ тропамъ ему одному извѣстныхъ ущелій, смѣло продирался онъ сквозь густой кустарникъ, окутанный темною мглою ночи, увѣренно скользилъ по уступамъ въ черную пропасть, точно не старикъ онъ былъ, а бравый и крѣпкій парубокъ. Только когда сквозь густой кустарникъ со скалы, по которой всѣ шли, блеснула внизу водяная гладь,—дѣдъ остановился и поднялъ руку.

— Вотъ и Збручъ, панове!—сказалъ онъ.—Здѣсь можете смѣло спуститься, только держитесь лѣвѣе.—Ну, до свиданья!

— Пане Андрей!—заговорили всѣ.—Одно только слово!—Пане, мы много виноваты предъ вами, пусть Богъ!...

Но мы съ дѣдомъ были уже далеко и жгучія слова благословеній и страстной благодарности шептало намъ уже эхо таинственнаго лѣса...

На поворотѣ въ Пустыньку намъ перерѣзала дорогу панна и, прильнувъ ласточкой къ могучей груди дѣда, со слезами поцѣловала его руку.

— Пане Андрей! Будь благословенна эта ночь,—она многому меня научила!...

— Что жъ, въ добрый часъ, милая панна!—говорилъ растроганный дѣдъ, тепло лаская ея русую головку.—Въ добрый часъ!

— И я буду молить Бога, чтобы грѣхъ нашъ, насъ подѣлившій, загладило сердце нашихъ потомковъ!

— Дай Богъ, милая панна!

— Чтобы у всѣхъ оно было такое!

И она снова, какъ тогда въ аллеѣ, обвила мою шею руками, снова также страстно цѣловала меня, мѣшая поцѣлуи со сле-

зами и снявъ съ себя медальонъ, торопливой рукою повязала его мнѣ на шею.

— Это тебѣ на память!..

При чуть брезжущемъ, голубовато-розовомъ свѣтѣ занимавшагося дня я прочелъ на немъ вырѣзанное глубокими буквами:

„crede, espere et ame“.

На этомъ обрывалась найденная мною рукопись неудавшагося поэта. Было ли продолженіе, не испортили ли его крысы, я пока не знаю. Но если, разобравшись, въ найденной кучѣ я найду продолженіе, я, конечно, подѣлюсь имъ съ читателемъ.

1888 г.

Григорій Мачтетъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго[1]).

III. Годы моего ученія (1826—1844).

I. Школа Капитанши.

Еще зимой 1826 года отецъ, за частыя мои проказы, сталъ стращать меня никольскимъ дьякомъ, какъ букой.

— Вотъ погоди, дай Богъ только лѣта дождать, я тебя до дьяка отведу: дастъ онъ тебѣ березовой каши.

Но прошло лѣто, а ученіе мое со дня на день все откладывалось. Настала и другая весна, а я все еще оставался дома. Главною виновницею такого замедленія была матушка, которая каждый разъ при словѣ „березовая каша“ вздрагивала и просила дидуся поучить меня немножко.

Надобно знать, что въ городѣ у насъ считалось столько школъ, сколько было дьяковъ. Въ собственномъ смыслѣ, это были не школы, а смирительные дома, куда наши мѣщане отдавали своихъ чадъ съ цѣлію, чтобы они не баловались дома, снимая затѣмъ съ себя нравственную отвѣтственность за ихъ поведеніе. Дѣти сидѣли тамъ по году за Граматкой, да по стольку же за Часловцемъ и Псалтыремъ, хотя, правду сказать, рѣдкій изъ мальчиковъ достигалъ полнаго курса ученія, омегой коего считался Псалтырь. Результаты дьячковскаго ученія были весьма жалки: мальчуганъ могъ отбарабанить, не переводя духу, три каѳизмы наизусть и не умѣлъ прочесть никакой другой книги не только гражданской, но и церковной печати.

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., январь.

Несмотря на то, что въ городѣ существовало приходское училище, гдѣ тоже начинали съ азбуки, упрямые мои сограждане не приняли за обычай отдавать дѣтей сперва до дьяка, изъ желѣзныхъ лапъ котораго рѣдко кто выходилъ годнымъ для дальнѣйшаго ученія. Правда, хорошъ былъ и учитель приходскаго училища Илья Семеновичъ, но о немъ рѣчь впереди... Какъ бы тамъ ни было, а благодаря матери, я избѣжалъ дьячковской школы, съ неизбѣжной для каждаго школяра березовой кашей. Случилось это такъ:

Въ нашемъ городѣ поселилась какая то вдова капитанша, вмѣстѣ съ сестрой Аленкой и матерью кацапкой, и завела школу. Матушка моя несказанно обрадовалась такому открытію, какъ богатой находкѣ. Отвергая справедливость русской пословицы, что „за битаго двухъ небитыхъ даютъ, да еще и не берутъ“, (ведущей, по всей вѣроятности, свое происхожденіе со временъ попа Сильвестра), добрая мать берегла меня пуще глаза, чтобъ меня и пальцемъ никто не тронулъ, и потому, несмотря на страшный терроръ, господствовавшій тогда въ училищахъ, я остался небитымъ. Она ничего для меня не жалѣла, отдавала учителямъ послѣднія крохи, чтобы задобрить ихъ въ мою пользу и предупредить сѣченіе. А сѣкли тогда очень часто за самую пустую шалость оптомъ, огуломъ, всѣхъ до одного, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ.

На семейномъ нашемъ совѣтѣ рѣшено было отдать меня къ капитаншѣ. На другой день послѣ совѣщанія приглашенъ былъ от. Никита отслужить на дому молебствіе: „о еже преуспѣвати отроку сему въ добромъ и полезномъ ученіи и разумѣ“. Затѣмъ, съ цѣлымъ ворохомъ всякой всячины, 8 августа, повели меня въ школу, которая находилась на Кляшторѣ, за рѣзницами. Еще далеко не доходя до школы, мы уже услышали смѣшанный гулъ множества дѣтскихъ голосовъ, при чемъ мать не преминула замѣтить:

— „Бачъ, якъ хороше учаться! учись и ты, мой голубчикъ: не будутъ тебя бить“. Чѣмъ ближе подходили мы къ школѣ, тѣмъ слышнѣе становились голоса. Наконецъ, когда вошли въ ворота, школьники подняли такой гвалтъ, что мнѣ стало страшно. Учительница, какъ видно, желала представить свое заведеніе въ самомъ лучшемъ видѣ, показать товаръ съ лицевой стороны, а потому, завидѣвъ насъ, скомандовала дѣтямъ—задать посѣтителямъ концертъ

на славу. Въ сѣняхъ встрѣтила насъ сама капитанша, сказала мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и погладила по головкѣ. Потомъ, передавши тутъ же сестрѣ своей Аленкѣ принесенные нами гостинцы, свела насъ въ классную комнату, съ большой варистой печью при самомъ входѣ. За большимъ некрашеннымъ столомъ, занимавшимъ $^2/_3$ всей комнаты, сидѣло человѣкъ 15 дѣтей обоего пола. Какъ бы не замѣчая нашего прихода, всѣ они, какъ настоящіе школяры, надсаживали грудь надъ своими „стихами", быстро водя указкой по строкамъ кто Граматки, кто Часловца и Псалтыря. Особенно вошли въ азартъ псалтырники. Желая на время остановить дѣйствіе своей машины на всемъ ходу, капитанша на силу уняла ихъ. Меня усадили между двумя дѣвочками: большою съ веснушками Ульяной, прозванной Дудою, и маленькой голубоглазой Катей Кубрачкой. Онѣ тотчасъ же взяли меня подъ свое покровительство, какъ новичка.

Приспѣло время завтрака. Едва капитанша скомандовала: „снѣдать!" какъ въ одно мгновеніе ока всѣ книжки закрылись и школьники высыпали на дворъ побѣгать передъ ѣдой для возбужденія аппетита. Дуда и Катя подхватили меня подъ руки и потащили на дворъ.

Общество мальчиковъ съ перваго же дня, мнѣ не понравилось: всѣ такіе отчаянные драчуны, не успѣли выйдти изъ комнаты, какъ уже и подрались. При моей болѣзненной комплекціи и миролюбивомъ нравѣ, во все продолженіе моего ученія, я постоянно сторонился отъ забіякъ, за что и не пользовался ихъ расположеніемъ. Съ перваго моего шага ясно опредѣлились будущія мои отношенія къ новому обществу: я подружился съ дѣвочками, а съ мальчиками былъ подальше.

Черезъ четверть часа насъ позвали къ завтраку. Каждый вытащилъ изъ подъ лавки принесенную имъ изъ дому провизію: кто сало, кто блины, кто пирогъ или кольцо колбасы. Матушка и меня, конечно, не забыла на первый разъ снабдить самыми лакомыми яствами: мое снѣданье было такъ обильно, что имъ могли пообѣдать полдюжины ребятишекъ. Хотя каждый имѣлъ свое, но каждому нравилось больше то, что ѣлъ другой и чего у него не было, а потому тутъ происходила мѣна: ты мнѣ дай колбасы, а я тебѣ пирога. При такихъ коммунистическихъ началахъ никто не завтра-

калъ тѣмъ, что принесъ изъ дому, а пробовалъ понемногу всего, что только лежало на столѣ. Кто былъ проворенъ, тотъ былъ и болѣе доволенъ—тому и доставалось больше. Нарочитою прожорливостію и умѣньемъ выманивать лакомые куски у товарищей отличался сынъ коваля Мулюха. Правда, онъ и работалъ въ школѣ за троихъ, т. е. кричалъ такъ, что заглушалъ всѣхъ. Потъ бывало прошибетъ его, а онъ все выкрикиваетъ: окропиши мя иссопомъ, аки скименъ обитаетъ и т. п. выраженія, едва ли понятныя и для самой командирши нашей Аксюты Ивановны. Впрочемъ, никто отъ насъ никогда не требовалъ того, чтобы мы понимали читаемое, лишь бы читали громко и скоро—этими качествами измѣрялась степень умѣнья заданнаго „стыха“ и достоинство истаго школяра.

Скоро я узналъ, что въ школѣ существуетъ такой обычай: если кто изъ учениковъ догонитъ въ ученіи другаго, то въ присутствіи всей школьной корпораціи, лѣнтяя кладутъ на порогѣ, а опередившему его даютъ въ руки тройчатку и велятъ ему сѣчь отсталаго. Благодаря попеченію обо мнѣ дѣдушки, я былъ достаточно подготовленъ для того, чтобы въ нѣсколько мѣсяцевъ пройти Граматку и взяться за Часловецъ. Такимъ образомъ я догналъ Дуду. Не взирая на наши пріятельскія отношенія, мнѣ предстояла пренепріятная обязанность посѣчь ее немножко.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, дѣвицу разложили на порогѣ, а меня вооружили тройчаткой; но я, какъ истуканъ, стоялъ въ бездѣйствіи, не осмѣливаясь поднять руку на свою товаришку. Но грозный приказъ Капитанши вывелъ меня изъ оцѣпененія и я... тутъ ужъ не помню, что со мной было потомъ, ибо въ то самое время, когда я замахнулся тройчаткой, вся школа заорала благимъ матомъ: наша! наша! наша! Такъ привѣтствовали всякаго, кто въ первый разъ подвергался сѣченію, считаясь до того какъ бы чужимъ. Этотъ крикъ, а еще болѣе пронзительный визгъ несчастной Ульяны дотого меня испугалъ, что я, сгорая отъ стыда, убѣжалъ на дворъ, не нанесши ей ни одного удара.

Въ торжественный день окончанія мною Граматки, въ домѣ нашемъ приготовили большущій горшокъ каши, чѣмъ, по обычаю школы, всякій разъ сопровождалась побѣда надъ одной изъ трехъ школьныхъ премудростей. Въ постный день каша варилась гречне-

вая—съ медомъ, въ скоромный-пшонная на молокѣ и яйцахъ. Въ этотъ памятный для меня день ученія не было. Всѣ школьники шумною толпой направились къ дому виновника торжества, подъ его личнымъ предводительствомъ. При входѣ въ комнату, въ сѣняхъ пропѣта была хоромъ молитва, затѣмъ сильнѣйшій изъ насъ Ховрычъ взялъ горшокъ и со всего размаху хватилъ имъ объ уголъ зеленой изразцовой печки; каша разлетѣлась по полу вмѣстѣ съ черепками, а голодная ватага бросилась собирать ее и набивать свои рты. Послѣ обильнаго угощенія, обрадованный моими успѣхами дидусь далъ каждому гостю по большому краснобокому яблоку. Покувыркавшись часа два въ саду подъ грушею, товарищи мои разбрелись по домамъ.

Кромѣ установленной за выучку платы, въ школѣ Капитанши существовалъ обычай добровольныхъ, но обязательныхъ приношеній въ извѣстные дни въ году, почему нибудь знаменательные: такъ, на Маковія каждый мальчикъ несъ въ школу пѣтушка, а дѣвочка курочку, при чемъ соблюдалось правило, чтобы бѣлокурыя дѣти приносили бѣлыхъ куръ, а брюнеты—черныхъ. На 40 мучениковъ каждый ученикъ обязанъ былъ тащить въ школу 40 бубликовъ и проч.

Хотя школа Капитанши, въ отношеніи способа ученія, начѣмъ особеннымъ не отличалась отъ дьячковской, но все таки она имѣла предъ нею огромное преимущество. Уже одно то, что ею заправляла женщина, незнакомая съ бурсой, имѣло много за собой шансовъ. Каждый дьячокъ вносилъ въ бытъ своей школы традиціи бурсы: грубое до цинизма обращеніе съ дѣтьми, вѣчное сѣченіе, пинки и зуботычины до того уродовали учащихся, что черезъ годъ они были неузнаваемы. Здѣсь школа не только не противодѣйствовала грубой домашней средѣ, но еще болѣе вкореняла въ дѣтяхъ тѣ начала, которые входили въ ихъ природу съ молокомъ матери, подъ вліяніемъ старшихъ. Школа Капитанши, напротивъ, сглаживала грубыя угловатости привычки, усвоенныя подъ родительскимъ кровомъ. Кромѣ того, Аксюта Ивановна постоянно сидѣла дома, тогда какъ дьякъ, исполняя вѣчныя свои требы, часто оставлялъ учениковъ безъ надзора. Иногда только наставница наша, когда ей становилось не въ моготу, т. е. когда допекутъ ей сильно школяры, отправлялась

черезъ три дома къ своей сосѣдкѣ съ чулкомъ въ рукахъ, приказавъ намъ читать такъ громко, чтобы она слышала, сидя въ гостяхъ. Тогда то намъ было раздолье: одинъ старался перекричать другаго и наше чтеніе было слышно не только черезъ три дома, но подлѣ самаго собора. Тутъ больше всѣхъ отличался корифей нашей школы Хома Мулюха. Еслибы кто нибудь изъ проходящихъ мимо нашей школы полюбопытствовалъ узнать, изъ-за чего такъ сильно деруть горло эти мальчуганы, то слухъ его поразили бы такія слова и выраженія, которыя совершенно не соотвѣтствовали тому азарту, съ какимъ они произносились нами. — Одинъ выкрикивалъ: тма, мна, здо, тло, азъ ангелъ—ангельскій, буки богъ – божество; другой отхватывалъ: вскую шаташася языцы; третій: сіи на колесницахъ, сіи на коняхъ и т. д. И вся эта дребедень сливалась въ одинъ безобразный гулъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ капитанша препоручала насъ сестрѣ своей Аленкѣ, молодой 20-лѣтней особѣ, совершенно безграмотной, но страшно свирѣпой. Мы ее сильно боялись. Чуть только который нибудь изъ насъ зазѣвается, такъ и начнетъ хлестать тройчаткой, по чемъ зря, не сдѣлавъ даже предварительно никакого предостереженія. „Кусалась, якъ [illegible]ныцый собака, не гавкаючи“, говорили объ ней школяры, жалуясь своимъ родителямъ.

Но слово „медъ“ еще не дѣлаетъ уста сладкими, говоритъ восточная пословица: и за нашей наставницей водились грѣшки. У нея былъ свой ami de la maison, личность чрезвычайно занимательная. Это былъ массивный, саженный мужчинище, весь заплывшій жиромъ и оттого страдавшій одышкой. Ходилъ онъ всегда въ остроконечномъ, конической формы, картузѣ, съ широкимъ и длиннымъ козырькомъ, въ синемъ нанковомъ козакинѣ и съ черной суковатой палкой. Прозывался онъ Давыдовичемъ. Въ классную комнату, во время ученья, онъ никогда не входилъ, а вошедши, пригнувшись, въ сѣни, поворачивалъ на право, въ темную комору. Не проходило минуты послѣ его прихода, какъ уже одинъ изъ школяровъ командировался въ ближайшій кабачокъ за шкаликомъ, и наша наставница исчезала въ коморѣ и оттуда командовала нами. Мы слышали ея голосъ, но ее самоё не видали. Голосъ ея, сначала звонкій и внушительный, благодаря принесенной склянице, становился посте-

пенно слабѣе и тише и, наконецъ, и совсѣмъ обрывался. Тогда Аленка отпускала насъ по домамъ раньше.

Домашній другъ нашей наставницы былъ по профессіи юрисконсультъ, или просто сутяга, эксплуатировавшій невѣжественныхъ мѣщанъ якобы знаніемъ законовъ. Кто бы ни затѣялъ тяжбу—безъ Давыдовича не обходилось. И начиналъ онъ свое хожденіе по дѣлу въ буквальномъ значеніи этого слова, т. е. заходилъ къ истцу ежедневно (а иногда къ отвѣтчику) съ цѣлію выпить и закусить, для чего самое дѣло тянулъ до безконечности. Наливаетъ, наливаетъ эту сороковую бочку тяжущійся да и плюнетъ, а нашъ юристъ всэ пишэ та пье, пье та пишэ.

Давыдовичъ постоянно пѣлъ на крилосѣ въ соборѣ и читалъ апостола, вооружась синими очками. Безъ него не проходило ни одного храмоваго праздника, ни одной свадьбы, ни однихъ сколько нибудь достаточныхъ похоронъ. Тутъ то ему было раздолье: выпивалъ онъ громадное количество водки (за что его и прозвали жлуктомъ), ѣлъ за троихъ, приправляя ѣду юмористическими прибаутками и и анекдотами, которыхъ у него былъ неистощимый запасъ. Говорилъ онъ чистѣйшимъ украинскимъ нарѣчіемъ, что изобличало въ немъ выходца изъ южныхъ малорусскихъ губерній. Особенно тѣшилъ онъ гостей извѣстною виршей, которою запорожцы привѣтствовали на Великдень царицу Екатерину. Виршу эту Давыдовичъ зналъ на память. Эффектнѣе всего онъ изображалъ тревогу, произведенную въ пеклѣ Воскресеніемъ Христовымъ:

Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ
Изъ пекла удрызавъ—
Винъ за Исакомъ ледвѣ ракомъ
И соби поклызавъ... и проч.

Хотя по правиламъ мѣщанской морали худо отзываться о старшихъ „не годытьця“ и даже грѣхъ, но мы—школяры ни предъ кѣмъ не дѣлали секрета о поведеніи нашей наставницы. Вообще говоря, трудно скрыть отъ дѣтей что нибудь такое, чего имъ до поры до времени знать не полагается. Наши родители разсчитывали на нашу дѣтскую глупость и простоту, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, свободно высказывались, а потому каждый изъ насъ изъ подъ родительскаго крова привносилъ въ школу довольно непечатной брани и

грязныхъ анекдотовъ. Школа съ ея тремя премудростями и капитанша съ своимъ Давыдовичемъ не только не противодѣйствовали домашнему безобразію, но еще болѣе развивали и усиливали наши порочные инстинкты. Хотя въ коморѣ, гдѣ засѣдалъ толстякъ, было темно, но мы хорошо смекали, что тамъ рѣшались не педагогическіе вопросы. Многое, чего мы не могли видѣть, дополнялось воображеніемъ, уже успѣвшимъ порядочно развратиться подъ вліяніемъ домашней обстановки.

Но пока къ намъ въ школу ходилъ одинъ Давыдовичъ, родители наши считали его посѣщенія совершенно безупречными. Извѣстный всему городу шутникъ и балагуръ, да къ тому же еще и довольно пожилой человѣкъ, не могшій ни одного дня прожить безъ компанства—что жъ въ этомъ худаго? Волей-неволей его вездѣ принимаютъ за гостя: влѣзетъ непрошенный, незванный—ну, и поштуй его.

Но съ того времени, какъ у нашей капитанши появился другой Донъ Жуанъ, надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ Терлецкій, и когда наша наставница частенько начала съ нимъ прохаживаться на Замкѣ не только въ праздники, но и въ будни—репутація ея сильно подупала въ мнѣніи нашихъ родителей. При такихъ условіяхъ школа не могла продержаться долго. Къ тому жъ какъ нарочно случился превеликій скандалъ, сдѣлавшійся ужъ черезъ чуръ гласнымъ въ городѣ.

Однажды лѣтомъ, гоняясь по Замку за бабочками, мы наткнулись на rendez-vous своей учительницы съ пьянымъ Терлецкимъ.

— Ну, ужъ это настоящая, что называется, мараль! выразился одинъ изъ родителей учащихся Лаврентій Мулюха.

— Хороша наука! добавилъ другой, и школа капитанши провалилась. 26 іюня 1828 года, за два дня до петровской ярмарки, я пошелъ въ школу въ послѣдній разъ и то лишь за тѣмъ, чтобы взять свой псалтырь. Раскрывши сію премудрую книжицу, можно было сразу угадать, на чемъ остановилось мое ученіе—по засаленнымъ листамъ первыхъ трехъ каѳизмъ. Хотя во время снѣданья, изъ предосторожности, книги закрывались и отодвигались на средину стола (не для того, чтобы онѣ не запачкались, а чтобы школяры вмѣстѣ съ пирогомъ или блиномъ, не съѣли своего „стыха“), но такъ какъ при завтракѣ не водилось салфетокъ, то книги весьма

много терпѣли отъ замасленныхъ рукъ, хотя и выигрывали въ отношеніи прочности: пропитанные насквозь жирными веществами, листы становились твердыми, какъ пергаментъ, кожанымъ же переплетамъ ихъ и вѣку не было. Набальзамированные такимъ способомъ Часословцы и Псалтыри поступали во владѣніе младшихъ членовъ семьи и затѣмъ оставались для домашняго обихода, пока не воспользуются ими еще ненародившіяся поколѣнія.

У моего дѣда хранилось не малое количество книгъ, которыхъ онъ былъ большей любитель. Кромѣ евангелій, псалтырей, тріодей, большихъ и малыхъ четь-миней, у него было довольно весьма цѣнныхъ старопечатныхъ изданій, которыя онъ берегъ, какъ драгоцѣнность. Нѣкоторыя изъ этихъ археологическихъ рѣдкостей, впослѣдствіи времени, пользуясь критическими обстоятельствами моей матери, за безцѣнокъ купили старообрядцы изъ Клинцовъ.

Отбывши петровскую ярмарку, отецъ порѣшилъ въ августѣ опредѣлить меня въ приходское училище и сталъ къ тому же подговаривать и своего кума Никиту Гавриловича, у котораго былъ сынъ Павелъ, ходившій въ дяческую школу. Самъ батюшка, безъ помощи Давыдовича, написалъ два прошенія, которыя, хотя писались на простой негербовой бумагѣ, но адресовались всегда на Высочайшее имя и сочинялись по извѣстной формѣ: прошенія были написаны весьма грамотно и красиво, къ стыду многихъ дворянъ, едва умѣвшихъ подписать свою фамилію и то такими каракулями, что и разобрать было трудно: подпись выходила въ родѣ Гоголевской „Евдокія обмокни“. Да что и говорить о безграмотности тогдашнихъ дворянъ, коли (неча грѣха таить) и самъ учитель россійской грамматики, какъ увидимъ ниже, писалъ отвратительно.

Покончивъ съ прошеніями и положивъ ихъ въ шкапъ, батюшка купилъ ажъ цѣлыхъ три букваря—два для меня и одинъ для своего крестника, и тотчасъ же засадилъ насъ обоихъ за гражданскую азбуку, которую, къ великому нашему горю, пришлось вновь переучивать и поровить такъ, чтобы не смѣшать а, бе, ве, ге—съ буками и глаголями. Между тѣмъ, пока я, подъ руководствомъ дѣдушки, боролся съ этими трудностями и не дошелъ еще до складовъ, родитель мой, съ помощію служанки Лукерьи, вынесъ изъ темной кладовой большой сундукъ съ книгами и тетрадями, по ко-

торымъ онъ самъ учился въ гимназіи и которыя, со дня выхода его оттуда, не видали свѣта божьяго. Замечтавшись о моихъ будущихъ успѣхахъ, онъ сталъ выкладывать изъ сундука груды запыленныхъ книгъ и чего-чего тамъ не было: и естественное право, и астрономія, и фортификація. Полный надеждъ на мое будущее, покойникъ готовился надѣлить меня всей этой премудростью, хотя, увы! ни одна изъ этихъ книгъ не пригодилась мнѣ, благодаря уставу 1828 г. То ли дѣло подумаешь Часловецъ и Псалтырь, вѣчно неизмѣнныя книжицы, пережившія цѣлое тысячелѣтіе Россійской имперіи.

Въ отцѣ моемъ, который до сихъ поръ не обращалъ на меня вниманія, предоставивъ мое ученіе на попеченіе дѣда и матери, пробудилась какая то тревожная дѣятельность, коль скоро дѣло коснулось опредѣленія меня въ училище.

2. Первѣйшій классъ.
(1828—1830)

22 августа 1828 года, въ день священномученика Агафона и Неофита, меня разбудили до свѣта. Около 7 часовъ пришелъ от. Никита и вторично благословилъ мои начинанія; послѣ чего мы съ батюшкой тронулись въ путь къ учителю Ильѣ Семеновичу. Отецъ шелъ, конечно, не съ пустыми руками: небольшая головка сахару да фунтикъ чаю открыли мнѣ входъ въ преддверіе святилища наукъ—приготовительный классъ, который больше извѣстенъ былъ подъ именемъ первѣйшаго.—Отъ природы я былъ страшно боязливъ, а стоустая молва въ городѣ о жестокости, доходившей до кровожадности, учителя Каменскаго до того на меня подѣйствовала, что я, подходя къ училищу, заревѣлъ благимъ матомъ, и если бъ отецъ не удерживалъ меня за руку, непремѣнно бы далъ тягу.

Большой деревянный одноэтажный домъ, гдѣ помѣщалась тогда гимназія, вмѣстѣ съ уѣзднымъ училищемъ, стоялъ посреди обширнаго двора, поросшаго травой. Наружность его была мрачна и неприглядна. Парадный подъѣздъ бывшаго губернаторскаго помѣщенія, съ почернѣвшими отъ времени колоннами, обращенный къ кладбищу, находившемуся тутъ же за рѣшеточнымъ заборомъ, внушалъ мнѣ еще больше ужаса. Но это, какъ оказалось, былъ входъ въ гимназію и мы миновали его. Обогнувъ почти все зданіе, мы взошли на другое,

болѣе скромное крыльцо, потомъ въ грязныя сѣни и корридоръ, гдѣ было двое дверей: одна, на право, вела въ первѣйшій классъ, а другая, на лѣво, въ квартиру учителя.

Илья Семеновичъ, вѣроятно, увидалъ насъ изъ окна классной комнаты, потому что, едва мы вошли въ корридоръ, онъ тотчасъ же вышелъ изъ класса и пригласилъ насъ въ свою квартиру. Отецъ, нисколько не оробѣвши, подошелъ развязно къ столу, положилъ на немъ сперва хлѣбъ святой, отъ котораго, по русскому обычаю, никто не вправѣ отказаться, затѣмъ фунтикъ чаю и поставилъ головку сахару, отъ котораго, по причинѣ его сладости, такъ же не въ обычаѣ было отказываться педагогу.

Илья Семеновичъ былъ высокаго роста мужчина, плотнаго сложенія, съ черными лоснящимися бакенами и какимъ то недобрымъ взглядомъ, напоминавшимъ хищную птицу, хотя и невысокаго полета. Окончивъ 4 классную гимназію въ 1821 году, по лѣтамъ онъ долженъ бы, казалось, принадлежать къ новому поколѣнію педагоговъ, но онъ ни въ чемъ не уступалъ людямъ стараго покроя. Будучи, сравнительно, болѣе другихъ сослуживцевъ обезпеченъ матеріально, владѣя небольшимъ имѣньицемъ въ кролевецкомъ уѣздѣ съ 16 крѣпостными душами, онъ не совѣстился зайти въ лавку мѣщанина, торговавшаго не на рубли, а на копѣйки, и взять у него въ долгъ безъ отдачи фунта три сала или полдесятка чабака, потому только, что сынъ этого торговца имѣлъ несчастіе находиться подъ его ферулой. Напомнить Ильѣ Семеновичу объ отдачѣ долга могъ только тотъ, кто рѣшался взять своего сына изъ училища; въ противномъ случаѣ мальчику приходилось живому лѣзть въ могилу.

Сдавъ на руки такому достойному педагогу трепетавшаго отъ страха сына, батюшка проводилъ меня глазами до дверей классной комнаты и раскланялся съ учителемъ. Что со мной происходило въ этотъ день, какъ я очутился между школьниками, что дѣлалось въ классѣ до конца урока—рѣшительно ничего не помню. На меня напалъ такой столбнякъ, что отъ меня никто не добился ни одного слова. При выходѣ изъ класса, на меня накинулись цѣлой ватагой самые отчаянные драчуны, подъ предводительствомъ Хомы Шота, и я не знаю, чѣмъ бы началось мое первое знакомство съ новыми товарищами: щипками или потасовкой, если бы не взялъ меня подъ

свое покровительство главный цензоръ Петро Сидоровичъ Яковенко здоровый малый, лѣтъ 16, въ нанковомъ сюртукѣ желтогорячаго цвѣта. Будучи ближайшимъ моимъ сосѣдомъ, онъ довелъ меня до самаго дома. Взялъ онъ меня подъ свою высокую руку, какъ оказалось, не безкорыстно: проходя мимо нашего сада, онъ прельстился великолѣпными краснобокими яблоками, да должно быть уже не разъ и пробовалъ ихъ и какъ видно, они ему очень понравились, потому что, прощаясь со мной, онъ строго на строго приказалъ мнѣ, какъ власть имущій, принесть нѣсколько штукъ въ классъ, непремѣнно завтра. Я, конечно, не смѣлъ его ослушаться, потому—сила. Петро Сидоровичъ былъ не цензоръ только, но и палачъ первѣйшаго класса. Аттрибуты его страшнаго могущества,—пучокъ розогъ и линейка—лежали подлѣ него во все продолженіе урока и послѣ звонка прятались въ сундукъ, вмѣстѣ съ мѣломъ и губкой. На другой день я узналъ, что Сидоровичъ беретъ взятки не одними яблоками. Кто давалъ больше, того онъ и билъ полегче, а кто ничего не давалъ, того дралъ безъ милосердія.

Ученики раздѣлялись на три группы и распредѣлялись между аудиторами, которые тоже брали хабары, а не дать нельзя было, такъ какъ Илья Семеновичъ никогда не контролировалъ ихъ отмѣтокъ.

Учитель рѣдко просиживалъ весь урокъ въ классѣ. Задавъ работу и передавъ бразды правленія Сидоровичу, онъ уходилъ къ себѣ въ квартиру; если же случалось, что онъ оставался въ классѣ подольше, то единственно для развлеченія. Иногда бывало выдастся добрый день, стихъ такой находилъ на Илью Семеновича—и онъ весь урокъ глумится то надъ несчастнымъ Евдокимомъ Сугонякой, съ рыжей продолговатой головой, похожей на дыню, то издѣвается надъ добрякомъ Степаномъ Стугой-Самотугой, да надъ плаксой Василіемъ Киндой. Но больше всѣхъ терпѣлъ насмѣшекъ Ванька Цапеницкій. Это былъ крошечный мальчуганъ, совершенный карликъ, не шалунъ и не лѣнтяй, но чрезвычайно живой и потѣшный, напоминавшій по своимъ ухваткамъ комнатную собаченку, которую обыкновенно зовутъ Шарикомъ. Надъ нимъ то Илья Семеновичъ любилъ особенно истощать свое остроуміе: то заставитъ его влѣзть въ сундукъ и запретъ его тамъ на цѣлый часъ, то прика-

жетъ лѣзть въ печку, откуда Ванька вылѣзалъ весь запачканный въ сажу, черный, какъ арапченокъ, къ великой потѣхѣ всего класса.

Между мальчиками сидѣли три дѣвицы, которыя тоже не избѣгали насмѣшекъ со стороны разгулявшагося наставника, иногда весьма пикантныхъ.

— Сидоровичъ! поцѣлуй Жадкевичеву! обращается къ цензору учитель. А тотъ и радъ стараться, да еще и за шею обниметъ.

Не избѣгнулъ насмѣшекъ и самъ Сидоровичъ. Однажды, вошедши въ классъ, онъ подозвалъ къ столу цензора.

— Подай, говоритъ, розги!

Готовый служить вѣрой и правдой своему повелителю Сидоровичъ быстро досталъ изъ сундука розги.

— Подвинь на средину класса сундукъ, продолжаетъ учитель.

Исполнилъ Сидоровичъ и этотъ приказъ. Свирѣпо окинулъ взглядомъ своихъ товарищей, какъ бы стараясь угадать, кого ему придется въ этотъ разъ растянуть на сундукѣ.

— Ложись! приказываетъ тѣмъ же убійственно спокойнымъ тономъ Илья Семеновичъ.

Цензоръ зналъ лучше всѣхъ насъ натуру своего командира, не терпѣвшаго ни малѣйшаго противорѣчія, а потому безпрекословно растянулся на сундукѣ.

— Сѣки себя самъ! да смотри хорошенько, а то я тебя научу, какъ нужно сѣчь.

И Сидоровичъ совершаетъ самобичеваніе не похуже католическаго монаха-изувѣра, смиряющаго грѣшную свою плоть истязаніями.

— Ну, довольно! садись на мѣсто!

И Сидоровичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, идетъ на мѣсто. За что онъ себя такъ больно наказалъ, никто не зналъ, ни даже онъ самъ. Я думаю Илья Семеновичъ просто выкинулъ штуку, потѣхи ради, или, быть можетъ, онъ хотѣлъ предостеречь цензора, чтобы онъ не зазнавался слишкомъ, не важничалъ.

Но не всегда оканчивался урокъ такими милыми шутками. Расположеніе духа у нашего учителя было чрезвычайно неровное. Разныя семейныя дрязги, ссоры съ супругой и тещей, а можетъ быть, и нахлобучки со стороны начальства, нерѣдко раздражали его до бѣшенства и онъ всѣ эти непріятности вымещалъ на неповин-

ныхъ ни тѣломъ, ни духомъ дѣтяхъ. Ворвется въ классъ, какъ ураганъ, лютый, прелютый—и начнется избіеніе младенцевъ. Дѣти дрожатъ, какъ листья на осинѣ; каждый, притаивъ дыханіе, ждалъ бѣды; впродолженіе всего урока линейка Сидоровича не переставала работать, горячія пали, плачъ, мольбы о пощадѣ не умолкаютъ до звонка; полкласса всхлипываетъ и хукаетъ въ ладони... Но и этимъ не оканчивалась бойня: человѣкамъ пяти велѣно „остаться послѣ класса“ для наказанія розгами.

Какъ продуктъ такого варварскаго обращенія съ дѣтьми, были между нами мальчики, въ которыхъ навсегда было убито чувство человѣческаго достоинства. Ко всему можно привыкнуть, привыкали и къ розгѣ. Но что за люди вышли впослѣдствіи изъ этихъ жалкихъ созданій, безотвѣтныхъ жертвъ чужаго самодурства и ненужной жестокости! Сидѣли они по два, по три и даже по четыре года въ первѣйшемъ классѣ, „въ надеждѣ успѣховъ“, или „по великовозрастію“ переводились въ первый классъ; здѣсь опять сидѣли столько же и выходили въ жизнь отъявленными 18 лѣтними негодями.

Мое ученіе въ первѣйшемъ классѣ, благодаря домашней подготовкѣ и приношеніямъ матушки, шло довольно успѣшно. Шалостей за мной особенныхъ не водилось, хотя паль все таки не избѣгнулъ, по извѣтамъ цензора, которому не всегда я могъ угодить хабарами. Впрочемъ, отъ наказанія никого не спасали ни отличные успѣхи, ни примѣрное поведеніе, такъ какъ за общій шумъ всего класса наказывались или всѣ поголовно, или десятые; значитъ, будь хоть ангеломъ во плоти, не уйдешь отъ розги. Разъ дѣйствительно и со мной чуть не случилась подобная оказія. По случаю смерти тещи, учитель не сидѣлъ въ классѣ, а препоручилъ насъ цензору. Случился какой то скандалъ, вызвавшій всеобщій взрывъ хохота, дошедшій до ушей „неутѣшнаго“ Ильи Семеновича. Влетаетъ въ классъ сердитый, пресердитый.

— Кто шумѣлъ?—Всѣ! отвѣчаетъ цензоръ.

— Остаться послѣ класса всѣмъ! Какъ котовъ передеру всѣхъ!

Сказалъ, и вышелъ. Смѣхъ смѣнился рыданіемъ великимъ. Просидѣли мы цѣлый часъ послѣ звонка. Неизвѣстность мучила каждаго изъ насъ, а небитыхъ еще, къ какимъ принадлежалъ и я, конечно, больше другихъ. Наконецъ, Илья Семеновичъ прислалъ сына Ильюшу

съ объявленіемъ, что расправа, по случаю совершавшейся въ то время панихиды, отложена до завтра. На другой день были похороны и потому учитель не явился вовсе. Но на третій день, прійдя въ классъ, онъ вспомнилъ о своей угрозѣ и велѣлъ остаться послѣ класса десятымъ. Какъ на бѣду, я сидѣлъ какъ разъ десятымъ и пришелъ въ ужасъ, но къ немалому удивленію всѣхъ товарищей, Илья Семеновичъ отпустилъ меня домой небитымъ. Дѣло объяснилось очень просто. Милость эта обошлась родителямъ не дешево, будучи куплена цѣною размалеваннаго гроба съ нарисованнымъ ангеломъ въ головахъ и Адамовой головой въ ногахъ. Гробъ этотъ заготовила, на случай смерти, моя бабушка для себя, но онъ былъ взятъ учителемъ для его тещи.

Итакъ, благодаря гробу, я остался небитымъ, къ великой радости моей сердобольной матери.

21 іюня 1830 года происходило публичное испытаніе въ повѣтовомъ училищѣ, въ присутствіи директора и учителей гимназіи. Ученики 1 и 2-го классовъ произносили басни, весьма поучительнаго содержанія, напр. Орелъ и Пчела, Дубъ и Трость, Своевольные ребята и т. п. А Илья Семеновичъ громогласно прочелъ рѣчь, написанную на заданную директоромъ тэму: „Сколько счастіе человѣка зависитъ отъ добраго мнѣнія и чести въ обществѣ?“ О, еслибы спросили насъ, безмолвныхъ созерцателей сего торжества, какое составилось мнѣніе у насъ о нашемъ наставникѣ!

Тутъ же, къ великой радости нашихъ родителей, мы услышали свои фамиліи, слѣдовавшія непосредственно за любезнымъ для каждаго ученика словцомъ: „переводится“. Такихъ счастливцевъ оказалось двадцать четыре человѣка, въ числѣ ихъ было и три дѣвицы: Прасковья и Наталія Цапеницкія и Марѳа Жадкевичева.

Въ первѣйшемъ классѣ я пробылъ два года.

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУЛЬТУРНЫЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ.[1]

5.

Уличныя клички.

Опредѣленіе названія уличная кличка.—Научное изученіе личныхъ и фамильныхъ прозвищъ.—Значеніе крестьянскихъ объясненій кличекъ.—Клички по женской линіи родства.—Слѣды крѣпостнаго состоянія крестьянъ.—Клички пьяницкія и воровскія.—П. А. Кулишъ о кличкахъ въ сочиненіяхъ Гоголя.—Клички по привѣтствію и кустарнымъ промысламъ.—Кулацкія клички.—Клички по пѣснямъ, поговоркамъ и выговору словъ.—Архаизмы.—Заключительная замѣтка.

Выраженіе „уличная кличка“ въ значеніи личнаго или фамильнаго прозванія употреблялась въ старинное время, что видно изъ „Актовъ южной Руси“ и личныхъ воспоминаній запорожскаго козака Коржа. Нынѣ оно также повсемѣстно употребляется среди крестьянъ, при чемъ при ревизскомъ фамильномъ прозвищѣ имѣетъ значеніе добавочнаго прозвища, большею частью по отрицательной сторонѣ лица. Сравнительно съ документальными прозвищами уличныя клички обнаруживаютъ большую подвижность. Онѣ скорѣе подвергаются измѣненіямъ, чѣмъ старинныя, закрѣпленныя письмомъ фамильныя прозванія. Уличныя клички большею частью касаются личностей; но онѣ простираются иногда съ лица на семью и далѣе на родовой союзъ семей. Вообще, фамильныя и родовыя прозванія оберегаются отъ вторженія и замѣны ихъ уличными кличками, большею частью заключающими въ себѣ ироническое опредѣленіе лица по отрицательной его сторонѣ.

Изученіе уличныхъ личныхъ кличекъ представляется столь же любопытнымъ въ историко-бытовомъ и филологическомъ отношеніяхъ,

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., январь.

какъ изученіе фамильныхъ прозваній. Вообще, послѣ того, что сдѣлано западно-европейскими, преимущественно нѣмецкими, учеными по части изученія личныхъ именъ и фамильныхъ прозваній, нельзя сомнѣваться въ научной важности обстоятельнаго разъясненія происхожденія и измѣненія тѣхъ и другихъ по основнымъ законамъ народной психологіи, и затѣмъ систематической группировки ихъ, на основаніи заключающихся въ нихъ бытовыхъ или филологическихъ фактовъ. Какъ далеко подвинулось изученіе этого предмета въ Германіи, показываетъ появленіе въ послѣднее десятилѣтіе многихъ спеціальныхъ монографій, напримѣръ: *Andresen,* Die altdeutsche Personennamen; *Lucae,* Die altdeutsche Personennamen (1880); *Heinze,* Die deutsche Familiennamen (1880).

Самымъ раннимъ и наиболѣе крупнымъ славянскимъ дѣятелемъ въ этой области филологіи является *Миклошичъ*, авторъ статьи „Die Bildung der slavischen Personennamen", напечатанной въ X томѣ Памятниковъ вѣнской академіи наукъ 1860 г. Съ легкой руки Миклошича научное изученіе личныхъ и фамильныхъ прозваній пошло успѣшно въ славянскихъ странахъ, при чемъ оно естественно получило мѣстное, краевое направленіе, согласно съ характерными особенностями личныхъ и фамильныхъ прозваній каждой славянской народности въ отдѣльности. Такъ, въ 1885 г. вышло спеціальное изслѣдованіе г. *Карловича* о польскихъ собственныхъ мѣстныхъ и личныхъ названіяхъ, (въ „Pamiętnik. fizyograficzn. т. V., потомъ отдѣльно). Въ „Rad jugoslav. Akademije znanosti i umjetnosti" 1886 г. помѣщено обширное изслѣдованіе *Маретича* о народныхъ именахъ и прозвищахъ у хорватовъ и сербовъ.

„Извѣстное дѣло, говоритъ Тургеневъ въ „Пѣвцахъ", русскій народъ на прозвища мастеръ." Въ прозвищахъ, дѣйствительно, много силы и выразительности. Кромѣ этого общаго достоинства, личныя клички имѣютъ еще научное значеніе, филологическое и историко-бытовое. Онѣ представляются любопытными, между прочимъ, въ приложеніи къ современной народной жизни, такъ какъ до нѣкоторой степени уясняютъ направленіе духовной дѣятельности народа въ настоящій моментъ его существованія. Въ личныхъ и фамильныхъ прозваніяхъ мы имѣемъ такое бытовое явленіе, въ которомъ прошлое и современное слились въ одно цѣлое. Любопытнымъ сви-

дѣтельствомъ существованія въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, въ частности въ земствѣ, людей съ правильнымъ взглядомъ на этотъ предметъ служатъ составленные въ 1886 году харьковской губернской земской управой бланки для подворной описи селъ; въ бланки эти, между прочимъ, вошла рубрика: прозвища и почему даны прозвища. Введеніе прозвищъ въ программу собиранія свѣдѣній о народномъ бытѣ заслуживаетъ тѣмъ большаго одобренія, что до сихъ поръ на этотъ отдѣлъ народнаго быта не обращали никакого вниманія; никто не собиралъ по этому поводу свѣдѣній; нигдѣ, даже въ Трудахъ этногр.-стат. экспед. въ зап.-рус. край, нѣтъ объяснительныхъ списковъ личныхъ и фамильныхъ прозваній, и такимъ образомъ обширный отдѣлъ народной словесности, выражающій многія любопытныя мелочи народнаго быта, остается въ полной неизвѣстности.

Личныя и фамильныя прозванія остаются или вполнѣ непонятными, или ложно понятыми безъ предварительной справки объ ихъ значеніи у самихъ крестьянъ. Вполнѣ непонятными представляются, напримѣръ, прозвища: Кормысь, Низля, Кабза, Жиранъ, Мурза. Трудно догадаться безъ объясненія крестьянъ, что эти прозванія происходитъ отъ словъ кормить, нельзя, капказъ-дучки (въ дѣтской игрѣ), жирафа, замурзать. Скорѣе всего можно опасаться, что для объясненія такихъ прозвищъ, какъ Кабза, Мурза, Кучмій, будутъ приняты во вниманіе сходныя татарскія слова гокка-базъ, кобза, мурза, кучумъ и т. п.

Между тѣмъ, прозвища подобнаго рода рѣдко указываютъ на татарское происхожденіе надѣленныхъ ими лицъ, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ указываютъ лишь на какую нибудь особенность въ ихъ наружности или въ образѣ ихъ жизни, напримѣръ, на то, что предокъ носилъ высокую шапку, кучму или ходилъ запачканный, замурзаный. Значеніе нѣкоторыхъ фамильныхъ и личныхъ прозваній, повидимому, ясно; въ дѣйствительности, мы соединяемъ съ такимъ прозвищемъ ошибочное представленіе о его происхожденіи и значеніи, и надлежащее его объясненіе иногда открываетъ какую нибудь любопытную мелочь народнаго быта. Возьмемъ, напримѣръ, одно, повидимому, совершенно простое уличное прозвище крестьянина Петренка *Маіорскій шуринъ*.

Крестьяне отправились на заработки въ Донскія степи; на пути имъ нужно было перейти черезъ мостъ. Сборщикъ, поставленный помѣщикомъ для взыманія платы за проѣздъ по мосту, хотѣлъ взять съ нихъ по 7 коп. отъ лошади, тогда какъ на висѣвшей около моста досчечкѣ было написано, что проѣздная плата по 3 коп. отъ лошади. Одинъ изъ крестьянъ, будучи безграмотнымъ, но увидя на доскѣ цифру, сталъ кричать, что сборщикъ беретъ лишнее, грозилъ пожаловаться пану, и, наконецъ, сказалъ, что онъ маіорскій шуринъ: „Въ нашемъ селѣ стояли солдаты, а ихъ маіоръ и женился на моей сестрѣ“. Сборщикъ повѣрилъ и взялъ по 3 коп. отъ лошади. Съ тѣхъ поръ не только Петренко, но и дѣти его прослыли Маіорами.

Характерной стороной личныхъ и фамильныхъ прозваній представляется ихъ крайнее разнообразіе по происхожденію и значенію, при звуковой иногда тожественности; напримѣръ:

Крест. Н. по прозванію *Панычъ*. Прозваніе получилъ потому, что родился отъ помѣщика.

Крест. Павленко, по прозванію *Панычъ*: ребенкомъ игралъ съ дѣтьми помѣщика.

Крест. Скибка, по прозванію *Панычъ*: былъ любимый сынъ матери, и мать часто обращалась къ нему съ словами: „мій голубчыку, мій панычыку!“

Крест. Малюкъ, по прозванію *Хворостянъ*: живетъ въ хворостяной хатѣ, сплетенной еще его отцомъ.

Крест. Х., по прозванію *Хворостянка*: кралъ хворостъ въ лѣсу и былъ пойманъ.

Крест. Загоруйко, по прозванію *Хворостъ*: ходилъ къ сосѣдямъ просить хворосту на плетень.

Крест. Пылыпецъ, по прозванію *Бурьяновъ*: прозвище получилъ за высокій ростъ.

Крест. Горовый, по прозванію *Бурьяновъ*: покрылъ сарайчикъ бурьяномъ.

Крест. Р. по прозванію *Дрокинъ*: стоя на мѣстѣ, иногда отбрасываетъ ногами.

Крест. Петренки, по прозванію *Дрокины*: жили въ Дрокиномъ яру.

Различіе значеній при звуковомъ тожествѣ обязываетъ изслѣдователя къ осторожности при объясненіи старинныхъ фамильныхъ прозваній, сохранившихся въ актахъ, современными фамильными прозвищами. Такъ, въ описаніи границъ одной части Запорожья въ 1764 г., составленномъ войсковымъ старшиною Андреемъ Порохнею, говорится, что въ Дунаевскомъ байракѣ „сидѣлъ зимовникомъ казакъ Левушковскаго куреня Сидоръ Дунай давними временами“ (*Скальк.* I, 104). Въ объясненіе этого стариннаго фамильнаго названія можно замѣтить, что въ настоящее время въ купянск. у. харьковской губ. проживаетъ крестьянинъ Дунай, получившій это прозвище потому, что ходилъ на заработки къ Дунаю. Объясненіе это, при указанной выше особенности личныхъ и фамильныхъ прозваній, представляется лишь вѣроятнымъ, и не исключаетъ возможности иного значенія прозвища запорожскаго козака. Въ настоящее время прозвище Деркачъ носятъ крестьяне или потому, что въ дѣтствѣ ловили деркачей (скоростелей), или потому что произносятъ слова отрывисто, дерчатъ,

и какое изъ этихъ объясненій наиболѣе примѣнимо къ запорожскому полковнику Деркачу, нельзя съ точностью сказать. Въ области личныхъ и фамильныхъ прозваній болѣе чѣмъ въ какой бы то ни было другой области лингвистики оправдалось древнее классическое изреченіе usus tyrannus dicendi.

При объясненіи личныхъ и фамильныхъ прозваній нужно принимать также во вниманіе тѣ измѣненія, которыя терпятъ прозванія съ теченіемъ времени вслѣдствіе своеобразнаго проявленія народной этимологіи, при забвеніи основнаго значенія прозванія; напримѣръ:

Крест. Овчаренко, по прозванію *Однораль*: Предокъ его былъ на службѣ и дослужился, какъ говорятъ, до генеральскаго чина. Прозваніе генералъ съ теченіемъ времени измѣнилось въ Одноралъ. Семья Овчаренка хранитъ воспоминаніе о своемъ знатномъ предкѣ; но ихъ односельчане соединяютъ съ этимъ прозваніемъ представленіе о плугѣ.

Крест. Голубятниковъ, по прозванію *Конинеръ*. Прозваніе начинаетъ склоняться къ значенію производнаго отъ слова конь, тогда какъ первоначально означало отставнаго канонира, пушкаря.

Крест. С. по прозванію *Жиранъ*. Прозвище это дано С—у за высокій ростъ во время покоса сѣна однимъ изъ грамотныхъ крестьянъ, который видѣлъ въ Естественной исторіи картину жирафа. Прозвище это теперь произносятъ Жиранъ и Жаранъ, сближая его то съ словомъ жиръ, то съ словомъ жаръ.

Обыкновеніе давать личныя и фамильныя прозвища, помимо и независимо отъ книжнаго или документальнаго личнаго или фамильнаго прозванія, встрѣчается не только въ южной, но и въ средней и въ сѣверной Россіи и въ другихъ славянскихъ странахъ, въ особенности въ Болгаріи [1]). Въ Малороссіи обыкновеніе это обнаруживается особенно сильно и разносторонне, въ одинаковой степени какъ въ старину, такъ и въ настоящее время.

Уличныя прозванія въ половинѣ XVII ст. отмѣчены были въ актахъ, какъ такое явленіе народной жизни, которое вносило нѣкоторый безпорядокъ въ теченіе административныхъ и судебныхъ дѣлъ. Въ 1667 г. малорусскія фамильныя названія вызвали недоразумѣніе и неудовольствіе стольника Кикина, пріѣхавшаго въ Полтаву для слѣдствія о столкновеніи козаковъ съ воеводой (*Солов.*, Ист. Рос. XII, 12—13). По свидѣтельству современника послѣдняго Коша запорожскаго Коржа,

---

[1]) Уличныя клички по названіямъ растеній и животныхъ соотвѣтствуютъ личнымъ именамъ у дикихъ и варварскихъ народовъ (см. *Леббока*, Нач. цивил. 300).— *Прим. авт.*

„козаки запорожскіе... отъ малѣйшаго случая, поступка, походки или „калицтва“ (увѣчья) немедленно давали человѣку прозвище, которое уже навсегда оставалось при немъ. Такъ, кто отъ неосторожности сожжетъ курень или зимовникъ, того называли *Паліемъ*; кто готовитъ пищу или раскладываетъ огонь надъ водою, тому надали имя *Паливоды*. Кто ходитъ согнувшись отъ природы или отъ привычки, тотъ *Горбачъ*, или *Горбъ*, а если кто тощъ, блѣденъ и слабъ, тотъ *Гнида*. Если кто, противъ обычая запорожскаго, не любитъ мамалыги или тетери, главнѣйшихъ яствъ козачества, и варитъ себѣ кашу, того называютъ *Кашкою*. Козака очень малаго росту для смѣху называли *Махиною* (большой человѣкъ), а большаго роста—*Малютою*. Если кто скользилъ и падалъ, тотъ назывался *Слизькій*. Неуклюжихъ звали *черепахою*, шалуновъ—*святыми*, лѣнивыхъ—*добрая воля*. Отъ такихъ случаевъ, говоритъ *Коржъ*, и отецъ мой, котораго настоящая фамилія была Жаданъ, въ Запорожьѣ былъ прозванъ *Тараномъ*, т. е. круглымъ шестомъ, которымъ козаки били конопляное масло“ (*Скальк.* I, 264). Прозваніе самого разсказчика *Коржомъ* произошло отъ того, что онъ въ присутствіи козаковъ упалъ съ кургана, и козаки закричали: „коржомъ, коржомъ свалился“ (ib. 265). Крестный отецъ Никиты Коржа войсковый хорунжій Яковъ Качаловъ прозванъ былъ *Качалой* за одну качалку (катокъ), сдѣланную имъ въ Сѣчи (ib., 265). Г. Скальковскій въ куренныхъ реестрахъ 1750, 1762 и 1775 гг. насчиталъ 300 Тарановъ, 200 Черныхъ, 60 Бѣлыхъ, большое число Ковалей, Горбовъ, Шкапъ и т. п. Иногда эти прозвища дѣлались именами оффиціальными; но чаще всего, особенно главная старшина оставляла прозваніе и называлась по имени отца; кошевые: Григорій Лантухъ назывался Ѳедоровымъ, Данило Гладкій—Стефановичемъ, Василій Сычъ—Григорьевымъ, полковникъ Деркачъ—Семеновымъ, Николай Косапъ[1]) Тимофѣевымъ (ib., 266). Съ теченіемъ времени обыкновеніе давать уличныя прозвища или „клички“ не ослабѣло, и въ настоящее время столь же распространено, какъ въ старину. Изрѣдка прозвище идетъ отъ прадѣда, большею частью отъ дѣда или бабушки, отъ отца или матери, часто получено въ настоящее время живущимъ крестьяниномъ въ дѣтствѣ или уже въ зрѣлые годы. Наибольшая древность уличнаго прозванія большею частью не превышаетъ трехъ поколѣній, приблизительно сотни лѣтъ.

Прозванія по женской линіи родства столь же многочисленны, какъ и прозванія отъ прадѣда, дѣда и отца. Отъ матери къ ребенку прозвище переходитъ большею частью въ случаѣ ранней смерти отца.

Крест. Демьяненко, по прозванію *Клочекъ*: бабушка его жила въ селѣ Клочковѣ.

Крест. Черевикъ, по прозванію *Близнюкъ*: у его бабушки были два сына близнецы, изъ коихъ одинъ—отецъ Черевика.

Крест. Нетреба, по прозванію *Левчій*: бабушка его была изъ рода Леевыхъ.

Крест. Коропенко, по прозванію *Маіоръ*: бабка его за гордый видъ и скорую походку была прозвана Маіоршей.

Встрѣчаются крестьяне съ уличными прозвищами *Вирченко*, *Марусенко*, *Одарченко*, по имени бабы или матери Вѣры, Маріи, Дарьи.

Крест. Краснокутскій, по прозванію *Малуха*: мать его была небольшаго роста.

Крест. Д., по прозванію *Халайда*: мать его за скупость и неряшливость слыла халайдой.

---

[1]) Косапъ, отъ татарскаго слова казавъ, что значитъ рѣзникъ.

Крест. Р. по прозванію *Задырaченко*: мать его любила браниться, вызывала людей на ссору.

Крестьян. Лысенко, по прозванію *Баловнычeнко*: мать, браня его, называла баловнемъ.

Крест. *Ганночeнко*, по прозванію *Городнычій*: прабабу его звали Анной, а мать до замужества проживала въ городѣ, была горожанкой, и слово городнычій въ въ данномъ случаѣ означаетъ горожанина.

Крест. Гордіенко, по прозванію *Мельныкъ*: жена его отличается изрядной разговорчивостью.

Крест. Б., по прозванію *Воръ*: жена его уворовала масло въ шинкѣ.

Крест. Лебедевъ, по прозванію *Кабанъ*: жена его была изъ семьи Кабановыхъ.

Крест. Д., по прозванію *Перемотъ*: жена его выставляетъ себя ворожкой, колдуньей; но ей люди не вѣрятъ, считаютъ ее обманщицей и зовутъ перемоткой, а мужа ея перемотомъ.

Встрѣчаются лица съ двумя уличными кличками при одномъ документальномъ фамильномъ прозваніи; напр., крест. Л. (по фамиліи отца), Назиненко (по фамиліи отчима) и Свичкарь (по прозвищу матери). Крест. З. по уличному Шкуратъ и Высынко (живетъ на горѣ).

Встрѣчаются довольно часто семейства, въ которыхъ мужъ и жена носятъ особенныя прозванія, полученныя ими самостоятельно.

Напримѣръ, крест. У. по уличному *Довгій Мыхайло*, за высокій ростъ, а жена его прозывается *Лыгеней* за то, что однажды на базарѣ приставала къ мяснику съ просьбой: „продайте мени лыгеню“.

Нужно замѣтить, что встрѣчаются крестьяне съ однимъ только оффиціальнымъ фамильнымъ прозваніемъ, которое идетъ и за уличное. Напримѣръ, крестьянинъ Ступакъ на вопросъ объ его уличномъ прозвищѣ отвѣтилъ: Ступакъ по книжному и по уличному. Такой же отвѣтъ былъ полученъ отъ крестьянъ Збаражскаго, Былынки, Лободы и многихъ другихъ.

Въ уличныхъ кличкахъ сохраняются воспоминанія о крѣпостномъ состояніи крестьянства, объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и объ отдѣльныхъ случаяхъ прошлой крѣпостной жизни. Одной изъ темныхъ сторонъ крѣпостничества было посягательство властныхъ помѣщиковъ на честь и нравственное достоинство крѣпостной женщины-крестьянки, посягательство, выраженное во многихъ произведеніяхъ новой малоруской литературы, преимущественно въ стихотвореніяхъ Т. Г. Шевченка. Эта темная сторона старинаго крѣпостничества выразилась также во многихъ уличныхъ прозвищахъ, напримѣръ, въ прозвищахъ *Панья* (нѣкогда была пан-

ской фавориткой), *Панычъ*, *Панскій*, *Байструченко* (незаконнорожденныя дѣти помѣщика). Другая темная сторона стариннаго крѣпостничества, выразившаяся въ уличныхъ прозвищахъ,—жестокое обращеніе панскихъ прикащиковъ или атамановъ съ крестьянами. Такъ, довольно характернымъ представляется уличное прозвище крест. Фесенка *Чистякомъ*.

Прадѣдъ его былъ атаманомъ и, когда приказывалъ кого нибудь высѣчь, то говорилъ: „отчистите его получше", за что и получилъ названіе Чистякъ. Не менѣе любопытно другое однородное прозваніе крестьянина Уманскаго *Балдой*. Лѣтъ сорокъ назадъ отецъ его былъ сборщикомъ и прибѣгалъ къ кулачной расправѣ съ неисправными плательщиками. Если приходилось ударить кого по головѣ, то Уманскій выражался, что онъ ударилъ по балдѣ; или онъ только грозилъ побить балду.

Внимательный наблюдатель и правдивый разсказчикъ Г. Ѳ. Квитка въ своихъ повѣстяхъ на русскомъ языкѣ обрисовалъ добродушное и ласковое отношеніе помѣщиковъ дворянъ къ слугамъ и обратно, слугъ къ своимъ господамъ. Разумѣется, были часто печальныя исключенія; но общій патріархальный строй крѣпостной жизни располагалъ къ патріархальнымъ отношеніямъ прислуги къ господамъ, выражавшимся въ извѣстныхъ типахъ преданныхъ нянекъ, типахъ, отчасти закрѣпленныхъ въ изящной словесности, въ произведеніяхъ Пушкина и Тургенева. Эта черта стариннаго быта обнаружилась и въ уличныхъ прозвищахъ крѣпостнаго времени. Такъ, крест. Охвата получилъ прозваніе *Лужковскаго*, потому что служилъ у пана Лужковскаго, былъ преданный слуга, и Лужковскій, уѣзжая изъ дому, иногда обращался къ нему со словами: оставайся вмѣсто меня Лужковскимъ.

Иногда фамильное названіе пана случайно переходило въ уличное прозвище крестьянина. Такъ, крест. Малюковъ получилъ прозвище *Трояна* потому, что похожъ былъ лицемъ на пана Трояна.

Однажды старикъ крестьянинъ на предложенный мною вопросъ, почему въ селѣ даютъ уличныя прозвища, отвѣтилъ: „А то старые люди въ шинкахъ понадавали". Въ этомъ отвѣтѣ выразилось прежде всего неумѣніе отвѣтить на общій вопросъ, всегда трудный для неграмотнаго человѣка, затѣмъ презрительное отношеніе степеннаго и пожилаго человѣка къ уличнымъ прозвищамъ, наконецъ, общая всему простому народу наклонность начало всѣхъ обычаевъ относить въ старину. Въ отвѣтѣ старика основательно его замѣчаніе о вы-

дающейся роли шинка въ происхожденіи личныхъ и фамильныхъ прозваній. Къ шинку до послѣдняго времени сходились многія стороны народнаго быта, за неимѣніемъ въ сельскомъ бытѣ другаго пункта для бесѣды, развлеченія, хозяйственныхъ и торговыхъ сдѣлокъ; и изъ шинка вышло много пѣсенъ, поговорокъ, присловій и прозвищъ. На всемъ, что вышло изъ шинка, въ большей или меньшей степени, лежитъ отпечатокъ буйственнаго хмѣля, пьянственнаго бѣса, свившаго гнѣздо въ простомъ народѣ, вопреки многовѣковому, начиная съ Ѳеодосія Печерскаго, противодѣйствію ему со стороны лучшихъ людей страны. Пьяницкія прозвища большею частью отличаются мѣткостью и выразительностью; напримѣръ:

Крест. П. по прозванію *Подорожныкъ*: часто пьяный и спитъ на дорогѣ.

Крест. Т. по уличному *Болюхъ*: когда бываетъ пьянъ, то говоритъ очень тихо.

Крест. Водолажскій, по прозванію *Розбійпляшка*: разбилъ однажды въ шинкѣ бутылку въ полъ-кварты водки.

Крестьянка Д. по прозванію *Пугачка*: дѣдъ ея однажды въ опьяненіи взлѣзъ на крышу своего дома и кричалъ: пугу, пугу, пугу!

Крест. К., по прозванію *Котъ*: однажды въ пьяномъ видѣ подлѣзъ подъ кровать и сталъ мяукать.

Крест. И., по прозванію *Зализный*: въ пьяномъ видѣ говорилъ: у меня желѣзная душа.

Крест. Д., по прозванію *Дуркогуляй*: неудачно гулялъ: или его побьютъ, или онъ кого нибудь побьетъ.

Крест. О., по прозванію *Уланов*ъ: въ пьяномъ видѣ пѣлъ уланскую пѣсню.

Крест. Д., по прозванію *Бытокъ*: въ пьяномъ видѣ дрался лбомъ.

Крест. П., мужъ и жена, по прозванію *Дерошйнковы*: часто ссорятся и дерутся въ шинкѣ.

Крест Перепелыця, по прозванію *Попойка*: мать его была шинкаркой. Когда въ шинкѣ собирался народъ и начинался шумъ, она говорила: „ну, пошла попойка!“

Изъ преступленій въ уличныхъ кличкахъ отразилось воровство. Извѣстна патріархальная простота и честность крестьянъ въ глухихъ мѣстностяхъ, далеко отстоящихъ отъ большихъ городовъ, фабрикъ и заводовъ и съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ крестьянъ. Въ такихъ селахъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ уменьшается, окна и двери лѣтомъ рѣдко на ночь запираются; предметы домашняго хозяйства и одежда безопасно оставляются на ночь на дворѣ, и если случится въ селѣ воровство, то виновникомъ считаютъ какого-нибудь прохожаго человѣка. Если въ воровствѣ попадается кто либо изъ односельчанъ, то маленькій муравейникъ приходитъ въ большое движеніе, слухъ о воровствѣ и ворѣ обходитъ все село, обсуждается

во всѣхъ хатахъ, и провинившійся крестьянинъ получаетъ уличную кличку по тому предмету, который былъ украденъ. Къ этому разряду относятся прозванія:

Крест. З., по уличному *Жытнякъ*: воровалъ снопы въ полѣ.
Крест. З., по уличному *Меделокъ*: однажды укралъ медъ.
Крест. К., по уличному *Вижековый*: однажды укралъ на базарѣ ременныя вожжи.
Крест. Н., по уличному *Хамутовъ*: укралъ хомутъ.
Крест. И., по уличному *Барановъ*: кралъ барановъ.
Крестьяне П—цы, по уличному *Курятныковы*: бабушка ихъ крала куръ.

Въ „Основѣ“ 1861 г. № 4 П. А. Кулишъ подвергъ суровому и несправедливому обсужденію повѣсти Гоголя изъ малорусской жизни. Между прочимъ, г. Кулишъ порицаетъ Гоголя за прозвища Довгочхунъ, Голопупенко, Свербигузъ, Перерепенко. Авторъ могъ, писалъ г. Кулишъ, давать своимъ дѣйствующимъ лицамъ какія угодно смѣшныя имена, но народъ нашъ въ сосѣдскихъ сношеніяхъ между собой соблюдаетъ на свой ладъ ту же учтивость, что и мы грѣшные, отвернувшіеся въ сторону отъ его жизни“. Далѣе, г. Кулишъ утверждаетъ, будто „малорусскому крестьянину стыдно произнести въ своемъ обществѣ“ прозваніе Довгочхунъ, Свербигузъ, Перерепенко. Въ этихъ сужденіяхъ г. Кулиша выразилось влюбленное отношеніе интеллигенціи къ народу въ шестидесятыхъ годахъ. Вѣроятно, Гоголь слышалъ приведенныя выше прозвища. Среди малорусскихъ фамильныхъ и личныхъ, даже мѣстныхъ, названій встрѣчаются грубыя и даже неприличныя, съ моральной точки зрѣнія интеллигентнаго человѣка. Что касается до введенія Гоголемъ подобныхъ именъ въ повѣсти, то намъ кажется умѣстно будетъ привести въ объясненіе одно мѣсто изъ его „Женитьбы“:

Агафья Тихоновна. А фамилія какт?

Θекла. А фамилія Иванъ Павловичъ Яичница.

А. Т. Это такая фамилія?

Θекла. Фамилія.

А. Т. Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Θеклуша, какъ же это, если я выйду за него замужъ, и вдругъ буду называться Агаѳія Тихоновна Яичница? Богъ знаетъ, что такое.

Θекла. И мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь.

Гоголь не могъ упустить изъ виду такого явленія въ языкѣ и бытѣ народа, какъ курьезныя личныя прозвища, и потому ввелъ ихъ въ свои произведенія.

Въ оправданіе Гоголя можно привести еще слѣдующее рѣшеніе волостнаго суда сорочинской (миргородск. у. полт. губ.) волости:

1871 г. мая 2-го. Козакъ К. жалуется на козака Р. за то, что онъ, въ присутствіи сельскаго схода, назвалъ его не по фамиліи, а произнесъ другую фамилію Кацабей. Волостной судъ вызвалъ въ присутствіе свое жалобщика, отвѣтчика и свидѣтелей. При спросѣ свидѣтелей, всѣ единогласно подтвердили жалобу К.; отвѣтчикъ Р. показалъ, что онъ дѣйствительно назвалъ К. Кацабеемъ, не зная его по фамиліи по ревизіи. Это прозвище сказалъ ему на сходѣ въ то время козакъ Д. Вызванный въ судъ козакъ Д. показалъ, что дѣйствительно онъ говорилъ козаку Р. на сходѣ, при назначеніи лошадей, что есть лошадь у Кацабея, т. е. у К.,— прозвище это есть по уличному. Судъ по соображенію вышеизложеннаго находитъ, что хотя дѣйствительно нѣкоторые изъ жителей м. Сорочинецъ имѣютъ, кромѣ фамиліи по ревизіи, прозвища по уличному, но таковыхъ произносить въ публикѣ не слѣдуетъ; да при томъ козакамъ Д. и Р., какъ жителямъ одного съ К. мѣстечка, не можетъ „быть неизвѣстна его дѣйствительная фамилія, а потому призналъ козаковъ Д. и Р. въ приложеніи другой фамиліи К. виновными, такъ какъ провозглашеніе прозвища въ публикѣ К. имѣлъ право принимать за обиду, то судъ опредѣлилъ: козаковъ Д. и Р. обязать испросить у К. за обиду христіанское прощеніе съ предупрежденіемъ ихъ на будущее время подобныхъ прозвищъ не только къ К., но и никому другому не прилагать (*Труды* коммиссіи по преобраз волости. судовъ, т. IV. Спб., 1873 г., 472, № 8.

Нравственное достоинство народа, его наклонность къ общежитію, вообще, степень его моральной и гражданской культурности находитъ надлежащее выраженіе въ разнообразныхъ формахъ ласки и привѣта, въ обиліи внѣшнихъ проявленій дружбы и взаимной любви. При этомъ, въ самомъ языкѣ обнаруживается обиліе мягкихъ и ласкательныхъ словъ и выраженій. Ласковые и привѣтливые элементы языка и обычаевъ въ совокупности всегда могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, что усвоенная народомъ привѣтливость обусловлена не чувствомъ страха или личной приниженности, а широкимъ проявленіемъ всеобщаго народнаго сознанія, что homo homini non lupus, sed frater, началами христіанскаго братолюбія и культурно сильнаго общежитія. Лучшіе люди всегда дорожили существующими въ народѣ обычаями взаимнаго привѣта и ласки. Еще Владиміръ Мономахъ около восьми вѣковъ назадъ совѣтывалъ: „человѣка не минѣте, не привѣчавше; добро слово ему дадите“. Есть прямыя указанія, что „доброе слово“ было весьма распространено и обычно въ нравахъ южнорусскаго народа. Такъ, голландецъ Вердумъ, путешествовавшій въ Польшѣ и на Украинѣ въ 60-хъ годахъ XVII в., замѣтилъ въ своихъ запискахъ про вѣжливость поляковъ и южноруссовъ. „Въ русскомъ воеводствѣ, говоритъ онъ,

особенно развиты ласкательства женщинъ" (*Пташицкій*, въ Журн. Минист. Нар. Пр. 1878, CXCIX, 89). По народнымъ понятіямъ стараго времени, пренебреженіе добрымъ словомъ влекло на виновнаго небесную кару. Такъ, въ думѣ о бурѣ на Черномъ морѣ говорится, что Алексѣй Поповичъ вызвалъ эту бурю, между прочимъ, тѣмъ, что

Мимо царськои громады пробигавъ,
За своею гордощею шляпы не здіймавъ,
На день добрый не дававъ (*Ант. и Драг.* I. 180).

Въ галицко-русской пѣснѣ ляхъ, проѣзжая мимо крестьянина въ то время, когда послѣдній пахалъ въ полѣ, не сказалъ ему „помогай Богъ"; за то крестьянинъ его „привитавъ—за чуприну похитавъ" (Голов. II, 474).

Въ послѣднее время въ народѣ стали появляться насмѣшливыя клички по привѣтствію. Такъ; одинъ крестьянинъ названъ Низкопоклоннымъ, другой Добрыдень; третій Здоровы були. Возникновеніе уличныхъ кличекъ, въ родѣ трехъ вышеприведенныхъ, можетъ до нѣкоторой степени служить подтвержденіемъ основательности мнѣнія, что современный малороссъ потерялъ нѣкоторыя симпатичныя черты характера малоросса прошлыхъ столѣтій и, прежде всего, огрубѣлъ въ проявленіяхъ общежитія. Впрочемъ, спѣшимъ замѣтить, что факты эти настолько мелки и отрывочны, что на нихъ нельзя строить какіе либо положительные выводы о народной нравственности.

Въ уличныхъ кличкахъ сохраняются указанія на кустарные промыслы, какъ существующіе, такъ и прекратившіеся. Такъ, крест. Лугивецъ получилъ уличное прозвище *Свичкарь* на томъ основаніи, что мать его „сукаетъ свѣчи" для церковнаго употребленія. Обычай готовить изъ домашняго воска свѣчи для церковнаго употребленія мало-по малу угасаетъ и теперь встрѣчается лишь въ немногихъ селахъ [1]). Крест. Катричъ, по прозванію *Коцаренко:* его мать въ молодыхъ лѣтахъ занималась коцарскимъ ремесломъ, т. е. приготовляла ковры, коцы. Въ настоящее время этотъ кустарный промыселъ въ харьковской губерніи почти вполнѣ прекратился. Лѣтъ сто назадъ харь-

[1]) Подробнѣе объ этомъ промыслѣ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ, при обозрѣніи остатковъ угасшихъ малорусскихъ кустарныхъ промысловъ.

ковскіе коцы были въ большомъ ходу, и выдѣлкой ихъ занято было много рукъ.

Развитіе кулачества въ селѣ повело къ возникновенію многихъ характерныхъ прозвищъ для кулака, напримѣръ, Глытай, Пыжикъ. Послѣднее прозвище встрѣчается въ харьковскомъ и валковскомъ уѣздахъ въ приложеніи къ гордымъ и грубымъ мужикамъ, разбогатѣвшимъ всякими правдами и неправдами на счетъ своихъ нуждающихся односельцевъ.

Въ уличныхъ прозвищахъ находятся указанія на бытующія въ настоящее время въ народѣ пѣсни. Напримѣръ:

Крест. Ляшенко, по прозванію *Зозуля*: мать Ляшенка любитъ пѣть пѣсню.

Закувала зозуленька, закувала;
Бидная моя головонька, що сама я...

Крест. Бидаленко, по прозванію *Солоха*: пѣлъ часто пѣсню про бабу Солоху: „Нема, нема Солохы дома“ и проч.

Крестьянка Несмашная, по уличному *Крыштополянка*: любитъ пѣть извѣстную солдатскую пѣсню „Черная галка, чистая полянка, ты жъ Марусенька черноброва, чомъ не почуешъ дома“, при чемъ слова „чистая полянка“ передѣлываетъ въ крыштополянка.

Крест. Д., по прозванію *Еремин*: въ пьяномъ видѣ поетъ пѣсню про родныхъ братьевъ Ерему и Хому (вошла въ сборники пѣсенъ, напр. въ Кобзарь Остапа Вересая).

Въ простомъ народѣ обращено большое вниманіе на недостатки выговора словъ или на излишнее пристрастіе къ извѣстному слову, опредѣленной фразѣ; множество уличныхъ прозваній обязано своимъ происхожденіемъ или особенностямъ въ выговорѣ словъ, или поговоркѣ. Такъ, по особенностямъ въ выговариваніи словъ произошли слѣдующія характерныя прозвища:

Крест. Д., по уличному *Цвыркунъ*: имѣетъ очень тонкій голосъ.

Крест. П., по уличному *Плямкало*: заикается во время разговора.

Крест. К., по уличному *Хнякъ*: говоритъ въ носъ.

Крест. З., по уличному *Деркачъ*: говоритъ отрывисто.

Крест. О., по уличному *Ленинъ*: когда говоритъ, то цмокаетъ или пришелкиваетъ языкомъ.

Крест. К., по уличному *Гугнивый*: говоритъ въ носъ.

Крест. Рудь, по уличному *Турко*: говоритъ поспѣшно и монотонно.

Крест. Крывый, по уличному *Балакъ*: разговорчивый.

Крест. Бій, по уличному *Мовчанъ*: молчаливый, угрюмый.

Во многихъ уличныхъ прозвищахъ обнаруживаются поговорки и присловія, свойственныя отдѣльнымъ лицамъ, иногда весьма странныя. Почти всѣ прозвища этого рода совершенно непонятны безъ объясненія. Напримѣръ:

Крест. Ч., по прозванію *Колышоякшо*: отецъ его имѣлъ привычку употреблять въ разговорѣ слова „колы шо, якъ шо“. Выраженіе это означаетъ сомнѣніе, условность, въ смыслѣ поговорки „бабушка на двое сказала“.

Крест. Б., по уличному *Покамьсть*: отецъ его часто употреблялъ слово покамѣсть въ разговорѣ.

Крест. Т., по уличному *Бацнытакъ*: его любимая поговорка: бацны такъ.

Крест. У., по уличному *Долото*: любитъ повторять, особенно передъ обѣдомъ, слѣдующее странное выраженіе: „ходимте, будемо исты, грысты долото“.

Крест. З., по уличному *Чаранъ*: имѣетъ обыкновеніе въ началѣ разговора вставлять слѣдующую курьезную фразу: „чаранъ чотыры вороны за одну ногу“ [1]).

Крест. Ивахненко, по уличному *Сараевъ*: любитъ употреблять въ разговорѣ пословицу: „ругался сарай съ повиткою“.

Крест. Г., по уличному *Божемой*: отецъ его часто употреблялъ слова „Боже мой“.

Крест. П., по уличному *Выдышь*: отецъ его часто говорилъ „видишь“, обращаясь къ другому лицу.

Крест. Г., по уличному *Ростакъ*: дѣдъ его при выраженіи неудовольствія часто употреблялъ слово ростакъ.

Крест. Рыбалка, по уличному *Плескачъ*: когда кто нибудь съ нимъ споритъ, то Рыбалка всегда возражаетъ: „що ты плещешь“, т. е. вздоръ говоришь.

Крест. Жукъ, по уличному *Душка*: свою жену называетъ душкой, когда къ ней обращается съ рѣчью.

Уличныя клички представляютъ, между прочимъ, лексическій интересъ. Въ нихъ сохраняются слова, вышедшія изъ употребленія, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Напримѣръ, крест. Нетреба носитъ уличную кличку *Арцуганъ*. Повидимому, слово это представляетъ мѣстное искаженіе слова харцызъ, — разбойникъ. Въ прошломъ столѣтіи въ харьковской губерніи харцызами называли грабителей и разбойниковъ, выходившихъ изъ Запорожья. Затѣмъ, съ паденіемъ Запорожья, слово это стало выходить изъ употребленія и искажаться.

Въ уличныхъ кличкахъ обнаруживаются мѣстныя слова и выраженія или мѣстныя видоизмѣненія общихъ малорусскихъ словъ. Напримѣръ, прозваніе крестьянина Балдой указываетъ на существованіе въ харьковской губерніи слова балда въ значеніи головы, болѣе сохранившейся въ словѣ „набалдашникъ“ — круглая ручка палки. Въ турецкомъ языкѣ встрѣчается слово балда, балта въ значеніи слуги при дворцѣ (*Denkschrift* d. akad. Wissensch. in Wien 1884. XXIV). Любопытно также встрѣчающееся въ харьк. губ. въ уличныхъ кличкахъ слово галайда, халайда въ значеніи чело-

[1]) Первоначально въ этой фразѣ выразилась идея невозможности; затѣмъ фраза эта обратилась въ висенитницу.

вѣка скупаго и неряшливаго, слово гайда въ значеніи человѣка высокаго роста въ прозвищѣ одной женщины Гайдоверой, слово скоблить въ значеніи бранить въ прозваніи крестьянина Скобленко, перемотать въ значеніи обманывать въ прозвищахъ Перемотъ и Перемотка и т. п. слова. При составленіи толковаго словаря живаго малорусскаго языка, въ особенности его архаизмовъ, уличныя клички могутъ доставить любопытный матеріалъ.

Настоящая статья объ уличныхъ прозвищахъ составлена по устнымъ сообщеніямъ крестьянъ, записаннымъ отчасти мною, отчасти неизвѣстными мнѣ лицами въ двухъ уѣздахъ харьковской губерніи. Послѣднія записи любезно доставлены мнѣ П. В. Ивановымъ и А. А. Доброхотовыми. Записано всего около трехъ сотъ объясненій, число, очевидно, крайне незначительное сравнительно съ сотнями тысячъ, даже милліонами бытующихъ въ народѣ личныхъ и фамильныхъ прозваній. Настоящая статья такимъ образомъ представляется лишь слабой попыткой научнаго изслѣдованія громаднаго сыраго матеріала уличныхъ кличекъ. При составленіи статьи я руководствовался цѣлью указать, что личныя и фамильныя прозванія заслуживаютъ собиранія и спеціальнаго изученія со стороны этнографовъ, историковъ быта и филологовъ, и если цѣль эта статьей выполнена слишкомъ слабо, то виной тому, полагаю, является не самый предметъ изслѣдованія, а недостаточное количество имѣвшагося у меня подъ руками матеріала,— объяснительныхъ записей уличныхъ кличекъ. Можно надѣяться, что, съ накопленіемъ матеріала, научное изслѣдованіе личныхъ и фамильныхъ прозваній раскроетъ много любопытныхъ мелочей стариннаго и современнаго народнаго быта.

6.

Укрощеніе змѣй.

Малорусскіе знахари обладаютъ искусствомъ скликать змѣй, при чемъ прибѣгаютъ къ пѣнію или пользуются ясенемъ. Въ купянскомъ у. харьк. губ. увѣряютъ, что между пастухами есть такіе, которые могутъ по желанію собирать змѣй, созывая ихъ игрой на сопилкѣ, и даже приказывать имъ бросаться на людей по слову: коси.

Говорятъ, жила одна шинкарка, лѣчившая отъ укушенія змѣй. Называя змѣй женскими именами Марфа, Марія, она созывала ихъ и узнавала, какая изъ нихъ укусила человѣка. Разъ въ это время случился въ шинкѣ солдатъ. Онъ сталъ смѣяться надъ легковѣріемъ мужиковъ и увѣрять, что сползшіяся къ шинкаркѣ змѣи не ядовиты, безъ зубовъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ взялъ одну изъ этихъ змѣй; но тотчасъ былъ ею укушенъ, такъ что и самъ вынужденъ былъ обратиться за помощью къ осмѣянной имъ шинкаркѣ (*П. И.*, Харьк. Сбор. 1888. 96). Лѣтъ тридцать назадъ въ с. Боромлѣ ахтырскаго уѣзда жилъ одинъ глубокій старикъ, скликавшій змѣй. Онъ держалъ змѣй въ своей хатѣ, клалъ ихъ за пазуху, что, разумѣется, возбуждало къ нему уваженіе среди сосѣднихъ крестьянъ. Не могу теперь сказать, что это за змѣи были, безвредные ужи или ядовитыя гадюки. Въ Енеидѣ Котляревскаго кумская сивилла говоритъ: „гадюкъ умію замовлять".

Въ одной картинѣ страшнаго суда старинной малорусской живописи, находящейся въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, въ числѣ грѣшниковъ нарисованъ „чаровникъ съ змѣемъ и стклянкою" (*Покровскій*, въ Труд. одес. археол. съѣзда III, 327). Въ печати были указанія, что малорусскіе знахари пользуются ясеневымъ деревомъ, какъ средствомъ оцѣпенѣнія змѣй. Такъ, въ періодическомъ изданіи „Иллюстрація", выходившемъ въ сороковыхъ годахъ, помѣщенъ рисунокъ Т. Г. Шевченка, представляющій малорусскаго знахаря, окруженнаго вызванными имъ змѣями, которыхъ онъ беретъ голыми руками. Въ замѣткѣ по поводу этого рисунка, вѣроятно, написанной самимъ же Т. Г. Шевченкомъ, сообщается, что знахари для укрощенія змѣи натираютъ свои руки и тѣло сокомъ ясеневаго дерева (*Харьковск. Сборникъ* 1887 г. вып. I, стр. 261—262). „Дѣло было еще при крѣпостномъ правѣ, говоритъ Н. И. Зарудный объ одномъ случаѣ укрощенія змѣй. Во время косовицы къ помѣщикамъ, которые не могли обойтись своими крестьянами, являлись наниматься въ косари и посторонніе люди, въ одиночку и артелями. Между такими людьми къ отцу моему приходилъ нѣсколько лѣтъ сряду одинъ уроженецъ ахтырскаго уѣзда, харьковской губерніи, съ которымъ отецъ любилъ иногда побалагурить. Однимъ лѣтомъ по окончаніи косовицы,

косари расчитывались по обыкновенію; между ними былъ и ахтырецъ, который, повидимому, остался очень доволенъ и своимъ расчетомъ, и выпивкой, составляющей необходимую принадлежность расчета, и былъ въ особенномъ настроеніи духа. Онъ подошелъ къ отцу и въ благодарность за хорошій расчетъ вызвался показать ему свою дивную силу сзывать змѣй. Отецъ очень заинтересовался этимъ и предложилъ и мнѣ присутствовать на опытѣ. Мы отправились втроемъ въ нашъ обширный садъ; здѣсь, пройдя по ясеневой аллеѣ, ахтырецъ выломалъ большую вѣтку съ ясеня. Затѣмъ, остановившись на большой полянѣ, онъ поставилъ насъ на одно мѣсто и очертилъ ясеневой вѣткой кругъ, въ центрѣ котораго были мы. Послѣ того вѣтка была брошена имъ на очерченную окружность. потомъ, ходя по окружности, онъ сталъ посвистывать какимъ то особеннымъ посвистомъ, оборачиваясь въ разныя стороны. Черезъ нѣсколько минутъ мы съ испугомъ увидѣли, какъ со всѣхъ сторонъ къ кругу начали сползаться змѣи, однако не переходя окружности. Ахтырецъ успокоивалъ насъ, говоря, что змѣи при немъ не осмѣлятся тронуть насъ, и самъ безбоязненно бралъ ихъ въ руки, ласкалъ всячески и, какъ бы разговаривая съ ними, называлъ ихъ женскими именами и клалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ за пазуху, потомъ вынималъ ихъ и спускалъ на землю. Наконецъ, взялъ одну изъ нихъ и, поласкавъ ее, проговорилъ: — „Ну, Горынно, иди-жъ теперь и скажи своимъ подругамъ, щобъ симъ панамъ ни якои шкоды не робылы. Та гляды-жъ мини!“ Отдавъ ей такое приказаніе, онъ пустилъ ее среди другихъ; затѣмъ велѣлъ всѣмъ змѣямъ уходить, что онѣ немедленно и исполнили, расползлись въ разныя стороны. Обратясь къ намъ, онъ спросилъ съ самодовольствомъ: „А чи бачили, якъ уси гадюки мене слухаютъ?“ Змѣи дѣйствительно слушали приказаніе ахтырца. Прежде у насъ во время грабавицы, т. е. уборки скошенной травы, не проходило ни одного лѣта, чтобы змѣи не искусали работниковъ, но съ этого случая у насъ не встрѣчалось ни одного укушенія змѣями. Я совмѣстно съ отцомъ пристадъ къ этому сзывателю змѣй и просилъ его открыть мнѣ свой секретъ, но онъ, несмотря на всѣ посулы съ нашей стороны, упорно отказывался, увѣряя, что не имѣетъ на это права. Онъ сдѣлалъ, впрочемъ, мнѣ маленькую уступку и разсказалъ объ особенномъ вліяніи ясене-

ваго дерева на змѣй вообще. Если встрѣтится ползущая змѣя, то, накрывъ ее свѣжею ясеневой вѣткой, можно заставить ее свернуться въ спиральное кольцо, и она будетъ оставаться неподвижной, пока вѣтка будетъ лежать на ней, и уползетъ только тогда, когда вѣтка съ нея снимется. Это мнѣ случалось самому испытывать нѣсколько разъ. Такая способность человѣка сзывать змѣй и командовать ими была до того поразительна для меня, что, ослибъ я не былъ самъ очевидцемъ и въ нѣкоторой степени участникомъ опыта, то никогда бы не повѣрилъ ничему подобному" (*Харьк. Сб.* 1887. I, 261). Отъ змѣинаго укуса на Руси примачиваютъ больное мѣсто ясеневымъ отваромъ или прикасаются къ ранѣ обмакнутымъ въ него пальцемъ. Въ Германіи ужаленнымъ змѣей давали пить ясеневый сокъ (*Аѳанасьевъ*. Поэт. воззр. слав. II. 282).

Укрощеніе змѣй въ южнорусской народной жизни занимаетъ исключительное мѣсто, какъ рѣдкое и странное явленіе. Повидимому, искусство укрощать змѣй заимствовано малороссами отъ цыганъ. По сообщенію одного харьковскаго старожила, лѣтъ сорокъ назадъ подъ Харьковомъ останавливались какіе то необыкновенные цыгане, можетъ быть, румынскіе, и въ числѣ разныхъ продѣлываемыхъ ими фокусовъ было укрощеніе змѣй. Въ любопытномъ сочиненіи о народахъ Турціи, составленномъ женой и дочерью англійскаго консула (безъ обозначенія фамилій), въ главѣ о болгарскихъ суевѣріяхъ, между прочимъ, читаемъ: „мнѣ случилось видѣть однажды цыгана съ цѣлымъ мѣшкомъ змѣй, переброшеннымъ за спину наверхъ тулупа. Прохожій, привлеченный странными движеніями мѣшка, хотѣлъ ощупать его; но едва приложилъ руку, какъ дорого поплатился за свое любопытство: одна изъ змѣй жестоко ужалила его" (II. 147). Ловлей и укрощеніемъ змѣй занимаются также закавказскіе цыгане племенъ Боша и Карачи. Такъ, жители гарнибасарскаго магала эриванской губерніи, принадлежащіе къ цыганскому племени Карачи, промышляютъ ловлей змѣй, которыхъ носятъ въ рубахахъ за пазухой и въ рукавахъ платья; съ усмиренными змѣями они разъѣзжаютъ по деревнямъ и показываютъ ихъ суевѣрному народу, совершенно увѣренному, что эти люди обладаютъ волшебной способностью. Иные берутся вызывать змѣй, что и дѣлаютъ посредствомъ свиста (*Паткановъ*, Цыгане, 73). Смѣло можно предположить, что

и южнорусскіе цыгане обладаютъ искусствомъ скликать змѣй и дѣлать ихъ безвредными, по тому уже, что по образу жизни и нравамъ они очень сходны съ цыганами болгарскими, закавказскими и др. Ихъ языкъ, занятія, ремесла одинаковы. Мужчины занимаются кузнечнымъ дѣломъ, коновальствомъ, барышничествомъ, музыкой, женщины — гаданіемъ, ворожбой, попрошайничествомъ, пѣніемъ и пляской. У цыганъ укрощеніе змѣй является простымъ дополненіемъ къ цѣлому ряду практикуемыхъ ими пріемовъ ворожбы и попрошайничества. Предположеніе о томъ, что и южнорусскіе цыгане обладаютъ искусствомъ укрощать змѣй, находитъ косвенное подтвержденіе въ старинной вертепной драмѣ: Змѣя кусаетъ запорожца за ногу, и онъ обращается къ цыганкѣ съ просьбой вылѣчить его (*Маркевичъ*, Обыч. малорос. 52).

Близкое соприкосновеніе народовъ, хотя бы и весьма различныхъ по языку, нравамъ и обычаямъ, никогда не обходится безъ взаимнаго вліянія. Естественно, что наиболѣе поддающейся стороной является слабая въ культурномъ отношеніи народность, въ данномъ случаѣ цыгане, но и къ народности сильной, вліятельной всегда что нибудь пристаетъ, хотя бы нѣчто очень малое, напримѣръ, нѣсколько словъ, техническихъ терминовъ, нѣсколько обычаевъ. Цыгане появились на Волыни уже въ началѣ шестнадцатаго вѣка, и позднѣе въ другихъ мѣстахъ южной Россіи. Въ XVIII ст. появляются законодательныя мѣры противъ цыганъ, устанавливающія особый съ нихъ сборъ и отчасти ограничивающія свободу ихъ передвиженій (*Паткановъ*, 14). Цыгане сдѣлались непремѣнными участниками на всѣхъ конскихъ ярмаркахъ, пріобрѣли незавидную репутацію конокрадовъ и барышниковъ-обманщиковъ и вошли во многіе народные повѣсти и разсказы, въ смыслѣ людей плутоватыхъ и глупыхъ. Уже фактъ существованія народныхъ разсказовъ о цыганахъ (см. *Чуб.*, Труды II, 105; *Драг.*, Народ. пред. и разск. 190 и др., *Nowos.*, Lud ukr. II, 212 и др.) указываетъ на то, что этотъ странный народъ обратилъ на себя вниманіе южнорусскаго народа.

Малороссіяне говорятъ, что надъ цыганами и святые смѣются, и при такомъ общемъ взглядѣ на этотъ бѣдный и грубый народъ, они, понятно, очень немногое могли стъ него позаимствовать. По-видимому, заимствовано нѣсколько словъ, повѣрій и заклинаній.

Такъ, если не ошибаюсь, изъ цыганскаго языка заимствованы слова *хымородныкъ* въ значеніи колдуна, знахаря, хотя у цыганъ слово это означаетъ кузнеца, харьковское слово *ракло* въ смыслѣ вора и бродяги, босяка, жулика, хотя у цыганъ слово это обозначаетъ молодца, слово *мандрыка* (хлѣбъ) въ значеніи лепешки изъ хлѣба и сыра.

Научныя изслѣдованія Потта и Миклошича установили, какъ неопровержимый фактъ, что родина цыганъ Индія и языкъ ихъ—индійскій. Отсюда же, изъ Индіи, они, должно быть, вынесли искусство ловить и укрощать змѣй. Индія—царство разнообразныхъ змѣй, громадныхъ и ядовитыхъ. Несмотря на то, что англійское правительство принимаетъ энергичныя мѣры для ихъ истребленія, число ихъ громадно. Въ 1883 г. ихъ истреблено, по оффиціальнымъ даннымъ, 322,421. Одному президентству Бомбея было предъявлено 262,384 убитыхъ змѣй. При всемъ томъ, число человѣческихъ жертвъ отъ ихъ укушенія въ иные годы доходитъ въ Индіи до 20,000. Въ прошломъ году отъ укушенія ядовитыми змѣями погибло 11,980 человѣкъ.

Естественно, что такое грозное явленіе индійской жизни, какъ обиліе ядовитыхъ змѣй, отразилось на религіозныхъ вѣрованіяхъ и на знахарствѣ индусовъ. Съ одной стороны змѣи были обоготворены, съ другой найдены были средства ихъ ловить и укрощать. Культъ змѣй существовалъ въ древности въ Индіи, Египтѣ, Финикіи, Вавилонѣ, Греціи, Италіи и еще нынѣ встрѣчается въ Индіи, въ Персіи и у разныхъ африканскихъ народовъ[1]). Ловля и укрощеніе ядовитыхъ змѣй издавна стоятъ въ Индіи на высокой степени совершенства, и въ сочиненіяхъ лицъ, побывавшихъ въ Индіи, находится много удивительныхъ разсказовъ на эту тему. Нѣкоторые разсказы этого рода, можетъ быть, преувеличены или подкрашены, напримѣръ, у Жаколіо и Радда-Бай. Наиболѣе достовѣрныя извѣстія объ индійскомъ укрощеніи змѣй см. въ 5 томѣ „Иллюстр. жизни животныхъ“ Брема, с. 249—257. Въ древности искусствомъ укрощать змѣй славились псиллы, жившіе внутри Киренаики въ песча-

[1]) *Леббокъ*, Начало цивилиз. 193; *Спенсеръ*, Основ. соціологіи I, 359, и особенно подробно у *Nagele*, Der Schlangenkultus въ Zeitschr. f. Völkerpsychologie. 1888. XVII. 3 p. 264—289.

ныхъ пустыняхъ. Объ нихъ упоминаютъ Геродотъ, Страбонъ и Плиній (см. словари классич. древн. Паули и Любкера).

Въ настоящее время въ Индіи отъ укушенія змѣй лѣчатся змѣинымъ камнемъ, приготовляемымъ браминами изъ смолы, извести и пережженой кости, или корнемъ растенія аристолохіи (*Брем*. V, 255). Если только сокъ ясеня дѣйствительно помогаетъ при укушеніи змѣей, то его могли употреблять въ мѣстахъ произрастанія ясеня, можетъ быть, въ гористыхъ и теплоумѣренныхъ странахъ сѣверо-западной Индіи, откуда, по мнѣнію ученыхъ, изучавшихъ цыганскій языкъ, вышли цыгане. Въ Европѣ въ области распространенія ясеня (fraxinus exelcior) лежатъ Карпаты, западная и южная Россія, Кавказъ, Швейцарія (*Будиловичъ*. Первоб. слав. § 196). Ясень, какъ цѣлебное средство отъ укушенія змѣй, въ Россію и въ Германію могъ проникнуть черезъ цыганъ, а въ южныя европейскія страны и помимо цыганъ, другими, неизвѣстными намъ путями, такъ какъ оцѣпеняющее свойство ясеня было извѣстно еще римлянамъ, слѣдовательно задолго до появленія цыганъ въ Европѣ. Въ германскихъ и славянскихъ миѳахъ ясень является священнымъ всемірнымъ деревомъ, и тутъ нелишнимъ будетъ поставить вопросъ, не содѣйствовало ли такому представленію ясеня его оцѣпеняющее дѣйствіе на ядовитыхъ змѣй? Что это свойство ясеня было извѣстно уже въ древности, видно изъ словъ Плинія (lib. 16, cap. 13). „Adeo inimica, говоритъ Плиній о fraxinus exelcior, arbor serpentibus, ut ne matutinas quidem occidentesve umbras quamlibet spatiosus, ejus serpens attingat, ac si frondibus ejus claudatur cum igne, in ignem potius, quam in fraxinum fugiat“.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Прошлое переяславскаго духовнаго училища.

(БЫВШЕЙ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ СЕМИНАРІИ).

13 октября 1888 года исполнилось полтараста лѣтъ со времени основанія переяславскаго духовнаго училища.

Время и пожары истребили архивные документы за первые сто лѣтъ его существованія, а пополнить этотъ недостатокъ изустными разсказами нѣтъ возможности, такъ какъ дѣятели того времени и лица, близко стоявшія къ училищу, давно покоятся вѣчнымъ сномъ.

Итакъ, приходится говорить о началѣ училища только на основаніи тѣхъ немногихъ извѣстій, которыя извлечены изъ случайныхъ и часто неполныхъ источниковъ.

Основано училище въ 1738 году Арсеніемъ Берло, епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ. Дѣло это задумано было епископомъ Арсеніемъ гораздо раньше. Еще въ 1737 г., желая открыть при своемъ архіерейскомъ домѣ училище для подготовленія достойныхъ пастырей церкви, онъ собиралъ въ своей епархіи точныя свѣдѣнія о числѣ священническихъ и причетническихъ дѣтей, обучающихся въ кіевской академіи и могущихъ войти въ составъ проектируемаго имъ училища[1]). Въ слѣдующемъ году полученъ былъ указъ императрицы Анны Іоанновны о заведеніи училищъ при архіерейскихъ домахъ. Это еще болѣе возбудило ревность еп. Арсенія, и онъ немедленно приступилъ къ осуществленію своихъ намѣреній. Въ іюлѣ 1738 года во всѣ духовныя правленія переяславской епархіи разосланъ былъ слѣдующій ордеръ:

[1]) Дѣла бывшаго переясл. дух. правленія, хранящіяся при п—скомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

„По благословенію великого господина, ясне в Богу Преосвященнѣйшаго, Кyръ Арсенія Берло, Божіею милостію православнаго епископа переяславскаго и бориспольскаго, з духовной консисторіи катедры переяславской всечестнымъ протопопамъ... предлагается... изобравъ въ самой скорости священническихъ сыновъ искусныхъ и удобныхъ къ наученію латинскому, имѣющемуся при домѣ архіерейскомъ зачати, выслать тѣхъ дѣтей къ первому числу предъидущаго іюля сего 1738 года непремѣнно, опасуяся за небреженіе свое гнѣва архипастырскаго и за преслушаніе указовъ наказанія. Дѣтей же показанныхъ (росписавъ тѣхъ имена, лѣта и по отчеству) выслать въ катедру таковыхъ, дабы они изучены были псалтири и писать хочай мало бъ умѣли и протчіихъ чтеніе славянское умѣющихъ, так священническихъ, як и причетническихъ сыновъ“ [1]).

Какія то, неизвѣстныя намъ, обстоятельства помѣшали открыть училище 1 іюля, какъ желалъ того епископъ. Изъ другихъ его указовъ мы узнаемъ, что открытіе совершилось 2 окт. 1738 года; въ одномъ изъ нихъ сказано, чтобы священники, имѣющіе сыновей, представили бы ихъ непремѣнно къ этому числу для обученія *подъ опасеніемъ за непоставку непоблажнаго штрафа и наказанія*, а въ другомъ, отъ 6 ноября, говорится: „за Божіею помощью при катедрѣ нашей переяславской устроили училища, и уже въ нихъ собравшіеся ученики славянолатинскаго ученія обучаются“ [2]).

Мѣсто для училища отведено было въ оградѣ архіерейскаго Вознесенскаго монастыря, гдѣ и нынѣ помѣщается классный дворъ училища. По просьбѣ еп. Арсенія для постройки училищнаго корпуса настоятель Кіево-печерской Лавры Иларіонъ Негребецкій подарилъ четыре хаты—*будинки, прозываемаго Томаринскаго, за ръчкою стоячіе* [3]). Для перевозки этихъ будинковъ потребовалось пятьдесятъ подводъ *поодноконь*. Подводы были собраны отъ священниковъ,—кто давалъ лошадь, кто возъ, кто человѣка къ подводѣ. Хаты были перевезены въ срединѣ іюля и

[1]) Тамъ же.
[2]) Полт. Еп. Вѣд. 1878 г. № 2-й.
[3]) Тамъ же.

сразу началась постройка класснаго зданія. 22 сент. еп. Арсеній разослалъ по протопопіямъ указъ, которымъ извѣщалъ духовенство, что училищное зданіе уже сооружено, но нужно еще: „звнутръ вычистивъ, землею высыпать и округъ стѣны и зверху стели глиною помазувать, да и прочее, что потреба укажетъ, опрятать надлежитъ". Такъ какъ монастырскіе послушники не могли всего этого сдѣлать, то Арсеній требовалъ выслать причетниковъ съ подводами. „Собрать тіи подводы, писалъ онъ, безобидно; у едного священника возъ, въ другого лошадь, а отъ третьяго—кто къ подводѣ человѣка сопредѣлитъ. Да прилѣжно сего смотрѣть, были бы возы порядочные и конѣ добріе, ибо яко общая потреба, а не наша персональная архіерейская, такъ со всего общества вспомоществованіе къ строенію указанныхъ школъ быть должно" [1]).

На ряду съ этимъ преосвящ. Арсеній заботился объ устройствѣ матеріальнаго быта своихъ будущихъ питомцевъ. Вопросъ этотъ занималъ основателя задолго до открытія училища. Такъ какъ монастырь и архіерейскій домъ не могли содержать школы исключительно на свои средства, то Арсеній рѣшился привлечь къ этому дѣлу церкви и духовенство епархіи. 6 мая 1738 года разосланъ былъ указъ, которымъ предписывалось всѣмъ протопопамъ епархіи избрать по три священника и съ ними составить точныя описи угодій всѣхъ церквей и доходовъ духовенства каждой протопопіи, и на основаніи этого опредѣлить, сколько каждый приходъ и причтъ можетъ дать на содержаніе училища,—деньгами ли, мукой, медомъ, или дровами. Дѣло это велось весьма осторожно. Составленныя на основаніи указа коммиссіи должны были являться къ архіерею за полученіемъ благословенія и надлежащихъ инструкцій, и затѣмъ уже составлять описи строго правдиво, безъ утайки, *подъ страхомъ лишенія чина и жестокаго наказанія* [2]). Миссію свою они исполнили въ томъ же году, и съ августа уже началась доставка продуктовъ со всѣхъ концовъ епархіи. На первыхъ же порахъ встрѣтилось

[1]) „Указная книга", хранящаяся при церкви с. Войтова, переяславск. уѣзда.
[2]) Тамъ же и Полт. Еп. Вѣд. 1888 г. № 20.

затрудненіе въ доставкѣ продуктовъ изъ отдаленныхъ протопопій, и Арсеній разрѣшилъ доставлять вмѣсто продуктовъ деньгами по опредѣленной оцѣнкѣ [1]). Въ дополненіе къ этому въ указѣ отъ 6 ноября еп. Арсеній писалъ духевенству: „Для учениковъ со всей епархіи отъ церковныхъ пожитковъ и священническихъ доходовъ по учиненному расположенію только една пашня, да мука пшеничная, да гречневая отчасти собрана, а то еще не совсѣмъ,—понеже круповъ, сыра, масла и прочихъ къ пропитанію не имѣется, а въ ономъ расположеніи не опредѣлено, безъ чего всячески обойтись невозможно". Посему еп. Арсеній просилъ духовенство высылать продукты *по вновь учиненному расположенію* [2]).

Ко 2-му октября трудами присланныхъ причетниковъ училищныя зданія были окончены и началось ученіе. Открыты были шесть классовъ: *фара*, *инфима*, *грамматика*, *синтаксима*, *поэтика* и *риторика*. Въ составъ низшихъ классовъ вошли дѣти духовенства, обучавшіяся дома, а старшихъ—тѣ, которые прошли уже низшіе классы въ кіевской академіи, а теперь могли перейти въ свою епархіальную школу.

Совершенно неизвѣстно, сколько было учениковъ въ новооткрытомъ училищѣ и кто были первые начальствующіе и учащіе. Нужно думать, что учениковъ было немного, а учители были вызваны изъ кіевской академіи. Отъ 1743 года встрѣчаемъ извѣстіе, что еп. Арсеній обращался къ Кіево-Печерскому архимандриту Тимоѳею Щербацкому съ просьбою прислать ему двухъ ученыхъ монаховъ для риторическаго и піитическаго преподаванія въ заведенной имъ школѣ. Но были ли присланы просимые ученые и кто они были, опять остается неизвѣстнымъ.

За первые 60 лѣтъ существованія училища мы не имѣемъ ни одного списка учениковъ. Только въ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины" 1888 г. напечатана была открытая гдѣ то въ семейномъ архивѣ въ переяславскомъ уѣздѣ *Роспись въ школахъ славено-латинскихъ при домѣ архіерея переяславскаго имѣю-*

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

щихся учениковъ со изъявленіемъ о бытіи ихъ во святую четыредесятницу у исповѣди и св. таинъ причастія 1744 года. При скудости матеріала для исторіи переяславскаго училища это весьма интересный документъ. Изъ него мы узнаемъ имена первыхъ учителей по неточнымъ, впрочемъ, подписямъ ихъ по листамъ въ видѣ скрѣпы. Здѣсь видны подписи: префекта училищъ славено-латинскихъ переяславскихъ Іоанна, іерея Михаила Исаевича и какого то Григорія. Всѣхъ учениковъ по *Росписи* 130; частнѣе, въ фарѣ—17, въ инфимѣ—18, въ грамматикѣ—11, въ синтаксимѣ—40, поэтикѣ—16 и риторикѣ—28. Каждый ученикъ названъ по имени, отчеству и фамиліи съ обозначеніемъ лѣтъ отъ роду. Видно, что число лѣтъ не принималось въ разсчетъ при опредѣленіи ученика въ тотъ или иной классъ: есть ученики 11-ти и 25-ти лѣтъ; много учениковъ возрастомъ свыше 20-ти лѣтъ. 25-ти-лѣтній ученикъ былъ въ синтаксимѣ; риторику онъ могъ окончить 27-ми лѣтъ, а если бы пожелалъ пройти философскій и богословскій классы въ кіевской академіи, то вышелъ бы изъ за скамьи тридцатилѣтнимъ мужемъ. По фамиліямъ учениковъ, значащихся въ *Росписи*, можно судить, что въ училищѣ было много дѣтей лицъ свѣтскихъ,—козаковъ и мѣстной старшины.

7 іюня 1744 года епископъ Арсеній скончался [1]). Трудами его дѣло устройства училища еще не было вполнѣ закончено. Достойнымъ преемникомъ его въ этомъ отношеніи былъ еп. Іоаннъ Козловичъ, вступившій на переяславскую каѳедру въ

---

[1]) Сообщаемъ нѣсколько отдѣльныхъ біографическихъ данныхъ объ Арсеніѣ (въ мірѣ Андреѣ) Берло. Родился онъ въ с. Памфилахъ переяславскаго уѣзда и происходилъ изъ дворянской фамиліи. Отецъ его умеръ въ санѣ протоіерея переяславской Покровской церкви. Воспитывался Андрей Берло въ кіевской академіи, постриженъ въ монашество въ Кіево-Печерской Лаврѣ, былъ архидіакономъ при кіевскомъ митрополитѣ Іоасафѣ Кроковскомъ, затѣмъ архимандритомъ кіевскаго Межигорскаго монастыря; въ 1729 году былъ посвященъ во епископа бѣлорусскаго, а въ 1733 г. переведенъ на переяславскую каѳедру. Время сохранило благородныя черты еп. Арсенія на портретѣ, который принадлежитъ гг. Ильяшенковымъ, живущимъ въ с. Памфилахъ,—родственникамъ преосвященнаго. Въ церкви этого села имѣется евангеліе съ собственноручною подписью Арсенія: „отъ книгъ Преосвященнаго Арсенія епископа Переяславскаго и Бориспольскаго“.

1753 году. До этого времени онъ послѣдовательно проходилъ должности—профессора, префекта и ректора славяно-греко-латинской московской академіи, а потому дѣло устройства училища въ Переяславѣ было ему по сердцу. Училище уже просуществовало 15 лѣтъ. Число учащихся, естественно, увеличивалось, такъ что зданія не могли вмѣстить всѣхъ воспитанниковъ. Еп. Іоаннъ строитъ новый каменный подъ желѣзомъ корпусъ о четырехъ классныхъ комнатахъ,—зданіе по тому времени богатое и настолько прочное, что просуществовало и по настоящій день безъ капитальнаго ремонта. Это нынѣшній классный корпусъ, находящійся въ оградѣ монастыря [1]). Откуда могли быть добыты средства для такой цѣнной постройки? Вопросъ этотъ краснорѣчиво рѣшаетъ намъ донесеніе переяславской консисторіи святѣйшему Синоду о смерти еп. Іоанна Козловича, послѣдовавшей 16 марта 1757 года, черезъ четыре года по вступленіи его на каѳедру. Консисторія была поставлена въ затруднительное положеніе,—не на что было похоронить епископа; послѣ покойнаго не осталось совершенно ничего; все имущество и доходы онъ истратилъ на устройство переяславской семинаріи. Консисторія спрашивала св. Синодъ, откуда взять нужную сумму на погребеніе усопшаго епископа [2]).

Есть предположительное извѣстіе, что заботами этого же архіерея построенъ домъ для бѣдныхъ учениковъ, т. н. бурса, внѣ ограды монастыря, близъ крѣпостнаго вала. Если такъ, то при еп. Іоаннѣ отстройка училища была закончена.

Каковъ же былъ внутренній строй училища?

Въ сохранившихся документахъ училище называется различно,—то *латинскими школами*, то *славяно-латинскимъ училищемъ*, то *переяславскою* или *малороссійскою семинаріею*, а въ одномъ документѣ мы встрѣчаемъ даже названіе *коллегіума*. По

---

[1]) Надъ двумя изъ наружныхъ входовъ этого зданія хорошо сохранились интересныя лѣпныя изъ алебастра изображенія. На одномъ внизу виднѣется безформенная масса, а надъ нею полукругомъ огненные языки и голубь; это, кажется, видъ первобытнаго хаоса, надъ которымъ носился животворящій Духъ Божій. На другомъ—красивая монограмма еп. Іоанна Козловича съ архіерейскими атрибутами.

[2]) Полт. Еп. Вѣд. 1867 года, № 20, стр. 306.

нашей современной терминологіи правильнѣе было бы назвать его *просеминаріей*, такъ какъ въ немъ до полнаго курса семинаріи не доставало философскаго и богословскаго классовъ. Классы эти были открыты впослѣдствіи, именно,—философскій въ 1774 г. при еп. Іовѣ Базилевичѣ, а богословскій въ 1778 г. при еп. Иларіонѣ Кондратковскомъ. Въ 1785 г. классы эти опять были закрыты вмѣстѣ съ упраздненіемъ (временнымъ) переяславской епархіи. Окончательное открытіе ихъ послѣдовало какъ разъ на рубежѣ 18 и 19 столѣтій. Начальствовавшіе въ этой неполной семинаріи носили названіе не ректоровъ, а префектовъ, съ каковымъ званіемъ соединялись, собственно, инспекторскія обязанности.—Учебно-воспитательное дѣло, нужно думать, велось такъ, какъ и въ другихъ южно-русскихъ училищахъ того времени, главнымъ образомъ, въ кіевской академіи. Послѣдняя, какъ извѣстно, была основана въ началѣ 17-го столѣтія для подготовленія достойныхъ борцовъ за православіе противъ римскихъ католиковъ, желавшихъ ввести унію въ южной Руси. Для этой борьбы необходимо было знаніе латинскаго языка и умѣнье вести полемику и диспуты на немъ. Во время открытія переяславской семинаріи, съ одной стороны, борьба съ уніей еще не улеглась, съ другой, — не имѣлось учебныхъ заведеній другаго образца, такъ что мы безошибочно можемъ утверждать, что переяславская школа была устроена исключительно по типу старшей сестры своей—кіевской академіи. Да и изъ разсказовъ нашихъ предковъ извѣстно, что главнымъ предметомъ преподаванія въ переяславской славяно-латинской школѣ былъ латинскій языкъ,—на немъ были учебники, на немъ читались лекціи, произносились рѣчи, производились диспуты и проч. Уже начиная съ класса грамматики ученики пріучались говорить по латыни; каждый изъ нихъ снабжался книжкою, заключавшею въ себѣ болѣе употребительныя фразы въ разговорахъ. Лучшимъ искусственнымъ средствомъ для изученія латинскаго языка, какъ и въ кіевской академіи, считался *calculus*,—такъ назывался небольшой бумажный сверточекъ, который давали тому ученику, который по неосторожности въ разговорѣ употреблялъ русское слово вмѣсто латинскаго. Получившій *calculus* долженъ былъ

стараться до наступленія ночи сдать его другому, если же это не удавалось, то злополучный владѣлецъ calculus-a подвергался сѣченію розгами. Приходится иногда и теперь слышать разсказы отъ старыхъ священниковъ о курьезныхъ случаяхъ, когда едва начинающій изучать латину ученикъ путалъ русскія слова съ латинскими. Такъ, одинъ бурсакъ жаловался префекту на товарища: Domine Praefecte! Ego йшовъ, ille—пхнувъ, ego покотывся, nasus розбывся, a sanguis—дзюръ-дзюръ...—Другимъ средствомъ служило возбужденіе соревнованія въ написаніи экзерцицій. За хорошее сочиненіе на латинскомъ языкѣ ученикъ могъ получить то, что принадлежало его товарищу. Напр., если ученикъ находилъ, что товарищъ его слабѣе въ наукахъ, однако въ классѣ занимаетъ мѣсто выше его, то писалъ сочиненіе по латини, надписывалъ его: de loco, во вложенной въ упражненіе записочкѣ указывалъ товарища, на мѣсто котораго онъ предъявляетъ претензію, и подавалъ учителю. Конкуррентъ его, въ свою очередь, долженъ былъ писать экзерцицію, и если она оказывалась слабѣе, чѣмъ претендента, то лишался своего мѣста[1]). Говорятъ, что сочиненія подобнаго рода надписывались не только de loco, но даже de coena, de candella и проч. Вообще же на каждомъ сочиненіи domino magistro полагалась рецензія, часто довольно витіеватая и остроумная, напр.: taliter, qualiter,—nihil fundamentaliter (сякъ да такъ—не выйдетъ ничего основательнаго)[2]), non tibi perventus assa columba venit, или correctis corrigendis persitabitur laude; иногда односложныя похвалы: laudatissime, praestantissime accuratissimeque, или порицанія: pessime, turpissime, dementissime negligentissimeque и проч. Нужно замѣтить, что ученики старой переяславской семинаріи изучали латинскій языкъ основательно, до того, что они даже мыслили на немъ и иногда невольно выражали на немъ свои душевныя движенія. Такъ, ученикъ старой переяславской семинаріи прото-

[1]) Полт. Еп. Вѣд. 1877 г., № 3-й, 91 стр.

[2]) Разсказываютъ, что когда профессоръ предложилъ ученику, на сочиненіи котораго написана была эта рецензія, перевести ее на русскій яз., то ученикъ, подумавши, сказалъ: „по моему разумѣнію, сіе означаетъ: не тершы, не мявшы,—не буде калачъ“.—Право судилъ еси, замѣтилъ профессоръ (прот. Іосифъ Козачковскій).

іерей Іоаннъ Крамаренко, печатавшій свои воспоминанія въ Полт. Еп. Вѣд., разсказываетъ объ одномъ священникѣ, который оплакивалъ свою жену такими словами: O, mors! o, malum! o malum omnium malorum... и проч. Припоминается намъ также разсказъ старыхъ священниковъ объ одномъ профессорѣ семинаріи, который любилъ пѣть малорусскія пѣсни, импровизируя ихъ въ латинскомъ переводѣ; напр., извѣстная пѣсня *Ой, у поли могила зъ витромъ говорила* у него выходила такъ:

En, tumulus in campo
Stat, colloquio capto:
Ne fle mihi valde, vente,
Quin flos meus nigret!

Къ началу нынѣшняго столѣтія, когда уже вывелось обыкновеніе требовать отъ учениковъ, чтобы они говорили по латыни, многіе изъ нихъ, особенно лучшіе ученики старшихъ классовъ—философскаго и богословскаго, собирались иногда другъ у друга съ тѣмъ, чтобы выкурить трубку табаку, а главное—поговорить по латыни. По выходѣ изъ семинаріи они долго помнили и употребляли въ разговорѣ латинскую рѣчь. Недавно только вывелся типъ этихъ латинистовъ-священниковъ, которые, при встрѣчѣ съ семинаристомъ позднѣйшей формаціи, буквально засыпали его массою латинскихъ *лёкуцій*, пословицъ и поговорокъ, большею частью, каламбурнаго характера. Припомнимъ, кстати, анекдотъ изъ стараго переяславско-семинарскаго быта. Къ старику священнику сельскому зашли три бурсачка, путешествовавшіе, можетъ быть, на каникулы или же собиравшіе пожертвованія для содержанія себя въ семинаріи. Радушный хозяинъ усадилъ ихъ за обѣдъ. Одинъ изъ путешественниковъ попросилъ у прислуги пить.—„А какъ по латини—пить?“ спросилъ священникъ.—Bibo, отвѣтили бурсаки.—„А какъ отъ bibo прошедшее соверш. время?“ Одинъ изъ гостей сказалъ: babi, другой—babsi, а третій—bibi (правильно).—„Да bibere bibi, обратился священникъ къ прислугѣ,—babi, babsique ne da! (т. е. дай пить сказавшему bibi, а сказавшимъ babi и babsi—не давай). Гораздо въ меньшемъ объемѣ преподавались греческій и польскій языки; преподаваніе послѣдняго и совсѣмъ было упразднено

къ концу прошлаго столѣтія. Затѣмъ, преподавались въ семинаріи: православное исповѣданіе вѣры, свящ. исторія, ариѳметика, русскій языкъ, ораторское искусство и поэзія русская и латинская. Изъ учителей прошлаго столѣтія назовемъ извѣстныхъ въ исторіи лицъ: игуменъ пер. Мих. мон. Варлаамъ Шишацкій,—впослѣдствіи архіепископъ могилевскій, Анастасій Романенко-Братановскій, впослѣдствіи архіеп. астраханскій, Иванъ Васильевичъ Леванда—впослѣдствіи кіевскій протоіерей и знаменитый проповѣдникъ, и Григорій Саввичъ Сковорода — украинскій философъ.

Первые четыре класса семинаріи по программамъ наукъ до нѣкоторой степени соотвѣтствовали четыремъ классамъ нынѣшнихъ духовныхъ училищъ, а поэтика и риторика—первымъ классамъ нынѣшнихъ духовныхъ семинарій.

Кромѣ префекта, мы встрѣчаемъ въ семинаріи и другое административное лице—*прокуратора*. Съ этимъ званіемъ соединялись преимущественно обязанности хозяйственнаго характера. Прокураторъ завѣдывалъ сборомъ денегъ и продуктовъ отъ церквей епархіи и заботился о продовольствіи учителей и тѣхъ учениковъ, которые жили въ казенномъ, такъ наз., сиротскомъ домѣ—*бурсѣ*, и состояли на казенномъ содержаніи.

Система воспитанія того времени, какъ извѣстно, отличалась большою жестокостью. Сѣченіе розгами было обычнымъ и часто употреблявшимся родомъ наказанія. Для производства этого наказанія употреблялись великовозрастные—худшіе по успѣхамъ ученики; они назывались *сикарями* или *calefactor*'ами (горячителями). За болѣе тяжкіе проступки наказывали ударами двухъ калефакторовъ по звону семинарскаго колокольчика, который помѣщался надъ класснымъ зданіемъ; его зловѣщій, размѣренный звонъ, распространяясь по всему городу, наводилъ ужасъ на жителей Переяслава. Сѣченіе было иногда до того жестокимъ, что наказываемые подплывали собственною кровью,—это, именно, была та знаменитая *березовая каша*, о которой съ ужасомъ вспоминаютъ наши дѣды. Изъ другихъ, болѣе употребительныхъ наказаній, были: *пали* (удары линейкою по рукѣ), поклоны, стояніе на колѣняхъ на полу или на скамьѣ. Для усиленія не-

пріятнаго чувства иногда ставили на гречку, а иногда заставляли стоящаго на колѣняхъ на скамьѣ держать поднятою рукою тяжелую книгу, библію, напр.; наказываемый иногда держалъ книгу до тѣхъ поръ, пока кровь хлынетъ носомъ и ртомъ...

Воспитательное дѣло почти исключительно лежало на префектѣ, а въ періодъ существованія философскаго и богословскаго классовъ и на ректорѣ семинаріи. Трудно было одному или даже и двумъ лицамъ выполнять эти обязанности, тѣмъ болѣе, что учениковъ было много,—въ лучшіе годы число ихъ достигало до 700 и 800 человѣкъ. Въ помощь префекту избираемы были лучшіе изъ учениковъ, или, какъ они тогда назывались, студентовъ старшихъ классовъ. Большая часть учениковъ жила на квартирахъ въ домахъ мѣщанъ; на каждой квартирѣ, по назначенію префекта, были: *директоръ*, *сеніоры* и *инспекторъ*; первый вѣдалъ всю квартиру, вторые наблюдали за порядкомъ въ каждой отдѣльной комнатѣ, а инспекторъ слѣдилъ за приготовленіемъ учениками уроковъ. Эти три должностныя лица пользовались многими преимуществами предъ младшими учениками,—они даже могли наказывать розгами. Для наблюденія за учениками въ церкви и классахъ назначались *цензоры*, которые о неисправныхъ ученикахъ доносили префекту. Такъ какъ въ каждомъ классѣ было числомъ отъ 100 до 150 учениковъ, то въ помощь учителямъ, не имѣвшимъ возможности переспросить даже $^1/_{10}$ части учениковъ, назначались изъ числа послѣднихъ лучшіе; они носили названіе *аудиторовъ*. Ученики каждаго класса распредѣлялись между своими аудиторами, приблизительно, поровну. Списокъ учениковъ, подлежавшихъ вѣдѣнію аудитора, назывался *эрратой*. Существовало обыкновеніе раскрашивать эрраты, насколько позволяли художественныя средства студентовъ. Передъ урокомъ аудиторъ выслушивалъ своихъ учениковъ и въ эрратѣ противъ фамилій дѣлалъ помѣтки, на сколько каждымъ усвоенъ урокъ. Отмѣтки дѣлались такъ: Scit (знаетъ), nescit (незнаетъ), non tota (не все знаетъ), errabat (ошибался), aeger (боленъ), prorsus nescit (совершенно ничего не знаетъ), absque (безъ), т. е., ученикъ сидитъ дома безъ сапоговъ. Кромѣ обычныхъ эррать, существовала генеральная, вручавшаяся гене-

ральному аудитору (auditor auditorum), которому поручались для выслушиванія другіе аудиторы; его же обязанностью было представлять профессору, когда онъ явится въ классъ, эрраты всѣхъ аудиторовъ. Профессоръ, сидя на каѳедрѣ, имѣвшей видъ огражденнаго со всѣхъ сторонъ возвышенія, съ дверкою и спинкою въ видѣ церковнаго кіота, просматривалъ отмѣтки, и часто урокъ ограничивался поркою учениковъ, противъ фамилій которыхъ стояла отмѣтка nescit. Провѣрка пройденнаго производилась по субботамъ. Первая ошибка при отвѣтѣ считалась *parrata* (щадимою), вторая—*admonita* (за нее дѣлали внушеніе), третья уже *verberata* (били линейкой или розгами). Субботнія расправы живутъ и теперь въ памяти учениковъ старой семинаріи.

Въ частной жизни между учениками соблюдалась строгая субординація. Фарыстъ долженъ былъ снимать шапку и оказывать знаки полнаго повиновенія предъ грамматикомъ и учениками другихъ старшихъ классовъ, инфимистъ—передъ синтактикомъ и т. д., черезъ классъ. Вообще, фары и инфимы были самыми жалкими и безпомощными существами; ими помыкали ученики всѣхъ старшихъ классовъ. Поневолѣ приходилось задабривать директоровъ, цензоровъ, аудиторовъ. Если мать присылала фарѣ galdы (кажется, татарское слово-пиръ), т. е., пироговъ, или коржей, сала, сѣмячекъ, даже сухарей и проч., то все это мгновенно уничтожалось десятками риторовъ и поэтовъ, и бѣдному фарѣ ничего не оставалось; впрочемъ, онъ утѣшался тѣмъ, что на нѣкоторое непродолжительное время пожравшіе galду оказывали свое высокое покровительство. Нужно замѣтить, что квартирные студенты были аристократами сравнительно съ казеннокоштными, бурсаками; это были дѣти священниковъ и дворянъ. Въ старшихъ классахъ они достигали почтеннаго возраста 25—30 лѣтъ и назывались такъ: панъ риторъ Шпаковскій, панъ философъ Никита; носили они длинные козацкіе усы, подстригали волосы въ кружокъ. Ходили, обыкновенно, въ *жупанахъ* и подпоясывались шелковыми поясами; въ дорогу надѣвали *киреи*—кафтаны съ стоячими воротниками [1]).

[1]) Изъ воспоминаній ученика прошлаго столѣтія Тимковскаго. Полт. Епарх. Вѣд. 1886 г., 11 №.

Между студенческими играми и забавами того времени было много грубыхъ и неприличныхъ, напр., кулачки съ мѣщанами, послѣдствіемъ которыхъ на лицахъ у риторовъ, по выраженію Гоголя, появлялись украшенія въ видѣ разныхъ риторическихъ троповъ. Иногда и сами студенты, собравшись въ классы, передъ приходомъ профессоровъ дѣлились на два лагеря—израильтянъ и филистимлянъ—и открывали сраженіе. Подробнѣе мы остановимся на рекреаціяхъ. Recreatio—возобновленіе, возрожденіе; такъ назывались гулянья, устраивавшіяся въ маѣ. 1-го мая, если была благопріятная погода, префектъ, или ректоръ бралъ съ собою человѣкъ 50 учениковъ и съ ними отправлялся къ архіерею. При входѣ въ пріемную владыки, вся толпа пѣла по-латыни: Recreationem, excelentissime pater, rogamus! Архіерей сначала отказывалъ, а потомъ давалъ свое благословеніе, и толпа съ радостными кликами выбѣгала къ ожидавшимъ результатовъ товарищамъ. Моментально прятались книжки, студенты запасались холодными закусками, обыкновенно коржами съ саломъ, и нестройною, но веселою, толпою направлялись въ лѣсъ. Въ прошломъ столѣтіи мѣстомъ для рекреацій служилъ берегъ Альты, вѣроятно, около Свѣтиловки или Борисовки, а съ начала нынѣшняго столѣтія Гояриновъ лѣсъ или Чирское, принадлежавшее ректору семинаріи протоіерею Ѳеодору Домонтовичу. За семинаріей изъ города выѣзжали на десяткахъ возовъ торговки съ калачами, бубликами, пряниками, рожками, моченными яблоками, квасомъ и др. лакомствами. Нѣсколько позже прибывали на мѣсто рекреацій учителя съ семействами и знакомыми изъ городскаго общества. Любимымъ начальникамъ семинаристы устраивали въ лѣсу восторженныя, торжественныя встрѣчи; такъ, когда подъѣзжалъ начальникъ или профессоръ, семинаристы съ крикомъ *ура* бросали вверхъ шапки, пѣли нарочно сочиненные канты и проч. Ректоръ открывалъ гулянье первымъ ударомъ мяча протоіерейскою палкою. Съ особеннымъ восторгомъ послѣ этого начинались всевозможныя игры и беззавѣтное веселье. Тутъ ужъ забывались розги, пали и всѣ неприглядныя стороны школьной жизни. Состязались въ бѣганьѣ, въ борьбѣ; играли въ кегли, скракли, долгую лозу, джгутъ, мячъ; бросали вверхъ надутый съ горохомъ

бычачій пузырь и ловили на лету; въ одномъ мѣстѣ играла семинарская музыка, въ другомъ—пѣлъ хоръ; слышалась старинная семинарская пѣсня: *Мы тебя любимъ сердечно* и раздавался величественно-торжественный, но забытый уже напѣвъ: *Тебе, Бога, хвалимъ!* Учителя и городское общество веселились отдѣльно; къ вечеру всѣ гулявшіе соединялись.

По благословенію старшаго духовнаго лица (иногда въ рекреаціяхъ принималъ участіе и архіерей) устраивались танцы на зеленомъ паркетѣ. Состоятельные люди покупали ящиками пряники, конфекты и бросали *на жакъ* (кто поймаетъ). По заходѣ солнца всѣ возвращались домой—усталые, но съ обновленнымъ духомъ. Въ теченіи мая рекреаціи устраивались раза три-четыре. Окончательно прекратились онѣ на нашей памяти—въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Относительно религіознаго воспитанія отмѣтимъ слѣдующее.

По нѣсколько человѣкъ студентовъ ежедневно назначались для чтенія и пѣнія при богослуженіи въ Вознесенскомъ монастырѣ. Ежедневно также всѣ ученики по дорогѣ въ классы заходили прикладываться къ мощамъ св. пр. муч. Макарія, который издавна считался патрономъ семинаріи. По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ всѣ ученики ходили на утреннее богослуженіе по звону въ полночь. Заутреня начиналась въ 2—3 часа ночи, поэтому квартирные студенты, боясь проспать, нанимали будить себя бурсачковъ, которые и назывались *будильниками*. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія роль будильниковъ играли парубки-мѣщане; они ходили ночью по квартирамъ и будили сильнымъ стукомъ въ окна и крикомъ: Господа студенты! пора вставать до утрени!

Съ особенною торжественностью отдавался послѣдній долгъ умиравшимъ товарищамъ. Въ дни погребенія студента ученія не было. Надъ умершимъ студенты въ церкви произносили много рѣчей на разныхъ языкахъ: русскомъ, греческомъ, латинскомъ, древне-еврейскомъ, польскомъ, даже на французскомъ и нѣмецкомъ. Похоронной процессіи предшествовали хоругви всѣхъ переяславскихъ церквей и значки всѣхъ цеховъ; были даже и

семинарскіе значки—въ видѣ звѣздъ. За гробомъ шли ученики, выстроенные орденами (рядами) [1]).

Благоговѣйное уваженіе къ архіерею, какъ главному начальнику, выражалось въ составленіи поздравительныхъ рѣчей, преимущественно на латинскомъ языкѣ, въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ, напр., въ праздникъ Р. Хр., Воскресенія, тезоименитства владыки и проч. При торжественныхъ выѣздахъ архіерея, напр., для служенія въ приходской церкви въ храмовые праздники, отбирали въ семинаріи четырехъ старѣйшихъ богослововъ, одѣвали ихъ въ старинный ученый нарядъ—широкія темносинія *либеріи*, обшитыя цвѣтнымъ снуркомъ, съ широкими разрѣзными рукавами и пуговицами до низу, на головы надѣвали черныя четвероугольныя шапки, на богато убранныхъ лошадяхъ они сопровождали карету архіерея,—два впереди и два по сторонамъ [2]).

Но пора уже поговорить о томъ пролетаріатѣ, который населялъ бурсу,—зданія, находившіяся тамъ, гдѣ нынѣ монастырскій пустырь. Бурса—татарское слово—кошелекъ; такъ называлось помѣщеніе казеннокоштныхъ учениковъ. Довольно характерно описываетъ Нарѣжный въ ром. *Бурсакъ* бытъ и административный строй переяславской бурсы. Приведемъ нѣсколько строкъ въ подлинникѣ. „... Сіи избы называются бурсами, а проживающіе въ нихъ школьники—бурсаками. Старшіе изъ студентовъ по волѣ ректора управляютъ другими, неся величественное имя *консуловъ*... Почтенное сословіе бурсаковъ образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консулъ управляетъ онымъ вмѣстѣ съ *сенатомъ*. Въ консулы избирается старшій изъ богослововъ, а прочіе богословы и философы образуютъ сенатъ; риторы составляютъ *ликторовъ* или исполнителей приговоровъ сенатскихъ. Поэты называются *целлерами* или бѣгунами, которые употребляются на разсылки; прочіе составляютъ *плебеевъ* или чернь—простой народъ. Если бы консулъ сдѣлалъ какое нибудь позорное дѣло, то сенаторы доносятъ о томъ ректору, и тотъ немедленно снимаетъ съ него сей величественный санъ и, наказавъ,

---

[1]) Полт. Еп. Вѣд. 1863 г., № 19, 243 стр.

[2]) Полт. Еп. Вѣд. 1876 г. № 11-й.

по мѣрѣ вины, палками, розгами или батожьемъ, обращаетъ въ званіе сенатора... Кромѣ одежды и обуви, у бурсаковъ все общее и хранится въ коморѣ, пристроенной къ бурсѣ, а ключъ всегда у консула" [1]). Если отбросить иронію, которая сквозитъ въ каждомъ словѣ приведеннаго отрывка, то получится вѣрная картина строя бурсы. Безспорно, были консулы, сенаторы, ликторы, только не всегда они носили *это величественное имя*. Въ раннюю пору жизни семинаріи, когда все проникнуто было латынщиною, и терминологія была римская.

Мы уже упоминали о тѣхъ средствахъ, на которыя бурсаки существовали въ первое время. Разумѣется, средства были слишкомъ скудны. Знакомящагося съ первоначальнымъ бытомъ семинаріи поражаетъ обиліе архіерейскихъ указовъ о томъ, чтобы церкви аккуратнѣе доставляли слѣдуемые отъ нихъ на семинарію продукты. Далеко не все высылалось, что слѣдовало, и иногда учителя и ученики, среди года, оставались безъ хлѣба и безъ дровъ. Что бы помочь дѣлу, епископы иногда разсылали указы, чтобы отцы привозили въ училище дѣтей, *запастись харчами*; иногда штрафовали священниковъ за разныя провинности въ пользу семинаріи; взимали десяти-рублевый штрафъ съ женившихся безъ разрѣшенія консисторіи, для той же надобности взимали деньги отъ рукополагаемыхъ во священники. Отъ 19 дек. 1779 г. встрѣчаемъ указъ о томъ, что бы отъ каждой церкви высылалось на семинарію: по 2 коп. столовыхъ, по денежкѣ мировыхъ, по полушкѣ солодовыхъ [2]). Всѣ эти и подобные сборы были далеко не достаточны. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было платить жалованье нѣсколькимъ учителямъ и содержать болѣе ста учениковъ на сборы изъ денежекъ и полушекъ? Въ 1785 году съ подчиненіемъ переяславской епархіи кіевской митрополіи и семинарія стала въ зависимость отъ кіевской академіи. Послѣдняя ассигновала на поддержку семинаріи по 500 р. ежегодно. Въ 1797 году, когда переяславская епархія опять стала самостоятельною, повелѣно было отпускать на семинарію по

[1]) Бурсакъ, соч. Вас. Нарѣжнаго М. 1860. Ч. 1, стр. 8, 9, 20.

[2]) Дѣла бывшаго переяславскаго дух. правленія.

4500 р. въ годъ изъ государственныхъ суммъ. Кромѣ того, переяславскій епископъ Амфилохій Леонтовичъ, умершій въ 1799 г., положилъ на вѣчныя времена въ московскій опекунскій Совѣтъ 2000 р. асс. для вспомоществованія изъ процентовъ бѣднѣйшимъ ученикамъ, *бѣдственно проходящимъ свое ученіе въ переяславской бурсѣ* [1]).

Итакъ, только въ самомъ концѣ прошлаго стол. средства для содержанія бѣдныхъ учениковъ начали увеличиваться; но до этого времени жизнь въ бурсѣ была самая горемычная. Мяса ученики никогда не видѣли за своими столами, завтраковъ и ужиновъ не полагалось, а на обѣдъ подавался только или жидкій борщъ или классическій *кандеръ*—кулишъ изъ воды и пшена. Не съ юга ли позаимствована извѣстная на сѣверѣ бурсацкая пѣсенка:

Охъ! охъ! охъ!
Semper горохъ,
Quotidie каша—
Miseria наша!

Но хорошо еще, если и горохъ былъ. Въ донесеніяхъ прокураторовъ мы встрѣчаемъ извѣстія, что ученики и даже учителя оставались совсѣмъ безъ пищи. Классы никогда не отапливались, такъ что ученики въ зимніе холода согрѣвались посредствомъ разныхъ гимнастическихъ упражненій, въ бурсѣ протапливали только разъ въ нѣсколько дней [2]). При отсутствіи прислуги ученическія помѣщенія содержались самымъ неряшливымъ образомъ,—вездѣ была грязь и сырость, а въ постеляхъ—миріады насѣкомыхъ (въ бурсѣ было придумано особое названіе для трехъ родовъ постельныхъ насѣкомыхъ: пѣхота, кавалерія и тяжелая артиллерія). Ученики носили самую грубую одежду: лѣтомъ одѣвались въ пестрядевые сюртуки, а зимою—въ шинели изъ грубаго крестьянскаго сукна.

---

[1]) Полт. Еп. Вѣд. 1863 г. № 16, 125 стр.

[2]) Чуть ли не это обстоятельство и породило извѣстныя бурсацкія игры: *писна баба* (безпощадно давятъ другъ друга, сидя рядомъ за скамьей) и *мала куча* (валятся среди класса другъ на друга въ кучу).

Въ крайнихъ случаяхъ однимъ изъ средствъ содержанія служилъ обычай, называвшійся *эпетенція* (отъ petere—просить, молить).

Когда окончательно изсякала провизія, а молодые желудки требовали пищи, старшій въ бурсѣ—сенаторъ или консулъ—собиралъ сенаторовъ на совѣтъ, гдѣ и рѣшалось, кого изъ наличнаго состава бурсаковъ послать на эпетенцію. Затѣмъ толпа бурсаковъ подъ предводительствомъ какого нибудь ритора или философа отправлялась къ дворамъ зажиточныхъ мѣщанъ или козаковъ, запасшись мѣшками и горшками. Подойдя къ двору, *эпетенты* посылали къ хозяину фару съ *орацією*; если хозяинъ давалъ согласіе, то начиналось пѣніе виршей, гимновъ, кантовъ и церковныхъ пѣснопѣній, при чемъ выхвалялись доблести хозяина; зимою (во время рождественскихъ святокъ) разыгрывались духовныя интермедіи, поставщицей которыхъ была кіевская академія; можетъ быть, были пьесы и оригинальныя, мѣстныя [1]). Благодушный хозяинъ наливалъ философамъ и богословамъ по чаркѣ горилки (по старо-семинарской поговоркѣ риторамъ—*non licet*—нельзя, философамъ—*licet*—можно, а богословамъ—*debet*—должно); мальчуганамъ давали по прянику или пирогу; кромѣ того, добрая хозяйка сыпала въ мѣшокъ, что было у ней: муки,

---

[1]) Насколько нравилось это городскимъ обывателямъ, видно изъ того, что и до настоящаго времени на Рождество переяславскіе мѣщане ходятъ по городу и разыгрываютъ *Максиміліана*. Вообще нужно замѣтить, что семинарія оставила глубокіе слѣды въ жизни переяславскихъ мѣщанъ; ихъ пѣсни и мотивы чисто семинарскіе; въ рѣчи ихъ часто слышатся семинарско-школьныя рѣченія. Въ бытность семинаріи въ Переяславѣ міросозерцаніе мѣщанъ складывалось подъ сильнымъ вліяніемъ семинаріи. Многіе изъ нихъ, ближе стоявшіе къ студентамъ, мнили себя даже высокообразованными, любили выслушивать въ монастырскомъ соборѣ проповѣди семинаристовъ и съ важностью знатоковъ наводили критику: приступъ—де несоразмѣренъ съ темою, раздѣленіе неполное и проч. Разсказываютъ объ одномъ почтенномъ мѣщанинѣ, слабою стрункою котораго была критика проповѣдей. Семинаристы, желавшіе получить даровое угощеніе, пользовались его слабостью: положимъ, является къ нему семинаристъ. „Дядинька, Харытонъ Петровичъ! Тутъ така бида! Профессоръ задалъ проповѣдь, да не знаю, какъ составить ее. Не поможете ли?“ Польщеный хозяинъ, самодовольно крякнувши, приказывалъ женѣ: „Жинко! нешлы за пивквартою!“—„А ну, яка тема, кажы?“ обращался онъ къ гостю. „Трудна тема, дяденька!—*Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость*“.—„А що-жъ ты въ прыступи думаешь писать?“ и проч. Тѣмъ временемъ распивали бутылку и расходились довольные другъ другомъ.

сала, хлѣба, луку, сѣмячекъ, варениковъ и даже наливала въ горшокъ борщу и проч. По свидѣтельству учениковъ прошлаго столѣтія, эпетенты иногда совершали отдаленныя путешествія; нѣкоторые изъ нихъ, ученики старшихъ классовъ, оставались у богатыхъ помѣщиковъ на *репетицію* (домашними учителями) и являлись въ семинарію только черезъ годъ и позже; остальные путешествовали дальше, на собранныя пожертвованія покупали лошадь, объѣзжали весь южный край лѣвобережной Украйны, доходили даже до Запорожья [1]). Затѣмъ, съ собранною добычею возвращались къ своимъ голодавшимъ собратьямъ.—Разумѣется, не всегда можно было быть сытымъ отъ эпетенцій. Въ случаѣ крайности бурсаки прибѣгали къ послѣднему средству: выбирали темную ночь и дѣлали нападенія на сады, огороды и баштаны мирныхъ обывателей Переяслава, или же ловили заблудившуюся еврейскую козу и за городомъ въ скрытомъ яру приносили ее въ жертву своимъ голоднымъ желудкамъ.

Если и этимъ путемъ нельзя было добыть средствъ къ жизни, то оставался еще одинъ исходъ: бѣжать, куда глаза глядятъ... Въ архивѣ Вознесенскаго монастыря, хранящемся на чердакѣ надъ главными монастырскими воротами, есть сотни архіерейскихъ указовъ о поимкѣ бѣглыхъ бурсаковъ и о доставкѣ ихъ обратно въ бурсу. Отцовъ, отказывавшихся высылать въ семинарію дѣтей, штрафовали въ пользу семинаріи же, а иногда угрожали и лишеніемъ священства; бѣглыхъ препровождали назадъ, заковывая ихъ въ кандалы, и подвергали сѣченію. Если бурсакъ не разъ уже совершалъ побѣгъ, то для устрашенія другихъ архіерей отсылалъ его къ кіевскому генералъ-губернатору для опредѣленія въ военную службу [2]). Въ виду такихъ дурныхъ послѣдствій побѣга на родину, бурсаки часто бѣжали въ другія мѣста: въ запорожскую Сѣчь, пока она существовала, въ лѣса, гдѣ приставали къ отрядамъ гайдамакъ, и проч.

Но бѣгала изъ семинаріи все таки меньшая часть. Многіе же закалялись въ нуждѣ и выходили полезными дѣятелями на разныхъ служебныхъ поприщахъ. Въ началѣ настоящаго столѣ-

[1]) Полт. Еп. Вѣд. 1876 г. № 11-й.

[2]) Архивъ бывшаго переяславскаго дух. правленія.

тія, особенно, при еп. Сильвестрѣ Лебединскомъ, который много сдѣлалъ для семинаріи, она стояла на лучшемъ счету, и изъ нея ежегодно вызывались студенты для пополненія новыхъ курсовъ въ дух. академіи: кіевскую, московскую, петербургскую и въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію.

Въ 1817 году совершилось преобразованіе переяславской семинаріи по планамъ составленной для сего коммиссіи еще при императорѣ Павлѣ I. Низшіе классы были отдѣлены отъ семинаріи и составили нынѣшнее переясл. дух. училище. Въ немъ образованы были три отдѣленія — низшее, среднее и высшее; кромѣ того, при училищѣ открытъ былъ приходской классъ. Ректоромъ училища назначенъ былъ инспекторъ семинаріи, прот. Іосифъ Козачковскій.

Слѣдуетъ констатировать довольно странное явленіе. До 1817 года, т. е., до выдѣленія училища изъ семинаріи, училище жило болѣе полною жизнью; съ этого же времени и до перехода семинаріи въ Полтаву въ 1862 году оно какъ бы потеряло свою индивидуальность. Находясь въ оградѣ одного съ семинаріею двора и имѣя своимъ начальникомъ одного изъ администраторовъ семинаріи, училище совершенно стушевывалось передъ нею. Училищная корпорація отодвигалась на задній планъ передъ корпораціею профессоровъ семинаріи, которые брали перевѣсъ численностью и превосходствомъ образованія. Жалкіе фаристы и грамматики казались незамѣтными козявками передъ солидными философами и богословами. Воспитанники того времени не помнятъ и не любятъ разсказывать о своей училищной жизни и съ удовольствіемъ вспоминаютъ о жизни въ семинаріи.

Не будемъ и мы долго останавливаться на этомъ безцвѣтномъ періодѣ исторіи училища.

До 1832 г. ректорами училища были инспекторы семинаріи.

Въ этомъ году назначенъ былъ первый самостоятельный начальникъ училища съ званіемъ смотрителя прот. Павелъ Діомидовъ, воспитанникъ перваго курса кіев. дух. академіи. Послѣ него съ 1864 г. ректоромъ училища былъ прот. Ник. Клепачевскій.

Въ теченіи всего этого періода два низшія отдѣленія училища помѣщались въ восточной части существующаго и теперь длиннаго братскаго корпуса; высшее отдѣленіе помѣщалось въ пристройкѣ корпуса еп. Іоанна Козловича, которая въ настоящее время не существуетъ; она была тамъ, гдѣ теперь находятся ворота класснаго двора. Помѣщенія для классовъ были въ высшей степени неудобныя, тѣмъ болѣе, что число учащихся въ каждомъ классѣ доходило иногда до 80 и 100 человѣкъ. Матеріальная обезпеченность учащихъ и учащихся мало улучшилась. Учителя получали жалованья отъ 100 до 150 р. Только въ 50-хъ годахъ начали дѣлать прибавку до незначительной все таки цифры 200—300 р. На казеннокоштнаго ученика отпускалось 20 рубл. Жизнь въ бурсѣ, по прежнему, была неприглядна: скудная пища, холодъ, тѣснота. Въ классныхъ помѣщеніяхъ на урокахъ, за недостаткомъ мѣстъ, приходилось стоять. Печи устроены только въ недавнее время.

Тѣмъ не менѣе интеллектуальная жизнь училища шла своимъ путемъ. Суровая школа нужды и лишеній подготовила къ жизни многихъ тружениковъ—и на важныхъ административныхъ постахъ (архіереевъ, профессоровъ, ректоровъ), и въ скромномъ званіи земскихъ врачей, учителей и священниковъ.

Таково было прошлое переяславскаго духовнаго училища, изъ котораго образовалась въ послѣдствіи переяславская духовная семинарія, переименованная потомъ въ полтавскую духовную семинарію. Съ 1867 г. эта послѣдняя существуетъ отдѣльно отъ училища въ Полтавѣ,—а училище осталось на прежнемъ мѣстѣ: въ новыхъ условіяхъ общественной обстановки оно служитъ живымъ памятникомъ историческаго прошлаго.

Памфилъ Левицкій.

Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи.[1]

Три небольшія, мрачныя и холодныя комнаты, отведенныя въ помѣщеніи харьковскаго университета, составляютъ въ настоящее время убогое хранилище оставленнаго намъ временемъ драгоцѣннаго богатства документовъ по внутренней и бытовой исторіи Малороссіи 18-го вѣка. Болѣе двадцати тысячъ дѣлъ, едва приведенныхъ въ кое какой порядокъ, смотрятъ, придавленныя пылью, съ высоты своихъ полокъ и ждутъ съ нетерпѣніемъ изслѣдователей... Но къ большому сожалѣнію всѣхъ, интересующихся исторіей нашей родины, изслѣдователей, способныхъ отряхнуть пыль вѣковъ отъ древнихъ хартій и правдиво передать ихъ содержаніе, до сихъ поръ не является, не считая двухъ трехъ лицъ, оффиціально приближенныхъ къ архиву. Причины этого явленія кроются, по нашему мнѣнію, какъ въ неудовлетворительномъ устройствѣ архива, такъ еще болѣе въ прискорбномъ отсутствіи у мѣстныхъ ученыхъ любви къ изученію своего края въ историко-юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, для чего архивъ Малорос. Коллегіи представляетъ богатый матеріалъ... Не имѣя въ виду вдаваться здѣсь въ изложеніе причинъ какъ означеннаго явленія, такъ и того обстоятельства, что отведенныя университетомъ три комнаты болѣе напоминаютъ собой темный и холодный сарай, годный для храненія старой мебели, чѣмъ исторически цѣнныхъ бумагъ,—я приведу здѣсь нѣсколько, хотя отрывочныхъ, но очень интересныхъ данныхъ о прошлой судьбѣ архива и невзгодахъ, имъ перенесенныхъ. Предлагаемыя въ этой замѣткѣ свѣдѣнія имѣютъ даже нѣкоторый поучительный характеръ: лица и учрежденія, на совѣсти

[1]) №№ дѣлъ Южно-рус. архива 5213, 5347, 5724, 13728, 14238, 14308.

и обязанности которыхъ лежатъ заботы о преуспѣяніи русской исторической науки, узрятъ отсюда, какъ они упорно въ отношеніи храненія памятниковъ старины продолжаютъ преступленіе своихъ малообразованныхъ предковъ прошлаго столѣтія.

Печально настоящее архива Мал. Коллегіи, но еще печальнѣе его прошлое, извѣстное намъ въ общихъ чертахъ съ 1739 г., т. е. почти за все время существованія архива, главная часть котораго состоитъ именно изъ дѣлъ бывшей отъ 1722—27 г. Мал. Коллегіи, изъ дѣлъ бывшей затѣмъ Войск. Генер. Канцеляріи и, наконецъ, дѣлъ второй по времени Мал. Коллегіи, возникшей послѣ паденія К. Разумовскаго.

Намъ ничего не извѣстно, гдѣ и какъ содержался архивъ центральнаго управленія Малороссіей до самаго 1739 г., но въ этомъ году мы въ первый разъ узнаемъ, что онъ переведенъ въ домъ ген. асаула Мануйловича. Случился этотъ переводъ архива по той причинѣ, что «каменицы» означеннаго асаула стояли пустыми за выѣздомъ изъ Глухова квартировавшаго въ нихъ члена Войск. Генер. Канцеляріи князя Щербатова. Нужно замѣтить при этомъ, что послѣ отъѣзда кн. Щербатова квартира его нѣкоторое время оставалась свободною и охранялась карауломъ на случай пріѣзда какихъ либо важныхъ чиновъ, но послѣ перевода въ нее архива караулъ сняли, въ силу чего помѣщеніе, занятое архивомъ, было отдано на произволъ судьбы. Судьба оказалась жестокосердной: началось дѣло съ того, что солдаты, стоявшіе квартирами вблизи архива, стали по ночамъ разбирать и растаскивать окружавшіе его заборы и были въ этомъ настолько смѣлы, что угрожали тѣмъ же самому архиву. Войск. Ген. Канцелярія, убоявшись, чтобы бумаги архива не раздѣлили печальной судьбы заборовъ, снова потребовала караулъ отъ глуховскаго коменданта, но, увы, къ 1740 году ограда съ двухъ сторонъ уже была совершенно разобрана, а оставшійся отъ Мостовой улицы заборъ завалился самъ, не дождавшись участи своихъ товарищей, и помѣщеніе архива, ничѣмъ не огороженное, сиротливо выглядѣло среди Глухова. Такова была обстановка архива снаружи, но еще хуже шло дѣло внутри: въ маѣ 1740 г., узнаемъ мы изъ одного доношенія, половина крыши «каменицъ», вслѣдствіе обветшалости каменной трубы, упавшей на крышу, совсѣмъ завалилась и половина помѣщенія вмѣстѣ съ содержавшимися тамъ дѣлами была отдана на распоряженіе глуховскихъ дождей и вѣтровъ. Но мы скрыли бы часть

горькой правды, если бы не упомянули здѣсь, что уже до этого обвала крыши бумагамъ архива не разъ приходилось знакомиться съ дождями, бурей и непогодой, такъ какъ за ветхостью всего строенія двери, окна его не имѣли самыхъ обыкновенныхъ запоровъ, почему дождь чрезъ нихъ набивалъ внутрь, производя сырость, порчу, а часто и невозвратимую погибель документовъ. Вопіющее состояніе хранилища дѣлъ Войск. Генер. Канцеляріи въ этихъ развалинахъ безъ крыши, трубъ и оконъ обратило, наконецъ, на себя вниманіе Войск. Генер. Канцеляріи и она обязала «подъ жесточайшимъ штрафомъ» новаго владѣльца «каменицъ» бунч. тов. Пироцкаго исправить крышу, трубу и проч. въ теченіе мѣсяца—къ 27 іюня 1747 года. Вотъ все, что намъ извѣстно со стороны помѣщенія архива Войск. Ген. Канцеляріи, занимаемаго имъ при помощи всякихъ починокъ и передѣлокъ, вѣроятно, до самого пожара 1748 г., когда его сложили въ каменной колокольнѣ Михайловской церкви, гдѣ многія дѣла по тѣснотѣ и неприспособленности помѣщенія пришли въ порчу и непорядокъ.

Посмотримъ теперь, каковъ былъ внутренній распорядокъ архива и чѣмъ въ немъ занимались въ описываемое нами время. Сколько можно догадываться, до 1739 года порядки въ принятіи и храненіи дѣлъ въ архивѣ далеко не были образцовыми, ибо вскорѣ послѣ перевода его въ новое помѣщеніе ген. м. Шиповъ съ присутствующими въ Г. Канцеляріи членами приказалъ произвести тщательный разборъ дѣламъ архива по роду и предмету содержанія и расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Причиною этому распоряженію Шипова послужили частыя затрудненія, возникавшія по челобитческимъ, исковымъ и другимъ дѣламъ и происходившія какъ отъ безпорядочнаго содержанія дѣлъ съ одной стороны, такъ и отъ неопытности въ разборѣ ихъ случайно опредѣленными канцеляристами—съ другой. Въ виду указанныхъ недостатковъ г. м. Шиповъ приказомъ своимъ отъ 7-го іюля 1739 г. постановилъ: поручить разборъ дѣлъ и завѣдываніе архивомъ канцеляристу Андрею Лищню, давъ ему въ помощь 25 канцеляристовъ, а высшій надъ всѣмъ надзоръ поручить достойному бунч. товарищу, но такъ какъ впослѣдствіи таковаго не оказалось въ наличности, то «смотрѣніе» за архивомъ было поручено какому то поручику. Задача разбора въ настоящемъ случаѣ понималась довольно узко, ибо она касалась только челобитческихъ дѣлъ и состояла въ томъ, что по нимъ составлялся подробный экстрактъ съ отмѣтками въ немъ, чье дѣло, когда и съ кѣмъ начато, производится ли оно, или уже окончено. Кромѣ этой работы по существу, на обя-

занности канцеляристовъ лежало наблюденіе также за сохранностью самихъ документовъ—порченные и погнившіе подклеивались, исправлялись и подшивались. Для таковаго разбора архива, какъ мы уже сказали, Шиповъ командировалъ 25 канцеляристовъ, но обычному порядку вещей ихъ явилось всего 9, между тѣмъ какъ по доношенію Анд. Лищня возложенной на него работы и при 20 чел. нельзя было скоро исполнить. Для пополненія недостающихъ рѣшено было обратиться къ полковымъ канцеляріямъ, но присылали ли послѣднія на помощь своихъ канцеляристовъ и доведенъ ли былъ разборъ архива до желаннаго конца, намъ неизвѣстно, ибо здѣсь наши свѣдѣнія прерываются до самаго 1780 г., когда извѣстнымъ гр. Румянцевымъ было возбуждено дѣло о причинахъ погибели и погніенія нѣкоторыхъ частей генеральной описи Малороссіи и другихъ историческихъ документовъ. Замѣтимъ однако, что хотя время отъ 1740—80 годъ и представляется довольно темнымъ въ исторіи архива, тѣмъ не менѣе показанія архиваріуса Кедровскаго, привлеченнаго къ суду за нерадѣніе въ своихъ обязанностяхъ, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на это глухое время и позволяютъ намъ въ общихъ чертахъ изобразить судьбу архива за это четыредесятилѣтіе. Но прежде чѣмъ перейти къ интересному слѣдствію надъ архиваріусомъ Кедровскимъ, мы упомянемъ сначала объ одномъ сенатскомъ указѣ, вызванномъ дурнымъ состояніемъ архивовъ во всей Россіи вообще и имѣвшимъ несомнѣнное вліяніе на содержаніе полковыхъ и Войск. Ген. Канцеляріи архивовъ въ частности.

Въ 1768 г. генералъ-прокуроръ Вяземскій, усмотрѣвъ[1]) изъ многихъ къ нему доношеній о непорядкахъ въ отношеніи содержанія архивовъ, отъ чего, по его словамъ, могъ произойти не малый вредъ для общества, сдѣлалъ докладъ объ этихъ непорядкахъ Сенату и послѣдній своимъ указомъ отъ 28 мая 1768 г. приказалъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и въ томъ числѣ Малор. Коллегіи: 1) чтобы въ архиваріусы были выбираемы люди трезвые, въ порокахъ и пристрастіяхъ неприличившіеся; 2) чтобы архивы ежегодно были прилежно и внимательно осматриваемы самими начальниками присутственныхъ мѣстъ; наконецъ, 3) чтобы за обнаруженныя неисправности подвергать архиваріусовъ приличному для каждаго случая штрафу. Этотъ указъ, болѣе чѣмъ своевременный, былъ разосланъ въ

[1]) Между прочимъ до его свѣдѣнія дошло, что принадлежавшая вотчинной конторѣ книга найдена на Петровомъ островѣ въ снѣгу.

Малороссіи во всѣ полки, суды и магистраты и какое имѣлъ значеніе, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра черниговской полковой канцеляріи. Чрезъ нѣсколько времени послѣ полученія сенатскаго указа и очевидно за его силою упомянутая канцелярія сообщила Малор. Коллегіи, что находящееся при ней подъ архивомъ каменное строеніе пришло въ великое поврежденіе: стѣны потрескались, образовались большія скважины, вслѣдствіе чего крыша упала и входъ въ помѣщеніе архива сдѣлался опаснымъ. Въ виду этого разрушенія черниговская канцелярія просила Малор. Коллегію прислать ей архитектора для освидѣтельствованія архива; коллегія распорядилась, какъ того требовала черн. канцелярія, но архитекторъ по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ не выѣхалъ, архивъ завалился, образовалась течь и въ 1771 г. черн. канцелярія снова повторила свою просьбу. Этого примѣра, я полагаю, достаточно, чтобы имѣть понятіе, въ какомъ состояніи находились полковые архивы, если въ лучшемъ городѣ Черниговѣ помѣщеніе архива въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ находилось въ полуразрушенномъ состояніи.

Возвращаемся теперь къ возбужденному гр. Румянцевымъ дѣлу о судебномъ преслѣдованіи архив. Кедровскаго и къ заботамъ Румянцева вообще о храненіи дѣлъ и содержаніе архивовъ въ Малороссіи.

26-го марта 1780 года на имя члена Малороссійской Коллегіи М. Туманскаго былъ данъ Румянцевымъ указъ, въ которомъ правитель Малороссіи, напомнивъ, что еще 17 февр. 1778 г. имъ было приказано „опредѣлить одного изъ господъ членовъ и надобнаго числа канцеляристовъ для освидѣтельствованія архива, собранія, приведенія въ совершенный порядокъ и сочиненія описей“, сожалѣлъ, что до сихъ поръ почти ничего не сдѣлано по этому приказу, и опредѣлилъ вновь втораго члена Коллегіи М. Туманскаго, дабы «въ ген. архивѣ и во всѣхъ подвѣдомственныхъ Коллегіи мѣстахъ хранимыя дѣла были приведены въ порядокъ». По справкѣ въ Коллегіи выяснилось, что въ 1778 г. для разбора архива былъ назначенъ именно М. Туманскій, замѣненный за его отсутствіемъ другимъ членомъ Коллегіи Козельскимъ; тогда же въ 1778 г. во всѣ полковыя канцеляріи, магистраты и пр. присутственныя мѣста даны были указы, дабы публичныя дѣла были принимаемы въ нихъ и хранимы за описями, по точной силѣ законовъ. Послѣ непродолжительной дѣятельности въ архивѣ Козельскій заболѣлъ и на его мѣсто былъ назначенъ надв. сов. Туманскій, однофамилецъ М. Туманскаго, назначеннаго ему въ помощь указомъ 26-го марта 1780 г. Опредѣляя Козельскаго къ раз-

бору архива, Мал. Коллегія потребовала отъ него прежде всего представить ей рапортъ о состояніи знаменитой генеральной описи для доклада о ней Румянцеву; но Козельскій, по показанію архиваріуса Адамовича, успѣлъ до своей болѣзни освидѣтельствовать всего нѣсколько сотенъ миргородскаго полка и послѣ его ухода дальнѣйшій пріемъ генер. описи отъ смѣненнаго архиваріуса Кедровскаго и освидѣтельствованіе ея производилъ замѣститель послѣдняго Адамовичъ. Къ 1780 г. Адамовичу удалось привести ген. опись въ. болѣе или менѣе «совершенный», какъ онъ выразился, порядокъ и представить двѣ книги ея реестровъ на разсмотрѣніе г.г. Туманскихъ. Послѣдніе однако, нашли реестры не вполнѣ «совершенными» на томъ основаніи, «что въ оныхъ книгахъ заглавій съ показаніемъ, по чьему повелѣнію, въ которомъ году та ген. опись начата, по какой годъ продолжалась и въ архиву отдана, не учинено», а посему возвратили Адамовичу для восполненія. Сколько можно теперь догадываться, «2 книги реестровъ», составленныя архиваріусомъ, не могли отличаться большою полнотою или подробностью, ибо монументальный трудъ генеральнаго описанія Малороссіи занималъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, половину всего помѣщенія архива, онъ заключалъ въ себѣ массу фоліантовъ вѣдомостей, крѣпостныхъ грамотъ, статистическихъ таблицъ и пр., совершенно неописанныхъ, а потому едва ли возможно ожидать отъ Адамовича большой полноты въ реестрахъ ген. описи. Получивъ въ 1780 г. отъ Адамовича реестры, г.г. Туманскіе начали разборъ архива съ пересмотра Высочайшихъ грамотъ указовъ, гетманскихъ универсаловъ, приговоровъ и пр. дѣлъ первостепенной важности. Каждую осматриваемую грамоту Адамовичъ, при помощи командированныхъ ему 10 чел. канцеляристовъ, долженъ былъ, свѣривши со старой описью, провѣсить, просушить, если нужно то подклеить и занести въ новую опись, такъ какъ старая оказалась негодной, за невозможностью дѣлать въ ней необходимыя о каждомъ дѣлѣ помѣтки.

Кромѣ этого, къ концу сентября 1780 г. Туманскіе успѣли освидѣтельствовать архивы суда генеральнаго и счетной коммиссіи; описи найденныя ими также не годилось, потому что въ нихъ не было отмѣчено, какія изъ дѣлъ находятся въ дѣйствительности на лицо противъ занесенныхъ въ опись. На этомъ основаніи было рѣшено составить новыя описи и реестръ рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ дѣламъ. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ упомянуть объ обнаруженномъ этой ревизіей недостаткѣ и порчѣ грамотъ и др. документовъ,

но мы предупреждаемъ читателя сей замѣтки, что приводимый ниже перечень недостающихъ документовъ не можетъ вполнѣ свидѣтельствовать объ истинной утратѣ грамотъ, начиная съ 1585 г., ибо самая опись, по которой происходила провѣрка наличности архива, съ большею вѣроятностью можно сказать, была составлена не ранѣе гетманства Разумовскаго, а посему всѣ исчезнувшія до ея составленія дѣла, какъ напр. во время пожара 1748 г. въ опись не попали и погибель ихъ прошла незамѣченною.

По ревизіи грамотъ отъ 1585—1765 г. [1]) не явилося между ними противъ описи: 6-ти грамотъ изъ иностранной коллегіи и одной изъ Пр. Сената, одной грамоты 7798 г., адресованной до запорожскаго кошевого Ив. Гусака о разрывѣ перемирія съ турками и ханомъ; 3-хъ (неважныхъ) грамотъ къ гет. Скоропадскому, 2-хъ къ гет. Д. Апостолу и одной къ Разумовскому. Кромѣ этихъ грамотъ публичнаго, такъ сказать характера, при ревизіи не обнаружилось еще нѣсколькихъ совершенно частнаго характера и между ними одного манифеста слѣдующаго любопытнаго содержанія: «о недачѣ какъ явнымъ, такъ и тайнымъ образомъ никому, ни подъ какимъ видомъ по дѣламъ никакого совѣта и наставленія отставному лейбъ-гвардіи прапорщику кн. Ник. Хованскому подъ опасеніемъ лишенія движимаго и недвижимаго имѣнія и указнаго штрафа».

За симъ къ сентябрю 1781 г. гг. Туманскіе успѣли освидѣтельствовать. 1) книги опредѣленій съ 1734—77 г., 2) протоколы съ 1722—77 г., 3) книги ревизій малороссійскихъ полковъ—лубенскаго, черниговскаго и прилуцкаго съ 1713 г., полтавскаго съ 1721 г., прочихъ полковъ съ 1723 г., наконецъ, тогда же были разсмотрѣны копіи гетманскихъ универсаловъ и дѣлъ Мал. Коллегіи съ 1722—32 г. книги объ индуктѣ, инвектѣ и другихъ сборахъ, практиковавшихся въ Малороссіи. При разборѣ этого отдѣла не достало противъ описи 56 №№ дѣлъ, кромѣ того, что у нѣкоторыхъ не оказалось начала, конца или средины. Усмотря такимъ образомъ отсутствіе нѣкоторыхъ грамотъ и дѣлъ, лица, производившія ревизію, обратились къ бывшему архиваріусу Кедровскому за разъясненіями и тотъ объяснилъ, что, вступая въ 1766 г. по смерти своего предшественника Гусаревскаго въ завѣдываніе архивомъ, онъ по реестрамъ дѣлъ не принималъ ни отъ кого, но велъ таковые только дѣламъ, входившимъ за его бытность, а поэтому объяснить причины исчезновенія дѣлъ онъ

[1]) Подлинная привилегія короля Стефана Баторія 1585 г.

не можетъ и въ пропажѣ ихъ виновнымъ себя не считаетъ. Въ теченіе свое службы въ архивѣ Кедровскій, по его словамъ, занимался главнымъ образомъ выборкой справокъ по приказу Малорос. Коллегіи, а освидѣтельствованія грамотамъ и другимъ документамъ не производилъ, потому что на это не было приказа; грамоты же хотя и выдавалъ, но всегда получалъ исправно обратно. Донося о неявившихся документахъ и объ отвѣтѣ, данномъ по этому предмету Кедровскимъ, гг. Туманскіе доложили Мал. Коллегіи, что многія изъ грамотъ отъ ветхости и сырости заплесневѣли и загнили настолько, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пораспадались, на сгибахъ поломались и пр... Книга указовъ Пр. Сената, узнаемъ мы изъ этого доношенія, находилась въ столь ветхомъ переплетѣ, что листы изъ нея повыпали и растерялись.

Въ заключеніе Туманскіе просили у Коллегіи разрѣшенія ветхія грамоты подклеивать, а иныя даже переписывать. Мал. Коллегія не удовлетворилась отвѣтомъ Кедровскаго и привлекла его къ слѣдствію по обвиненію въ нерадѣніи по службѣ, выразившемся какъ въ пропажѣ дѣлъ, такъ и въ томъ, что многія изъ нихъ за время отъ 1672—1776 г. подверглись гніенію. Привлеченный къ отвѣту за грѣхи всѣхъ предшественниковъ Кедровскій показалъ, что въ порчѣ дѣлъ отъ 1672—1748 г. виновенъ отнюдь не онъ, а его предшественникъ Дѣвовичъ вмѣстѣ съ своими помощниками Гусаревскимъ и Петрашевичемъ, завѣдывавшими во время болѣзни Дѣвовича; по показанію Кедровскаго, Дѣвовичъ, опредѣленный къ архиву въ 1763 г., хотя мало заботился объ охранѣ дѣлъ отъ гніенія, тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ имъ были обвернуты въ листы бѣлой бумаги и сохранились въ такомъ видѣ до самаго послѣдняго времени, что указываетъ, по словамъ оправдывавшагося архиваріуса, на особенныя заботы его, Кедровскаго, объ архивѣ. Насколько справедливы обвиненія Дѣвовича въ порчѣ и исчезновеніи дѣлъ, можно судить уже по тому обстоятельству, что онъ, несмотря на приказаніе гет. Разумовскаго о сдачѣ ему дѣлъ по описи и за росписками сдатчиковъ, тѣмъ не менѣе не имѣлъ ни одного пріема по росписками, ибо самихъ описей дѣламъ не существовало, вѣроятно, вслѣдствіе уничтоженія ихъ пожаромъ 1748 г.

Слѣдующая за симъ порча дѣлъ отъ 1748 г. по 66 г., говорилъ Кедровскій, также произошла не по его винѣ, а скорѣе по винѣ помѣщенія архива, заключавшагося въ двухъ сырыхъ комнатахъ, расположенныхъ надъ какимъ то погребомъ; это сырое помѣщеніе однако вскорѣ по вступленіи въ должность Кедровскаго было оставлено и

архивъ былъ переведенъ въ другое зданіе противъ генер. суда, гдѣ была раньше счетная коммиссія. Здѣсь новый архиваріусъ просушивалъ и провѣтривалъ дѣла, раскрывая лѣтомъ окна, между тѣмъ какъ въ прежнихъ двухъ комнатахъ предшественниками его не только никакой просушки помѣщенія архива не производилось, но канцеляристъ Петрашевичъ складывалъ дѣла подъ завѣдомо мокрую стѣну, отчего края ихъ пришли въ гнилое состояніе. Здѣсь не мѣшаетъ однако замѣтить, что тяжесть обвиненій, возводимыхъ Кедровскимъ на своихъ предшественниковъ, облегчается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что Гусаревскимъ, временно исправлявшимъ обязанности архиваріуса, былъ поданъ въ Коллегію докладъ о порчѣ дѣлъ, но былъ ею оставленъ былъ резолюціи, ибо высшее правительство Малороссіи почло за неприличіе объясняться съ Гусаревскимъ о гнили старыхъ дѣлъ... Въ довершеніе своихъ объясненій Кедровскій сослался и на то всѣмъ извѣстное обстоятельство, что послѣ бывшаго въ 48 году въ Глуховѣ пожара дѣла архивныя были сложены въ каменной колокольнѣ Михайловской церкви, гдѣ отъ тѣсноты и неспособности помѣщенія многія изъ нихъ пришли въ непорядокъ и совершенную погибель. Виновникомъ порчи дѣлъ до Дѣвовича Кедровскій считалъ давно умершаго канцеляриста Закровіецкаго. Пока шло слѣдствіе надъ уволеннымъ отъ должности Кедровскимъ, разборъ архива продолжался, но одинъ изъ Туманскихъ, назначенный въ Кіевъ прокуроромъ, былъ замѣщенъ въ 1783 году Рахмановымъ; разбирались дѣла по вновь учрежденнымъ намѣстничествамъ, куда ихъ предполагалось отправить, за исключеніемъ дѣлъ «генеральныхъ», иначе сказать, дѣлъ, относящихся ко всей Малороссіи. Къ концу 1783 г. намѣстническія дѣла были разобраны и для нихъ составлено два экземпляра описей съ тѣмъ, чтобы одинъ остался въ архивѣ, а другой вмѣстѣ съ самими дѣлами былъ отправленъ въ намѣстничество, опись же «генеральныхъ» дѣлъ была составлена въ одномъ экземплярѣ. За симъ остались неразобранными и неописанными дѣла по военной, внутренней и апелляціонной экспедиціямъ, вновь принятыя Адамовичемъ отъ Мал. Коллегіи въ числѣ 22,320 №№; всѣхъ дѣлъ имъ было принято отъ Кедровскаго 53,840.

Останавливая свое вниманіе предъ этой огромной цифрой и вспоминая, что нынѣ въ архивѣ Мал. Коллегіи всего насчитывается 20 т. дѣлъ слишкомъ, невольно приходится пожалѣть массы погибнувшаго матеріала; это тѣмъ болѣе печально, что погибелью столь драгоцѣннаго богатства мы исключительно обязаны нелѣпому и без-

толковому отношенію къ нему завѣдовавшихъ этимъ дѣломъ лицъ..., отношенію, продолжавшемуся, правду сказать, до самаго послѣдняго времени, когда, благодаря П. С. Ефименко и содѣйствію ист.-филологическаго общества харьковскаго университета, уцѣлѣвшія 20 т. дѣлъ были вытащены на божій свѣтъ изъ черниговскихъ подваловъ и помѣщены въ зданіи харьковскаго университета, гдѣ они, по крайней мѣрѣ, разобраны и гарантированы отъ плесени и гнили. Что касается до исхода слѣдствія надъ Кедровскимъ, то его объясненія были приняты во вниманіе и онъ былъ оправданъ, но чрезъ 2 года по распоряженію гр. Румянцева снова попалъ подъ слѣдствіе за небреженіе о книгахъ генеральной описи—этого дѣтища суроваго реформатора Малороссіи. Въ виду важнаго значенія для исторіи нашего края ген. описи мы разскажемъ здѣсь въ общихъ чертахъ, какъ хранился, или вѣрнѣе погибалъ, этотъ монументальный трудъ, поглотившій столько человѣческихъ усилій и денегъ.

20-го окт. 1767 г., узнаемъ мы отъ того же Кедровскаго, гр. Румянцевымъ было предложено М. Коллегіи принять составленную по полкамъ ген. опись по приложеннымъ къ ней реестрамъ и за росписками принимавшихъ; Коллегія сдѣлала зависящее отъ нея распоряженіе о пріемѣ и сдачѣ въ архивъ ген. описи по реестрамъ, но въ дѣйствительности оказалось нѣсколько иное. Дѣло въ томъ, что описи различныхъ полковъ принимались различнымъ образомъ: одни изъ нихъ, какъ напримѣръ, гадяцкаго, лубенскаго, полтавскаго и стародубскаго полковъ были приняты по реестрамъ, правда, никуда не годившимся, но когда Кедровскій потребовалъ отъ сдававшихъ описи мелкихъ канцеляристовъ и писарей составленія новыхъ реестровъ, то сдатчики рѣшительно воспротивились этому требованію, ссылаясь на поспѣшный призывъ ихъ въ турецкій походъ. Описи нѣжинскаго и прилуцкаго полковъ совсѣмъ не имѣли реестровъ и привезенныя въ связкахъ были приняты исключительно по одному осмотру за печатями коллегіи. О пріемѣ описей остальныхъ полковъ въ коллегіи не нашлось даже ея на этотъ предметъ опредѣленій, хотя, нѣтъ сомнѣнія, что описи были приняты. Такая безалаберность и легкомысліе въ сдачѣ и пріемѣ и отсутствіе реестровъ и постановленій Коллегіи, свидѣтельствующихъ о пріемѣ ген. описи, развязывали руки архиваріусамъ и освобождали ихъ отъ серьезнаго отношенія къ сохраненію многочисленныхъ сундуковъ, связокъ и пр... Конечно описи не губили намѣренно, но ее растеривали и приводили въ безпорядокъ случайно, напр. выдавая справки, копіи съ грамотъ, крѣпостей и др. актовъ,

выдача коихъ требовала распечатанія и разбора неописанныхъ фоліантовъ. Отношеніе Коллегіи къ храненію ген. описи справедливо заслуживаетъ порицанія, и правъ, конечно, Румянцевъ выразившійся, что «описи безъ освидѣтельствованія были приниманы и, такъ сказать, брошены были, не взирая на то, коль много употреблено времени и труда на сочиненіе оной и что въ томъ цѣлый край оной интересованъ». Дѣйствительно, сваленные въ архивъ фоліанты описи, привезенные зимою или осенью въ неплотныхъ сундукахъ и лубяныхъ коробкахъ, благодаря содержанію ихъ за печатями и отсутствію надлежащаго присмотра,—начали гнить, чему особенно способствовало помѣщеніе архива.

Судьбѣ почему то угодно было, чтобы главный малорусскій архивъ въ теченіи прошлаго и настоящаго вѣковъ занималъ самыя невозможныя помѣщенія по тѣснотѣ и сырости; мы уже знаемъ нѣчто о содержаніи архива въ прежнее время, теперь же добавимъ, что къ этому присоединялись нерѣдко случайности самаго непріятнаго характера, въ родѣ обвала, пожара, поломки, переборки съ мѣста на мѣсто и пр. Въ 1776 году, напримѣръ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, членъ Коллегіи кн. Мещерскій приказалъ разломать 2 комнаты, занятыя архивомъ, а вмѣсто нихъ отвести столько же вблизи генер. суда. Приказаніе было исполнено, архивъ перемѣстили, но новое помѣщеніе оказалось столь тѣснымъ, что въ отведенныхъ двухъ комнатахъ едва удалось помѣстить самыя важнѣйшія дѣла, какъ то: грамоты, указы, книги опредѣленій, протоколовъ и пр., 39 же сундуковъ ген. описи, 16 лубяныхъ ящиковъ стародубскаго и массу связокъ той же описи кіевскаго, полтавскаго и прилуцкаго полковъ принуждены были помѣстить въ остальной комнатѣ *надъ погребомъ*, ставя одинъ сундукъ на другой до самаго потолка, такъ что для разбора нижняго ящика нужно было вынести всѣ верхніе вонъ изъ комнаты, но выносить было некуда и посему все стояло нетронутымъ, предаваясь гнили. Однако такое положеніе вещей продолжалось недолго, и въ томъ же 1776 г., по просьбѣ Кедровскаго, подъ архивъ были отведены еще 2 комнаты, куда предполагалось перенести генеральную опись и привести ее въ порядокъ, но къ сожалѣнію предположеніе осталось невыполненнымъ, такъ какъ комнаты потребовались для коммиссарства. Тогда чрезъ нѣсколько времени архивъ задумали перенести въ каменный флигель ген.-губернаторскаго дома, а такъ какъ онъ былъ довольно удобенъ, то архиваріусъ рѣшилъ туда перенести важнѣйшіе документы, а въ освободившихся двухъ комнатахъ имѣлъ въ виду

расположиться съ ген. описью. Обративъ вниманіе на столь частыя и безтолковыя кочеванія архива, нельзя не согласиться съ Кедровскимъ, что «поврежденіе въ дѣлахъ» произошло не столько отъ вины архиваріусовъ, какъ «отъ неимѣнія твердаго и непремѣннаго способнаго для архивы мѣста и за частою переноскою съ мѣста на мѣсто оной». Пока состоялось перенесеніе ген. описи изъ нея погнили, по свидѣтельству ревизора Козельскаго, слѣдующіе отдѣлы: 1) двѣ связки миргородскаго полка со свѣденіями о цыганахъ и опись хорольской сотни того же полка, 2) опись городовой сотни полтавскаго полка, 3) описи сотенъ бакланской и шептаковской стародубскаго полка, 4) описи сотенъ лубенской, 1-й и 2-й пирятинской, 2-й чигринъ-дубровской, первосенчанской и лукомской—лубенскаго полка. Порча вышеупомянутыхъ описей была такого рода, что дѣлала ихъ никуда негодными; кромѣ того, говорилъ Козельскій, какъ въ описяхъ этихъ полковъ, такъ и другихъ нѣкоторыя вѣдомости заплесневѣли и загнили. Въ наилучшемъ состояніи была найдена одна только кіевская опись, переписанная на бѣло и скрѣпленная ревизорами.

Въ новомъ своемъ помѣщеніи генеральный архивъ, какъ кажется, пребывалъ до 7 авг. 1784 г., когда новымъ страшнымъ пожаромъ вмѣстѣ съ значительною частью Глухова была уничтожена и часть архива. Въ этотъ день погибло 12—изъ 22-хъ сундуковъ дѣлъ походной румянцевской канцеляріи и нѣкоторая часть архива съ описью; уничтоженіе описи не даетъ намъ возможности опредѣлить числа погибшихъ дѣлъ, «но судя по размѣрамъ бѣдствія, оно не можетъ быть незначительнымъ. Утѣшительно уже при этомъ то обстоятельство, что генеральная опись, занимавшая, какъ извѣстно, половину архива была заранѣе отправлена, вмѣстѣ съ книгами ревизіи 1764 года, по намѣстничествамъ въ новгородъ-сѣверскую, черниговскую и кіевскую казенныя палаты и такимъ образомъ спаслась отъ вѣрной погибели. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ только опись полтавскаго полка, оставшаяся по неизвѣстной причинѣ въ архивѣ до дня самаго пожара. Уцѣлѣла ли она отъ огня—намъ неизвѣстно.

Возникшимъ послѣ пожара 7 авг. слѣдствіемъ выяснилось, что помѣщеніе архива въ это время состояло изъ 10 комнатъ въ нижнемъ этажѣ флигеля, стоявшаго у Московскихъ воротъ, вблизи церкви Трехъ-Анастасій и городскаго вала. Размѣщеніе самихъ дѣлъ въ архивѣ было таково, что на углу въ первыхъ 3-хъ комнатахъ стояли 22 сундука дѣлъ походной канцеляріи гр. Румянцева, 4-я и 5-я комнаты были заняты дѣлами, отобранными для намѣстничествъ, а также

принятыми отъ цалмейстерской, рейтмейстерской и бывшей скарбовой канцеляріи и счетной коммиссіи, 6-ю и 7-ю комнаты занимали указы, грамоты, книги предложеній, журналовъ, ревизій и ген. опись полтавскаго полка, въ 8-й и 9-й заключались дѣла, подлежавшія отсылкѣ, но еще не описанныя. Наконецъ, въ 10-ой комнатѣ наводились справки.

Пожаръ 7 августа начался съ глуховскаго предмѣстья Бѣлопоповскаго и сначала мало угрожалъ архиву, расположенному въ другой сторонѣ города, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ дулъ не по направленію архива, а на сварковскую дорогу; однако Адамовичъ, желая предупредить всякую опасность, бѣгалъ, по его признанію, по всему городу, чтобы найти подводы и вывезти хотя бы сундуки и грамоты въ болѣе безопасное мѣсто. Къ сожалѣнію подводъ при общемъ смятеніи не нашлось, между тѣмъ какъ положеніе архива при усиливавшихся съ часу на часъ волнахъ огня дѣлалось опаснымъ, а близкое сосѣдство деревянныхъ лавокъ съ масломъ, саломъ и дегтемъ усугубляло эту опасность. Въ такомъ безвыходномъ положеніи Адамовичъ приказалъ отворить бывшій во дворѣ архива погребъ и успѣлъ свалить туда 10 сунд. дѣлъ Рум. походной канцеляріи и 6 сундуковъ съ грамотами и др. бумагами, «упражняясь въ томъ до самаго уже крайнѣйшаго изнеможенія, не уважая и наступившей отъ огня опасности, пока не былъ уведенъ канцеляристами». «Упражненіе» Адамовича было прервано огнемъ, объявшимъ зданіе архива; моментально загорѣлись окна, двери и все, что было деревяннаго; каменные своды подались и потрескались, огонь уже готовъ былъ охватить и самыя бумаги, лежавшія ближе къ дверямъ и окнамъ, но Адамовичъ съ своими помощниками во время успѣли выбросить на площадь все, стоявшее близко къ огню, и этимъ спасли большую часть архива отъ огня. На слѣдующій день какъ выброшенныя дѣла, такъ и оставшіяся въ архивѣ и въ погребѣ были перевезены болѣе чѣмъ на 100 подводахъ въ отведенный для нихъ амбаръ. Послѣ этого несчастія всякія свѣдѣнія о судьбѣ генеральнаго архива прерываются и часто ли его мочило дождемъ и палило огнемъ, пока онъ попалъ въ Черниговъ, а оттуда, наконецъ, въ руки историко-филологическаго общества—намъ неизвѣстно. Въ заключеніе этой замѣтки мы не можемъ не подѣлиться слѣдующимъ грустнымъ соображеніемъ: имѣющіяся нынѣ бренные остатки архива (20 т. дѣлъ слишкомъ) вѣсятъ,

по словамъ П. С. Ефименка, кажется, около 600 пуд., между тѣмъ какъ 100 подводъ, потребовавшіяся для перевозки архива, позволяютъ думать, что вѣсъ оставшихся отъ пожара дѣлъ былъ никакъ не ниже 2500 пуд., полагая на каждую подводу по 25 пудовъ и допуская, что всѣ онѣ были конныя.

Гдѣ же эти три четверти генеральнаго архива Малороссіи?

Ив. В. Теличенко.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Посѣщеніе Т. Г. Шевченкомъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка.

Якось недавно довелось
Мени заіихать въ Украину.
И я, заплакавшы, назадъ
Поіихавъ знову на чужыну.—*Ш.*

По возвращеніи изъ ссылки, Т. Гр. весною 1859 года осуществилъ любимую свою мечту—посѣтить родныя мѣста. Въ концѣ мая онъ выѣхалъ изъ Петербурга и послѣ продолжительнаго путешествія добрался до Переяслава. Отдохнувши послѣ дороги у своего стараго пріятеля Козачковскаго, онъ по Днѣпру отправился въ Прохоровку, на Михайлову Гору, къ М. А. Максимовичу. Прогостивши тамъ нѣсколько дней, поэтъ Днѣпромъ же поплылъ въ Городище, на сахарный заводъ Яхненка и Симиренка.

Въ то время дѣла фирмы Яхненка и Симиренка находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Заведеніе ихъ своимъ обширнымъ сахарнымъ производствомъ и громадною образцовой механической мастерскою славилось чуть ли не по всей Россіи. И дѣйствительно, при крѣпостномъ правѣ здѣсь—въ заведеніи братьевъ Яхненка и Симиренка—царилъ свободный вольнонаемный трудъ, щедро оплачиваемый. Заботливость и попеченіе хозяевъ заведенія о благосостояніи рабочихъ тружениковъ и служащихъ на заводѣ были безмѣрны: благоустроенныя въ санитарномъ отношеніи казармы, паровыя бани, роскошная больница съ богатой аптекой, прекрасная церковь, библіотека, училище на 150 учениковъ, съ семью преподавателями, большею частію университетскаго образованія. Предметы преподавались по программамъ техническихъ училищъ.

Такое рѣдкое явленіе въ краѣ, съ крѣпостнымъ по преимуществу населеніемъ, — было явленіемъ свѣтлымъ и глубоко отраднымъ. Не удивительно, что Т. Гр., прибывъ на свою родину, подвергавшуюся эксплоатаціи жидовъ и помѣщиковъ, поспѣшилъ прежде всего увидѣть городищенское заведеніе братьевъ Яхненка и Симиренка, бывшихъ, какъ и самъ онъ, крѣпостными, увидѣть, такъ сказать, зорю наступавшаго для его родины свѣтлаго дня свободы.

Въ концѣ іюня Ш—ко заѣхалъ къ одному изъ служащихъ въ заведеніи Александру Ивановичу Хропалю и, не заставъ его дома, отправился къ Платону Ѳедоровичу Симиренку, главному руководителю дѣлами фирмы. Вернувшись домой, Хропаль, узнавъ о посѣщеніи его Шевченкомъ, вслѣдъ за нимъ отправился къ Симиренку. Черезъ нѣсколько минутъ поэтъ былъ со всѣми свой. Но на этотъ разъ посѣщеніе его ограничилось лишь нѣсколькими часами.

Спустя нѣсколько дней, онъ снова пріѣхалъ, уже съ намѣреніемъ пожить въ Городищѣ подольше. Устроился онъ въ квартирѣ Хропаля съ большимъ комфортомъ. По вечерамъ туда приходили нѣкоторые изъ служащихъ на заводѣ, люди солидно образованные. Поэтъ часто воодушевлялся, разсказывалъ веселые анекдоты, читалъ свои стихотворенія, вписанныя очень мелкимъ почеркомъ въ небольшую переплетенную книжечку, которую онъ обыкновенно носилъ за голенищемъ. Такого художественнаго чтенія никому изъ присутствующихъ не приходилось слышать ни прежде, ни послѣ.

«Глубоко врѣзалось въ мою память, говорилъ А. И. Хропаль, прочитанное имъ стихотвореніе «Сонъ».

На панщыни пшеницю жала:
Втомылася; не спочывать
Пишла въ снопы,—пошкандыбала
Ивана сына годувать:
Воно сповытее крычало
У холодочку за сноном;
Росповыла, нагодувала,
Попестыла,—и нибы сном,
Надъ сыномъ сыдя, задриимала.
И сныться ій: той сынъ Иванъ—
И уродливый, и богатый,
Не одынокый, а жонатый
На вольній, бачыться, бо й самъ
Уже не паньскій, а на воли,
Та на своимъ веселимъ поли
У—двохъ соби пшеницю жнуть,
А диточкы обидъ несуть..
Та й усмихнулася небога...
Прокынулась,—нема ничого!
На Йвана глянула; взяла
Его, гарненько сповыла,
Та, щобъ дожать до *ланового*,
Ще кону дожынать пишла..
Остатню, може; Богъ поможе,
Той сонъ твій справдыться...

Въ самый разгаръ дѣятельности коммиссій объ освобожденіи крестьянъ это стихотвореніе потрясло всѣхъ насъ какъ бы электрическимъ токомъ».

Обѣдалъ Т. Гр. у Платона Ѳедоровича. Ему оказывалось самое искреннее радушіе. Послѣ обѣда обыкновенно отправлялись осматривать заводъ со всѣми его приспособленіями. Ш—ко многому удивлялся, отъ многаго приходилъ въ восторгъ, но осмотрѣ же училища, онъ порывисто обнялъ К. М. Яхненка, поцѣловалъ его и съ чувствомъ произнесъ:

— Батьку! Що ты тутъ наробывъ! и на глазахъ его показались слезы.

Однажды разговоръ зашелъ о томъ, что въ продажѣ давно нѣтъ сочиненій Кобзаря, на что поэтъ замѣтилъ, что издатели-кацапы скупятся, а самъ онъ для того не имѣетъ средствъ [1]). Тогда ему предложена была матеріальная поддержка.

Восхищаясь садомъ Хропаля, поэтъ выразилъ желаніе подобный «садочокъ» развести у себя, въ своей будущей усадьбѣ, на берегу Днѣпра. Ему и въ этомъ обѣщано содѣйствіе: на заводѣ имѣлись свои садовники, богатыя школы фруктовыхъ деревьевъ, разныхъ декоративныхъ растеній и кустарниковъ, а имѣя свой пароходъ на Днѣпрѣ, Яхненко пообѣщалъ даже перевезть деревья въ Каневъ. Однимъ словомъ, ему обѣщали устроить садъ по его вкусу, безъ всякихъ съ его стороны хлопотъ и расходовъ.

Во время пребыванія Ш—ка на заводѣ А. И Хропаль, дѣлая свои распоряженія по работамъ, зашелъ къ одному изъ служащихъ, въ квартирѣ котораго постоянно останавливались пріѣзжавшіе въ заведеніе чины полиціи; тамъ засталъ онъ пристава Добржинскаго, которому при разговорѣ, между прочимъ, сказалъ, что у него ночуетъ Шевченко.

— Якій Шевченко? Може акалемикъ?

— Да, академикъ!

Приставъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Отъ спасыби, що сказалы: Я только что получилъ предписаніе отъ исправника наблюдать за нимъ. Теперь я знаю, гдѣ онъ находится. Вотъ и отличусь передъ начальствомъ, прибавилъ онъ вполголоса, какъ бы про себя.

Въ этотъ разъ Т. Г. Ш—ко пробылъ въ Городищѣ трое сутокъ. Въ послѣдній вечеръ, при заходѣ солнца, онъ какъ бы что то вспом-

---

[1]) Объ эксплуатаціи издателей-книгопродавцевъ Т. Гр. писалъ М. А. Маркевичъ (Вовчку): „не посылайте поки що ничого отимъ книгарямъ, поки васъ лыхо не прискрипило, бо вони не бачать, а носомъ чують наши злыдни".

нилъ и, обратившись къ Хропалю, попросилъ дать ему лошадей, объявивъ, что ему нужно поѣхать въ Кириловку, а потомъ въ Корсунь къ своему родственнику Варѳоломею Шевченку. Лошади были поданы и Алексѣй Ивановичъ почти насильно навязалъ ему свой теплый бурнусъ, такъ какъ ночь, несмотря на іюнь, предвидѣлась довольно прохладная, а Т. Гр. былъ одѣтъ въ легкое парусиновое пальто. На третій день лошади воротились съ бурнусомъ.

Между тѣмъ на Шевченка былъ сдѣланъ доносъ [1]), вслѣдствіе котораго исправникъ Табачниковъ предписалъ приставу Добржинскому арестовать академика Шевченка. Понятно, что этому порученію тотъ былъ радъ несказанно и пустился за поэтомъ въ погоню.

Ничего не подозрѣвая, Т. Г. отправился къ своему старому пріятелю М. А. Максимовичу, на Михайлову Гору, куда онъ былъ приглашенъ на парадный обѣдъ, нарочно для него устроенный. Во время обѣда пріѣхалъ приставъ и хотѣлъ тотъ же часъ арестовать дорогаго гостя, не давши ему докончить обѣда; но хозяинъ упросилъ его обождать, пока онъ отъ него уѣдетъ: «Чтобъ не у меня въ домѣ», шепталъ онъ приставу въ передней [2]). Добржинскій ушелъ и сдѣлалъ на поэта засаду у Днѣпра. Едва Ш—ко успѣлъ отплыть на нѣсколько саженъ отъ берега, какъ становой налетѣлъ на него, пересадилъ на своего дуба и отвезъ въ становую квартиру въ Мошны. Здѣсь поэтъ просидѣлъ три дня, переселившись въ домъ полковника Грудзинскаго; гулялъ въ воронцовскомъ паркѣ и съ горя усердно поклонялся Бахусу. Получивъ извѣстіе объ арестѣ Ш—ка, П. А. Симиренко, вмѣстѣ съ Варѳоломеемъ Шевченкомъ ѣздили въ Мошны къ главноуправляющему имѣніями Воронцова Ягницкому, уважаемому всѣми и вліятельному лицу, просить его ходатайства передъ исправникомъ объ освобожденіи арестанта. Тутъ случился жандармскій офицеръ, добрый человѣкъ, который не придавалъ винѣ Ш—ка особеннаго значенія, обѣщая при томъ лично представить кн. Васильчикову объясненніе по этому дѣлу въ благопріятномъ для поэта смыслѣ, что онъ, вѣроятно, и исполнилъ въ пику Табачникову, съ которымъ у него были контры.

Изъ Мошенъ Т. Гр. увезли въ Черкасы, резиденцію исправника, а оттуда пароходомъ отправили въ Кіевъ.

---

[1]) См. Жизнь и произведенія Т. Ш—ка стр. 141—142.

[2]) Свѣдѣніе это сообщено сестрой М. В. Максимовичевой, игуменьей Ржищевскаго монастыря.

Кн. Васильчиковъ, человѣкъ въ высокой степени гуманный, выслушавъ объясненія поэта, велѣлъ освободить его изъ подъ ареста, давъ ему такое напутствіе;

«Поѣзжайте скорѣе въ Петербургъ тамъ, стало, люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ, изъ желанія выслужиться» [1]).

По прибытіи въ Петербургъ, Т. Гр. прежде всего занялся изготовленіемъ къ печати своего «Кобзаря». Главное управленіе по дѣламъ печати отнеслось къ изданію сочиненій Ш—ка неблагосклонно и дѣло могло бы затянуться на долго, если бы министръ нар. пр. Ковалевскій собственною властію не разрѣшилъ печатанія.

Покончивъ такимъ образомъ съ цензурой, Шевченко обратился за пособіемъ въ Городище:

Щиро шануемій и многоуважаемый Алексій Ивановичъ!

Мени оце прійшлось до скруту: сёгодни цензура выпустыла изъ своихъ назуривъ мои безталанніи думы, та такъ проклята одчыстыла, що я ледве пизнавъ свои диточкы, а издатель, кацапська душа (Кожанчиковъ) половины не дае того, що я прошу и що мени прытьмомъ треба. Зъ такымъ моимъ лыхомъ я оце до васъ зъ Платономъ Ѳедоровичемъ: вышлить мени, будьте ласкави, 1100 карбованьцивъ, и я вамъ зъ велыкою дякою прышлю къ новому року экземпляривъ кныгы на такую сумму, або черезъ рикъ грошы зъ невелыкымъ процентомъ. Зробить якъ знаете и якъ вамъ Богъ на розумъ положе. Поклониться одъ мене тричи Кондрату Мыхайловычу (Яхненку), Ѳедору Степановичу и всимъ, и всимъ! Титаривну жъ (дочь Хропаля) тричи поцилуйте за мене, нехай воно здорове росте, та щаслыве буде! Оставайтесь здорови! Нехай вамъ Богъ помагае на все добре! Не забувайте искренняго вашого Т. Шевченка.

P. S. Якъ побачыте Т..ва, то заплюйте ёму всю его собачу морду. Дыво мени, що таку подлую, гнусную тварь земля носыть. Другымъ разомъ я вамъ напышу, що винъ хотивъ зо мною зробыть.

П. Ѳ. Симиренко немедленно сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ поэту потребнаго для изданія книги пособія, при слѣдующемъ письмѣ:

---

[1]) Арестомъ своимъ нашъ Кобзарь главнымъ образомъ былъ обязанъ петербургскому оберъ-полиціймейстеру, который, при отъѣздѣ его на родину, послалъ туда секретное предписаніе полицейскимъ властямъ „строго наблюдать за академикомъ Шевченкомъ“.

Милостивый Государь Тарасъ Григорьевичъ!

Большое спасибо вамъ за ваше письмо и еще большее за то, что Вы не забыли насъ и обратились къ намъ по дѣлу изданія вашихъ пѣсней.

Съ этою почтой я послалъ письмо въ Москву къ С. Д. Пурлевскому и просилъ его выслать вамъ 1100 рублей. По выходѣ книгъ прошу васъ отослать ихъ на 1100 рублей въ Москву Саввѣ Дмитричу, а онъ пришлетъ намъ ихъ сюда—и мы съ Вами расквитаемся.

Кондратъ Михайловичъ дѣйствительно чувствуетъ себя лучше послѣ поѣздки въ Воронежъ. Сахарное дѣло у насъ въ разгарѣ и дѣла много, а все таки я нашелъ минуту написать Вамъ. Мы всѣ часто вспоминаемъ ваше пребываніе у насъ и душевно желали бы еще пользоваться вашимъ обществомъ. Мы съ вами мало знакомы, кой о чемъ хотѣлось поговорить съ Вами, да не было случая. Вы своими поэтическими разсказами такъ увлекали меня, что я все забывалъ. Богъ дастъ увидимся и поговоримъ по правдѣ, откровенно. Вѣдь Вы за правду не сердитесь; скажите мнѣ, хоть на первый случай, *по правдѣ*: отчего вы написали ко мнѣ на одномъ языкѣ, а Алексѣю Ивановичу—на другомъ? Если Васъ не утомляетъ переписка такая не литературная, какъ моя, то я бы просилъ васъ написать мнѣ когда нибудь.

Желаю Вамъ того, что вамъ можетъ быть полезно, а въ особенности здоровья: оно нужно для всѣхъ. Видите мой эгоизмъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Платонъ Симиренко.

11 декабря 1859 г. Городищенскій заводъ—Богоспасаемый

Когда Платонъ Ѳедоровичъ получилъ отъ автора съ собственноручною подписью «Кобзаря» и увидѣлъ на обложкѣ свою фамилію (Коштомъ Симеренка), то былъ этимъ крайне недоволенъ, не желая, чтобы лѣвая его рука знала о томъ, что дѣлаетъ правая—черта, рѣдкая въ наше меркантильное время въ кругу меценатствующихъ богачей.

М. Чалый.

Изъ путешествія въ сѣверо-западный край.

I.

Исполняя данное обѣщаніе, рѣшаюсь сообщить вамъ, милостивый государь, краткія замѣтки о видѣнномъ мною во время поѣздки моей въ сѣверо-западный край. Но при этомъ считаю нужнымъ

оговориться, что я не имѣлъ времени и возможности наблюдать современную соціально-общественную жизнь края и руководился въ своей поѣздкѣ преимущественно историко-археологическими цѣлями. Поэтому мои замѣтки будутъ касаться преимущественно памятниковъ русской старины и источниковъ и пособій для мѣстной исторіи. Что же касается явленій современной соціально-общественной жизни края, то я ихъ буду касаться лишь на столько, на сколько сталкивался съ ними въ вагонѣ, дилижансѣ или на пароходѣ, въ гостинницахъ и при встрѣчахъ съ мѣстными дѣятелями.

20 іюля я выѣхалъ изъ Кіева по желѣзной дорогѣ черезъ Бахмачъ на Минскъ. До Бахмача спутниками моими по вагону были преимущественно богомольцы и гости, возвращавшіеся изъ Кіева съ торжества 900-лѣтія крещенія Руси. Рѣчь, естественно, вращалась около этого грандіознаго, небывалаго въ Кіевѣ торжества, но касалась не существа и внутренняго значенія праздника, а деталей церемоніи, что, впрочемъ,—и естественно въ легкомъ разговорѣ между случайными знакомцами. Но со станціи Бахмачъ составъ пассажировъ рѣзко измѣняется: вагоны биткомъ набиты были евреями, и только изрѣдка попадались въ числѣ пассажировъ мѣстные помѣщики съ польскою рѣчью, крестьяне-бѣлоруссы, сильно смахивающіе на сѣверно-русскихъ мужичковъ, военные разныхъ чиновъ и проч. Но всей этой пестротѣ вагоннаго населенія давали общій тонъ и колоритъ евреи уже по одной своей численности. Они безцеремонно располагались въ вагонахъ, какъ у себя дома, окруженные множествомъ чемодановъ, корзинъ и корзиночекъ, узловъ и узелковъ, и нерѣдко стѣсняли пассажировъ-христіанъ, со всѣми обрядами и открыто совершали свое утреннее моленіе, цѣлымъ кагаломъ вступались за безбилетныхъ единоплеменниковъ своихъ и всегда почти успѣвали отстоять какого нибудь желѣзно-дорожнаго зайца-еврея не только отъ двойнаго штрафа за проѣздъ безъ билета, но и вообще отъ платы. Прибавьте къ этому еврейскую нечистоплотность,—и вы будете имѣть хотя приблизительное представленіе общей картины вагонной жизни.

Я старался заводить разговоръ и съ евреями, и съ польскими помѣщиками, и съ бѣлорусскими крестьянами, но непремѣнно на русскомъ языкѣ. Выѣзжая изъ Кіева, я далъ себѣ слово не говорить и даже не понимать по польски, чтобы убѣдиться на опытѣ, можно ли съ однимъ русскимъ языкомъ объѣхать важнѣйшіе города сѣверо-западнаго края. Слово свое я сдержалъ, и мнѣ нигдѣ не приходилось измѣнить своей русской рѣчи. Евреи вездѣ могутъ говорить русскимъ

языкомъ, хотя и испорченнымъ, но все же такимъ, который можно понять русскому человѣку. Только одна молодая еврейка съ грудным ребенкомъ, ѣхавшая безъ желѣзнодорожнаго билета, никакъ не могла или не хотѣла понять кондуктора, хотѣвшаго ее высадить,—и такъ таки и доѣхала благополучно до мѣста своего назначенія. Одинъ польскій помѣщикъ игуменскаго уѣзда, вызванный мною на разговоръ, такъ хорошо говорилъ по русски, что сначала я не могъ опредѣлить, съ кѣмъ имѣю дѣло, съ русскимъ, или съ полякомъ. Впослѣдствіи уже онъ самъ сознался, что онъ—полякъ и что ему трудно было говорить по русски. О крестьянахъ бѣлоруссахъ нечего и говорить: ихъ рѣчь весьма близка къ московскому нарѣчію и вполнѣ понятна, равно какъ и они хорошо понимаютъ русскую рѣчь. Но уже за Минскомъ попался мнѣ интересный экземпляръ ополяченнаго бѣлорусса крестьянина, высадившагося на станціи Солы. Онъ первый началъ говорить со мною и нѣсколько разъ настойчиво заговаривалъ по польски; но, послѣ моего рѣшительнаго отказа вести и понимать польскую рѣчь,—онъ заговорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ затрудненій и усилій. На мое замѣчаніе, что, вѣроятно, онъ только католикъ, а не полякъ, крестьянинъ утверждалъ, что онъ и католикъ и полякъ вмѣстѣ. Но изъ дальнѣйшихъ моихъ разспросовъ выяснилось, что въ его селѣ или мѣстечкѣ есть и костелъ, и православная церковь, что крестьяне—на половину католики, на половину православные, и одни съ другими водятъ дружбу и родство. Несомнѣнно, они составляли когда то одно цѣлое и въ религіозномъ отношеніи и принадлежали къ православной церкви и русской народности. Еще дальше, уже въ ковенской губерніи, одинъ господинъ, если не русскій по происхожденію, то бывшій на русской государственной службѣ въ архангельской губерніи, сталъ было говорить со мною по польски, хотя отлично можетъ говорить и по-русски. Что же это значитъ? Уже ли и до сихъ поръ польскій языкъ служитъ въ сѣверо-западномъ краѣ для нѣкоторыхъ русскихъ чиновниковъ модным, единственно интеллигентнымъ языкомъ?

Почва земли въ минской губерніи—довольно скудная. Мѣстами попадаются кочки, трясины и болотины, вовсе непригодныя для хлѣбопашества и сѣнокосовъ; лѣсъ—чахлый. Отрадное явленіе представляетъ школа земледѣлія въ Марьиной Горѣ, имѣніи госпожи Маковой. Изъ этой школы, по слухамъ, выходятъ опытные управляющіе для большихъ имѣній; но простому народу эта школа едва ли приноситъ пользу. Крестьянскія хозяйства ведутся прежнимъ традиціоннымъ спо-

собомъ: рожь жнется, складывается въ «бабки» (по сѣверно-русски *суслоны*), затѣмъ складывается въ скирды, сушится на овинахъ и молотится на гумнахъ. Не видно нигдѣ каналовъ для осушенія болотистой почвы. Скудость ли мѣстной почвы, или же наступавшее время жатвы были причиною того, что разговоръ спутниковъ чаще всего касался урожая. Помѣщикъ игуменскаго уѣзда, услышавъ отъ меня, что на югѣ Россіи ожидается въ настоящемъ году богатый урожай, видимо не радъ былъ этому извѣстію, такъ какъ богатый урожай въ другихъ мѣстахъ Россіи долженъ былъ понизить цѣны на мѣстный хлѣбъ и слѣдовательно уменьшить доходы помѣщиковъ. За то крестьяне и даже евреи съ удовольствіемъ встрѣчали извѣстіе о хорошемъ урожаѣ на югѣ Россіи: имъ дешевле приходилось бы прикупать и покупать хлѣбъ для собственнаго пропитанія. Скудость же почвы служитъ причиною переселеній крестьянъ изъ сѣверо-западнаго края въ Сибирь и въ Америку. Одинъ еврей спрашивалъ меня, какой городъ ближе, Томскъ, или Иркутскъ, и сообщалъ мнѣ, что десятки тысячъ крестьянъ изъ черниговской и даже екатеринославской губерній переселяются на жительство на Амуръ. Полякъ-крестьянинъ передавалъ мнѣ, что изъ виленской губерніи «шматъ» народу переселилось въ Америку и еще столько же народу собирается переселиться туда. Въ Америкѣ-де золото лежитъ на землѣ, и некому его подбирать. Лѣса тамъ—громадные, а деревья такія толстыя, что каждое изъ нихъ можно объѣзжать кругомъ на конѣ, и ихъ никто не рубитъ. Въ Америкѣ-де живетъ все черный народъ, и американецъ хочетъ развести у себя нашъ бѣлый народъ, пригодный и привыкшій къ работѣ.

Къ скудости почвы въ Бѣлоруссіи въ настоящемъ году присоединились еще градобитія и ливни. 21 іюля, на послѣдней станціи передъ Минскомъ (Михановичи) насъ застигла буря съ градомъ и ливнемъ, надѣлавшая много бѣдъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Въ Минскѣ въ эту бурю залило водою одно подвальное жилье, въ которомъ потонула на печкѣ старая еврейка съ двумя малолѣтними еврейскими дѣтьми, и перебило множество стеколъ, такъ что въ одномъ казенномъ зданіи ихъ перебито было на 40 руб. сереб. Впослѣдствіи я узналъ, что почти въ тотъ же день такая же буря разразилась надъ Варшавой, Ковно и другими городами. На другой день, 22 іюля вечеромъ, въ Минскѣ былъ сильный ливень, но уже безъ граду. Проѣзжая далѣе отъ Минска къ Вильнѣ, я могъ даже изъ вагона видѣть побитыя бурею и склонившіяся къ землѣ нивы.

Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ градъ совершенно вымолотилъ зерна изъ колосьевъ несжатой ржи.

Самый Минскъ мнѣ пришлось обозрѣвать въ промежуткѣ между градовою тучею и ливнемъ. Поэтому городъ показался мнѣ довольно пасмурнымъ, хотя, говорятъ, онъ довольно красивъ по наружности. По количеству жителей (около 75,000), это—первый послѣ Вильны городъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Книжныхъ магазиновъ и лавокъ насчитывается до 8-ми; но изъ нихъ одна только содержится полькой Савицкой, а остальныя—евреями. Лучшею изъ нихъ считается книжная лавка Городенскаго, доставляющая книги и изданія для мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Фотографій—четыре, и изъ нихъ двѣ содержатся католиками, а остальныя—евреями. Главная дѣятельность по изученію губерніи сосредоточена въ губернскомъ статистическомъ комитетѣ, который съ 1860-хъ годовъ ежегодно выпускаетъ по «Памятной книжкѣ» и издалъ два тома «Трудовъ минскаго губернскаго статистическаго комитета». При статистическомъ комитетѣ находится выставка издѣлій кустарной промышленности и фабричнаго производства въ минской губерніи и порядочный музейчикъ первобытныхъ древностей. Такихъ музейчиковъ я не встрѣчалъ при другихъ губернскихъ статистическихъ комитетахъ сѣверо-западнаго края. Между каменными, бронзовыми и золотыми издѣліями, полученными изъ курганныхъ раскопокъ, въ музейчикѣ обращаютъ на себя преимущественное вниманіе позументная подвѣска особой формы и греческая амфора изъ красной глины. Музейчикъ этотъ основанъ, впрочемъ, усиліями частнаго лица, польскаго помѣщика игуменскаго уѣзда Татура, который, изучая и собирая памятники мѣстной старины, ничего однако же не пишетъ по русски и помѣщаетъ свои изслѣдованія на польскомъ языкѣ въ заграничныхъ польскихъ изданіяхъ. Со слѣдами его дѣятельности мнѣ не разъ случалось встрѣчаться и въ другихъ мѣстностяхъ сѣверо-западнаго края. Г. Татуръ осматриваетъ семинарскія и монастырскія библіотеки въ краѣ и за рѣдкія въ библіографическомъ отношеніи польскія изданія предлагаетъ въ обмѣнъ другія изданія или же денежное вознагражденіе. Неизвѣстно, успѣлъ ли онъ въ другихъ мѣстахъ; но въ минской и могилевской духовныхъ семинаріяхъ его предложенія не были приняты.

Кромѣ изданій статистическаго комитета, нѣкоторыя свѣдѣнія о минской губерніи заключаются въ историческомъ описаніи минской епархіи архимандрита Николая, 1860-хъ годовъ, въ описаніи борисовскаго уѣзда, въ «Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и въ кален-

даряхъ, издаваемыхъ «Минскимъ Листкомъ». Но этими изданіями далеко не исчерпанъ весь историческій матеріалъ, заключающійся въ соединенномъ архивѣ упраздненныхъ уѣздныхъ судовъ, въ архивѣ губернскаго правленія и въ консисторскомъ архивѣ. Въ послѣднемъ дѣла начинаются собственно со времени учрежденія минской епархіи въ 1793 году; но въ немъ есть болѣе ранніе, старые архивы консисторій жировицкой и полоцкой.

Пріобрѣвъ мѣстныя изданія, какія только можно было достать въ Минскѣ, я постарался осмотрѣть его достопримѣчательности и монументальные памятники и съ этою цѣлью былъ въ минскомъ Петропавловскомъ соборѣ, въ Святодуховскомъ мужскомъ монастырѣ, въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, въ архіерейскомъ минскомъ домѣ, въ минской Екатерининской церкви и въ минской духовной семинаріи и ея библіотекѣ. Руководителемъ моимъ былъ ректоръ минской семинаріи протоіерей А. Конскій.

Минскій Петропавловскій соборъ представляетъ изъ себя сравнительно недавнюю постройку. Но при входѣ въ него въ стѣну вдѣлана каменная плита съ надписью, въ которой архимандритъ Николай нашелъ указаніе на 1000-й годъ, какъ годъ основанія первоначальнаго минскаго собора. Въ дѣйствительности же эта надпись—XVI или XVII вв., написанная виршами и представляющая надгробіе надъ какой то Анной бурмистровой; никакого упоминанія о 1000-мъ годѣ здѣсь нѣтъ. Въ самомъ соборѣ, на колоннѣ, съ лѣвой стороны отъ входа, помѣщается древній образъ Богоматери съ Богомладенцемъ. Руки Богоматери и Богомладенца покрыты слюдою; остальныя части тѣла, кромѣ ликовъ, закрыты серебряною ризою. По словамъ архимандрита Николая въ его «Историческомъ описаніи минской епархіи», икона эта принадлежитъ къ числу написанныхъ евангелистомъ Лукою и принесена изъ Херсонеса св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что это—одна изъ древнѣйшихъ и наилучше сохранившихся иконъ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ [1]). По преданію, такою же древностію отличаются иконы Богоматери смоленская и виленская Троицкая. Къ сожалѣнію, обѣ онѣ подправлены въ позднѣйшее время: смоленская—въ XVII вѣкѣ, а виленская Троицкая уже въ 1864 году. Въ алтарѣ и въ ризъ-

[1]) Преосвященный минскій Варлаамъ, доставившій мнѣ возможность и средства къ обозрѣнію минскихъ храмовъ, обѣщалъ полное свое содѣйствіе къ изданію гравированнаго снимка съ этой иконы. *Примѣч. автора.*

ницѣ собора—все новое. Можно отмѣтить въ алтарѣ икону распятія съ предстоящими Богоматерью, Іоанномъ Богословомъ, Маріею Магдалиною и Логгиномъ сотникомъ, фряжскихъ писемъ конца XVI вѣка. При выходѣ изъ собора, на помостѣ церковномъ, я замѣтилъ каменную надгробную плиту съ какими то надписями, которую слѣдовало бы прибрать къ мѣсту и разобрать.

Свято-Духовскій мужскій монастырь и Вознесенскій женскій—оба недавней постройки и не имѣютъ почти ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ старинной иконы Богородицы вѣка XVII въ женскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Но за то въ Свято-Духовскомъ монастырѣ есть древности, собственно ему не принадлежащія и перенесенныя сюда изъ слуцкаго Троицкаго монастыря. Въ самомъ храмѣ, съ правой стороны, на аналоѣ, помѣщаются три крестика. Изъ нихъ одинъ серебряный, прекрасной работы, можетъ быть отнесенъ къ XV вѣку, другой—къ XVI или XVII, а на третьемъ обозначенъ 1759 годъ. Въ ризницѣ монастыря хранятся слѣдующіе предметы, перенесенные изъ Слуцка: 1) мѣдный тазъ XV—XVI вв., съ готическими латинскими надписями, впрочемъ не хронологическаго содержанія; 2) серебряный позолоченный крестъ, пожертвованный въ 1580 году княземъ Юрьемъ Юрьевичемъ Олельковичемъ; 3) евангеліе въ серебряномъ окладѣ, съ изображеніями на лицевой сторонѣ распятія, четырехъ евангелистовъ и 12 апостоловъ съ орудіями страданій Спасителя. По краямъ досокъ оклада вырѣзана надпись, изъ которой видно, что евангеліе писано было власною рукою князя Юрія Юрьевича Олельковича въ 1582 году и пожертвовано имъ въ слуцкій Троицкій монастырь въ 1584 году. Но въ дѣйствительности рукописнаго евангелія не сохранилось: оно замѣнено печатнымъ евангеліемъ временъ императора Павла, 4) Евангеліе московской печати 1644 года, въ серебряномъ окладѣ, коштомъ и накладомъ справленное, данное и наданное кіевскому Кирилловскому монастырю игуменомъ его іеромонахомъ Варлаамомъ Андреевичемъ Сколыбой; 5) евангеліе московской печати 1657 года, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ; 6) чеканное на бляхѣ изображеніе XVII вѣка; 7) массивная серебряная дарохранительница; 8) малая серебряная дарохранительница; 9) большая серебряная позолоченная чаша (потиръ); 10) эпитрахиль съ вышитыми на ней изображеніями святыхъ, XVII вѣка, и двѣ фелони; 11) поясъ съ серебряными позолоченными изображеніями, 1756 года, архимандрита Давида Нащинскаго, бывшаго нѣкоторое время ректоромъ кіевской академіи; 12) зеркало «року 1783 новембра 3 дня».

Вверху его, между стеклами, вставлено пракрасно вышитое изображеніе св. Николая. Вообще въ ризницѣ монастыря есть прекрасные обращики мѣстныхъ художественныхъ произведеній съ XV по XVIII в.

Въ архіерейскомъ минскомъ домѣ можно отмѣтить портреты преосвященныхъ: 1) Іосифа Сѣмашко въ двоякомъ видѣ, одинъ въ уніатскомъ, а другой въ православномъ костюмѣ; 2) Михаила Голубовскаго и 3) Антонія Зубко.

Въ минской Екатерининской приходской церкви хранятся: рукописный пергаменный октоихъ и чаша 1630 годовъ.

Минская семинарская библіотека составлена изъ разныхъ библіотекъ уніатскихъ монастырей и учебныхъ заведеній, но мѣстныхъ уніатскихъ изданій заключаетъ въ себѣ гораздо менѣе, чѣмъ библіотека волынской семинаріи. Въ первой мы нашли довольно рѣдкую брошюру, изданную въ Минскѣ въ 1792 г., подъ заглавіемъ: «Teodozyusz Rostocki, Arcybiskup Kijowski». Есть здѣсь и рукописный отдѣлъ, заключающій въ себѣ до 28 №№ рукописей. Болѣе интересными изъ нихъ намъ показались слѣдующія: 1) Переписка патріарха цареградскаго Іереміи съ тюбингенскими учеными, въ копіи съ печатнаго лейпцигскаго изданія 1758 г.; 2) Житіе Григорія Омиритскаго, XVI в.; 3) Максима Грека бесѣды на евангеліе; 4) Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ и хронографъ XVI вѣка, южно русскаго письма, безъ конца; 5) «Соборникъ» словъ на господскіе и богородичные праздники, XVII в., южно-русскаго письма, и 6) Diarium alumnatûs pontificii Vilnensis, съ 1743 г., въ двухъ томахъ.

II.

Изъ Минска мнѣ привелось ѣхать до Вильны съ компаніей богомольцевъ, изъ мѣстнаго минскаго русскаго мѣщанства и мелкаго чиновничества, отличавшеюся беззавѣтною веселостію.

Въ Вильну прибылъ я ночью съ 23 на 24 іюля, съ субботы на воскресенье, и, пользуясь утреннимъ воскреснымъ богослуженіемъ, старался какъ можно болѣе посѣтить виленскихъ православныхъ церквей и польско-католическихъ костеловъ. Былъ я въ Остробрамской часовнѣ, въ Терезинскомъ костелѣ, въ Свентъянскомъ и каѳедральномъ костелахъ, въ православныхъ Святодуховскомъ и Троицкомъ монастыряхъ, Пречистенскомъ соборѣ и Николаевской церкви, чтобы наглядно видѣть отношеніе польско-католическаго населенія Вильны къ русскому православному населенію. Результаты наблюденія оказались не совсѣмъ утѣшительными для русскаго чувства. Костелы вездѣ

переполнены были молящимися, тогда какъ въ православныхъ церквахъ молящіеся едва занимали половину храма. Въ русскихъ храмахъ вездѣ заведены пѣвческіе хоры; но не мѣшало бы завести общенародное пѣніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсней. Въ Терезинскомъ костелѣ мнѣ привелось слышать общенародное, подъ звукъ органа, пѣніе гимна Богородицѣ. Торжественность такого пѣнія не можетъ идти въ сравненіе ни съ какимъ вокальнымъ хоромъ.

Во взаимныхъ отношеніяхъ между поляками и русскими посторонній и случайный наблюдатель едва ли замѣтитъ что либо особенное, кромѣ нѣкоторой холодности и отчужденности. Но, по разсказамъ старожиловъ, въ прежнее время отношенія эти были гораздо острѣе.

Кстати здѣсь можно передать исторію одной «русской поганки», интересную для характеристики отношеній между поляками-католиками и русскими православными. 33 года тому назадъ одна русская женщина, прибывшая въ петроковскую губернію съ солдатами, родила тамъ дочь и затѣмъ оставила ее на произволъ судьбы у одного бѣднаго польскаго крестьянина. Ксендзъ не хотѣлъ ее крестить по католически, опасаясь отвѣтственности, а русскаго священника вблизи не было. Дѣвочка такъ и оставалась некрещеною до 16-лѣтняго возраста и, вмѣсто имени, получила прозвище «русской поганки». А въ качествѣ «русской поганки», она занимала собачій уголъ и питалась чуть ли не собачьей пищею. Это было заброшенное, забитое, неразвитое существо. Но лѣтъ 17-ть тому назадъ въ Ченстоховѣ построена была православная Кирилло-Меѳодіевская церковь и открытъ православный приходъ. Почтенный настоятель и приходской священникъ этой церкви, приводя въ извѣстность составъ и количество своихъ прихожанъ, узналъ стороною, что въ одной гминѣ есть какая то некрещеная «русская поганка», и потребовалъ ее къ себѣ оффиціальнымъ путемъ для совершенія надъ ней крещенія. Вслѣдствіе этого требованія, крестьянинъ-полякъ привезъ дѣвочку къ русскому священнику и покинулъ ее у него. Дѣлать нечего: священнику пришлось не только крестить «русскую поганку», но и содержать у себя, перевоспитывать и пріучать къ честному труду. Теперь ей уже 33 года, и въ ней никакъ нельзя узнать прежней забитой «русской поганки». Честь и слава русскому священнику, явившемуся истиннымъ спасителемъ бѣднаго русскаго ребенка!

Осмотрѣвъ нѣкоторые изъ виленскихъ храмовъ и костеловъ и важнѣйшія ихъ достопримѣчательности, я хотѣлъ было пріобрѣсть у мѣстныхъ фотографовъ нѣсколько фотографическихъ видовъ и сним-

ковъ съ виленскихъ достопримѣчательностей. Къ сожалѣнію, виленскія православныя достопримѣчательности не пользуются вниманіемъ здѣшнихъ фотографовъ, между которыми нѣтъ ни одного русскаго. Былъ одинъ только фотографъ Чеховичъ, который, по своей раздражительности, не имѣлъ терпѣнія снимать фотографіи съ живыхъ людей и потому преимущественно снималъ виды и снимки съ монументальныхъ памятниковъ, не пренебрегая и русскими; но и этотъ фотографъ въ настоящемъ году умеръ.

Изъ виленскихъ книжныхъ магазиновъ и лавокъ лучшими считуются Сыркина, Кинкулькина и Стракуна; но и у нихъ я не могъ найти даже «Виленскаго календаря» на 1887 годъ.

Впрочемъ, книги и изданія, касающіяся Вильны и для меня интересныя, мнѣ удалось получить изъ первоисточниковъ. Высокопреосвященный литовскій Алексій и попечитель виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскій приняли меня очень любезно и не только дали возможность осмотрѣть мнѣ находящіяся въ ихъ вѣдѣніи достопримѣчательности Вильны, но и снабдили меня книгами и изданіями. Виленской археографической коммиссіей и виленскимъ учебнымъ округомъ доселѣ издано свыше 40 томовъ. Изъ нихъ для первоначальнаго ознакомленія съ виленскими достопримѣчательностями особенно важны указатель музея, каталогъ публичной библіотеки и описаніе рукописей той же библіотеки. Есть путеводители по Вильнѣ—польскій Киркора и русскій Ф. Добрянскаго, къ которымъ нужно присовокупить также вышедшій въ этомъ году второй выпускъ «Путеводителя по Россіи» Р. С. Попова. Получилъ я также изданія виленскаго статистическаго комитета отъ секретаря его г. Шверубовича.

Отсылая интересующихся Вильною къ путеводителямъ по ней, сдѣлаю только нѣсколько замѣтокъ о видѣнномъ мною въ Вильнѣ. Въ виленскомъ православномъ Николаевскомъ соборѣ я обратилъ особенное вниманіе на шитую плащаницу съ греческими надписями, относимую нѣкоторыми къ XI столѣтію. По моему же мнѣнію, она сдѣлана никакъ не раньше XVI вѣка. Въ Троицкомъ монастырѣ икона Одигитріи, какъ я уже замѣтилъ выше, поновлена въ 1864 г. Изъ древностей въ этомъ монастырѣ почти ничего не осталось: надписи на плитахъ—сравнительно позднія. Но достопочтенный настоятель Троицкаго монастыря архимандритъ Іосифъ указалъ мнѣ одинъ надгробный камень съ надписью, недавно найденный имъ въ помостѣ передъ крыльцомъ зданія православной семинаріи. На немъ я предположительно прочелъ слѣдующее: «князь П(етръ) Ивановичъ

Пеструцкій». Надпись можетъ быть отнесена къ XVI или къ началу XVII вѣка. Въ библіотекѣ литовской духовной семинаріи, помѣщающейся въ Троицкомъ монастырѣ, нѣсколько витринъ занято старинными рукописями и печатными изданіями. Есть здѣсь первопечатныя Минеи и Часословъ краковскаго изданія 1491 года, а между рукописями заслуживаетъ вниманія рукописное евангеліе XVI вѣка, съ двумя записями князей Полубенскихъ о раздѣлѣ ихъ имущества, относящимися къ 1604 и 1690 годамъ.

Въ архіерейскомъ домѣ при Николаевскомъ соборѣ находится галлерея портретовъ мѣстныхъ дѣятелей духовнаго сана, составленная покойнымъ литовскимъ митрополитомъ Іосифомъ Симашкомъ. Здѣсь находятся портреты: *митрополитовъ*: 1) Іосифа Солтана, 2) Ипатія Поцѣя; 3) Іосифа Рутскаго; 4) Льва Кишки; 5) Флоріана Гребницкаго; 6) Аѳанасія Шептицкаго; 7) Фелиціана Володковича; 8) Іасона Смогоржевскаго; 9) Ѳеодосія Ростоцкаго; 10) Григорія Кохановича; 11) Ираклія Лисовскаго; 12) Іосафата Булгака; *архіепископовъ*: 13) Іосафата Кунцевича; 14) Мелетія Смотрицкаго; *епископовъ*: 15) Кирилла Терлецкаго; 16) Сильвестра Рудницкаго; 17) Стефана Левинскаго; 18) Антонія Ангелловича, архіепископа львовскаго; 19) Іакова Мартусевича; 20) Адріана Головни; *православныхъ*: 21) Іосифа Сѣмашка; 22) Василія Лужинскаго; *викаріевъ виленскихъ*: 23—27) Платона, Игнатія, Антонія, Михаила и Евсевія; *архимандритовъ, ректоровъ литовской семинаріи:* 28—31) Филарета, Александра, Михаила Шелепина, Анточія Булгака; 32) *протопресвитера* Антонія Тупальскаго, и 33) *протоіерея* Виктора Гомолицкаго. Большая часть ихъ представляетъ изъ себя копіи съ древнѣйшихъ оригиналовъ, хранящихся будто бы въ г. Холмѣ, люблинской губерніи. Къ нимъ нужно присоединить еще портретъ какого то Сапѣги, находящійся въ тринопольскомъ загородномъ архіерейскомъ домѣ.

Было бы непростительно для путешественника быть въ Вильнѣ и не посѣтить здѣшнихъ центральнаго архива, публичной библіотеки и музея древностей. Несмотря на каникулярное время, я посѣтилъ эти учрежденія, благодаря любезности завѣдывающихъ ими лицъ и особенно г. Снитко. Конечно, въ центральномъ архивѣ я не могъ заниматься, по крайней ограниченности времени, какимъ я могъ располагать; но съ публичною библіотекою и музеемъ древностей успѣлъ ознакомиться, хотя и бѣглымъ образомъ. Эти два учрежденія—единственныя въ своемъ родѣ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ, прекрасно устроены и содержатся въ отличномъ порядкѣ. Въ библіо-

текѣ числится до 70,000 названій книгъ и свыше 100,000 томовъ; рукописей насчитывается свыше 1,000 номеровъ. Въ читальной залѣ библіотеки, въ витринахъ, выставлены древнія рукописи и наиболѣе рѣдкія и интересныя старопечатныя изданія. Между рукописями отмѣтимъ: туровское евангеліе XI в., отрывки изъ Супрасльской рукописи и недавно поступившую изъ Супрасльскаго монастыря пергаменную рукопись св. Григорія Бесѣдовника, XIV вѣка. Въ числѣ старопечатныхъ книгъ выложены почти всѣ первопечатныя книги мѣстныхъ типографій сѣверо-западнаго края: виленской, евейской, заблудовской, кутеинской и др., начиная съ апостола виленской печати 1525 года, и находится единственный доселѣ сохранившійся отрывокъ изъ книги о новомъ календарѣ, напечатанной въ Римѣ въ 1596 году. Музей древностей главнымъ образомъ наполненъ первобытными древностями изъ коллекцій графа Тышкевича; но такъ какъ не указаны ихъ мѣстонахожденія и условія находки, то древности эти не имѣютъ почти никакого научнаго значенія. Затѣмъ, сравнительною величиною отличается коллекція монетъ разнаго рода; но собственно литовскихъ монетъ—только три! Изъ отдѣльныхъ предметовъ музея болѣе интересными, для изученія края, мнѣ показались слѣдующіе: нѣсколько статуетокъ, принимаемыхъ за идоловъ литовскихъ и славянскихъ; коллекція кирпичей изъ древнихъ построекъ; образцы голосниковъ изъ остатковъ гродненской коложанской церкви XII в.; бронзовый кувшинъ въ формѣ всадника, вѣроятно служившій умывальникомъ въ той же церкви и найденный подъ ея поломъ; колоколъ съ надписью 1320 года, изъ Троицкаго костела въ селѣ Неводницѣ, гродненской губерніи, бѣлостокскаго уѣзда, указывающій на существованіе здѣсь, въ началѣ XIV вѣка, Троицкой православной церкви, и проч.

Вообще въ Вильнѣ есть чему поучиться заѣзжему путешественнику. Несмотря на то, что въ городѣ нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, мѣстная русская интеллигенція много работаетъ для исторіи города и края и успѣла сдѣлать многое, такъ что мнѣ лично привелось больше собирать мѣстныя изданія по исторіи города и края, чѣмъ самому непосредственно изучать ихъ. Многоуважаемый попечитель округа Н. А. Сергіевскій, руководя непосредственно изданіями виленской археографической коммиссіи и учебнаго округа, въ то же время оказываетъ покровительство и поддержку и предпріятіямъ частныхъ лицъ по изученію края. Такъ напр., имъ оказано пособіе автору и издателю книжки объ «Островоротной

иконѣ Богородицы» и поощряется составленіе предпринятой преподавателемъ виленскаго реальнаго училища Брянцевымъ Исторіи Литвы. Инспекторъ литовской духовной семинаріи І. В. Щербицкій въ настоящее время приготовляетъ для напечатанія въ изданіяхъ виленской археографической коммиссіи извлеченія изъ рукописей жировицкаго духовнаго училища, между которыми, по словамъ г. Щербицкаго, наиболѣе заслуживаютъ вниманія визитаціи уніатскихъ монастырей и церквей и переписка нѣкоторыхъ видныхъ уніатовъ между собою.

Есть въ Вильнѣ еще одинъ почтенный и безкорыстный дѣятель по разработкѣ мѣстной исторіи, это—преподаватель первой виленской мужской гимназіи, художникъ В. В. Грязновъ. Онъ на свои небогатыя средства дѣлаетъ поѣздки въ разныя мѣста сѣверо-западнаго края, разыскиваетъ древніе памятники русской народности и православія и дѣлаетъ съ нихъ акварельные виды и снимки. Услугами его частію уже воспользовался П. Н. Батюшковъ въ своихъ «Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ». Кромѣ того, нѣкоторые его снимки съ мѣстно чтимыхъ иконъ изданы въ «Виленскомъ календарѣ на 1887 годъ». Но за всѣмъ тѣмъ, въ портфелѣ В. В. Грязнова накопилось еще значительное количество акварелей съ древнихъ памятниковъ русской народности и православія въ краѣ, которыя слѣдовало бы издать, но не въ Вильнѣ, гдѣ собственно нѣтъ и техническихъ средствъ къ художественному воспроизведенію этихъ акварелей. Изъ портфеля многоуважаемаго В. В. Грязнова мы отмѣтили для себя, какъ болѣе интересныя, слѣдующія акварели: 1) Новогрудская церковь будто бы временъ Ярослава I и остатки Новогрудскаго замка; 2) разрѣзъ развалинъ Коложанской гродненской церкви XII в., 3) бронзовый кувшинъ-умывальникъ изъ той же церкви; 4) Трокскій замокъ въ большомъ и маломъ видѣ. Говорятъ, что въ этомъ замкѣ сохранились остатки фресокъ, между которыми уцѣлѣло изображеніе суда Соломона по спору о младенцѣ между двумя женщинами; 5) Супрасльскій Благовѣщенскій соборъ 1503 года; 6) Михайловская церковь въ с. Сынковичахъ слонимскаго уѣзда гродненской губерніи въ готическомъ стилѣ. Она нѣсколько напоминаетъ собою церковь въ м. Коднѣ, сѣдлецкой губерніи; 7) иконы Богородицы: минская Остробрамская, виленская, Троицкая, жировицкая, супрасльская и Коложанская; 8) заставки и инпціалы изъ древнихъ рукописей, преимущественно пергаменныхъ.

Въ Вильнѣ я былъ два раза: съ 24 по 27 іюля, и съ 31 іюля по 1-е августа—всего около 6-ти сутокъ. **Н. Петровъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ)

Бѣлорусскія колядки.

Бѣлорусскій край—захолустный край, лежащій въ дебряхъ лѣсовъ и пинскихъ болотъ, долгое время удаленъ былъ отъ вліянія цивилизаціи, и потому сохранилъ такія первобытныя черты народнаго міровоззрѣнія, которыя должны заинтересовать всякаго, кто глубже вникаетъ въ особенности, обособляющія данное племя въ извѣстный этнографическій типъ. Для насъ эти черты тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что онѣ выясняютъ намъ древнюю духовную жизнь русскаго племени, о которой письменные памятники сохранили такъ мало указаній. Съ этой стороны праздникъ Рождества Христова и соединенныя съ нимъ въ Бѣлоруссіи обрядности, повѣрья, гаданья, примѣты, колядки, щедровки и народныя игрища представляютъ богатый матеріалъ для объясненія народныхъ вѣрованій и тѣхъ поэтическихъ мотивовъ, которые лежатъ въ основѣ обожанія и олицетворенія природы и первобытнаго взгляда на семейную, родовую и общественную жизнь.

Относительно бѣлорусскихъ колядокъ, обрядностей и повѣрій, сопровождающихъ Рождественскіе праздники, должно сказать, что онѣ имѣютъ чрезвычайно большое сходство съ малорусскими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бѣлорусскія обрядности и повѣрья имѣютъ большую ясность и миѳическую прозрачность, чѣмъ малорусскія, бѣлорусскія же игрища напоминаютъ тѣ игрища *межю селы*, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ. Что касается бѣлорусскихъ колядокъ и щедровокъ, то здѣсь замѣчается почти буквальное сходство ихъ съ малорусскими, кромѣ тѣхъ разумѣется, колядокъ, которыя развились въ позднѣйшую историческую эпоху, какъ напримѣръ, малорусскія колядки, говорящія о войнѣ козаковъ съ татарами и турками. Чѣмъ объясняется такое сходство, племеннымъ ли родствомъ, или культурнымъ вліяніемъ южнорусскаго племени на бѣлорусское, въ особенности въ древній періодъ русской исторіи—рѣшить пока трудно. Во всякомъ случаѣ есть факты, которые говорятъ за то, что мотивы многихъ бѣлорусскихъ колядокъ заимствованы изъ Малороссіи.

Основной народный смыслъ праздника Рождества Христова въ Бѣлоруссіи удерживается такой же, какъ и въ Малороссіи: это по преимуществу праздникъ въ честь рожденія солнца (по народно-миѳическимъ воззрѣніямъ), а слѣдовательно, и астрономическаго начала года,—въ честь «рода» и умершихъ родственниковъ. Съ началомъ года естественно соединяются примѣты и гаданія о томъ, каковъ бу-

детъ цѣлый годъ въ хозяйственномъ отношеніи. Молодежь, въ особенности дѣвушки гадаютъ о томъ, что составляетъ самое важное въ ихъ жизни, именно, гадаютъ о суженомъ.

Въ Бѣлоруссіи праздникъ Рождества Хр. носитъ слѣдующія названія: «коляды, Рожствяные, или Рыжтванные святки». (Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-запад. края П. Шейна, Спб. 1887 г., стр. 37). *Коляды*—это общее названіе для совокупности праздниковъ отъ 25-го декабря по 7-е января. Бѣлоруссъ въ особенности празднуетъ слѣдующіе выдающіеся дни «рыжтвяныхъ святокъ»: 1) «кутьтю», 2) «Ражтво». 3) «быгатью» или «товстую кыляду», 4) Васильля, 5) «галодную кыляду» и 6) «Кщеньня». (Бѣлорусскія пѣсни—П. Шейна, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. V. Спб. 1873 г. стр. 323). Послѣдній день передъ праздникомъ называется «куццею» отъ кушанья, которое приготовляется въ сочельникъ Рождества Хр., въ сочельникъ Крещенія и въ канунъ Новаго года. При этомъ берутъ ячменную крупу («грущу») и стараются насыпать во всѣ три раза въ горшокъ равномѣрно, и замѣчаютъ, которая кутья выростетъ больше, то такой будетъ и урожай ячменя: если первая, то хорошъ будетъ ранній урожай; если вторая, то хорошъ будетъ средній урожай, и т. д. Подъ кутью постилается сѣно, которое приноситъ самъ хозяинъ, или же дается слѣдующій любопытный совѣтъ: «Пошли по сѣна хлопца, который заўсёды волы пасе, то хоць ёнъ и загубиць волы по лѣту, то шукаць ихъ не треба, сами придуць, затымъ што ёнъ принесъ сѣно на куццю; коли хочешь, кабъ у цябе рано квактали кури, то привяжи бѣлый хвартукъ, возьми зъ печи куццю хвартухомъ на покуццѣ, и квакчи, якъ курица дзевяць разъ «кво, кво, кво»... да и нарови, кабъ схвацицъ кого нибудь за чубъ: то у цябе будуць чубатыя куреняты». (Матер. Шейна, 46). Кутья обыкновенно ставится на сѣнѣ въ «покуць». Вечеромъ, когда взойдетъ первая звѣзда, старинная бѣлорусская обрядность требовала, чтобы хозяинъ обносилъ кутью три раза вокругъ хаты, «да и трэба, кабъ стукаў ў вокно, а женчина нехай пытаецца зъ хаты: хто тамъ стукае? господарь скаже: самъ Богъ стукуняе! А якъ постукае ў тэе окно, што супроцивъ печи, то господаръ откаже жонцѣ: самъ Богъ стукуняе зъ теплую мокрою весною, зъ горачимъ небурливымъ лѣтомъ, съ сухою и корыстною осенью,—а жонка повинна отказать: просиможъ до хаты». Обыкновенно столъ состоитъ изъ разныхъ постныхъ блюдъ, иногда же подаются лепешки и блины, такъ какъ этотъ день есть вмѣстѣ и день поминовенія

умершихъ родственниковъ; кутья же подается въ заключенье. Хозяинъ, помолившись Богу, наливаетъ первую рюмку, изъ которой немного проливаетъ на скатерть, равно какъ это дѣлается и съ жидкой пищей и кутьей; это устраивается въ честь умершихъ родственниковъ. Хозяинъ, прежде чѣмъ выпить, обращается къ хозяйкѣ и присутствующимъ съ такимъ пожеланіемъ: «Бывайця здоровы! Дай Богъ, кабъ на другой рокъ приждали ў щасьцця, ў доли и ўсякой добруй помысносьци; кабъ живы и здоровы были, кабъ разомъ святую куццю спраўляли; бывайця здоровы!» Кутья сладкая послѣднее заключительное блюдо. Интересно, что первая ложка предназначается какъ жертва для мороза; при этомъ отворяютъ окно и призываютъ морозъ съ заклинаніями; иногда же стучатъ въ стѣну и говорятъ: «Морозъ, морозъ. ходзи куцци ѣсьци! штобъ ты не морозіў ячменю, пшаницы, гороху, сочевицы, просо и гречки и ўсяго, што мнѣ Богъ судзиць посѣяць». Хозяйка обыкновенно стучитъ въ то окно, которое противъ печи, и говоритъ: «Морозъ, морозъ, ходзи куцци ѣсьци; Штобъ ты не морозіў расады, гуркоў, гарбузоў, моркви и буракоў и ўсяго того, што мнѣ Богъ судзиць посадзиць и посѣяць». Послѣ ужина хозяинъ садится на «покуци», а жена насупротивъ его и спрашиваетъ у него: «чи бачишь ты мене? онъ отвѣчаетъ: не бачу! Тогда жена выражаетъ слѣдующее пожеланіе: «кабъ же ты не бачіў за стогами, за возами, за снопами свѣту!» (Матеріалы—Шейна, 37—55). Обращеніе—«чи бачишь ты мене?» предлагаютъ и предъ богатой кутьей.

Затѣмъ съ кутьей въ Бѣлоруссіи соединяются всякія примѣты и гаданья. Примѣты относятся къ категоріи *почина*, когда по случайному признаку въ началѣ года желаютъ судить, каковъ будетъ цѣлый годъ [1]). Крестьяне гадаютъ о томъ, что составляетъ главный предметъ ихъ заботъ: о погодѣ и естественномъ ея вліяніи на урожай, о хозяйствѣ. Бѣлоруссы наблюдаютъ слѣдующее: «если *стежка* будетъ черна, то будетъ урожай на гречиху; если день Рождества Хр. ясный, то будетъ неурожайный годъ, а если пасмурный и снѣгъ идетъ—урожай; если предъ праздникомъ Рождества Хр. морозъ и вьюга, то предъ праздникомъ Воскресенія Хр. будетъ тепло и тихо. (Мат. Шейна, 55). Звѣздное небо означаетъ, что хороши будутъ рои пчелъ. Вытягиваютъ, на богатую кутью, изъ-подъ скатерти соломину и по длинѣ ея узнаютъ, каковъ будетъ урожай льна. Не принято лишь въ дни *колядъ* и вообще

[1]) Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ. А. Потебня. Русск. Фил. В. 1884 г. 63—64.

рубить, а то по народному повѣрью у родившихся послѣ Новаго года дѣтей или домашнихъ животныхъ будутъ повреждены члены или зашиты наружныя отверстія (Мат. Шейна 43 и 51). Народъ думаетъ «что самъ Богъ ходитъ въ то время по землѣ и наблюдаетъ, кто работаетъ и кто не работаетъ; неработающему посылаетъ счастье, здоровье, богатство» (Ibid. 54).

Канунъ Новаго года называется богатой куццею, жирною куццею, щедрухою. Богатой и жирной называется потому, что въ это время приготовляются скоромныя кушанья, а щедрухой называется отъ распѣваемыхъ въ этотъ вечеръ пѣсенъ-щедровокъ. Въ самый день Новаго года хозяинъ исполняетъ слѣдующій знаменательный обрядъ: онъ «встаетъ довольно рано, и осмотрѣвъ свое хозяйство, набираетъ въ миску какихъ-либо хлѣбныхъ зеренъ, обходитъ всѣ свои строенія и горстью бросаетъ зерна въ разныя стороны, для того, чтобы былъ такой урожай хлѣба, которымъ можно было бы наполнить всѣ эти помѣщенія». (Мат. Шейна, 52). Въ этотъ вечеръ *ходятъ съ козою.* Пѣсни, которыя при этомъ поются, рѣшительно даютъ права заключать, что коза здѣсь представляетъ какое то миѳическое существо, въ родѣ Велеса—скотьяго бога.—Въ Крещенскій сочельникъ (голодную куццю) *записываютъ коляду.* Обрядность эта состоитъ въ томъ, что хозяинъ беретъ мѣлъ и ставитъ кресты на дверяхъ дома, конюшни; дѣлается это противъ домовыхъ. Иногда же на дверяхъ рисуются коровы, утки и конь съ всадникомъ. На конѣ этомъ, говорятъ, *«коляда ѣдетъ далѣе»*. (Мат. Шейна, 38—39 и 48). Въ день Крещенія собираютъ освященную воду изъ 7 іорданей; этою водой окропляютъ ульи съ пчелами, что имѣетъ для нихъ благодѣтельную силу (Пѣсни Шейна, 325). Въ день Рождества Хр. отправляются въ церковь на молодыхъ невыѣзженныхъ лошадяхъ—обычай выѣзжать молодую скотину съ начала года (Мат. Шейна, 54).

Наканунѣ Новаго года въ Бѣлоруссіи дѣвушки гадаютъ о суженомъ. Способы гаданья здѣсь слѣдующіе: на *сметнику* слушаютъ, откуда лаетъ собака, подъ окномъ слушаютъ, ходятъ въ хлѣвы и ловятъ овцу: если попадутъ барана, значитъ—выйдутъ замужъ; заставляютъ пѣтуха ѣсть счетныя зерна; воруютъ полѣнья и считаютъ, есть ли *до пары*; заставляютъ собаку хватать булочки, что̀ напоминаетъ гаданья въ Малороссіи наканунѣ Андрея Первозваннаго.

Если сопоставимъ бѣлорусскія обрядности *колядъ* и повѣрья, соединяемыя съ ними, съ подобными же обрядностями малорусскими, описанными П. П. Чубинскимъ (въ Труд. эти.-стат. эксп. т. III,

стр. 3—4 и 272—265), то замѣтимъ поразительное сходство между ними: то же значеніе *кутьи*, тѣ же примѣты и гаданія, то же *посѣваніе* и то же значеніе іорданской воды.

Къ особенностямъ бѣлорусскихъ Рождественскихъ праздниковъ относятся праздничныя игри́ща, которыя имѣютъ соотношеніе къ гаданьямъ о суженомъ. Здѣсь болѣе замѣчательны слѣдующія игры: женитьба *Цярэшки*, *ящеръ и чортъ*. Женитьба Цярэшки—игра съ вакхическимъ характеромъ; она представляетъ примѣрную свадьбу нѣсколькихъ паръ. Происходитъ она въ день Рождества Хр. или Новаго года. Мѣстомъ игры обыкновенно бываетъ корчма. Выбирается «бацька зъ маткэй»; подбираются же пары слѣдующимъ образомъ: каждый парень или силой захватываетъ намѣченную имъ дѣвушку, или же подходитъ къ ней съ любезностью и надѣваетъ ей шапку. Если дѣвушка согласна быть съ нимъ въ парѣ, то она остается въ шапкѣ и садится за столъ. Тутъ начинается угощеніе и всяческія любезности. Къ концу вечера, «если на *бацьку зъ маткэй* нападаетъ ужъ особенно сильный жартъ, то послѣ обычнаго благословенія они прибавляютъ иной парѣ и слѣдующее: «Биражи, зяцёкъ, нашу дочушку, йна у насъ одна,—ни бидна, ты жъ цяперъ ўзяў іе и спи зъ дочкой» (Мат. Шейна, 101). Здѣсь, конечно, бываютъ жертвы, хотя многія пары такъ ужъ и смотрятъ на себя, какъ на мужа и жену, и дѣлаются ими законнымъ образомъ, въ дѣйствительности. Пѣсня также характеризуетъ эту игру:

„Ця́рэшка, бида стала.—
Съ кимъ яго жена спала!
Ой, подъ гаемъ зиляненькимъ,
Ци ня съ казакомъ молодзенькимъ?
Ой, гожая, пригожая
Зробила нягожая! (Мат. Шейна, 101, № 107).

Въ день Рождества Хр. въ Бѣлоруссіи распѣваются *колядки*; онѣ поются и въ слѣдующіе дни праздниковъ до Новаго года; въ канунъ же Новаго года поются *щедровки*. Обычай пѣть колядки и щедровки сохраняется только въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, среди же великорусскаго племени онъ давно уже исчезъ. Разборъ содержанія колядокъ и щедровокъ, ихъ миѳической и бытовой основы сдѣланъ уже въ замѣчательномъ изслѣдованіи профессора А. Потебни («Обзор поэтических мотивов колядок и щедровок». Русскій Филолог. Вѣстн. за 1884, 1885, 1886 и 1887 гг.). Я намѣренъ только коснуться болѣе выдающихся бѣлорусскихъ колядокъ и щедровокъ и указать на ихъ соотношеніе съ малорусскими.

Величальныя бѣлорусскія и малорусскія колядки представляютъ миѳическую основу, какъ напр. слѣдующая бѣлорус. колядка, представляющая солнце, мѣсяцъ и звѣзды небесной семьей:

„Господарскій дворъ
На семи столбахъ.
Столбы тоценые,
Позолоценные.
А на самомъ дворѣ
Стояць три церема.
Какъ во первомъ церему
Усѣло солнышко,
Въ другомъ церему—
Свѣцелъ мѣсяцъ.
А во трецьемъ церему—
Цисты звѣздушки.
Цепло солнышко—
Хозяюшка въ дому,
Цеплый мѣсяцъ—
То хозяинъ самъ,
Часты звѣздушки—
Малы дзѣтушки".

(Записки, т. V. Пѣсни Шейна, 339).

Подобное же воззрѣніе мы встрѣчаемъ въ малор. щедровкѣ (Чуб. III, 463, 25), которая по началу представляетъ большое сходство съ приведенною бѣлор. колядкою. Въ слѣдующей малорусской колядкѣ небесныя свѣтила берутся, какъ сравненіе:

„Що на неби мисяць—
Да то нашъ господарь;
А на неби зирочки—
Да то его диточкы;
А на неби зирочка—
Да то его жиночка". (Чуб. III, 430, № 170)

Такъ же распространенный мотивъ какъ бѣлор., такъ и малор. колядокъ, гдѣ свѣтила являются въ церкви. Привожу бѣлор. колядку:

„Е Прачиста Маци церкоу будовала
Радуйся, радуйся, зямля! Сынъ Божи народзіуси!
Ена будовала изъ трэма окнами,
Изъ трема окнами, изъ четырма верхами:
Е у однэ окенцэ—ясно слонцэ свѣциць,
Е у другэ окенцэ—ясенъ мѣсицъ свѣциць,
Е у трейцэ окенцэ—дробны дождзикъ сяче,
А изъ того дождзику зробиласа рэчка,
А изъ рэчки зробилосо море:
Е на туомъ же мори три корабли плыли:
Ой одзинъ корабель—самъ панъ господарь,
Ой другій корабель—дай жана яго,
Ой трейци корабель—да яго дзѣтки".

(Мат. Шейна, 59 № 39).

Въ другомъ варіантѣ бѣлор. пѣсни, съ подобнымъ же содержаніемъ, прибавляется, что въ третье окно соловей влетѣлъ, на престолѣ сѣлъ, слезку уронилъ; изъ той слезки потекла рѣка, на рѣкѣ челнокъ; въ томъ челнокѣ Марцинка сидитъ, стружечки стружетъ, въ пучечки вяжетъ и на Дунай пускаетъ, приговаривая: «Плувице, стрѣлачки, до мое дзѣвочки». (Ibid. 86, № 86). Малорусская колядка, № 172 (Чуб. III), представляетъ буквальное сходство съ бѣлорусскою;

только конецъ ея видоизмѣняется такъ: красный паничъ Михайлонько свои кудерки чеше, на Дунай несе, чтобъ ихъ мать зачернила и сына вспомянула. Еще поэтичнѣе представляется слѣдующая колядка (относящаяся къ тому же разряду), въ которой дѣвушка говоритъ съ милымъ, приплывающимъ къ ней въ видѣ гоголя:

„На тумъ Дунаю хицькіи кладки.
Ой тамъ Улитка пшеницю мила,
Зъ гоголемъ говорила:
Гоголю, гоголю, приплывы къ берегу,
Хорошенько вряжу:
Твои крилечки шовкомъ обовью,
Твои нуженьки злотомъ обкую“,
(Чуб. III, 306, № 38 Б.).

Въ слѣдующей малорусской колядкѣ яснѣе поставлены свойства небесныхъ гостей:

„Пане господару, вставай съ постели,
Вставай съ постели, видчыняй двери,
Бо йде до тебе три гостонькы:
Іденъ гостонько—ясный мисяць,
Другый гостонько—дрибенъ дощыкъ,
„Ясный мисяцю, чимъ ся похвалышъ“?
— Якъ я зійду рано зъ вечора,
Та просвитю горы й долыны,
То зрадуеться весь звиръ у поли,
А гисть при дорози.
Якъ зійде ясне сонечко рано въ недилю,
То зрадуеться весь миръ хрыстыяньскый
Ще й диткы маленькы.
„Дробенъ дощыку, чымъ ся похвалышъ?“
— Якъ я зійду три разы въ маю,
То буде росты жыто й пшеныця,
Жыто й пшеныця, всяка пашныця“. (Чуб. III, 453, 17).

Олицетвореніе праздниковъ также обычно какъ въ бѣлор., такъ и малор. колядкахъ, напр.

У пана у Игната да въ яго дворѣ,
Радуйся, Тройца, Сынъ Божій народився!
Три свѣчи горѣли, три святыхъ сядѣли:
Первое свято,—Святоя Рожество,
А другоя свято,—Святая Василля,
Третяе свято,—да Йванъ Краститель.
Рожество пришло,—намъ радысть принесло,
Василля пришла—Новы годъ принясла,
Иванъ Краститель—воду нярахристя.
Воду нярахристя злотымъ крастомъ“. (Мат. Шейна. 81, № 77).

Такія же колядки очень распространены и въ Малороссіи (Чуб. III, № 67, 80 и 88). Содержаніе многихъ колядокъ имѣетъ соотношеніе къ свадебнымъ пѣснямъ; такова, напр. колядка:

„О красна, красна, калина у лузѣ,
Святы вечаръ!
А краснѣй того Марья у татка:
По двору ходзила,—увесь дворъ красила...
До церкви ушла, якъ зара узошла".

(Мат. Шейна. 78, 73).

Одна изъ колядокъ изображаетъ, что *славный паничокъ три листы* пишетъ до царевны-королевны, а она ему отписуетъ: «Коней не томи, людзей не турбуй, якъ придзе пора пріѣду и сама». (Мат. Шейна. 77 № 70). Съ нею сходна слѣдующая малор. колядка которая, впрочемъ, обильнѣе поэтическимъ содержаніемъ, напр.

„Ни свитъ, ни зора занимается,—
Молодый Васыль прыбирается
На королевскій двиръ короливну сватать.
Одказала жъ ему да короливна:
— „Не ідь (до) мене, не сватай мене,
Я къ тоби да сама прибуду
Рано въ недилю,
Черезъ чистее поле темною хмаркою,
Черезъ сынее море сирою уткою,
Надъ твоимъ дворцомъ дрибненькымъ дощомъ,
Въ сини ввійду ясною зорою,
А въ хату ввійду ясною свичкою,
За столомъ сяду пышною панною".

(Чуб. III, 282, 6).

Къ свадьбѣ имѣютъ отношеніе колядки, изображающія дѣвицу, которая на рѣчкѣ у Кіева перевозъ держитъ; за перевозъ ей даютъ вѣнокъ и перстень: вѣнокъ для вѣнчанья, перстень для зарученья (Мат. Шейна. 67 № 54, 84, № 54. Чуб. III, 313 № 43 и 316, № 45). Сюда же относятся и тѣ колядки, которыя изображаютъ дѣвицу собирающею золотую росу для вѣнка и перстня (здѣсь же образъ миѳическаго кузнеца Мат. Шейна, 87, № 88. Чуб. III, 471, № 40).

Многія колядки оканчиваются благожеланіями, которыя большею частью относятся къ урожаю, въ родѣ слѣдующаго: «Роды, Боже, жыто, пшеницю, всяку пашницю. А намъ, дядьку, дай паляницю». (Чуб. III, 455, № 21). Съ особенною силою эти пожеланія выражаются въ обрядѣ съ *козой*, о которой причитается: «Гдзѣ козелъ ходзиць, тамъ жито родзиць, гдзѣ козелъ ступою, тамъ жито копою; гдзѣ козелъ рогомъ, тамъ жито стогомъ». (Мат. Шейна. 98, № 99; Чуб. III, 265 № 1, 268, № 2). Подъ козломъ здѣсь несомнѣнно разумѣется

миѳическое существо Волосъ—скотій богъ, что доказываетъ позднѣйшая замѣна въ слѣдующей малорусской колядкѣ:

„А въ поли, поли
Плужокъ ходыть;
А за тымъ плужкомъ
Самъ Богъ изъ рожкомъ...“ (Чуб. III, 428, № 161).

Хр. Ящуржинскій.

Народные разсказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ.

Осипъ Михайловичъ Гладкій давно уже сдѣлался народнымъ героемъ и разсказы объ немъ мало по малу теряютъ историческую почву и дѣлаются достояніемъ досужей фантазіи народа, при чемъ весьма интересно прослѣдить, какъ разсказы эти по мѣрѣ отдаленія отъ мѣста рожденія нашего героя, уклоняются отъ правды и дѣйствительности. Поэтому намъ кажется, что возникшія въ свое время между родственниками Гладкого и редакціей «Русской Старины» препирательства изъ за нѣкоторыхъ подробностей, напечатанныхъ въ этомъ почтенномъ журналѣ, относительно жизни и подвиговъ новаго малорусскаго герая, не могутъ удержать насъ отъ обнародованья всего того, что намъ самымъ посчасливилось услышать изъ устъ народа.—Затѣмъ такъ какъ всѣ эти разсказы мы слышали по малорусски, то и передаемъ ихъ на этомъ языкѣ, какъ они нами въ свое время были записаны.

Ще за мою памьять,—разсказывала мнѣ одна мелкопомѣстная дворянка Т. Д., жительница села Д. золотоношскаго уѣзда,—бувъ у сели Мельникахъ, нашого таки повиту, головою Мыхайло Гладкый изъ Крутьковъ, дуже зажыточный чоловикъ, а якъ умеръ, то зосталося писля его два сына. Менчый Іосыпъ ожинывся таки въ Мелныкахъ и швыдко перевивъ усю батькивщыну, бо бувъ страшенный пьяныця. Бувало якъ пріиде до насъ въ Д..., то заразъ до свого пріятеля Семена Джуры (по ревызіи Хоменка), та такъ напьеться, що якъ колода лежыть пьяный на улыци. Отъ покынувшы жинку и четверо дитокъ, вырядывся винъ на заробитки до моря, гай опынывся въ Одеси и почавъ тамъ бондаруваты, а потимъ нанявся до якогось пана на село, та тамъ и злюбывся зъ горнычною. Дійшло дило до вынъця. Тилькы пипъ не дурный бувъ и не схотивъ винчаты безъ свидетельства, а дали хтось написавъ у Мелныкы, покы жъ звидтиля одписала жинка, то нашъ Іосыпъ опынывся ажъ у Керчи. Тутъ его и піймалы Некрасовци, а атаманъ ихъ узявъ ёго за хлопця до себе. Потимъ отаманъ дуже занедужавъ и Іосыпъ доглядавъ ёго, якъ ридного батька, а дали отаманъ, умираючы, заговорывъ его одъ кули и наказувавъ своимъ, щобъ назначылы его отаманомъ. Некрасовци послухалы и наставылы Гладкого ота-

маномъ. Тоди, якъ разъ, султанъ воёвавъ зъ молдаванамы и потребувавъ одъ Іосыпа війска. Той послухавъ и небидывъ. Султанъ хотивъ его наградыты, а винъ ніякои награды не схотивъ, а прохавъ тилькы незавысымосты (sic) одъ обчества, щобъ самъ султанъ его назначывъ. Той послухавъ и назвавъ его двубунчужнымъ пашею, а тутъ султанъ якъ разъ почавъ войну зъ рускымъ царемъ и зновъ потребувавъ війська. Гладкый одвичавъ, що самъ выбере, та пріихавшы до своихъ, пидмовывъ передаться руському царю, а тихъ, що не послухалы, поспыхавъ у воду. Потимъ явився винъ до генорала Красовського и требувавъ, щобъ ёго допустылы до царя. Его допустылы, а винъ и обыцявся узять Сылистрію безъ урону людей. Якъ взялы жъ Сылистрію, то царь и спытавъ Гладкого, звидкиля винъ, а Гладкій усе чысто розказавъ ему по правди, и те, що винъ безпачпортный, не сказавъ тилькы того, що винъ уже жонатый. Царь наградывъ его и зробывъ полковныкомъ. Писля того Гладкый заразъ написавъ до жинкы, а та бидна дуже бидувала безъ чоловика, жывучы у велыкій бидности, неразъ іи и въ гапу (колодка) сажалы за неоплатки, водылы босу по морозу, а разъ одвалылы комору одъ хаты и продалы. Ходыла вона бидна и на заробитки, а одного сына наняла у наймы въ село Устымовку херсоньскои губерни.

Прыславъ Гладкый дочкамъ по платку и грошей, а тымъ часомъ справныкъ (тоди у насъ справныкомъ бувъ Васыль Осыповычъ Товбычъ) послявъ до неи голову и козакивъ. Ти якъ прыйшлы, то заразъ нызенько вклонылысь ій и шапкы поздіймалы, а голова хотивъ оддать десять червинцивъ. Перелякалы чысто бидну бабу, бо мыслыла вона, що іи дурять и остатну копійку хотять выдурыть.

Проте пысьмо, що давъ голова, узяла и понесла до священныка, та и пысьму не дала виры, та вже справныку повирыла. Самъ Гладкый поихавъ въ Питенбурхъ ажъ до царя и на цей разъ, якъ почавъ его царь роспытуваты, чомъ винъ не прызнався, що вже жонатый, то винъ сказавъ, що побоявся тоди правду сказаты. Царь давъ ему потомственне дворянство, а винъ и брату тежъ выпрохавъ. А якъ прыихавъ до дому, то навизъ дочкамъ подаркивъ, а тимъ часомъ и сына Васыля повернулы зъ наймивъ и оддалы въ науку до золотоношського смотрителя, а меньчынького Демьяна въ пажескій корпусъ. Дочка Олена у насъ (у разсказчицы и ея сестры) научылась грамоти, а потимъ оддалы іи въ Катерынославъ въ учылыще и выйшла вона, якъ вже обучылась, за майора Пысаренка.

Гладкый и до насъ прыиздывъ. Прыихавъ такымъ гонораломъ, а якъ выйшовъ у горныци, той пытае по простому: „Чы пизнаете мене, я той самый Іосыпъ, що у вашого Семена пьяный пидъ тыномъ ночувавъ?“... А потимъ и почавъ розказувать, якъ винъ азовськымы чорноморцямы камандувавъ, такъ одынъ смихъ тай годи було слухать. „Військо—крычу я имъ—на чотыры шматкы порвысь!“ А скурвыны сыны ажъ на пьять порвалысь.—„А той пьятый по тимъ шматкомъ сховайся!“ Не було жъ ему вдачи зъ тымы чорноморцямы. Якъ не мурдувався, а воны такы збунтувалысь, тоди винъ выйшовъ изъ службы и купывъ соби меніе въ херсонській губерни, а до насъ прыиздывъ уже генораломъ кунувать людей.—Зъ жинкой чыста була кумедія. Отто якъ прыихала вона до насъ зъ дочкою, мы и подалы ій кохвыю, а вона взяла въ рукы тай каже: „Бувайте здорови!“ Мы іи й пытаемо де та грамота, що царь давъ на дворянство, а вона намъ: „Нехай же, каже,—якъ сама получу, то й покажу“... А потимъ и почала розказуваты, що теперъ іи чоловикъ усе видмосты, та мазепы чытае!“...

А вотъ и другой разсказъ про Гладкого, записанный нами со словъ 120-лѣтняго старика Марка Костенка или Мостоваго — по уличному. Онъ и теперь еще живъ и много интереснаго приходилось намъ отъ него слышать.

Зазнаю я ще запорожську церкву у Катеринославі. Дуже гарна, у девьять бань була вона, а въ ней бувъ тоненький, якъ солома, хрестыкъ у палець не бильше, а освищавъ той хрестыкъ у ночи всю церкву—хочъ голкы збырай.

Потимъ бралы ото Шумлу. Бралы, бралы, та ничого не подіють. Запорожець и каже царю, що въ три часы Шумлу визьме. Отъ запорожець прокопавъ ривъ, пустывъ въ его воду, та зъ другого боку ззаду и війшлы въ Шумлу.

— Се вы про Гладкого розказуете, диду!?...

— Про Гладкого, про Гладкого!...

— Винъ же зъ золотоношського повиту...

— Знаю, знаю!...

У насъ той Гладкый не схотивъ обидаты у Тоцького, а дали понихавъ у Золотоношу. Такъ ни городничый, и нихто не знавъ, що воно за птыця. Одначе по выду взналы, що шось важне, и пытають, що ёму треба, де ёму кватыру одвесты. А винъ и каже, що у такои то жинкы. Здывувалысь уси, одначе городничый и други паны повезлы ёго до тыеи бабы, а та якъ побачыла ёго, то зляку не знала, що й робыть. Дали винъ каже, шобъ вона зготовыла имъ ужынокъ (sic) и зразъ давъ ій на борошно 25 карбованцивъ. Пишла вона за тымъ борошномъ, а люды далы, ій скилькы було треба, и грошей не взялы. Дае винъ ій ще 25 карбованцивъ на дви курыци—и ти ій дарма далы сусиды. Дае винъ ще 25 карбованцивъ на пивкварты, и якъ прынесла вона горилкы, то винъ каже:

„Почастуй же!...

Якъ пиднесла вона ему горилку, винъ и пытае, чы пизнала бъ вона свого чоловика? А вона одвитуе, що де его вже пизнаты, колы стилькы годъ не бачылысь.

„А чы не було—каже—у твого чоловика якои прымиты?“...

— Була—каже вона—одна прымита: шрамъ на шыи одъ золотухы, такъ якъ долонею закрыть.

Отъ винъ одвернувъ комиръ сорочкы, тай каже: „Дывысь!“...

Якъ глянула жъ вона тай пизнала свого чоловика.

— Шо жъ узявъ винъ свою жинку?—спросилъ я. „Узявъ. Вона и у Лубняхъ була зъ нымъ, якъ дывився винъ тутъ на військо, и жыла въ вольній аптеци. Уси дывувалысь, що така персона, та не зцуралась такого шкарбоня.

Сообщ. **А. Савичъ.**

Г. Лубны.

Рукописный альбомъ Андрея Ищенка 1780—82 гг.

Хотя, безспорно, въ наше время и потребность въ чтеніи и литературные вкусы стоятъ гораздо выше, чѣмъ было это въ прошломъ столѣтіи, но нельзя однако игнорировать того факта, что мы, при разборѣ всякихъ старинныхъ фамильныхъ бумагъ, наталкиваемся очень часто на весьма любопытные образчики увлеченія и почитанія литературнаго слова и въ нашей старинѣ. Скажемъ больше того.—Теперь преимущественно этотъ піететъ къ литературному слову замѣчается въ той культурной средѣ, которая представляетъ изъ себя интеллигенцію болѣе высокаго разбора и которая прошла среднюю или даже высшую школу обнаруживаетъ же себя этотъ піететъ любовью къ чтенію текущихъ періодическихъ изданій и книгъ, любовью къ научнымъ занятіямъ и т. п. Въ прежнее же время это уваженіе къ слову было удѣломъ самаго зауряднаго интеллигента, едва лишь прошедшаго школу грамотности, и выражалось оно, помимо чтенія, еще въ переписываніи излюбленныхъ произведеній въ особыя тетрадки составлявшія своего рода альбомъ. Не такъ еще давно, полъ вѣка назадъ, эта черта была свойственна тогдашнему грамотнику: у насъ въ рукахъ имѣются довольно изящно переписанныя въ 30-хъ годахъ тетрадки съ безсмертной комедіей Грибоѣдова, со многими поэмами Пушкина и пр. Конечно, это можно объяснить и тѣмъ, что печатная книга тогда не такъ циркулировала, какъ теперь, была сравнительно очень дорога; но это не единственная причина: несомнѣнно, не малую роль играла здѣсь и почтительная любовь къ литературному слову. Вѣдь и теперь далеко не у всякаго культурнаго человѣка вы найдете достаточный запасъ печатныхъ книгъ, но въ то же время ни у кого почти не найдете и рукописныхъ копій съ нихъ. Ужъ и говорить нечего о томъ, чтобы въ наше время нашелся такой захолустный скромный интеллигентъ, который взялся бы за перо и написалъ, старательно выводя буквы: „Въ сей Кωмагї Випїсаннїе Разнїе Ѱалмы и пѣсны Ѿтѣшителнїе Випїсанїежъ Капїнистомъ Андреемъ Ищенкомъ; 1782-го годꙋ мца Апрїлѧ 21-го днѧ“. И такая не одна тетрадка, а цѣлыхъ три, которыя всѣ къ сожалѣнію, найдены мною въ бумажномъ старомъ хламѣ въ истрепанномъ видѣ. Кромѣ только что озаглавленной, другая тетрадь писана въ 1780 году и начата писцомъ Сотенной Золотоношской канцеляріи Андреемъ Сербиненкомъ, а продолжена и въ 1781-мъ году Андреемъ Ищенкомъ. Этому же Андрею Ищенку принадлежитъ и третья тетрадь, которая

представляетъ изъ себя собраніе 165 избранныхъ пословицъ; на этой тетради стоитъ карандашная замѣтка объ Ищенкѣ, что онъ прожилъ «89 годъ», при чемъ тутъ обозначенъ и его чинъ—коллежскій секретарь. Подпись въ разныхъ мѣстахъ этихъ тетрадокъ, варьирующая фамилію писца (Ищенко, Ѣщенко, Ещенковъ), свидѣтельствуетъ о томъ, что писались онѣ въ г. Золотоношѣ (полтав. губ.) писцемъ, или—какъ онъ себя именуетъ—«копіистомъ», «подканцеляристомъ» золотоношской сотенной канцеляріи. Какова была культура этого копіиста, можно отчасти судить по надписанію, сдѣланному въ двухъ тетрадяхъ: «хто от'сый Ѱсалмы можетъ украсты, то будетъ онъ сто годъ свинѣ изусіого свита изусѣмъ своимъ нащадкомъ пасты». Какъ ни страшна такая перспектива для посторонняго обладателя этихъ тетрадокъ, но мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи, нашедши ихъ въ пріобрѣтенныхъ нами рукописяхъ, посчитать ихъ собственностью, тѣмъ болѣе, что и зловѣщій столѣтній срокъ свинопасенія уже истекъ лѣтъ 6 назадъ.

Помимо того интереса, который можетъ представлять самый фактъ существованія этой альбомной литературы въ концѣ прошлаго вѣка, въ данныхъ тетрадкахъ можно еще заинтересоваться и подборомъ литературнаго матеріала, и его расположеніемъ. Большинство его [1]) падаетъ на «псальмы», или пѣсни религіозно-назидательнаго характера; но среди двухъ такихъ пѣсенъ можно встрѣтить и пѣсню шуточнаго содержанія, а иногда псальма какая нибудь заканчивается словами: «конецъ, пѣшла баба у танецъ».

Нѣкоторыя изъ этихъ псальмъ по языку почти приближаются къ церковно-славянскому, другіе же—почти переходятъ въ народную малорусскую рѣчь.

Для образца выпишу нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ разнороднаго содержанія.

Пѣснь Пряжевской Божіей Матери [2]).

Псальма эта записана въ двухъ тетрадкахъ: разъ—Сербиненкомъ, а другой—Ищенкомъ, при чемъ оба записывателя нѣсколько искажали отдѣльныя слова, т. ч. я, свѣривъ оба списка, помѣщаю

[1]) Въ двухъ полныхъ тетрадкахъ, состоящихъ изъ 15 четвертушекъ, помѣщается 32 пѣсни.

[2]) Пѣсни въ честь Божіей Матери очень распространены въ разныхъ спискахъ, а равно и въ устахъ народа; но намъ не удалось разыскать даннаго текста въ честь Пряжевской Божіей Матери. Село Пряжево находится въ волынской губ.,

сводный болѣе исправный текстъ. Правописанія подлинниковъ не удерживаю, такъ какъ оно представляется мнѣ мало характернымъ, кромѣ отдѣльныхъ словъ, которыя обозначаю курсивомъ. Записаны всѣ пѣсни безъ раздѣленія ихъ на стихи, прямо въ строку.

1) Отворитеся вси очы нынѣ, присмотритеся таковой новинѣ, что днесь теперъ показало и у Пряжевѣ ново стало отъ иконы Пречистой Панны.

2) Темнымъ очы отворяются, прокаженные очищаются, и кого жъ только щиро кохаетъ, со вѣрою прихождаетъ, неотмѣнно цѣлбу пріемлетъ.

3) Эмпирейскіе суть намъ небеса, испущаютъ вѣрнымъ чудеса, за причиною Матки Божои дождались мы ласки многои у Пряжевѣ, въ мѣстечку новомъ.

4) О Дѣво Маріе, Пречиста Панно во порфирѣ, златомъ одѣянна, на рукахъ держитъ младенца, Сына Бога и первенца, со слезамы молися за нами.

5) Архангельскій гласъ услышимо, Дѣву Марію прославимо, чтобъ насъ могла дароваты, отъ вѣчныхъ мукъ свобождаты, дабы насъ избавила отъ вѣчнои смерты.

Пѣснь святымъ равноапостольнымъ царемъ Борысу и Хлѣбу

1) Да трублять, да трублять въ Россійской земли трубы, во святомъ храмѣ семъ является чудо; во всемъ мирѣ гласитъ двоихъ выхваляетъ во мирѣ.

2) Когда ихъ Святополкъ на пути видѣша, святаго Бориса копіемъ пробиша; князя Давыда ножемъ заколаетъ, Христосъ на ихъ главы вѣнцы полагаетъ нетлѣнны.

3) По страсти злый убійца, тѣло въ земли скрыша, обоихъ страдалцевъ во блато втопиша, Богъ святыхъ царей честью прославляетъ, отъ земли на небо столпъ созидаетъ кривавой.

въ 12 верстахъ отъ Житомира, при впаденіи р. Коденки въ р. Гуйву. Въ недавно вышедшей книгѣ подъ заглавіемъ „Историко-статистич. описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи“, сост. Н. Теодоровичъ (Почаевъ 1888 г.), находимъ указаніе на то, что въ этомъ селѣ есть церковь во имя Воскресенія Христова, построенная въ 1750 г. (стр. 70), но ни словомъ не поминается объ иконѣ Божіей Матери; равнымъ образомъ, не находимъ указанія на чествованіе Пряжевской Божіей Матери и въ книгѣ „Жизнь Пресвятой Богородицы и сказаніе о всѣхъ чудотворныхъ иконахъ ея, прославляемыхъ въ православной церкви“, сост. Е. Тихомировымъ, Москва 1884 г.

4) Разъярився злый убійца какъ Иродъ на дѣти, не восхотѣлъ зъ братіею на столцѣ сидѣти, началъ мыслити, какъ братевъ убити, какъ Іуда Христа лобзаетъ во уста убійца.

5) Яко *Каинъ* Авеля *убы* жертву телецъ, тако уби Святополкъ братію за столецъ. О Святополче, прегордый волче! братію убивъ, столца достигнулъ во адѣ.

6) Радуйтеся страдалцы Борисе и Хлѣбе, пріемши вѣнцы отъ Христа на высокомъ небѣ; вамъ подобаетъ веселитися, о насъ *Господевѣ* молитися о грѣсѣхъ.

Изъ многихъ варіантовъ пѣсенъ въ честь Бориса и Глѣба (см. у Безсонова «Калѣки Перехожіе» вып. 3, стр. 625—669) нѣтъ ни одного, который приближался бы хоть сколько нибудь къ данному. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности воспользоваться почаевскимъ Богогласникомъ, изд. 1825 г., гдѣ, весьма вѣроятно, можно отыскать источникъ большей части всѣхъ псальмъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ Ищенка.

Пѣснь о пьянствѣ.

Что въ семъ мирѣ является, то *вѣсконечне* (всеконечне) се человѣкъ, въ свѣтѣ грѣшитъ такъ нестатечне. А *грѣсячы* себѣ *мишлитъ*, бо я еще младъ—покаюся, прежде смерти не пойду во адъ. А діаволъ слѣдомъ за нимъ на путь изводитъ, на *блюдъ*, на сваръ, на забойство людей приводитъ. Прійдѣте въ домъ *колчественной* (корчемственный?), хмелю закусѣмъ; пропившися, умъ загубивъ, грѣшиты мусимъ. Хоть бы къ нему прійшолъ отецъ албо и мати, приводячы на доброе, бо жаль дитяты, ажъ отъ *ныхъ* какъ звѣръ бѣжитъ, словесъ не любитъ, нагъ сидя, та въ кулакъ трубитъ. Прійшло время блудящому въ пекло ступаты, узрятъ сына блудящаго отецъ и маты, а онъ же къ нимъ возглаголетъ, прося ратунку; бѣжатъ къ нему отецъ и маты хвативши смутку.

Пѣснь о смерти.

Нѣсколько псальмъ встрѣчаемъ здѣсь, написанныхъ на общераспространенную тему о смерти; выписываемъ изъ нихъ одну, которая намъ кажется болѣе характерной; отдаленный варіантъ ея находимъ въ «Богогласникѣ», изд. холмскимъ братствомъ (Кіевъ 1885 г., стр. 118).

1. Еще *слонце* не заходитъ, я спаты ложуся, ко исповѣди не готовлюся, Богу не молюся.

2. Спамятай же человѣче остатніе.. (?), дадутъ тебѣ смутную труну и темное ложе.

3. Не дай мнѣ во гресехъ умерты, ахъ мой милый Боже!

4. *Останетця* сребро и злато, дорогіе шаты; да вжъ жъ мнѣ *исобою* (изъ собою) на той свѣтъ не браты.

5. Хочъ бы я и взялъ *исобою*, тамъ того *нетра*: сажень *земль* и *четирь* дошки спасенія съ неба.

6. (Останеця) ударятъ *увусь* (у вси) звоны по скорой годинѣ, отклоняюсь всему свѣту и своей родинѣ.

7. Ой якъ уложатъ грѣшное тѣло въ глыбокое доле и насыплютъ *пъску* на очи—не глянетъ *ньколи*.

8. Зеленіе вѣты квѣты земля выпускаетъ по умершой сиротинѣ и весь родъ питаетъ.

9. Не ищите, не *обрящите* уже его (земля) бдяща (?), выпускаетъ земля траву по нему лежащомъ.

Пиршество у воробья.

И вотъ среди пѣсенъ такого содержанія встрѣчаемъ шуточную пѣсню о птичьемъ царствѣ, какъ извѣстно, часто фигурирующемъ въ народныхъ произведеніяхъ. Почти такой же варіантъ имѣется у насъ въ рукописномъ собраніи пѣсенъ Ходаковскаго (въ началѣ 20 годовъ нынѣшняго столѣтія).

1. Óючинивъ (ой учынывъ) *оробей* на прыпичку жнива; *съмолотивши* наварывъ пшеничного пыва; тры тычины хмелю давъ, потомъ *барже заловивъ* (бардзо жаловавъ) *младомъ избърати* (ставъ дома збираты—у Ходаковск.), гостей частоваты.

2. Ой прылетивъ снигирець, сыритнычокъ непростый. Ахъ мой мылый оробей! идуть *тебѣ гостѣ*: иде панъ журавель, а твой дядюшка хрустель, и пани сыныця—родная сестрыця.

3. Ой кинется оробей гостей выглядаты; колы гляне быстрымъ окомъ, аще й не выдаты,—*только* два пугачи, преславныи трубачи: *твоей ограниста* (органиста), панъ *кручко* (sic) (у Ходаков.—нѣтъ) басыстый.

4. Мои мыли *панованіе* музыканты! заиграйте *мнѣ пофранцузской*, а я пойду въ танци, пане *кручко*. Заграй, снигирчику, заскрыпы; мои *милѣ букцане*, (у Ходаков.—нѣтъ; въ другомъ стихѣ вмѣсто *журавель* поставлено *боцянъ*—аистъ) заграй на *ориане*.

5. Ой весело оробей въ дому гуляетъ, запрошенныхъ гостей къ себѣ не принимаетъ. Гости идутъ *заспни* (?) (у Ходаков.—замки бьютъ, одчиняютъ, одмыкаютъ) бьютъ, замки одбиваютъ, *самы* двери одчиняютъ; а оробей не бачитъ, въ дому своемъ скачетъ.

6. Штурмомъ прыйшлы до хаты; переставъ танцуваты, ставши *себѣ* у порога, да ставъ частуваты. Гей, гей! мылая дружыночко, вирная! Я, оробей, *чикавъ* я васъ по всей часъ.

7. На той бенкетъ комаря съ комашкой вбылы, *штирѣ полки солили* (?) (у Ходаков.—пилти солонини?) съ комаря злупылы, сто ковбасъ начинылы, *штирѣ полки извялили*, ребра *приткали* (?) (у Ход.—схабы прыпекалы), гостей годувалы.

8. Було жъ того до полночи. Сова прылетила; прылетивши потыхеньку, да подъ столомъ сила. А старый панъ журавель загадавъ слаты постель, а хрустель упывся да подъ столомъ звалывся.

9. Да вжежъ сова хрустеля уполъ перервала, а старому журавлю горло передрала, музыкантовъ поразила, и всихъ гостей *розгнала*, а сороки *спечъ* (съ печи) мусилы *утечъ* (утечи—утекти).

10. Только сова съ пугачами зосталася въ хати, танцуваты по французской звелила. Гей, гей, совуле, *сокулная матуле*! гуляй доволи, до своей воли!

11. Гуляла сова доволи, да вже упылася, пыва пыты не схотила, браги опылася. Гей, гей, совуле, сокулная матуле! *Тѣмъ* теперъ на *вловы* во мнозимъ *потолъ* (?) (у Ходак.—ходимо на вловы на ничъ до стодолы).

Народныя малорусскія пѣсни.

Изъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ встрѣчаемъ нѣсколько интересныхъ варіантовъ, которые считаю умѣстнымъ выписать здѣсь, какъ относящіеся по времени записи къ прошлому вѣку.

I.

Да оравъ чоловикъ край дорогы
Гей, гей, край дорогы! (припѣвъ послѣ каждой строчки).
Та у его волы круторогы,
Та погонычи чорнобровы
. . . . . .
Тѣ повись бурдюгъ на берези
. . . . . .
Ой тамъ дивки грыбы рвалы,
Та воны, суки, бурдюгъ вкралы,
Та не порожній съ пыроґамы
. . . . . .

Та пишовъ бы я доганяты,
Та будуть, сукы, за чубъ рваты.
Одна дивка Катерына
Та на берези ноги мыла
Та вона въ школу заблудыла.
Та іи маты все пытала:
Та де жъ ты, донько, ночувала.
Ночувала, маты, съ школярамы
Та пидъ гарнымы соболямы.
Ой на школи, маты, кринъ зеленепькій
Та въ школи, маты, дякъ молоденькій.

II.

Ой два браты, два браты воны родныи;
Воны попелъ палылы, у Добрянку возылы,

У Добрянци продавалы, ихъ у салдаты и побралы.
Ой глядите вы, капралы, щобъ булы салдаты вбрани
Щобъ головки почесаны, мундыри червоны
Щобъ кгудзыки счижовыи и поясы зеленыи.
Щобъ колинця побиленыи,
Щобъ сапоги чернохенти, и чулочкы шовковыи.

III.

Въ славномъ городи да Переясловли да покопаны шанци—
Ишовъ козакъ до дивчыны, да не ввечери—въ ранци.

—

Да казавъ же ты, да козаченьку, Гали не любыты;
А прыйшовшы пидъ оконечко: да подай, Галю, пыты!

—

Дурна, Галю, нерозумна! дурный розумъ маешъ,
Що ты мене, да козаченька, на ничъ не пускаешъ!

—

Ой рада бъ я, да козаченьку, тебе на ничъ пускаты, —
Стоить округъ да куминанія, да хотять насъ пойматы.

—

Да ище жъ Гали не поймалы, ище не вхопылы,
Да вже жъ худобоньку всю роспредилылы.

—

Отаману коня далы, а сотныку зброю, —
Мандруй, мандруй, сердце Галю, въ мандривочку изо мною.

—

Ой рада бъ я, да козаченьку, съ тобою мандруваты, —
Ой есть у мене старая маты да буде проклынаты.

—

Въ славномъ городи да Переясловли да малёвани *данки* (кганки).
Сыдыть козакъ у кайданахъ да у Гали коханки.

—

Плыве щука съ Кременчука, пробывае скука (?), —
Оттеперъ же, сердце Галю, съ тобою розлука.

IV.

Къ величайшему сожалѣнію, не сохранилась въ цѣломъ видѣ еще одна пѣсня, можетъ быть, самая интересная, судя по конечнымъ стихамъ, оставшимся въ рукописи. Это несомнѣнно какая то историческая пѣснь, приближающаяся къ думамъ. Конецъ ея такой:

Ой стѣйте лишенъ панове молодцѣ! Есть у насъ грамота за старого Гога насланна,
Якъ намъ ище за гетмана Хмелнѣцкого надъ ляхами воля данна.

Изъ приведенныхъ народныхъ пѣсенъ особенно обращаетъ вниманіе на себя пѣсня № 2, какъ записанная очень скоро послѣ ея

сложенія. Она относится къ рекрутскимъ пѣснямъ и пріурочена къ посаду Добрянкѣ (черниг. губ., городниц. уѣзда), гдѣ очевидно было главное управленіе по рекрутскому набору.

Есть тутъ и одна пѣсня великорусской поэзіи, очень плохо записанная; весь интересъ ея въ томъ, что она есть свидѣтель вкуса переписчика и неразборчивости его въ выборѣ матеріала.

Пойди прочь, не досаждай мнѣ молодецъ! Я привыкла здѣсь пасти одна овецъ. Скучно было мнѣ одной здѣсь жить весной, такъ тогда ты не пришелъ гулять, со мной танцовать (?). Я и весною была, я въ деревнѣ всѣхъ дорожныхъ слѣдила; теперь видишь, какъ худа стала, блѣдна, оттого что все весной была *една*. Всякой день цѣлушки видѣла, подъ кустомъ другъ ко другу притулялись; тамъ обнимались, цѣловались; всякой часъ *въ* меня слезы канули изъ глазъ. Лѣтомъ видись, что и тварь можетъ любить и вездѣ съ подругомъ своимъ жить. Все бѣдная знала, что мнѣ зачать, оттого что не могла *каво сказать* (?). Ты не думай, чтобы даромъ то *пойшло*. Ахъ, когдабъ и само на тебя *найшло*, что терпѣла я недѣлю или двѣ! Черезъ рѣчку почто бросился ко мнѣ?

Заканчивая обзоръ рукописнаго альбома Ищенка, считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то, что преобладающими являются въ немъ пѣсни не лѣвобережныя, какъ слѣдовало бы ожидать въ Золотоношѣ, а правобережныя, особенно, что касается *псальмъ*. Объясненіе тому можно найти въ томъ фактѣ, что лѣвобережная Украина тогда не представила еще выдающагося литературнаго творчества, подобнаго тому, какое стало проявляться нѣсколько лѣтъ спустя въ Полтавщинѣ и Харьковщинѣ; а за то Золотоноша была въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ правобережной Каневщиной, откуда и могли идти всѣ литературныя заимствованія.

В. Науменко.

Къ исторіи учрежденія Кіевскаго Дворянскаго Собранія.

9 го іюля минувшаго 1888 года Кіевское Дворянское Собраніе, именуемое обыкновенно Дворянскимъ клубомъ, праздновало пятидесятилѣтіе своего существованія и къ этому празднеству приготовило маленькую книжечку подъ заглавіемъ «Кіевское Дворянское Собраніе. Первое пятидесятилѣтіе. 1838—1888».

На первой же страницѣ въ этомъ юбилейномъ изданіи мы встрѣчаемся съ фактомъ сомнѣнія, когда именно совершилось открытіе Дворянскаго Собранія—въ 1838 или 1839 году. Сомнѣніе это

рѣшается не какими нибудь достовѣрными фактическими данными, а исключительно со словъ одного кіевскаго старожила. У насъ въ рукахъ имѣются документальныя данныя, которыя позволяютъ точно рѣшить этотъ вопросъ и, сверхъ того, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на обстановку жизни этого учрежденія въ первый годъ его существованія, что намъ кажется небезъинтереснымъ и для характеристики жизни Кіева 50 лѣтъ назадъ.

Прежде всего приходится пожалѣть о томъ, что Кіевское Дворянское Собраніе совершенно лишено своего архива, по крайней мѣрѣ за первыя 28 лѣтъ, какъ это указываетъ намъ упомянутая брошюрка, почему мы не имѣемъ возможности узнать никакихъ частностей, касающихся какъ мотивовъ для учрежденія собранія, такъ и фактовъ проявленія жизни въ немъ. Что болѣе или менѣе правильныя «благородныя собранія» въ Кіевѣ существовали значительно раньше 1838 года, но только безъ опредѣленнаго устава,—въ этомъ удостовѣряетъ насъ найденный въ бумагахъ покойнаго М. А. Максимовича, перваго ректора кіевскаго университета, подписной листъ отъ директоровъ Кіевскаго Благороднаго Собранія, помѣченный 18 ноября 1834 года. Изъ этого листа видно, что и раньше 1834 года были уже благородныя собранія, и что на зимній сезонъ 1834—35 года только предложено было продолженіе подписки на нихъ. Вотъ подлинный текстъ этого листа:

«Отъ Директоровъ Кіевскаго Благороднаго Собранія, по истекшей подпискѣ, предлагается новая подписка на собраніе въ продолженіе наступающей зимы до великаго поста будущаго 1835 года; въ теченіе сего времени предполагается быть однимъ танцовальнымъ собраніямъ по одному въ каждую недѣлю, приноравливая оныя къ ежевременнымъ праздникамъ и другимъ случайнымъ днямъ, но такъ, чтобы общее число собраній было не менѣе десяти; впрочемъ, подробности о семъ имѣютъ быть объявлены въ свое время, а первое собраніе предполагается въ день Тезоименитства Его Императорскаго Величества. Принявъ сіе за основаніе и пригласивъ кіевскаго купца Линовскаго, нанявшаго Дворцовые флигеля, устроить одинъ изъ нихъ для таковыхъ собраній, они, Директоры Кіевскаго Благороднаго Собранія, находятъ возможность ограничить подписною цѣну съ каждаго мущины въ 25 руб. ассиг., оставляя входъ для дамъ, равно всѣ прочія постановленія, утвержденныя по прежнимъ подпискамъ, на прежнемъ основаніи. Имѣя честь объявить о семъ гг. членамъ Кіевскаго Благороднаго Общества, они, Директоры таковаго Собранія, всепокорнѣйше

просятъ изъявить свое согласіе на учрежденіе собранія подписью своею на семъ». 18 ноября 1834 г.

Подписались на этомъ листѣ: Ректоръ Университета Михаилъ Максимовичъ, Деканъ Степанъ Выжевскій и Профессоръ Владиміръ Цыхъ.

Очевидно отсюда, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до 1838 года были собранія, именовавшіяся «благородными», которыя хотя были и безъ устава, но отличались правильностью, такъ какъ руководились опредѣленными (вѣроятно по избранію) директорами; члены же ежегодно могли мѣняться, въ зависимости отъ подписки на каждый данный сезонъ. Надо предполагать, что устраивая въ такомъ видѣ собранія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, члены порѣшили 9-го іюля 1838 года ходатайствовать объ утвержденіи правильнаго устава этихъ собраній, и хотя уставъ былъ утвержденъ только въ 1839 году, но они положили началомъ правильнаго общества «благородныхъ собраній» считать день своего постановленія, т. е. 9 іюля 1838 года, и съ этого времени начали вести и свою публичную отчетность. Это доказывается другимъ документомъ, имѣющимся у насъ,—краткимъ печатнымъ отчетомъ Кіевскаго Благороднаго Собранія за первый годъ существованія съ 9-го іюля 1838 года по 9 іюля 1839 года.

Отчетъ этотъ представляетъ очень много любопытнаго для характеристики тогдашней кіевской жизни, особенно по сравненію съ теперешнею жизнью Дворянскаго Собранія, поскольку она касается гражданъ Кіева.

Главнымъ доходомъ служили взносы постоянныхъ членовъ. Всѣхъ членовъ было 86; они взнесли 9632 руб. монетнымъ счетомъ [1]), т. е. 8600 руб. ассигнаціоннымъ,—слѣдовательно членскій взносъ былъ установленъ въ 100 р. ассигнаціями, а на серебро 28 р. $57^1/_7$ коп. Если принять во вниманіе, что общій приходъ за годъ составлялъ 15269 р. 56 к. монетнымъ счетомъ, то увидимъ, что $^2/_3$ всего дохода падало на членскіе взносы—явленіе, далеко не похожее на бюджетъ теперешняго дворянскаго собранія, гдѣ громадный перевѣсъ въ доходности выпадаетъ на карты и штрафы. Въ указанной бро-

[1]) Монетный счетъ можетъ быть опредѣленъ такъ: 100 единицъ ассигнаціонныхъ равнялись 112 единицамъ монетнымъ (старой мѣдной монетой), и тѣ же 100 единицъ ассигнаціонныхъ равнялись 28,57 на серебро, иначе 1 рубль серебра равнялся 3 р. 50 к. ассигнаціями. (См. подробно объ этомъ въ книгѣ „Карманныя таблицы для точнаго и легкаго переложенія и разсчета ассигнацій на серебро и серебра на ассигнаціи". Составлена Щ.... Спб. 1841 г.)

шюркѣ, напримѣръ, находимъ, что доходъ съ картъ въ 1887 году составлялъ 44700 руб., да сверхъ того, штрафы за игру послѣ установленнаго часа — 9800 р., тогда какъ членскіе взносы (309 членовъ по 25 р. каждый) равнялись всего 7725 руб. Въ доброе же старое время, очевидно, игра въ карты не была въ большомъ ходу, т. к. доходъ съ картъ показанъ въ 1939 р. 84 к. монетнымъ счетомъ, т. е. 1732 р. на ассигнаціи или около 500 руб. на серебро, а за вычетомъ стоимости картъ 728 р. 50 к. ассигнаціями чистой прибыли получится 1003 р. 50 к. ассигнац., или около 287 р. на серебро. О штрафныхъ же деньгахъ тогда и помину не было. Изъ другихъ статей дохода видное мѣсто занимаетъ плата временныхъ членовъ (вѣроятно то, что теперь носитъ названіе гостей)—1005 р. ассигнаціями (1125 р. 60 к. монетою) и плата за входъ гостей на балъ около 1768 руб. ассигнаціями (1980 р. монетою).

Очевидно, центръ тяжести развлеченій тогдашняго собранія составляли балы, т. к. изъ отчета видно, что, во 1-хъ, всѣхъ баловъ въ теченіе года было устроено 41, и во 2-хъ, главный расходъ (4992 р. 62 к. монетою, т. е. около 4458 руб. ассигнаціями) приходится на устройство ихъ. Самыя цифры показываютъ, что характеръ этихъ баловъ отличался скромностью, т. к. въ счетъ общаго, сравнительно небольшаго, расхода на балы вошло устройство: во 1-хъ, чрезвычайнаго бала 6 декабря, который стоилъ съ угощеніемъ 180 особъ съ иллюминаціей 626 р. 20 к. монетою (около 559 р. ассигнаціями, или около 160 р. на серебро), и во 2-хъ, бала, бывшаго 1 іюля, который стоилъ съ угощеніемъ 312 р. 60 к. монетою. Такимъ образомъ, каждый изъ остальныхъ 39 ординарныхъ баловъ обошелся среднимъ числомъ около 104 р. монетою, т. е. около 26 руб. серебромъ. Всѣ остальныя цифры расхода служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ характеристикѣ скромности обстановки тогдашнихъ собраній. Единственно крупная статья расхода — наемъ квартиры (3000 р. ассигнаціями) объясняется естественною необходимостью имѣть приличное помѣщеніе для устройства баловъ, на которыхъ, какъ видимъ, бывало до 200 душъ; но эта квартира освѣщалась очень умѣренно: изъ отчета видно, что на освѣщеніе истрачено за годъ около 158 р. ассигнаціями при чемъ прибавлено, что въ освѣщеніе ежедневное входятъ сальныя свѣчи, масло и фитили для лампъ и самая малая часть восковыхъ свѣчей, и только нѣкоторые балы были при освѣщеніи коллетовскими свѣчами. Сверхъ того, при сравнительно обширной квартирѣ, вся прислуга состояла изъ швейцара и маркера,

получавшихъ по 25 руб. въ мѣсяцъ монетою. Также скромно была обставлена и литературная часть этихъ собраній: выписывалась только одна газета «Тыгодникъ» за 58 р. въ годъ монетою. Такая простота въ обстановкѣ позволяла распорядителямъ благороднаго собранія въ концѣ перваго же года существованія его сберечь остатокъ въ 3525 р. 78 к. монетою, при чемъ пришлось сдѣлать нѣкоторыя единовременныя затраты (часы—110 руб. ассигн., устройство билліарда съ шарами—157 р. 37 к. монетою, одежда швейцару—168 р. монетою, корридоръ съ пристройкой 251 р. 25 к. монетой) да уплатить долгъ прежняго собранія за билліардъ 100 р. ассигнац., что служитъ новымъ доказательствомъ, что благородныя собранія, съ большей или меньшей правильностью, существовали и раньше 1838 года.

В. Науменко.

Изъ воспоминаній о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ.

(*Письмо въ редакцію*).

Въ майской книжкѣ «Кіевской Старины» прошлаго года было напечатано нѣсколько сочиненій П. П. Артемовскаго-Гулака. Это обстоятельство навело насъ на мысль подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины» нѣкоторыми свѣдѣніями о жизни и объ отношеніяхъ покойнаго писателя, сохранившимися въ нашей памяти. Правда, эти свѣдѣнія относятся къ частной, домашней жизни поэта, но вѣдь извѣстно, что, такъ называемыя, «домашнія обстоятельства» играютъ въ жизни очень важную роль и нерѣдко въ нихъ то и нужно искать ключа къ уясненію многаго темнаго и загадочнаго въ общественной и литературной дѣятельности извѣстнаго лица.

Предлагаемыя нами свѣдѣнія мы заимствовали изъ воспоминаній одного харьковскаго старожила, бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ Гулакомъ-Артемовскимъ и даже крестившаго нѣкоторыхъ изъ его дѣтей, и изъ разсказовъ вдовы покойнаго П. П—ча, слышанныхъ нами уже болѣе 10 лѣтъ тому назадъ.

Гулакъ-Артемовскій былъ женатъ дважды. Въ первый разъ онъ женился приблизительно во 2-й половинѣ 20-хъ годовъ на француженкѣ, кажется гувернанткѣ, которая скоро умерла отъ простуды. Вторично онъ женился въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, когда былъ членомъ какихъ то учебныхъ или педагогическихъ совѣтовъ при

харьковскомъ и полтавскомъ женскихъ институтахъ. Тутъ то и познакомился онъ со своей будущей женой, Елизаветой Ѳедоровной Панютиной, въ то время пепиньеркой при харьковскомъ институтѣ. Е. Ѳ. была бѣдная дѣвушка и чуть ли не воспитанница хорошо извѣстной въ тѣ времена въ харьковской (тогда еще слободско-украинской) губ. Н. Н. Надаржинской [1]). По разсказамъ, П. П. былъ глубоко привязанъ къ своей женѣ и это чувство привязанности сохранялъ всю свою жизнь. Тѣмъ сильнѣе должна была отразиться на немъ тяжкая душевная болѣзнь, постигшая Е. Ѳ. вскорѣ послѣ замужества. Средства къ жизни П. П. добывалъ исключительно личнымъ трудомъ: кромѣ профессуры, онъ имѣлъ уроки въ нѣсколькихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и содержалъ у себя на квартирѣ студентовъ; жена его, какъ мы уже сказали, не принесла никакого приданаго. Понятно, что болѣзнь ея, подрывая не особенно большія средства Гулака-Артемовскаго, тяжело отзывалась и на его семейной обстановкѣ. Разсказы одного изъ старыхъ знакомыхъ П. П—ча мрачными красками рисуютъ его неприглядную домашнюю жизнь.

Намъ неизвѣстно, были ли у покойнаго писателя дѣти отъ перваго брака, отъ втораго ихъ было много, чуть ли не около 10. Ненормальная семейная жизнь пагубно отразилась на этихъ дѣтяхъ—большая часть ихъ вышли неудачниками. Какъ нерѣдко бываетъ въ нашемъ служащемъ классѣ, ни одинъ изъ многихъ сыновей П. П—ча не остался не только въ предѣлахъ харьковской губ., но даже и въ смежныхъ мѣстностяхъ. Двѣ изъ дочерей его проживали въ Харьковѣ еще въ 70-хъ годахъ. Жена П. П—ча, которой онъ завѣщалъ весь свой достатокъ, переѣхала послѣ его смерти куда то въ Финляндію, гдѣ пріобрѣла себѣ на берегу моря мызу, или небольшое имѣніе, и умерла, какъ мы слышали, въ концѣ прошлаго или въ началѣ текущаго десятилѣтія. Лѣтъ 10 тому назадъ она пріѣзжала въ Харьковъ и обратилась по нѣкоторымъ своимъ дѣламъ къ пишущему эти строки. Между прочимъ, въ разговорѣ, она передала намъ нѣсколько воспоминаній о своемъ покойномъ мужѣ.

По ея разсказамъ, вскорѣ послѣ смерти П. П.—ча заѣхалъ къ ней добрый знакомый покойнаго, извѣстный малорусскій писатель Олекса Стороженко и, осмотрѣвши бумаги его, выбралъ изъ нихъ

[1]) Интересныя, хотя и отрывочныя, свѣдѣнія о Надаржинской, женщинѣ въ своемъ родѣ весьма замѣчательной, есть въ Воспоминаніяхъ В. И. Ярославскаго. (Литературно-научное приложеніе къ Харьковскому календарю 1887 г., стр. 29 и слѣдующія).

кое что и, съ согласія вдовы, увезъ съ собою. Передавая мнѣ, по моей просьбѣ, небольшой остатокъ рукописей[1]), г-жа Артемовская заявила, что это все, что осталось теперь у нея послѣ П. П—ча. Можетъ быть, добавила она, лучшее и болѣе цѣнное выбралъ и взялъ съ собою г. Стороженко.

Изъ воспоминаній вдовы о ея покойномъ мужѣ интересенъ разсказъ объ его отношеніяхъ къ бывшему въ 20-хъ и 30-хъ годахъ малороссійскимъ генералъ губернаторомъ извѣстному князю Н. Г. Репнину. П. П—чъ былъ persona grata у именитаго князя и въ числѣ его особенныхъ услугъ Репнину вдова припоминала одно обстоятельство, подробностей котораго она, къ сожалѣнію, видимо сама хорошо не знала и поэтому передала его мнѣ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Дѣло это было во время польской компаніи 1830—31 г. или, можетъ быть, сейчасъ вслѣдъ за ней. Въ то время были собраны козаки въ полтавской и черниговской губерніяхъ (кажется два полка) и подлежащая власть, по окончаніи компаніи, хотѣла зачислить ихъ въ регулярное войско. Слухъ объ этомъ распоряженіи вызвалъ въ массѣ козаковъ недоумѣніе и ропотъ. Кн. Репнинъ прибѣгнулъ на этотъ разъ къ личному нравственному воздѣйствію на козаковъ П. П—ча и онъ, по словамъ жены, выполнилъ это щекотливое и важное порученіе настолько успѣшно, что самъ покойный Государь Николай Павловичъ, узнавши объ этомъ, въ милостиво шутливомъ тонѣ называлъ иногда П. П—ча «мой милый дипломатъ». Конечно, нельзя безусловно полагаться на воспоминанія жены о ея покойномъ мужѣ, но во всякомъ случаѣ въ этихъ воспоминаніяхъ было что то реальное.

Старуха вспоминала еще объ одномъ казусѣ въ жизни ея покойнаго мужа, который случился, повидимому, въ концѣ 40-хъ годовъ, а именно о какомъ то политическомъ доносѣ, сдѣланномъ на покойника и другаго его сослуживца по харьковскому университету проф. Кронеберга. Доносъ этотъ былъ сдѣланъ какимъ то мелкимъ чиновникомъ Черновымъ или Черняевымъ и временно вызвалъ сильную тревогу въ домѣ Гулака-Артемовскаго; по словамъ его жены, произведенный по этому случаю обыскъ былъ настолько тщателенъ, что не только было пересмотрѣно все до мелочей въ помѣщеніяхъ квартировавшей у П. П—ча молодежи, но даже снимались доски на

[1]) Рукописи эти были напечатаны проф. А. А. Потебней въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“ прошлаго года.

троттуарѣ возлѣ его дома. Однако съ самой г-жей Артемовской, по ея словамъ, обошлись въ этомъ случаѣ весьма деликатно: подъ какимъ то предлогомъ отъ нея скрыли истинный характеръ этого обыска и она только послѣ узнала его значеніе. Грубая лживость доноса обнаружилась уже изъ того, что темный доносчикъ обличалъ въ какомъ то тяжкомъ злоумышленіи разомъ и П. П—ча и Кронеберга, которые были между собою постоянно «на ножахъ». Ложь эта обнаружилась скоро и, по словамъ г-жи Артемовской, самъ Императоръ Николай Павловичъ, въ проѣздъ свой чрезъ Харьковъ, выразилъ негодованіе по поводу этой безсмысленной клеветы, а доносчикъ высидѣлъ за это дѣло въ острогѣ.

Собирая воспоминанія о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ, мы распрашивали у харьковскихъ старожиловъ о личностяхъ, упоминаемыхъ въ послѣдней одѣ изъ напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ», Терешка и Одарки и убитаго въ войнѣ съ французами ихъ сына Власа. Личности эти оказались совершенно неизвѣстными даже тѣмъ, которые были почти домашними людьми въ семьѣ поэта; поэтому нужно думать, что осиротѣвшая послѣ потери сына старая супружеская чета Терешка и Одарки принадлежала къ кругу близкихъ полтавскихъ знакомыхъ П. П—ча и, вѣроятно, входила въ сферу той дворянской или служебной полтавской интеллигенціи, центромъ которой былъ гостепріимный домъ кн. Репнина. Это видно и изъ послѣднихъ стиховъ оды:

Воны жъ пишлы круглять, и я кажу: пиду
Розбуркаю въ журби Терешка та Одарку и т. д.

Во всякомъ случаѣ это были, видимо, какія то дѣйствительныя, живыя лица.

Воспоминанія харьковцевъ о нравственной физіономіи П. П—ча двоятся; почти несомнѣнно, что какое то глубокое раздвоеніе сказывалось въ душевномъ складѣ покойника. Гулакъ-Артемовскій, видимо, былъ однимъ человѣкомъ pro domo sua и другимъ pro foro, при томъ съ лѣтами этотъ «другой человѣкъ» видимо осилилъ перваго и подъ конецъ, можетъ быть, остался уже главнымъ хозяиномъ. «Лыхо и зъ правдою, лыхо и зъ брехнею», писалъ онъ еще во дни своей молодости, «за правду бьютъ, за брехню виры не даютъ: отъ-така ловыся!... Що чоловикъ тоби и зъ глуздомъ не зберецця, якъ нáсвити и обертацця!»

Еще въ концѣ 50-хъ годовъ намъ пришлось видѣть разъ П. П—ча, когда онъ былъ уже въ отставкѣ или доканчивалъ долгіе

годы своей службы. Въ первой комнатѣ университетскаго правленія стоялъ замѣчательно высокій и, какъ казалось, еще довольно крѣпкій, сѣдой старикъ и добродушно-начальническимъ тономъ обращался съ какой то просьбой къ служителю-солдату на чистомъ малорусскомъ языкѣ. Видно было, что чистая народная рѣчь была для него обычнымъ языкомъ. Тонъ и складъ этой рѣчи даже въ немногихъ словахъ показывали, что онъ дѣйствительно былъ способенъ на такое публичное слово къ народной массѣ, которое могло успокаивать ее даже въ минуты острыхъ недоразумѣній и глухаго ропота...

Недавно намъ пришлось видѣть прекрасный по работѣ (фотографія съ акварели) портретъ покойнаго Гулака еще въ цвѣтущую пору его жизни, гдѣ ему на видъ не болѣе 30—35 лѣтъ. Портретъ этотъ находится у харьковскаго старожила доктора В. С. Александрова.

Скромный, одноэтажный, деревянный домикъ поэта еще и донынѣ существуетъ въ Харьковѣ на Нѣмецкой улицѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ немъ проживала одна изъ дочерей поэта. Кому онъ принадлежитъ въ настоящее время—не знаю.

А. Ш.

Стефанъ Качала.

(Некрологъ).

29-го октября (10-го ноября) въ селѣ Шельпакахъ збаражскаго повѣта въ Галиціи, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался о. Стефанъ Качала, на 73 мъ году своей жизни и 46-мъ году священства. Покойный принадлежалъ къ числу самыхъ видныхъ политическихъ, общественныхъ и научныхъ дѣятелей русской Галиціи, поэтому считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Стефанъ Качала родился въ 1815 г. въ селѣ Фирлеевѣ бережанскаго повѣта въ Галиціи. Отецъ его былъ бѣдный крестьянинъ, но не крѣпостной и при томъ грамотный. Поступивъ въ гимназію въ Бережанахъ, молодой Стефанъ, несмотря на крайнюю нужду, весьма успѣшно прошелъ полный курсъ ученія, отличаясь большими способностями и прилежаніемъ.

Въ 1842 году Стефанъ Качала былъ рукоположенъ во священники и получилъ приходъ въ селѣ, гдѣ его дѣятельность въ то глухое время, до самаго 1848 года, направлена была преимущественно на пользу ввѣренной ему паствы.

Въ 1848 году, когда галицкіе русины, по примѣру другихъ угнетенныхъ народовъ Австріи, начали добиваться своихъ правъ, о. Стефанъ Качала принималъ самое горячее участіе въ этомъ патріотическомъ движеніи русской народности въ Галиціи. Къ этому времени относится учрежденіе во Львовѣ общества съ политическими правами, названнаго «Головна Руска Рада», выработавшаго программу, въ которой оно заявило о своей національной обособленности отъ поляковъ. Въ томъ же 1848 году состоялся съѣздъ русинскихъ ученыхъ во Львовѣ и учреждено литературно-научное общество «Галицко-руска Матица», однимъ изъ членовъ основателей которой былъ и Стефанъ Качала. Онъ былъ также членомъ основателемъ «Народнаго Дома», устроеннаго на сумму, собранную по подпискѣ, въ которой участвовали всѣ галицкіе русины. Народный Домъ долженъ былъ совмѣщать въ себѣ русскую гимназію, бурсу для бѣднѣйшихъ учениковъ, народный театръ, библіотеку и т. д.

Дѣятельность о. Стефана Качалы не прекратилась и въ періодъ временной реакціи, наступившей въ Австріи послѣ событій 1848 года, хотя и должна была значительно сократиться. А въ 1861 г., когда послѣ пораженій при Маджентѣ и Сольферино возобновлена была конституція 1848 года, онъ является депутатомъ въ «Краевый сеймъ» и въ этомъ званіи остается до самой своей смерти, пользуясь постоянно неизмѣннымъ довѣріемъ своихъ избирателей.

Въ 1868 году онъ отправляется представителемъ на пражскій славянскій съѣздъ, собравшійся по случаю открытія чешскаго театра. Здѣсь онъ, отъ имени своихъ земляковъ, произноситъ рѣчь, въ которой заявляетъ о правахъ своей народности наравнѣ съ другими славянскими племенами. За эту рѣчь митрополитъ лишилъ его деканства (благочинія), такъ какъ она вызвала неудовольствіе среди поляковъ.

Въ 1869 году о. Стефанъ Качала дѣлается однимъ изъ членовъ основателей общества «Просвита». Общество это, какъ извѣстно, имѣетъ цѣлью изданіе и распространеніе популярныхъ книжекъ для народа, которыхъ издало въ послѣднее время болѣе ста названій въ количествѣ около 500,000 экземпляровъ. Для этихъ изданій онъ самъ пишетъ полезныя для народа книжки; изъ нихъ наиболѣе выдающаяся по значенію вышла подъ заглавіемъ «Що насъ губыть и що намъ запомогты може»; въ ней авторъ настаиваетъ на необходимости просвѣщенія для крестьянъ, для того чтобы они имѣли возможность разумно и успѣшно бороться за свои интересы. Какъ на одно изъ средствъ къ достиженію этой цѣли онъ указываетъ на разнаго рода

ассоціаціи, какъ, напримѣръ, учрежденіе въ селахъ читалень, общественныхъ магазиновъ — «Народной торговли», общественныхъ ссудныхъ кассъ и т. п. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствуетъ за одно съ другимъ галицкимъ патріотомъ и извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ того времени о. Иваномъ Наумовичемъ. Насколько плодотворна была ихъ дѣятельность, можно судить изъ того, что въ первый періодъ учрежденія «читалень», съ 1872 по 1878 годъ, ихъ основано въ различныхъ селахъ Галичины до 175, теперь же ихъ существуетъ болѣе 630. При читальняхъ обыкновенно учреждаются магазины, ссудныя кассы, общества трезвости и т. п. Большая степень вліянія въ этомъ дѣлѣ о. Стефана Качалы становится ясною, если принять во вниманіе, что названная выше книжка его выдержала три изданія и разошлась среди народа въ количествѣ 15 — 20 тысячъ экземпляровъ.

Въ семидесятыхъ годахъ при значительномъ его участіи основались еще два общества: «Товариство имени Шевченка» и «Руске товариство педагогичне». Членомъ обоихъ этихъ обществъ, не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, оставался онъ до самой смерти.

Въ 1879 году вышло самое крупное изъ его литературныхъ произведеній, на польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Polityka Polaków względem Rusi»; указавши на всѣ тѣ несправедливости, какія совершали поляки по отношенію къ южноруссамъ во все продолженіе ихъ совмѣстной исторической жизни, авторъ приходитъ къ выводу, что политика притѣсненій привела къ самымъ вреднымъ результатамъ для самихъ поляковъ, и убѣждаетъ ихъ обратиться на иной путь, отказавшись отъ своихъ прежнихъ традицій нетерпимости. Историческая часть этой работы, съ опущеніемъ ея полемической стороны, представляющая въ научномъ отношеніи большой интересъ и обнаруживающая основательное знакомство автора съ относящеюся къ предмету его изслѣдованія литературою, была помѣщена въ «Кіевской Старинѣ» за 1885 годъ подъ заглавіемъ «Очеркъ исторіи юго-западной Руси»; въ слѣдующемъ году она была напечатана на малорусскомъ языкѣ въ первомъ томѣ популярно-историческаго изданія, выходящаго періодически въ Тернополѣ подъ названіемъ «Руска Исторична Библіотека».

Въ 1885 году, уже семидесяти лѣтъ отъ роду, о. Стефанъ Качала является однимъ изъ дѣятельныхъ основателей новаго политическаго общества «Народна Рада», имѣющаго цѣлью фактически предоставить русинамъ всѣ тѣ права, которыя признаются за ними въ принципѣ

австрійскими законами, но пока еще не выполняются, или весьма не точно выполняются на дѣлѣ.

Еще въ послѣднее время о. Стефанъ Качала, оставаясь депутатомъ въ Краевомъ Сеймѣ, былъ избранъ предсѣдателемъ клуба русинскихъ пословъ, а одно время состоялъ посломъ въ вѣнскомъ Рейхсратѣ.

Отдавая на служеніе русскому народному дѣлу всю свою неистощимую энергію, всѣ силы, знанія и время, покойный не жалѣлъ для него и своихъ матеріальныхъ средствъ; онъ всегда являлся щедрымъ жертвователемъ на всѣ народно-общественныя предпріятія, въ которыхъ принималъ участіе и на которыя въ разное время пожертвовалъ до 10 тысячъ гульденовъ — сумма весьма крупная для средняго священника въ Галичинѣ.

По своимъ убѣжденіямъ, какъ это видно изъ его дѣятельности, покойный принадлежалъ къ народной партіи галицкихъ русиновъ, но какъ честный дѣятель и искренній патріотъ, обладавшій большимъ тактомъ въ общественныхъ дѣлахъ, онъ и при жизни пользовался безусловнымъ уваженіемъ не только всѣхъ русиновъ безъ различія партій и направленій, но и поляковъ. На его избраніи мирились въ трудныхъ случаяхъ и поляки, и русины, за него одинаково охотно подавали голоса на выборахъ враждовавшія между собою стороны, когда обострялись взаимныя отношенія, подрывалось довѣріе и невозможно было придти ни къ какому соглашенію,—и покойный всегда оправдывалъ довѣріе своихъ избирателей.—Глубокая скорбь поразила всѣхъ галичанъ, когда разнеслась вѣсть о кончинѣ о. Стефана Качалы. Отъ всѣхъ русскихъ обществъ, литературно-научныхъ и публицистическихъ изданій, отъ русскихъ студентовъ львовскаго и вѣнскаго университетовъ посланы были телеграммы и депутаціи для произнесенія рѣчей при похоронахъ. Скажемъ же и мы за ними: миръ памяти честнаго, разумнаго и самоотверженнаго труженика на пользу рускаго народа.

К. Х.

Для справокъ.

— **Столбцы, принадлежащіе гр. М. М. Толстому (въ Одессѣ).** У гр. М. М. Толстаго находятся болѣе 100 столбцовъ, относящихся преимущественно къ исторіи московской слободской Украины и заключающихъ обильныя данныя для топографіи этихъ мѣстностей. Это бумаги разныхъ фамилій — Кондратьевыхъ, Каменевыхъ, Авдѣевыхъ, Арсеньевыхъ и др., имѣнія которыхъ перешли въ родъ гр. Толстыхъ

(одесскихъ). Мы разобрали эти столбцы и приводимъ списокъ оказавшимся въ нихъ дѣламъ, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Если бы кто поинтересовался какимъ либо изъ названныхъ ниже дѣлъ, онъ можетъ обратиться къ гр. М. М. Толстому, который охотно вышлетъ копію съ дѣла. Печатаніе же всѣхъ столбцевъ, въ виду несистематичности заключающихся въ нихъ дѣлъ, не представляетъ такъ сказать насущной необходимости.

I. Грамота ц. Михаила Ѳедоровича 7145 г. октября 31 крестьянамъ курскаго уѣзда, подгороднаго стана, деревни Козиной Поляны съ пустошами и пр. и тускорскаго стана тоже нѣкоторыхъ пустошей объ отдачѣ помѣстія, на которомъ эти крестьяне живутъ, принадлежавшаго Аѳ. Бредихину, дѣтямъ его, недорослямъ Ѳомѣ и Трифону Бредихинымъ.

II. Выпись съ отказной книги 7160 г. на помѣстіе въ рыльскомъ уѣздѣ въ омонскомъ и свапскомъ станахъ, часть деревни Бупела съ пустошами и пр. козаку Новгорода-Сѣверскаго Степ. Микул. сыну Вилимову, каковое помѣстіе принадлежало отцу его.

III. Указъ 7170 г. ноября 9 Петру Вас. Каменеву, назначенному оберегать городъ Гадячъ.

IV. Окончаніе грамоты лицу (П. В. Каменеву), назначенному въ Салтово городище, объ осмотрѣ его, разборѣ людей (и черкасъ) и пр. Даты нѣтъ, но до 7173 г., такъ какъ воевода въ Бѣлгородѣ кн. Гр. Гр. Ромадоновскій былъ еще окольничимъ.

V. Память 7173 г. іюня 20 П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ новую черкасскую слободу Мурафу для описанія близъ лежащихъ пустыхъ земель, о дачѣ которыхъ просили государя новоприхожіе изъ разныхъ городовъ черкасы Ив. Сирко съ товарищи.

VI. Память 7174 г. сентября 23 П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ бѣлгородскій уѣздъ въ саженскій, разуменскій, корецкій и караченскій станы для вторичнаго вызова на смотръ недорослей дѣтей боярскихъ, которыя къ первому вызову (14 сентября) отнеслись пренебрежительно. Съ нихъ за то велѣно взять по полтинѣ съ человѣка, а въ случаѣ вторичной неявки имъ грозить жестокимъ наказаніемъ. Къ памяти была приложена роспись недорослей, но ея нѣтъ; вѣроятно, Каменевъ предоставилъ ее въ съѣзжую избу.

VII. Память 7174 г. сентября 26. П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ бѣлгородскій уѣздъ въ саженскій станъ на р. Сѣверской Донецъ отъ устья Сажнаго Донца и отъ устья Ольшанца Колодезя вверхъ по Сѣверскому Донцу до Бѣлаго Колодезя для провѣрки здѣшнихъ сѣнныхъ покосовъ, о дачѣ которыхъ просили государя нѣкоторые бѣлогородскіе помѣщики, заявляя, что имъ сѣнныхъ покосовъ не достаетъ, тогда какъ другіе помѣщики имѣютъ сѣнныхъ покосовъ здѣсь болѣе, чѣмъ имъ дано въ помѣстье.

VIII. Память 7174 г. іюля 16 въ Красный Кутъ П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ новую черкасскую слободку Мурафу, для разбора ссоры, возникшей тамъ между мурафскими обывателями и завѣдывающимъ Мурафою приказнымъ человѣкомъ Потап. Ададуровымъ съ одной стороны и соборнымъ архангельскимъ попомъ Степаномъ Ивановымъ съ другой, о чемъ всѣ они жаловались государю.

IX. Запись 7175 года іюня 16 рылянъ Евтих. Вас. Дремова и Леонтія Борисовича Озарева съ рылянином же Герас. Дементь. Тураевымъ относительно по-

стройки въ помѣстьяхъ двухъ первыхъ лицъ на р. Котлевѣ мельницы и на владѣніе ею на извѣстныхъ условіяхъ.

X. Память 7176 г. апрѣля 11 П. В. Каменеву о поѣздкѣ въ Мурафу, откуда писалъ Ададуровъ о замышляемой черкасами измѣнѣ. Каменевъ долженъ былъ произвесть сыскъ и независимо отъ того оставаться завѣдующимъ г. Мурафою.

XI. Списокъ съ выписки изъ курскихъ писцовыхъ книгъ на помѣстья Левоновыхъ въ подгородномъ стану въ деревнѣ Дичнѣ и др., переданный 7182 г. октября 20 Левоновыми Петру В. Каменеву и его дѣтямъ: Сидору, Ѳедосею и Максиму при передачѣ имъ Левоновыми этихъ своихъ помѣстій.

XII. Приказъ 7179 г. сентября 20 Курченину П. В. Каменеву быть сотеннымъ головою съ росписью лицъ, курченъ, находящихся у него въ сотнѣ, числомъ 154. При нихъ есть помѣты: при имени—Михаилъ Максимовъ сынъ Каменевъ приписано: прапорщикъ. При 4-хъ именахъ приписано: умеръ; при 2-хъ—Мих. Артем. с. Боланинъ и Исай Ефремовъ с. Ефремовъ—убитъ. Послѣднее, вѣроятно, объясняется припискою въ концѣ акта:

„Бой былъ подъ Коротоякомъ съ донскими казаками сентября въ 27 день на память святаго великомученика Калистрата и дружины его съ полдень до вечера; стояли донскіе на Дону за сого(?)ю въ окопахъ.

XIII. Копія съ воеводской выписи 7179 г. декабря 2 курчанину Ѳедоту Савину с. Курасову на мѣсто въ г. Курскѣ, принадлежавшее стрѣльцу Шалдову.

XIV. Запись 7181 г. іюля 13 рылянина Конст. Григ. с. Молѣева Новгорода Сѣверскаго Мих. Ив. с. Мошину на владѣніе мельницею на р. Нестунѣ.

XV. Грамота 7181 г. іюля рыльскому воеводѣ объ измѣреніи и описаніи въ рыльскомъ уѣздѣ въ свапскомъ стану въ косожской волости земли, которую, какъ пустую, просилъ дать ему въ помѣстье рылянинъ Герас. Дементь. с. Тураевъ.

XVI. Указъ 7181 г. Петру (Каменеву?) о производствѣ слѣдствія относительно земли, о которой споритъ жители г. Лебедяня и г. Кеменаго, о чемъ били челомъ государю лебедянскіе черкасы всѣмъ городомъ, въ томъ числѣ соборной церкви протопопъ Стефанъ съ попами и др.

XVII. Отказная 7182 г. декабря 2 курчанина Сидора Петр. Каменева курчанину Андр. Степ. с. Авдѣеву на помѣстье въ подгородномъ стану въ деревнѣ Ваниной, принадлежавшее Дм. Ванину.

XVIII. Наказъ 7182 г. курчан П. В. Каменеву да подъячему Ив. Аѳонасьевичу, посланнымъ изъ Бѣлогорода для осмотра пограничныхъ укрѣпленій на р. Тихой Соснѣ въ чертѣ Новаго Оскола, Верхососенскаго, Усерда, Ольшанска, Острогожска и до р. Дона.

Къ этому присоединена роспись укрѣпленій на р. Тихой Соснѣ къ 7181 г.

XIX. Грамота 7183 г. февр. 23 курскому воеводѣ о производствѣ сыска о помѣстьи курчен. Ив. Гавр. с. Будасова въ курск. уѣздѣ въ курецкомъ стану въ дер. Березуйской, которое проситъ себѣ въ помѣстье курчен. Андр. Степ. с. Авдѣевъ, говоря, что Будасовъ съ семьею ушелъ жить въ обоянской уѣздъ и помѣстье пустуетъ, и о дачѣ, если это справедливо, помѣстья Авдѣеву.

XX. Отказная 7183 г. апрѣля 17 курчан. Андр. Ѳедос. с. Молютина упомянутаго въ предъидущемъ № помѣстья Ив. Будасова Андр. Авдѣеву.

XXI. Кабальная запись 7184 г. ноября 14, данная на себя черкашениномъ гулящимъ человѣкомъ Ив. Володиміровымъ курчен. Андр. Степ. с. Авдѣеву.

XXII. Продажная запись 7184 г. генваря 9 рылян. Емел. Дементьев. с. Тураева родному брату Герасиму на мѣсто въ Рыльскѣ на посадѣ, составлявшее $^1/_3$ ихъ отцовскаго мѣста. Какъ видно изъ этой записи, другая $^1/_3$ была куплена тѣмъ же Герас. Тураевымъ у своей невѣстки.

XXIII. Выпись, данная по указу ц. Ѳеодора Ал—ча воеводою 7184 г. мая 30 сотнику сумскаго полка Григор. Вдовиченку на помѣстье въ сумскомъ уѣздѣ возлѣ его же хутора на рѣкѣ Бобрикѣ (Въ числѣ граней земли упоминается Сагайдачный шляхъ).

XXIV. Кабальная запись 7185 г. іюля 6, данная на себя русскимъ гулящимъ человѣкомъ Ив. Григ. с. Старицынымъ курчен. Ан. Степ. с. Авдѣеву.

Старицынъ въ 7185 г. 26 іюня былъ схваченъ на полѣ на р. Гнилицѣ и посаженъ въ тюрьму въ г. Балыклеѣ; за преступленія онъ былъ приговоренъ по челобитью балыклейскихъ черкасъ, къ уплатѣ имъ 50 р. и къ повѣшенію; Авдѣевъ же его выкупилъ.

XXV. Грамота 7186 марта 4 рыльскому воеводѣ о посылкѣ лица для приведенія въ исполненіе обмѣна, по добровольному соглашенію, частей помѣстій рылянина Прокоф. Смирнаго сына Фотіева, и Новгорода Сѣверскаго Ос. Петр. с. Левшина. Помѣстья ихъ были въ рыльскомъ уѣздѣ, въ свапск. стану въ косожской волости, но помѣстье Фотіева было въ дер. Севенкахъ, а Левшина Подральская пустошь по р. Пруту.

Упоминается, что часть помѣстья въ Севенкахъ насильственно заселилъ Герас. Тураевъ.

XXVI. Выпись съ переписныхъ книгъ соловскаго уѣзда переписи 7186 г. въ корницкомъ стану въ помѣстіи Ив. Герас. с. Ушакова въ сельцѣ Корницкомъ дворовыхъ людей крестьянъ и бобылей.

Выпись эта выдана была ему въ 7207 году.

XXVII. Выпись съ досмотровыхъ и отказныхъ книгъ досмотра и отказа курчен. Самс. Агѣева с. Денисова о поѣздкѣ его, по государеву указу, 7188 г. августа 12 въ лебедянскій уѣздъ, во первыхъ для осмотра мѣста и разрѣшенія гадяц. полковнику Михаилу Васильеву по его челобитью постройки на р. Ислѣ противъ его села Михайловки мельницы, а во вторыхъ для передачи новоселившимся въ лебедянскомъ уѣздѣ заднѣпрянскимъ черкасамъ, по ихъ челобитью, сѣножатей, лежащихъ между р. Камышанской и Азаковымъ Колодцемъ и принадлежавшихъ лебедянскимъ пушкарямъ Процику Черному со товарищи, которыхъ Денисовъ долженъ былъ надѣлить за то землею, лежащею близъ с. Капустинскаго (на Ромаданѣ).

XXVIII. Выпись изъ книгъ досмотра и отказа того же Денисова 7188 г. іюля 31, подтвержденная, по указу ц. Ѳеодора Ал—ча, бѣлогородскимъ намѣстникомъ бояр. и воев. кн. П. И. Хованскимъ съ товарищи 7189 г. октября 18, на землю, данную гадяцкому полковнику Михаилу Васильеву, по его челобитью, въ помѣстье, лежащую между уѣздами каменскимъ, гадяцкимъ и недригайловскимъ.

Границы помѣстья, очень общирнаго, обозначены детально.

XXIX. Черновая челобитной государю 7189 г. гадяцк. полковника Михаила Васильева объ обращеніи того, что ему дано въ помѣстье (по № XXVII и XXVIII) т. е. села Михайловки съ людьми, и на что у него есть различные документы, ему въ вотчину съ выдачею о томъ государевой грамоты.

XXX. Наказъ 7189 г. бѣлгородскаго воеводы б. кн. Гр. Гр. Ромодановскаго съ товарищи коротояцкому воеводѣ Петру (?) о сыскѣ въ г. Усердѣ о бывшихъ тамъ въ 7188 г. безпорядкахъ (безъ 1-го листа). О розыскѣ этого дѣла есть письмо 7190 г. іюля 17 бѣлг. воеводы кн. П. И. Хованскаго въ Острогожскъ П. В. Каменеву.

XXXI. Письмо 7190 г. послѣ 1 іюля начальника бѣлгородскаго полка Б. кн. П. И. Хованскаго острогожскому воеводѣ Андрею Григ. Рахманинову о томъ, что по вѣстямъ нельзя ожидать военныхъ дѣйствій и бѣлгородскаго полка ратные люди отпущены по домамъ, поэтому жителямъ г. Острогожска надо жить осторожно и быть готовымъ къ защитѣ.

XXXII. Дѣло о безпорядкахъ въ Острогожскѣ въ 7190 г.

Въ этомъ дѣлѣ находится еще два дѣла, отмѣченныхъ нами выше номерами XXX и XXXI.

XXXIII. Запись 7191 г. сентября 3 курченъ Вас. и Макс. Лукин. д., да Михаила Семен., с. Левоновыхъ П. В. Каменеву съ сыномъ Максимомъ и всѣмъ родомъ на постройку мельницы со всякимъ строеніемъ въ помѣстіи Левоновыхъ въ курск. у., въ подгородн. ст., на берегахъ р. Дичны, и на пользованіе мельницею съ участіемъ Левоновыхъ.

XXXIV. Поступная 7191 г. около 20-го сентября курскихъ дѣтей боярскихъ Петра и Кузьмы Семенов. д. Мизинцовыхъ П. В. Каменеву съ сыномъ Максимомъ на берега рѣки Дичны, въ помѣстіи Мизинцовыхъ въ курскомъ уѣздѣ, въ подгородн. ст. для устройства и владѣнія мельницею за заемъ у Каменевыхъ двадцати пяти руб.

XXXV. Мѣновая запись 7191 г. февраля между Новгорода Сѣверскаго Силою Кузьм. Арсеньевымъ и рыльянин. Ѳедор. Леонт. с. Зиновьевымъ относительно ихъ помѣстій. Первый отдалъ помѣстье въ рыльск., въ свапск. ст., на р. Свапѣ возлѣ Злыднина Городища, второй тамъ же по р. Котлевѣ подъ Долгимъ лѣсомъ.

XXXVI. Отказъ 7191 г. февраля 9 С. К. Арсеньеву на мѣновое помѣстье, указанное въ предыдущемъ номерѣ.

XXXVII. Запись 7191 г. марта 5 Ф. Л. Зиновьева С. К. Арсеньеву, что онъ на мѣну помѣстьемъ, указанную въ № XXXV, согласенъ.

XXXVIII. Отказъ 7191 г. апрѣля 12 недорослю Ѳед. и Петр. с. Исакову на помѣстье Дикое поле въ курскомъ у. въ подгор. ст., на верховьи р. Радутина.

Указано, между прочимъ, что на Радутинѣ гость Кондратій Добрынинъ самовольствомъ поставилъ мельницу.

XXXIX. Грамота 7191 г. іюля 21 крестьянамъ деревни Нижней Медвѣдицы въ курск. у., въ курицкомъ стану и пустоши Дикое поле на р. Радутинѣ въ подгородномъ стану, что было помѣстье Леонт. Быканова, а съ 190 г. внука его Ив. Быканова что этимъ помѣстьемъ Ив. Быкановъ поступился въ 7190 г. Ѳ. П. с. Исакову, такъ чтобы живущіе здѣсь крестьяне слушали Исакова и пр.

LX. Копія съ жалованной (уже печатной) грамоты 7192 г. ноября 10 дьяку П. Ал. Исакову, которою, за службу во время войны съ турками и татарами, его жалуютъ похвалою и увеличеніемъ помѣстнаго оклада, даваемаго нынѣ ему въ вотчину, въ курск. у. въ обмяцкомъ стану, въ д. Курасовой, да въ ісопескомъ стану около Гремячаго колодезя, да въ орловскомъ уѣздѣ въ тончюковск. стану на р. Рыбницѣ, что были помѣстья дьяковъ Ив. Максимова да Анис. Кабатова. Дается Исакову въ вотчину и то, что въ его помѣстьяхъ переходитъ его окладъ.

XLI. Отказъ 7192 г. генваря 20 С. К. Арсеньеву на имѣніе Ф. Л. Зиновьева такого же содержанія, какъ № XXXVI.

XLII. Копія съ грамоты 7192 г. мая 5 бояр. Шейну о подтвержденіи гадяц. полковн. Михаилу Васильеву права владѣть всѣми исчисленными въ грамотѣ помѣстьями.

XLIII. Отказъ 7193 г. окт. 15 новг. сѣв. Кузьмѣ Ив. с. Арсеньеву на помѣстье, вымѣнянное имъ у черниговца Иг. Прокоф. с. Артюкова въ рыльск у., въ свапск. ст., въ с. Котлевѣ.

XLIV. Отказъ 7193 г. окт. 15 на примѣрную (т. е. примежевую) землю къ помѣстью того же Арсеньева въ рыльск. у., въ свапск. ст., въ косопск. волости въ с. Кочлевѣ.

XLV. Отказъ 7193 г. мая тому же Арсеньеву на имѣнье, вымѣнянное имъ изъ помѣстья рылян. Сисоя Игнатьева въ рыльск. у., въ свапск. ст., въ косожск. вол., въ дер. Севенкѣ.

XLVI. Письмо 1685 г. іюля 29 сумск. полковн. Герасима Кондратьева къ сотнику с. Высшей Сыроватки Грицьку Вдовиченку о земельномъ спорѣ жителей этого села Миска Федорова и Карпа Рагозы.

XLVII. Копія съ мировой записи 7193 г. іюля 18 между Лар. Иг. с. Сергѣевымъ и дьякомъ П. Ал. с. Исаковымъ. Сергѣевъ обвинялъ Исакова въ захватѣ принадлежащей ему женщины съ дѣтьми и имуществомъ, а Исаковъ Сергѣева въ названіи его грабителемъ.

XLVIII. Сказка въ приказной избѣ въ 7194 г., декабря рылян. Гр. Харлам. с. Якшина о томъ, что онъ промѣнялъ помѣстье въ рыльск. у. въ свапск. ст. на р. Котлевѣ нов. сѣв. Силѣ Кузьм. с. Арсеньеву, взявъ у него за то помѣстье въ рыльск. у., въ омонск. ст., на р. Сухой Омонкѣ.

XLIX. Отказъ 7194 г. февраля Арсеньеву на помѣстье, означенное въ предыдущемъ номерѣ.

L. Поручная 7196 г. окт. 2 курченъ Мих. Сем. с. Леонтьева, Ив. Ѳед. с. Михайлова да крестьянина Конст. Бредихина Макс. Егорова. Макс. П. Каменеву въ томъ, что у него будутъ жить въ крестьянствѣ Алешка, Федька и Афонька Карповы д. Слонина съ семьями.

LI. Запись 7196 г. окт. 12, данная на себя вольнымъ человѣкомъ Иванькою Черкашенинымъ курчен. Акиму Ант. Авдѣеву за ссуду отъ него.

LII. Такая же запись 7196 г. декабря 4 вольнаго человѣка польской породы изъ г. Витебска Емел. Ѳедор. с. Раюшкина Авдѣеву же.

LIII. Грамота, кажется, 7196 г. послѣ 5 марта, (но сохранилось лишь начало) объ отмежеваніи отъ сосѣдей вотчины стольника Сидора Петр. с. Каменева въ курск. у., въ подгор. ст., въ д. Дичнѣ.

LIV. Копія съ записи 7197 г. ноября 28 путивльск. собор. діакона Григор. Иванова Ѳед. Петр. с Исакову на крестьянскую семью, отдаваемую потому, что за діакономъ этимъ жилъ прежде бѣглый крестьянинъ Исакова.

LV. Копія съ отказа 7197 г., іюня 28 Серг. Макс. с. Каменеву на помѣстье въ курск. у. въ куриц. ст., на р. Чечевизнѣ.

LVI. Отказъ 7198 февраля Куз. Арсеньеву на то помѣстье Игнатова, которое онъ вымѣнялъ еще въ 7193 г. (см. выше № XLV) и которое Игнатовъ промѣнялъ было путивльцу Никитѣ Яцыну.

LVII. Грамота 7198 г. марта сотнику с. Грязного краснопольскаго уѣзда на помѣстье около Боровли и вдоль Сагайдачнаго шляха.

LVIII. Мѣновая запись 7198 г. мая курчен. Ильи Тарасова с. Звягенцева съ Серг. Макс. Каменевымъ на помѣстья; причемъ первый отдалъ въ курск. у. въ курецк. ст., на р. Семи, второй въ томъ же уѣздѣ въ подгородн. ст. на р. Боршнѣ.

LIX. Копія съ отказа 7199 г. августа 25 Каменеву на помѣстья, согласно съ предыдущимъ номеромъ.

LX. Заявленіе 7200 г. послѣ 12 іюля какихъ то Степана и Василія въ курской съѣзжей избѣ, что они переняли и привели бѣглыхъ людей дьяка П. Исакова изъ с. Радужина.

LXI. Списокъ съ грамоты 7200 г. іюля о дачѣ курчен. Ив. Макс. с. Каменеву земель въ курск. у. въ подгор. стану, на р. Дичнѣ изъ дикихъ полей, если тамъ по сыску окажется порозная земля.

LXII. Продажная запись 1694 г. окт. 5 жителей с. Высшей Сыроватки Антона, Ивана и Тимоша дѣтей Мойсея Вдовиченка на грунты въ этомъ селѣ, проданные Тавр. Павленку, жителю с. Нижняго (принадлежащаго стольн. полк. сумскому Андр. Герас. Кондратьеву).

LXIII. Мѣновая запись 1694 г. ноября 10 жителя с. Высшей Сыроватки Мих. Осодорова на земли, отданныя имъ сумск. полк. Андр. Герас. Кондратьеву, давшему за то Федорову иныя земли.

LXIV. Грамота 7202 г. дек. 11 о приведеніи въ исполненіе мѣны частями своихъ помѣстій рыльск. Ив. Емел. с. Тураева и нов. сѣв. Силы Кузьми на с. Арсеньева; причемъ 1-ый далъ землю въ рыльск. у., свапск. ст., въ с. Плотавѣ, второй въ томъ же у., въ тонконск. ст., въ пустоши на р. Вовгощѣ изъ помѣстья отца.

LXV. Грамота 7202 г. апрѣля о посылкѣ межевщиковъ въ курск. у. въ подгород. ст. въ помѣстье стольн. Сид. Петр. с. Каменева для размежеванія отъ сосѣдей.

LXVI. Грамота 7202 апрѣля тому же Каменеву о томъ, что сдѣлано разпоряженіе, указанное въ предшествующемъ номерѣ.

LXVII. Показаніе, данное 7202 г. мая 5 курч. Ак. Андр. с. Авдѣеву о данномъ отцу его, потомъ ему и брату его Лукѣ въ 190 г. помѣстьи въ курск. у., въ подгороди ст., что бывшая деревня Ивана Малыхина, противъ Звонскаго озера, на р. Семи. Это показаніе имѣетъ отношеніе къ процессу Авдѣевыхъ за это имѣніе съ курч. Андр. Осдор. Малютинымъ. См. слѣд. №.

А. Маркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

П. В. Владиміровъ. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888 г.

Авторъ вышеназванной книги—уже не новичекъ въ литературѣ изслѣдованій въ области русской словесности, и его прежнія работы, (*Великое зерцало*, изъ исторіи русской переводной литературы 17 вѣка, составлено въ Казани въ 1879 г., напеч. въ Москвѣ 1884 г.; *Житіе св. Алексѣя* человѣка Божія въ западнорусскомъ переводѣ конца 15 в. Спб. 1887 г.) извѣстны спеціалистамъ, какъ тщательныя и довольно умѣло исполненныя изслѣдованія. Любопытно, что онъ съ любовью занимается въ особенности явленіями западнорусской и южнорусской литературы, преимущественно переводной, при чемъ, повидимому, съ особеннымъ стараніемъ опредѣляетъ всѣ источники и постороннія вліянія въ переводахъ и умѣло оцѣниваетъ эти вліянія. Такъ, насколько мы успѣли ознакомиться съ трудами г. Владимірова, вліяніе чешское, которому только въ недавнее время стали въ нашей литературѣ придавать дѣйствительно важное, какое и было на самомъ дѣлѣ, значеніе, въ русской словесности 15—17 вв., прослѣжено и оцѣнено имъ съ достаточною обстоятельностію и полнотою, разумѣется, по отношенію лишь къ изслѣдуемымъ имъ литературнымъ явленіямъ. Вотъ почему труды г. Владимірова будутъ весьма пригодны для того, кто возьмется въ будущемъ представить во всей полнотѣ и яркости картину русско-чешскихъ литературныхъ отношеній 15—17 вв. и сдѣлать на основаніи возможно бо́льшаго количества данныхъ обстоятельную сводную оцѣнку чешскаго вліянія на русскую словесность. Дѣло въ томъ, что въ указанныхъ русско-чешскихъ литературныхъ отношеніяхъ положительную роль, активную играли собственно факты чешской литературы, какъ сильнѣйшей и высшей по

развитію, составу и внутреннему содержанію; русская же словесность находилась тогда, по отношенію къ чешской, такъ сказать, въ страдательномъ положеніи. Впрочемъ, это должно оказать и не объ одной русской литературѣ: польская тоже находилась подъ сильнымъ вліяніемъ чешской [1]), и это вліяніе отразилось не только на числѣ переводовъ и передѣлокъ съ чешскаго на польскій, но и на самомъ языкѣ этихъ переводовъ, въ которомъ находится немало чешскихъ обликовъ, оборотовъ, словъ и пр.

Несмотря на довольно значительное количество польскихъ работъ, относящихся до вліянія чешской словесности и языка на польскую, мѣра этого вліянія, сколько намъ извѣстно, все таки еще не опредѣлена въ достаточной степени и ждетъ еще своихъ изслѣдователей въ будущемъ; вопросъ поставленъ въ польской литературѣ едва ли лучше, чѣмъ въ русской [2]). Все это мы говоримъ въ виду того обстоятельства, что, какъ намъ кажется—и это мнѣніе мы надѣемся подтвердить со временемъ въ особой, спеціально къ тому назначенной статьѣ—чешская литература заняла съ 14 вѣка и даже ранѣе въ отношеніи къ прочимъ славянскимъ, особенно западнымъ, можно сказать безъ преувеличеній, почти такое же мѣсто, какое въ свое время занимала греческо-византійская словесность по отношенію къ южнымъ и восточнымъ славянамъ и отчасти къ западнымъ. Словомъ сказать, чешская словесность сдѣлалась питомникомъ для прочихъ славянскихъ (не исключая, быть можетъ, и южныхъ славянъ къ сожалѣнію, насколько намъ извѣстно, этотъ вопросъ тамъ даже еще и не поставленъ или много, много находится въ зачаточномъ состояніи).

Если количество, составъ произведеній, усвоенныхъ прочими славянами черезъ посредство чешской литературы, и не можетъ равняться съ количествомъ, составомъ грековизантійскихъ произведеній, ставшихъ достояніемъ славянъ, то за то это обстоятельство съ избыткомъ вознаграждается другимъ, относительно котораго чешская словесность оказалась въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, сравнительно съ греческою. Я говорю о языкѣ, который, благодаря близкому

---

[1]) Любопытно, между, прочимъ современное свидѣтельство Луки *Горкицкаго* приводимое авторомъ, что и „дворянинъ (dvorzanin) польскій употребляетъ, вмѣсто польскихъ, чешскія слова“ (разумѣется, для показанія своей образованности).

[2]) Работа г. Неринга о вліяніи чешскаго языка на польскій, какъ извѣстно, составлена на нѣмецкомъ языкѣ: Ueber der Einfluss der altcechischen Sprache und Literatur auf die altpolnische.

родству съ прочими славянскими, производилъ на нихъ весьма сильное, осязательное вліяніе, равнаго которому по силѣ, конечно, не могъ имѣть греческій языкъ. Переводчики и передѣлыватели, особенно польскіе, а за ними и русскіе, берутъ чешскія выраженія зачастую цѣликомъ, или же лишь слегка подправляя ихъ въ звуковомъ отношеніи и приноравливая къ своему родному языку, черпаютъ, такъ сказать, горстями чешскія слова, подчиняются чешскому языку въ словосочиненіи и пр. Читая такія произведенія, всякій, знакомый съ чешскимъ языкомъ, съ первой строки видитъ въ нихъ указанныя вліянія, съ которыми никоимъ образомъ нельзя сравнивать по обилію таковыя же вліянія греческаго языка на славянскій...

Чешскій языкъ воздѣйствовалъ на русскій или посредственно, черезъ польскія литературныя произведенія, переведенныя съ чешскаго и затѣмъ усвоенныя въ переводахъ и передѣлкахъ русскою словесностію, или непосредственно. Въ обоихъ случаяхъ, особливо же въ первомъ чрезвычайно важно было бы взаимодѣйствіе польскихъ и русскихъ изслѣдователей чешскаго вліянія на ихъ литературы и взаимное ознакомленіе ихъ съ трудами соратниковъ: изслѣдованіе вопроса отъ этого значительно скорѣе подвинулось бы впередъ. Вотъ почему весьма было бы желательно, чтобы разсматриваемая нами книга г. Владимірова, изслѣдующая именно одинъ изъ примѣровъ *непосредственнаго* воздѣйствія чешскаго языка на русскій, нашла себѣ хорошій пріемъ и основательное ознакомленіе у польскихъ изслѣдователей; быть можетъ, она содѣйствовала бы появленію и въ ихъ средѣ аналогичнаго труда, который помогъ бы дальнѣйшей разработкѣ вопроса.

Мы съ большимъ удовольствіемъ изучили трудъ г. Владимірова: онъ составленъ съ такою тщательностью, и изданъ такъ изящно и, такъ сказать, основательно, какъ только можно желать для ученой работы и какъ сравнительно рѣдко издаются такого рода книги. Со стороны изложенія книгѣ также можно предсказать успѣхъ въ нашемъ читающемъ обществѣ: несмотря на обиліе разныхъ спеціальныхъ частностей, особенно во второй части, гдѣ изслѣдуется языкъ изданій Скорины, читается она легко и написана вообще интересно. Довольно многочисленныя воспроизведенія текстовъ изъ книгъ Скорины, заставокъ, рисунковъ, объясняющихъ содержаніе (особенно любопытенъ одинъ изъ нихъ, изображающій приходъ «Эсѳири царицы предъ царя»), заглавныхъ и начальныхъ буквъ, наконецъ, изображеніе самого Скорины «съ Полоцка, изъ славнаго града Полоцка» (въ пре-

дисловіи къ книгѣ пророка Даніила онъ говоритъ о себѣ: «Азъ... нароженый въ рускомъ языку») еще болѣе увеличиваютъ и интересъ книги, и даже значеніе ея въ научномъ отношеніи.

Скорина, удостоившійся особаго о себѣ изслѣдованія, дѣйствительно заслуживалъ таковаго: до такой степени онъ представляетъ изъ себя важный факторъ въ исторіи развитія и словесности, и мысли въ западной Руси, а черезъ нее, какъ показано это у г. Владимірова, и въ остальныхъ частяхъ Руси. Изслѣдованіе о немъ распадается, не считая обзора литературы предмета, на двѣ части. Въ первой представлены внѣшнія обстоятельства жизни Скорины съ предпосланнымъ имъ необходимо краткимъ обзоромъ общаго состоянія нравственно-религіозной и умственной жизни въ юго-западной Россіи 15—16 в. и изображена издательская дѣятельность его и ея значеніе въ исторіи русской словесности и русской мысли (главы I, II, III и IV); во второй части (247—350 стр.) обстоятельно изслѣдованъ языкъ изданій Скорины и сдѣланы приложенія нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ для жизнеописанія его и отрывковъ изъ его книгъ сравнительно съ такими же мѣстами изъ другихъ изданій (тексты и разночтенія Фѣоля, южно-славянскій XV в., чешскій). Книга, разбираемая нами, не нуждается въ похвалахъ и немного потеряетъ отъ нашихъ порицаній; вотъ почему въ дальнѣйшемъ нашемъ разсмотрѣніи ея мы коснемся лишь нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ, и такъ или иначе, удачно или неудачно, рѣшенныхъ имъ; при этомъ укажемъ и нѣкоторые изъ тѣхъ небольшихъ промаховъ или недочетовъ, какіе мы замѣтили въ его книгѣ.

Автора особенно занималъ одинъ изъ вопросовъ жизнеописанія Скорины, обставленный крайне скудно историческими данными, а именно вопросъ о его происхожденіи и вѣроисповѣданіи. Нужно сказать, что дѣйствительно въ данномъ случаѣ это былъ вопросъ капитальной важности, а не просто вопросъ праздняго любопытства, такъ какъ отъ того или инаго его рѣшенія могъ зависѣть и тотъ или иной взглядъ историка на сущность и значеніе просвѣтительной дѣятельности Скорины, положительный или отрицательный съ точки зрѣнія, разумѣется, національно русской.

Что Скорина, вопреки мнѣнію Линде, былъ русскій, а не полякъ, родился въ русской семьѣ, а не польской, это, какъ намъ кажется, показано авторомъ довольно наглядно: данныя, приводимыя имъ (напр., что въ своихъ предисловіяхъ къ переводимымъ книгамъ Скорина называетъ русскій языкъ своимъ «прироженымъ», а въ

одномъ изъ нихъ (къ Псалтири, 1517 г.) говоритъ, что онъ дѣйствуетъ на пользу «своей братіи Руси наболеи съ тое причины, иже мя милостивый Богъ съ того языка (т. е. русскаго) на светъ пустилъ». Другое опять выраженіе Скорины о себѣ «Азъ... нароженый въ рускомъ языку» было приведено нами выше), кажется не могутъ поддерживать болѣе ничьего сомнѣнія въ этомъ обстоятельствѣ. Не то съ вопросомъ о вѣроисповѣданіи Скорины: тутъ мы остались не совсѣмъ удовлетворены. Положимъ, авторъ заявляетъ, что «въ Полоцкѣ въ концѣ 15 в. (т. е. когда родился Скорина, а именно около 1490 года) и даже въ началѣ 16 не было ни одного католическаго костела» и сейчасъ же прибавляетъ: «населеніе города состояло изъ русскихъ православныхъ». Но первое заявленіе, основанное на документальныхъ данныхъ исторіи, еще не доказываетъ непремѣнно втораго утвержденія, чисто личнаго и выведеннаго не совсѣмъ логично изъ перваго. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли изъ того обстоятельства, что въ городѣ не было костела, выводить заключеніе, что населеніе города все «состояло изъ русскихъ православныхъ»? Прибавляемъ слово «все», отсутствующее въ книгѣ, потому, что оно необходимо подразумѣвается: если бы авторъ предположилъ, что въ городѣ было хотя нѣсколько католическихъ семей, т. е. что, значитъ, не все населеніе его было православное, то онъ не могъ и сдѣлать своего вышеприведеннаго столь рѣшительнаго заявленія о православіи Скорины. Отсутствіе костела въ Полоцкѣ можетъ свидѣтельствовать, по нашему мнѣнію, также и о сравнительной незначительности католическаго населенія города, а не непремѣнно о его полномъ отсутствіи. Во всякомъ случаѣ оба положенія могутъ быть высказаны съ одинаковымъ правомъ. Одинаково вѣрно сказать: «отсутствіе костела въ городѣ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ немъ католиковъ» или же: «отсутствіе костела можетъ свидѣтельствовать о незначительности католическаго населенія», конечно, если это говорится о столь тѣсно связанномъ съ остальною Литовскою Русью городѣ, какъ Полоцкъ. Если это такъ, то почти съ одинаковымъ вѣроятіемъ, разъ нѣтъ прямыхъ документальныхъ данныхъ, можно утверждать дедуктивно какъ о православіи Скорины, такъ и о неправославіи его, особенно если еще взять во вниманіе то чисто католическое имя его «Францискъ», подъ какимъ онъ обыкновенно извѣстенъ и какимъ онъ самъ себя обычно называлъ (Въ послѣсловіяхъ: *Скорининъ сынъ* или же: *Франциско*). Правда, изъ одного акта 16 вѣка явствуетъ, что у Скорины было и другое имя «Георгій», но самъ Скорина нигдѣ этимъ

именемъ себя не называетъ: и современникамъ своимъ, и намъ, потомкамъ, онъ извѣстенъ только подъ излюбленнымъ своимъ именемъ «Францискъ». Говоримъ мы это вовсе не къ тому, чтобы настаивать непремѣнно на католицизмѣ Скорины, но къ тому, чтобы показать, до какой степени это не выяснено у автора, который не постарался остановиться подольше на вопросѣ, откуда же у Скорины явилось это католическое имя, если онъ былъ, по утвержденію автора, православный. Не могло ли быть дѣло такъ? Родившійся въ православной русской семьѣ города Полоцка Георгій Скорина, обучившійся на родинѣ церковно-славянской грамотѣ и письму, не удовлетворившись этимъ, отправляется для полученія высшаго образованія въ Краковъ и тамъ почему то принимаетъ, вѣроятно, для вида, или, по безразличному отношенію въ данномъ случаѣ къ дѣлу, католицизмъ и перемѣняетъ имя, подъ каковымъ и значится въ записяхъ краковскаго университета: *Franciscus Luce* (т. е., вѣроятно, сынъ Луки, Лукичъ) *de Ploczko solvit 2 gr.*, (какъ студентъ, и: *Fran. de Ploczoko, Litphanus* (т. е. литовецъ), какъ баккалавръ. Степень «доктора въ лекарстве» Скорина получилъ уже гдѣ то за границею, вѣроятнѣе всего, въ чешской Прагѣ, съ которою онъ потомъ связалъ свою судьбу, въ качествѣ издателя книгъ священнаго писанія для народа. Почему Скорина могъ перемѣнить свое исповѣданіе и имя, если это было едва ли обязательно, трудно сказать; но на это у него могли быть свои, личныя причины. Въ нашей исторіи, во всякомъ случаѣ, есть данныя, указывающія на таковые переходы въ католичество русскихъ людей, ѣздившихъ за границу, напр. Ивана Сапѣги, принявшаго католицизмъ въ Римѣ, въ концѣ 15 вѣка. Сколько намъ кажется, Скорина въ дѣлѣ вѣроисповѣдныхъ различій и тонкостей былъ человѣкомъ *лично* индифферентнымъ и своею дѣятельностью имѣлъ въ виду только вообще дѣйствовать просвѣтительно на свой темный русскій народъ, который онъ искренне любилъ и которому пожелалъ дать книги на языкѣ, наиболѣе для него удобопонятномъ. Потомъ онъ женился въ Вильнѣ на католичкѣ Маргаритѣ Одверниковой, и это обстоятельство еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли о равнодушіи и безразличіи Скорины въ вѣроисповѣдныхъ различіяхъ православныхъ и католиковъ.

Говоря о вліяніи чешской библіи на переводъ книгъ Скорины въ отношеніи языка, авторъ могъ бы, намъ кажется, указать и на то, что знакомство съ чешскимъ языкомъ отражалось не только на текстѣ перевода, надъ которымъ работалъ Скорина, но даже и на

слогѣ такихъ мѣстъ, въ которыхъ Скоринѣ не было особенной надобности держаться чешскихъ выраженій, имѣвшихъ для него въ другихъ случаяхъ значеніе авторитета. Я говорю о предисловіяхъ и и послѣсловіяхъ, гдѣ Скорина, хотя и придерживался образцевъ, болѣе или менѣе самостоятеленъ въ изложеніи. Языкъ этихъ произведеній, далеко не свободный отъ чехизмовъ, свидѣтельствуетъ уже, намъ кажется, просто о силѣ вліянія чужаго, хотя и родственнаго, языка, способнаго переходить даже, такъ сказать, въ вольную рѣчь людей. Для примѣра возьмемъ хотя бы то мѣсто изъ предисловія къ книгѣ «Юдиѳь», гдѣ Скорина, выставляя великую еврейскую патріотку въ примѣръ мужамъ, совѣтуетъ имъ, чтобы они «всякого тружания и скарбовъ для посполитаго доброго и для отчины своея *не лютовали*». Здѣсь послѣднее слово—только приспособленное къ русскому языку въ звукословномъ отношеніи чешское слово «litovali»—жалѣли. Характеръ обликовъ, строеніе рѣчи въ предисловіяхъ носятъ почти настолько же чешскій типъ, насколько и въ текстѣ переводовъ. Въ обзорѣ литературы предмета г. Владиміровъ пропустилъ, какъ намъ кажется, только упоминаніе о Скоринѣ въ Библіологическомъ словарѣ П. М. Строева (см. Записки Императорск. академіи наукъ т. 41, книга I, 262 стр. Спб. 1882 г.). Правда, это упоминаніе очень незначительно, но въ такой же мѣрѣ невелики и незначительны тѣ замѣчанія о Скоринѣ, какія сдѣланы были митрополитомъ Евгеніемъ (Біографіи россійскихъ писателей 1821 г.) и Буслаевымъ (Историческая хрестоматія 1861 г) и попали однако же въ упомянутый обзоръ. Вотъ слова Строева о Скоринѣ: *Скорина*, Францискъ, докторъ, уроженецъ полоцкій. Онъ перевелъ съ вульгаты на бѣлорусское нарѣчіе Ветхій Завѣтъ. Его переводъ нѣкоторыхъ книгъ въ 1568 году присвоилъ себѣ какой то докторъ Василій Жугаевичъ изъ Ярославля (галицкаго), какъ это видно изъ рукописи бывшей библіотеки графа Ѳ. А. Толстова отд. I № 62 (Ср. Евгенія «Словарь русск. свѣтск. писателей» т. II стр. 169—171; Филарета «Обзоръ» стр. 185—187) [1]. Намъ остается сдѣлать еще два небольшія замѣчанія.

Разсмотрѣвъ довольно внимательно языкъ книгъ Скорины со стороны, главнымъ образомъ, звуковъ и словосочиненія, авторъ однако

[1]) Въ такой же мѣрѣ незначительно и замѣчаніе о Скоринѣ, сдѣланное г. Первольфомъ и также не указанное г. Владиміровымъ. Мы говоримъ объ извѣстной книгѣ „Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до 18 в.“, гдѣ высказано общеизвѣстное замѣчаніе о томъ, что „Скорина просто переводилъ съ чешской библіи—вульгаты, венец. изд. 1506 г.

въ концѣ концевъ не даетъ опредѣленнаго, ясно формулированнаго заключенія, что́ же это за языкъ, словно предоставляя читателю самому сдѣлать выводъ на основаніи предложенныхъ данныхъ. Самъ онъ выражается въ этомъ отношеніи весьма осторожно и, такъ сказать, обиняками; иногда даетъ понять, что, по его мнѣнію, труды Скорины имѣютъ ближайшее отношеніе къ бѣлорусскому языку (...Происхожденіе Скорины изъ Полоцка, связи съ Вильной и основаніе здѣсь первой русской типографіи придаютъ особенное значеніе трудамъ Скорины со стороны языка--значеніе памятниковъ бѣлорусской рѣчи начала 16 вѣка. Съ этой точки зрѣнія и должно разсматривать труды Скорины въ отношеніи къ русскому языку). Но рѣшительнаго, яснаго и опредѣленнаго вывода все таки, повторяю, нигдѣ не дано. Слова нѣтъ, что языкъ Скорины представляетъ изъ себя довольно пеструю амальгаму церковнославянскаго, бѣлорусскаго, чешскаго, польскаго и отчасти даже литовскаго языковъ[1]); но всетаки авторъ могъ, на основаніи собственнаго же внимательнаго разсмотрѣнія данныхъ этого языка, скорѣе чѣмъ кто либо другой, прійти къ яснымъ, осязательнымъ выводамъ, изъ какихъ элементовъ, и даже, пожалуй, въ какой пропорціи этихъ элементовъ сложился этотъ языкъ. Дѣло въ томъ, что необходимо было, кромѣ собственно описательной стороны работы, заняться и обнаруженіемъ, въ какой же мѣрѣ сознательно или безсознательно употреблены были тѣ либо другіе элементы. Нужно было, намъ кажется, указать, когда именно, т. е. въ какихъ случаяхъ пользуется Скорина словами и выраженіями языковъ: чешскаго, своего роднаго, церковно-славянскаго и пр. и было ли такое пользованіе сознательнымъ для него, либо совершенно безсознательнымъ. Словомъ, важно было бы вскрыть тѣ побужденія и пружины, какія двигали мыслію замѣчательнаго литературнаго дѣятеля 16 вѣка во время его работы; если же въ этой работѣ, относительно языка, нельзя усмотрѣть такой сознательности отношенія, то во всякомъ случаѣ важно было произвести хотя статистическое, такъ сказать, опредѣленіе тѣхъ составныхъ данныхъ, изъ которыхъ сложился языкъ Скорины. Тогда, по крайней мѣрѣ, можно было бы сдѣлать совершенно опредѣлительный, наглядный выводъ объ этомъ языкѣ.

[1]) Головацкій Я. Ѳ. (Науковый сборникъ 1865. Львовъ) такъ таки прямо и говоритъ о языкѣ Скорины: „то языкъ ни бѣлорусскій, ни великорусскій, ни малорусскій, а языкъ книжный, искусственный, якимъ никто никогда не говорилъ и не говоритъ". Бодянскій тоже, какъ извѣстно, не считалъ возможнымъ признать языкъ Скорины бѣлорусскимъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ книгахъ, подобныхъ изслѣдованію г. Владимірова, очень не лишни старательно составленные азбучные указатели личныхъ именъ и предметовъ, не мало облегчающіе читателю справки и поиски. Отсутствіе такого указателя въ книгѣ Владимірова мы считаемъ важнымъ неудобствомъ для читателя.

А. Степовичъ.

Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества, О. И. Роговой. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1888 г.

Повѣсть эта съ удовольствіемъ и не безъ пользы будетъ прочтена не только «юношествомъ», но и людьми зрѣлаго возраста, не имѣющихъ или досуга, или возможности читать спеціальныя историческія изслѣдованія о Хмельницкомъ. На самомъ же дѣлѣ повѣсть г-жи Роговой составляетъ популярный пересказъ монографіи Н. И. Костомарова о томъ же предметѣ, исполненный весьма старательно и умѣло. Романическій вымыселъ, составляющій обычную приправу историко-беллетристическихъ произведеній, допущенъ здѣсь въ самой незначительной пропорціи и при томъ въ примѣненіи къ второстепеннымъ, не историческимъ личностямъ. Самому Хмельницкому приписаны лишь самые маловажные вымышленные факты, и то преимущественно въ началѣ повѣсти, пока дѣло касается первоначальной поры его дѣятельности, о которой недостаетъ точныхъ историческихъ свидѣтельствъ; со времени же выступленія Хмельницкаго на политическую арену, вымыселъ рѣшительно уступаетъ мѣсто точному и правдивому историческому разсказу, за исключеніемъ, конечно, мелочей. По нашему мнѣнію, такой пріемъ составленія историческихъ повѣстей заслуживаетъ полнаго одобренія. Тѣмъ болѣе обязательно это правило, когда сюжетомъ повѣсти избираются лица или событія, о которыхъ имѣется богатый запасъ точныхъ историческихъ свѣдѣній. Такъ именно стоитъ дѣло въ настоящемъ случаѣ. Лучшая глава въ повѣсти г-жи Роговой, по нашему мнѣнію, — это XX, гдѣ описывается торжественный въѣздъ Хмельницкаго въ Кіевъ, по возвращеніи изъ-подъ Замостья, и пребываніе королевскихъ пословъ въ Переяславѣ; а между тѣмъ въ этой главѣ автору не пришлось прибавить почти ни одной черты къ тому, что онъ нашелъ въ источникахъ. Очень хороши также сцены препирательствъ польскихъ гетмановъ въ виду побѣдоносно наступающаго непріятеля — и онѣ опять не придуманы, а списаны съ показаній очевидцевъ. Можно бы сдѣлать

упрекъ г-жѣ Роговой, почему она ограничилась однимъ Костомаровымъ и не воспользовалась другими изслѣдованіями о Хмельницкомъ, но надо отдать ей справедливость въ томъ, что свой излюбленный источникъ она изучила очень основательно, вѣрно поняла духъ эпохи и характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ [1]), запаслась достаточнымъ знаніемъ бытовыхъ фактовъ, столь для нея необходимыхъ, и сумѣла избѣжать крупныхъ промаховъ. Тѣмъ не менѣе мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыя невѣрности, не особенно значительныя, нерѣдко встрѣчающіяся въ повѣсти г-жи Роговой. Перечисляя ихъ, мы начнемъ съ имени Хмельницкаго. Въ повѣсти онъ постоянно именуется то «панъ *Зиновій*», то «панъ *Богданъ*», иногда одно и тоже лице, въ разговорѣ съ Хмельницкимъ, называетъ его то тѣмъ, то другимъ именемъ. Несомнѣнно, что у Богдана, кромѣ этого имени, было и другое—крестное или, какъ тогда выражались, «молитовное». Было ли оно *Зиновій*, или же, какъ предполагалъ покойный М. А. Максимовичъ (на основаніи Коховскаго), *Ѳеодоръ* — мы не знаемъ. «Зиновіемъ» стали называть его лишь въ XVIII ст. Самъ же Хмельницкій и на Боровицкой присягѣ 1638 г., и въ Зборовскомъ реестрѣ войска запорожскаго, и во всѣхъ универсалахъ, до конца дней своихъ писалъ себя только *Богданомъ*; этимъ же именемъ называется онъ и въ той массѣ документальныхъ, лѣтописныхъ и другихъ матеріаловъ, какую мы имѣемъ отъ XVII ст. Слѣдовательно, можно категорически утверждать, что Хмельницкаго, при его жизни, никто иначе не именовалъ, какъ только *Богданомъ*, «молитовнымъ» именемъ называли его развѣ только въ церкви, когда молились о немъ. Подобныхъ примѣровъ двуименности мы можемъ представить хоть цѣлыя сотни изъ южно-русской исторіи XV—XVIII ст.

Рисуя портретъ Богдана, авторъ повѣсти замѣчаетъ, что лицо его «представляло смѣсь малорусскаго и *татарскаго* типа». Правда, авторъ увѣряетъ, что татарская примѣсь—«узкіе глаза и толстыя губы»—нисколько не мѣшала «красотѣ, смѣлости и уму, сквозившимъ въ каждой чертѣ этого лица», но мы опасаемся, не помѣшала бы она исторической правдѣ: насколько можно судить о наружности Богдана по имѣющимся старинным портретамъ, его лицо было чистѣйшаго украинскаго типа, какой и понынѣ сохранился на его родинѣ.

Вслѣдъ за Н. И. Костомаровымъ, г-жа Р. повторяетъ ошибку, допущенную покойнымъ историкомъ, по вопросу о времени и мѣстѣ

[1]) За исключеніемъ, впрочемъ, Ив. Выговскаго и отчасти А. Киселя.

извѣстнаго Никольскаго пира, связаннаго съ исторіей похищенія Хмельницкимъ королевскихъ грамотъ. М. А. Максимовичъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ основательно доказалъ, что это событіе никакъ не могло имѣть мѣста въ 1646 г., а случилось годомъ позже, наканунѣ бѣгства Хмельницкаго на Запорожье. Въ исторической повѣсти, гдѣ это дѣло разсказано съ бо́льшими подробностями, чѣмъ въ ученомъ изслѣдованіи, ошибка эта порождаетъ рядъ несообразностей. Становится совершенно невѣроятнымъ какимъ образомъ и Барабашъ, одураченный на весь свѣтъ Хмельницкимъ, и заклятый врагъ Богдана Чаплинскій, и самъ староста чигиринскій, зная достовѣрно, что у Хмельницкаго находятся въ рукахъ опасныя грамоты, слыша отовсюду, что онъ возмущаетъ ими народъ и козацкую старшину, не догадаются отобрать ихъ у него? И когда же? Когда Богдана дважды послѣ того арестуютъ, сажаютъ въ тюрьму, отнимаютъ все,— а грамоты все таки оставляютъ при немъ! Вообще исторія пребыванія Хмельницкаго со времени похищенія грамотъ и до бѣгства на Запорожье, какъ она представлена въ повѣсти г-жи Р., полна несообразностей. Напр., Хмельницкій вѣрнымъ человѣкомъ предупрежденъ, что его джура Дачевскій подкупленъ и состоитъ шпіономъ у Чаплинскаго; Хмельницкій лично убѣждается, что тотъ предаетъ его на каждомъ шагу, узнаетъ даже, что Дачевскому дано порученіе вѣроломно убить его,—и все таки, по какому то непостижимому равнодушію или упорству, продолжаетъ держать въ своемъ домѣ завѣдомаго шпіона и даже беретъ его съ собой въ походъ, гдѣ тотъ изъ-за спины наноситъ ему почти смертельный ударъ—и послѣ всего остается безнаказаннымъ! Или еще примѣръ: Хмельницкій предупрежденъ, что Чаплинскій съ часу на часъ готовъ предпринять наѣздъ на Суботовъ. Въ такихъ случаяхъ люди того времени или принимали мѣры для защиты и отпора врагу, или же, если это оказывалось невозможнымъ, заблаговременно уходили въ другое, безопасное мѣсто, унося съ собою болѣе цѣнное имущество и ужъ во всякомъ случаѣ не оставляя на произволъ судьбы членовъ своего семейства. Хмельницкій же поступаетъ наоборотъ: уѣзжаетъ въ Чигиринъ какъ будто бы съ жалобою къ старостѣ и, узнавъ, что послѣдній на нѣсколько дней отлучился изъ города, останавливается въ еврейской корчмѣ (вѣдь у него же былъ собственный домъ въ Чигиринѣ!), гдѣ ничего не дѣлая, отъ скуки попиваетъ «брагу» (?) и терпѣливо ждетъ, какъ тамъ Чаплинскій распорядится съ его дѣтьми—двумя дочерьми и малолѣтнимъ сыномъ, оставленными въ Суботовѣ какъ бы намѣренно

на расправу лютому врагу и его пьяной, разнузданной командѣ!... Мало того, получивъ извѣстіе, что Суботовскій хуторъ уже въ рукахъ Чаплинскаго, что его вѣрные слуги перебиты, что Марина уже повѣнчана съ Чаплинскимъ, Богданъ даже не интересуется справиться о судьбѣ дѣтей, и только на другой день случайно узнаетъ, что его сынокъ засѣченъ до смерти. Непостижимо, какъ остались живы и невредимы его красавицы-дочери! Очевидно, авторъ впалъ въ ошибку, такъ какъ отнятіе Суботова случилось гораздо раньше и не совсѣмъ такъ, какъ повѣствуетъ г-жа Р.; по всѣй вѣроятности, оно произошло неожиданно для Хмельницкаго, въ его отсутствіе, — и это насиліе толкнуло его (и то не сразу, а лишь послѣ неудачнаго обращенія къ правосудію и поѣздки къ королю) на тотъ путь агитаторской дѣятельности, какая въ повѣсти г-жи Р. приписывается ему съ первыхъ же страницъ; а похищеніе грамотъ должно было явиться заключительнымъ актомъ, означавшимъ рѣшимость Хмельницкаго выступить на арену открытой борьбы за народную свободу.

Получивъ отказъ отъ старосты, Хмельницкій идетъ, по словамъ повѣсти, жаловаться на Чаплинскаго «*въ земскій повѣтовый судъ*». Его «не сразу впускаютъ къ этимъ вершителямъ судебъ (т. е. судьѣ и подсудку), а сперва онъ обращается къ земскому писарю». Писарь, выслушавъ жалобу, идетъ къ судьямъ «съ докладомъ». Судья допрашиваетъ Богдана и предлагаетъ «зайти завтра»: мы молъ «разсмотримъ ваше дѣло и дадимъ окончательный отвѣтъ». И точно, на другой день писарь вручилъ Хмельницкому «письменное рѣшеніе его дѣла».—Вся эта сцена свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ повѣсти имѣетъ совершенно невѣрное представленіе о тогдашнемъ судопроизводствѣ. Во первыхъ, земскаго повѣтоваго суда не было и не могло быть въ Чигиринѣ, какъ *не повѣтовомъ* городѣ, а находились въ то время такіе суды, на цѣлое кіевское воеводство, лишь во трехъ повѣтовыхъ городахъ: Кіевѣ, Житомирѣ и Овручѣ. Во вторыхъ, порядокъ заявленія жалобъ, разсмотрѣнія ихъ и объявленія рѣшеній былъ совсѣмъ не похожъ на тотъ, какимъ онъ изображенъ въ повѣсти. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности тогдашняго судопроизводства; довольно напомнить, что жалобы записывались въ книги, всегда открытыя для всякаго; для разсмотрѣнія же жалобъ назначались опредѣленные сроки, на которые посылались отвѣтчику позвы и проч., судьи не судили ежедневно, а только въ опредѣленныя сессіи или «рочки»; разборъ дѣла не могъ происходить безъ личнаго присутствія истца или его повѣреннаго и т. под. Словомъ, это была довольно

сложная процедура, и Богданъ никакъ не могъ бы справить ее въ два дня.

Потерпѣвъ неудачу въ судѣ, Хмельницкій посылаетъ Чаплинскому формальный вызовъ на *поединокъ*, и тотъ—будто бы принимаетъ его! Послѣднее болѣе чѣмъ невѣроятно, такъ какъ поединки строго были воспрещены Статутомъ, и за подобный вызовъ Чаплинскій не преминулъ бы привлечь Богдана къ суду—такъ какъ выигрышъ дѣла былъ для него очевиденъ.

Опуская другія неточности, въ родѣ того, напр., что послѣдній представитель знаменитаго волынскаго княжескаго рода и образованнѣйшій человѣкъ своего времени, князь Самуилъ-Карлъ Корецкій, вездѣ именуется въ повѣсти просто «паномъ» и обрисованъ въ видѣ ничтожнаго, польскаго шляхтича,—мы укажемъ на одну топографическую невѣрность, тѣмъ болѣе странную, что она касается Кіева. Описывая въѣздъ Хмельницкаго въ этотъ городъ, авторъ говоритъ: «Въ то время предмѣстья Кіева были обширнѣе нынѣшнихъ (!) и тянулись вплоть до Золотыхъ воротъ (!). Они захватывали весь Подолъ (!) и всю ту часть нынѣшняго Кіева, гдѣ находится зданіе университета» (стр. 255). Здѣсь все невѣрно. Подолъ никогда не былъ «предмѣстьемъ» Кіева, а во время Хмельницкаго онъ составлялъ какъ бы центръ Кіева, такъ какъ верхній городъ, лежавшій до того времени въ развалинахъ, едва началъ оправляться лишь незадолго до Хмельницкаго. Что же касается до Золотыхъ воротъ, то неужели же г-жа Р. представляетъ себѣ, будто они находятся гдѣ то внѣ Кіева и при томъ такъ далеко, что нынѣшнія предмѣстья не доходятъ до нихъ? Послѣ этого нечего особенно удивляться сообщенію автора о м. Гощѣ, будто бы она лежитъ на разстояніи всего лишь дня пути отъ Кіева (стр. 256—7).

Мы уже замѣтили, что авторъ повѣсти обладаетъ нѣкоторымъ знакомствомъ съ бытовыми чертами украинской жизни XVII ст. и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи крупныхъ промаховъ. Его описаніе, наприм., Запорожья, хотя сдѣлано по даннымъ быта XVIII ст., не грѣшитъ противъ истины и составляетъ одну изъ лучшихъ главъ повѣсти. Но встрѣчаются и въ этомъ отношеніи погрѣшности, которыхъ мы не можемъ, однако, ставить въ вину автору, въ виду полнаго отсутствія въ нашей литературѣ спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ бытовой исторіи Малороссіи. На головѣ у Марины «кокетливая кибалка», а у Барабашихи—«бархатный корабликъ», изъ подъ котораго то и дѣло «выбиваются ея сѣдые кудри». *Кибалка*

и *кораблик* точно составляли женскій головной уборъ въ Малороссіи, но только въ XVIII в., а въ XVI—XVII вв. женщины носили «*чепцы*», поверхъ которыхъ повязывалась «намитка» или «завиванье»; а чтобы у такой почтенной особы, какова была Барабашиха, могли выбиваться изъ подъ головного убора «кудри»—это такое неприличіе, какое врядъ ли допуститъ и современная намъ пожилая и степенная хуторянка, въ понятіяхъ которой «свитыть волосомъ» считается большимъ позоромъ.—Въ числѣ напитковъ въ повѣсти безпрестанно фигурируетъ «брага», которую пьютъ даже на пиру у Хмельницкаго. Намъ кажется, что *брага*—спеціально великорусскій напитокъ, перешедшій въ Малороссію въ позднѣйшее время. Не даромъ же у великороссіянъ есть слово «*бражничать*», неизвѣстное украинцамъ. Въ южнорусскихъ историческихъ матеріалахъ XVI—XVII в. упоминаются напитки: медъ, пиво, горилка (оковита), а въ высшемъ быту—венгерскія, французскія и даже испанскія вина; но «браги» не приходилось намъ встрѣчать никогда.—На томъ же пиру у Хмельницкаго подаются на ужинъ блюда въ такомъ невѣроятномъ числѣ и, главное, въ такомъ неестественномъ порядкѣ, что какъ ни выносливы были козацкіе желудки, но едва ли они могли бы справиться съ этимъ винегретомъ, именно: сначала подаютъ рѣзанное ломтями мясо съ подливками и мясные пастеты; на вторую перемѣну—разныя жаркія: каплуны, пулярки, зайцы, оленина (?), кабанина и рябчики; далѣе—свиное сало съ гороховымъ отваромъ, которое гости «глотали, не жуя»; а въ заключеніе, въ видѣ десерта, пироги, блины, творогъ, галушки и простокваша! Гдѣ же это видано, чтобы *галушки* служили десертомъ послѣ сытнаго ужина!—Счетъ денегъ въ повѣсти часто опредѣляется «карбованцами»; это не вѣрно: тогда считали или на *копы* и *гроши* (литовскіе), или на «золотые» (польскіе).

Несмотря на все нами выше сказанное, мы вполнѣ признаемъ за авторомъ «Богдана Хмельницкаго» талантъ хорошо и занимательно пересказать юношеству исторію одного изъ лучшихъ нашихъ народныхъ героевъ и признаемъ книгу его вполнѣ заслуживающею вниманія читателя, почему и желаемъ ей полнаго успѣха, и думаемъ, что при вторичномъ ея изданіи, быть можетъ, наши замѣчанія во многомъ пригодятся автору.

Въ заключеніе—два слова о внѣшности изданія. Книга издана очень роскошно и снабжена превосходными иллюстраціями, по акварелямъ художника Микѣшина. Рисунки почти во всѣхъ подробностяхъ вѣрны эпохѣ.

О. Л.

Юліанъ Солтыкъ-Романскій. Вѣнецъ славянскихъ повтовъ. Сборникъ памятниковъ поэзіи славянскаго міра, Т. I. Слово о Полку Игоря древнеславянская (?!) поэма XII в. съ переводами: на русскій (новорусскій?), чешскій и польскій. Львовъ (30+140 стр.) ц. 1 гульд.

Довольно вычурная по своей внѣшности, книжка эта состоитъ изъ двухъ вступительныхъ статей о поэтическомъ памятникѣ, польской и русской (принадлежащей перу г. Николая Гербеля и помѣщенной въ сокращеніи, между прочимъ, въ его уже рѣдкомъ нынѣ изданіи, которое слѣдовало бы повторить, «Поэзія Славянъ» 1871 г.). Текстъ знаменитаго «Слова» расположенъ такъ, что на одной страницѣ помѣщены древнерусскій подлинникъ, напечатанный церковными буквами, и новорусскій переводъ Н. Гербеля, а на другой чешскій переводъ Ярослира Эрбена (прозаическій) и польскій епископа А. Ст. Красинскаго (стихотворный). Въ концѣ книги помѣщены примѣчанія, которыми снабжены эти переводы.

Идея изданія, пожалуй, недурна, но въ исполненіи его, особенно со стороны историко-литературныхъ и филологическихъ познаній издателя, можно бы пожелать большей подготовленности и дѣльности. Такъ, во вступительной польской статьѣ, принадлежащей перу самого издателя, можно было бы еще помириться съ общей характеристикою «Слова», о которой заявляется въ выноскѣ, что она повторена г. Бартошевичемъ въ его исторіи литературы безъ упоминанія источника, и съ нѣкоторыми сближеніями «Слова» съ «Краледворскою рукописью», но за то лингвистическія разсужденія его мало удачны. Откуда, напр., взялъ издатель, что, во 1-хъ «Слово» составлено на славянскомъ языкѣ (!), во 2-хъ, что выраженія *обычаи*, *тропа*, *дно*, *жаба*, *зеліе*, *прикладъ*, *челядь* и др. «вышли изъ употребленія» (wyszły z użycia) въ новомъ русскомъ языкѣ? [X и XI стр.]. Можно ли съ такими свѣдѣніями въ русскомъ языкѣ и литературѣ пускаться въ разсужденія о столь важномъ памятникѣ древнерусской словесности?

Затѣмъ въ пониманіи трудныхъ мѣстъ памятника издатель черезчуръ уже своеобразенъ и пускается въ толкованія, такъ сказать, «безъ руля и безъ вѣтрилъ». Такъ, выраженіе «въ рози нося» онъ понимаетъ: *рогоносцы*, т. е. волы (!).

Въ выраженіе «пардуже гнѣздо» подъ *пардусомъ* онъ хочетъ понимать не леопарда или шакала (къ чему же это! кто же не знаетъ, что въ древнемъ русскомъ языкѣ, по азбуковникамъ, слово *пардусъ* толкуется: *звѣрь*, *рысь*!), а какую то *пардву*, по его объясненію, родъ

большихъ куропатокъ (tetrao jagopus), потому что, де, шакалы не могутъ разсыпаться изъ гнѣздъ (!) (szakale nie mogą rozsypywać się z gniazda).

Вотъ до чего можно дойти съ такой наклонностью къ философствованію, заслуживающей лучшаго примѣненія! Наконецъ, издатель не позаботился даже о примиреніи противорѣчивыхъ объясненій гг. переводчиковъ; онъ взялъ, перепечаталъ тексты и замѣчанія и счелъ свое дѣло конченнымъ. Что ему за дѣло до разныхъ тамъ противорѣчій въ пониманіи памятника! И вотъ онъ преспокойно помѣщаетъ, напримѣръ, два прямо противоположныя объясненія личности великаго князя Всеволода, который, по выраженію пѣвца, можетъ «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти»: одно вполнѣ вѣрное, Гербелево, по которому это—Всеволодъ Юрьевичъ, великій князь Владиміра Залѣсскаго (на Клязьмѣ), слѣдовательно тотъ князь, который въ нашей исторіи извѣстенъ подъ именемъ Большаго Гнѣзда; а другое—Красинскаго, по мнѣнію котораго слишкомъ уже невозможному, это—Всеволодъ III, сынъ Олега Тмутараканскаго, князь во Владимірѣ Волынскомъ (!?) [Wsewołod III, syn Olega Tmutarakańskiego, książe na Włodzimierzu Wołyńskim]. И издатель счелъ возможнымъ оставить въ своей книгѣ подобныя нелѣпости безъ оговорки!?

А. Степовичъ.

Ilgowski.—Ostatnia starościna Zwinogrodzka.– Kraków 1888.
(Ильовскій.—Жена послѣдняго звенигородскаго старосты).

Подъ этимъ заглавіемъ вышла въ Краковѣ небольшая книжка, представляющая обстоятельный очеркъ исторіи города Звенигородки. Авторъ выбралъ изъ изданныхъ документовъ и лѣтописей все то, что можно было найти относительно исторіи данной мѣстности, и попытался составить ея исторію; конечно, пробѣловъ въ разсказѣ много, потому что извѣстный понынѣ матеріалъ весьма скуденъ; есть цѣлыя столѣтія, въ теченіи которыхъ источники вовсе не упоминаютъ объ имени Звенигородки; при томъ болѣе древнія извѣстія не точны и сбивчивы, и г. Ильовскій не всегда успѣлъ избѣжать повторенія завѣдомо ошибочныхъ свѣдѣній: такъ, первое упоминаніе о Звенигородкѣ онъ заимствовалъ изъ сочиненія Стрыйковскаго и, вслѣдъ за этимъ авторомъ, относитъ его къ 1331 году—ко времени побѣды Ольгерда надъ татарами у Синей воды; конечно, это довольно

крупная хронологическая ошибка, на которую авторъ напрасно не обратилъ вниманія: Ольгердъ не могъ въ 1331 году совершить похода на татаръ, по той простой причинѣ, что еще въ то время не княжилъ; отецъ Ольгерда в. к. Гедыминъ погибъ въ 1341 году, Ольгердъ же занялъ великокняжескій столъ только въ 1345 г. послѣ удаленія изъ Вильны Явнутія. Очевидно, походъ на Синія воды слѣдуетъ отнести къ болѣе позднему времени и указанія русскихъ лѣтописей на 1362 годъ гораздо вѣроятнѣе даты Стрыйковскаго, котораго хронологія вообще не выдерживаетъ критики.

Вторая половина сочиненія г. Илговскаго, подавшая ему поводъ дать всей книжкѣ приведенное заглавіе, составлена авторомъ по рукописному матеріалу, который онъ нашелъ въ архивѣ мѣстнаго костела. Это подробная исторія семьи послѣдняго звенигородскаго старосты, Феликса Солтыка; староство было ему пожаловано королемъ въ 1760 году и оставалось въ его владѣніи до смерти въ 1788 г.; затѣмъ его вдова выхлопотала для себя право на пожизненное владѣніе староствомъ и пользовалась его доходами до 1803 года. Во время управленія Солтыковъ въ звенигородскомъ староствѣ кромѣ 9 селъ, существовавшихъ раньше, возникло 18 новыхъ поселеній; авторъ перечисляетъ эти села, но къ сожалѣнію не указываетъ точныхъ датъ ихъ возникновенія, что было бы вполнѣ умѣстно въ монографіи, посвященной исторіи опредѣленной мѣстности, и легко въ виду архивнаго мѣстнаго матеріала, которымъ пользовался г. Илговскій. Затѣмъ авторъ разсказываетъ довольно подробно дѣятельность Солтыковой въ то время, когда пожилая вдова старосты поселилась въ Звенигородкѣ послѣ смерти мужа; потерявъ единственную дочь, она искала утѣшенія въ молитвѣ и всѣ богатые доходы староства употребляла на цѣли благотворительныя; впрочемъ, подчинившись вліянію мѣстнаго приходского священника, ксендза Грабовскаго, Солтыкова дала своей благотворительности довольно одностороннее направленіе: въ числѣ ея крупныхъ пожертвованій, перечисленныхъ г. Илговскимъ, мы не встрѣчаемъ ни разу мысли о какомъ либо учрежденіи, полезномъ для массы народонаселенія староства; всѣ пожертвованія имѣютъ цѣлью лишь вспомоществованіе интересамъ католической церкви: Солтыкова истратила около 200,000 злотыхъ на постройку въ Звенигородкѣ каменнаго костела, оставила крупный капиталъ, на счетъ котораго послѣ ея смерти была учреждена въ Звенигородкѣ католическая семинарія (существовавшая съ 1816 по 1839 г.) и т. д. Очевидно, послѣдняя звенигородская старостина все-

цѣло принадлежала по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ къ заурядному шляхетскому кругу своего времени; даже либеральныя вліянія, нѣсколько волновавшія болѣе просвѣщенные шляхетскіе кружки во время четырехлѣтняго сейма, вовсе ея не коснулись; ей ни разу не приходила въ голову мысль о томъ, насколько неестественно жертвовать громадные доходы, извлекаемые изъ труда православныхъ крестьянъ староства, исключительно въ пользу чуждой имъ церкви, забывая совершенно интересы того народонаселенія, трудъ котораго и былъ источникомъ жертвуемыхъ ею капиталовъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что книжка г. Илговскаго издана весьма изящно и даже роскошно—она иллюстрирована пятью рисунками, изображающими: портреты Солтыковой и ея дочери, найденные авторомъ въ складахъ костельнаго хлама, видъ звенигородскаго костела и два герба города Звенигородки: прежній (1791) и современный.

В. А.

Deux voyages en Asie au XIII-e siècle par Guillaume de Rubruquis envoyé de Saint Louis et Marco Polo marchand venitien. (Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bibliothèque historique et litteraire, publiée sous la direction de M. Eugène Muller, conservateur à la Bibliotheque de l'Arsenal). Paris. Delagrave. 1888.

Нельзя не отдать должнаго французамъ, какъ замѣчательнымъ популяризаторамъ всякихъ научныхъ свѣдѣній. Не только отдѣльные научные вопросы излагаются ими мастерски просто, занимательно и въ то же время вполнѣ научно, но для пользованія публики издаются цѣлые литературные памятники, имѣющіе глубокій интересъ въ научномъ отношеніи. При этомъ изданія эти отличаются замѣчательнымъ изяществомъ, чистотой и дешевизной. Доказательствомъ можетъ служить коллекція in 12° цѣлаго ряда учено-популярныхъ работъ лучшихъ французскихъ ученыхъ, коллекція, въ составъ которой входятъ: Biologie, Linguistique, Anthropologie, Pédagogie и т. д. Теперь издательская фирма Delagrave уже выпустила въ свѣтъ цѣлую серію путешествій, въ которую вошли записки Рубруквиса и Марко-Поло. Путешествіе перваго, какъ извѣстно, относится къ 1253 году, а втораго къ 1271 году. О важномъ значеніи въ научномъ отношеніи этихъ записокъ нечего и говорить. Для русскаго ученаго онѣ имѣ-

ютъ особенный интересъ, особенно записки Рубруквиса. Онъ изъ Константинополя проѣхалъ въ Азію чрезъ Крымъ и Южную Россію.

Марко-Поло въ Россіи никогда не былъ и посвящаетъ ей лишь одну послѣднюю главу: «De la province de Ruthenі». Но и тотъ и другой сообщаютъ массу историческихъ, этнографическихъ и археологическихъ данныхъ о народахъ урало-алтайскихъ, изъ которыхъ многіе принимали дѣятельное участіе въ событіяхъ русской исторіи. Записки обоихъ этихъ путешественниковъ издавались много разъ, но всѣ эти изданія сдѣлались положительной рѣдкостью.

Къ числу изданій, перечисленныхъ у Аделунга въ его трудѣ «Литературныя извѣстія о древнѣйшихъ путешествіяхъ иностранцевъ по Россіи» можно прибавить еще одно, именно въ «Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis», Fejer'a (v. IV, pars 2) Записки Марко Поло были переведены и на русскій языкъ въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Шемякинымъ (1861 г. ч. III, IV, 1862 г. ч. I—IV). И сборникъ Гаклюйта, и Бержерона, и Fejer'a—изданія весьма дорогія, могущія быть достояніемъ лишь большихъ библіотекъ, да въ настоящее время и весьма рѣдкія. Русское изданіе Марко-Поло теперь также почти вышло изъ продажи. Всѣ эти обстоятельства придаютъ важное значеніе изданію, заглавіе котораго мы только что выписали. Оно сдѣлано весьма изящно in 12° и на 307 страницахъ мелкаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма четкаго и краснваго шрифта заключаетъ полный текстъ путешествій Рубруквиса и Марко-Поло. Текстъ взятъ изъ сборника Бержерона (Voyages faits en Asie), но издатель Мюллеръ производилъ при этомъ тщательное сличеніе бержероновскаго текста съ текстами другихъ изданій и особенно съ изданіемъ Дидо 1845 года съ примѣчаніями ученаго синолога Потьé (Pauthier). Такимъ образомъ, текстъ Бержерона въ сомнительныхъ мѣстахъ былъ пополняемъ и исправляемъ на основаніи лучшихъ текстовъ. Изданіе снабжено весьма незначительнымъ числомъ примѣчаній, не имѣющихъ, впрочемъ, значенія. Замѣтимъ въ заключеніе, что цѣна изданія болѣе, чѣмъ умѣренная,—всего одинъ франкъ.

П. Голубовскій.

Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра отъ Смоленска до лимана, произведеннаго днѣпровскою описною партіею въ 1875—1883 г. подъ начальствомъ генералъ-маіора Поликарпова I-го С.-Петербургъ, 1887. 16°. 79 стр. Подробные планы рѣки Днѣпра, раздѣленные на пять участковъ: 1) отъ Смоленска до Лоева; 2) отъ Лоева до Кіева; 3) отъ Кіева до Екатеринослава; 4) отъ Екатеринослава до Александровска и 5) отъ Александровска до лимана. Изданы статистическимъ отдѣломъ М—ва Путей Сооб. С.-Петербургъ. 1886. In-folio.

Происхожденіе этого изданія изложено въ «Объяснительной запискѣ къ изданію плановъ и профилей рѣкъ Оки, Днѣпра и Камы, изслѣдованныхъ описными партіями» (Спб. 1887. 16°. 15 стр.), въ которой читаемъ: «26 декабря 1874 г., по Всеподданнѣйшему докладу г. министра п. с. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на изслѣдованіе внутреннихъ водяныхъ путей имперіи. Цѣль этого изслѣдованія: подробное ознакомленіе съ состояніемъ рѣкъ и озеръ и со способностью ихъ для внутренняго судоходства, возможность правильной обстановки ихъ предостерегательными знаками и составленіе основательныхъ проектовъ расчистки и улучшенія этихъ водъ.—Работы описныхъ партій по изслѣдованію внутреннихъ водъ сначала производились подъ руководствомъ Высочайше утвержденной навигаціонно-описной коммиссіи, а по ея упраздненіи, производятся подъ руководствомъ техническаго отдѣла д—та ш. и в. с.—Изданіе плановъ и профилей изслѣдованныхъ рѣкъ, для общаго употребленія возложено на статистическій отдѣлъ М—ва П. С.» —Далѣе объ изданныхъ такимъ образомъ статистическимъ отдѣломъ «Подробныхъ планахъ», говорится: «Подробные планы издаются въ масштабѣ 50, 100, 200 саж. въ 0,001 сажени, смотря по ширинѣ русла рѣки. Въ эти планы входятъ всѣ подробности, назначенныя на оригиналахъ, составленныхъ описными партіями, за исключеніемъ части береговой полосы, которая, въ видѣ удешевленія изданія, напечатана въ упомянутыхъ масштабахъ только шириною около 250 саж. въ обѣ стороны рѣки отъ урѣза воды».

Изъ приведеннаго описанія изданныхъ плановъ видно, что назначеніе ихъ чисто спеціальное—«ознакомленіе со способностью рѣкъ для внутренняго судоходства». Для историка на этихъ планахъ интересны указанія на старыя русла Днѣпра, извѣстныя подъ именемъ «стариковъ». Извѣстно, что на пологихъ берегахъ Днѣпръ очень часто измѣняетъ свое теченіе, прокладывая новые пути для своихъ водъ. При этомъ нерѣдко прибрежныя поселенія терпятъ разореніе, а

иногда принуждены бываютъ перемѣщаться вмѣстѣ съ своею рѣкою. Перемѣна руслъ происходитъ обыкновенно при весенних разливахъ, которые, перемѣщая съ собою массы рѣчнаго песку, засыпаютъ («заметаютъ») цѣлые дворы. Теперешнее кобеляцкое мѣстечко Орликъ населено тѣми изъ жителей Стараго Орлика, усадьбы которыхъ перемѣстившій здѣсь въ началѣ XVIII в. прежнее свое русло Днѣпръ «замелъ пескомъ». На старыхъ днѣпровскихъ руслахъ нерѣдко появляются значительные острова, изъ за которыхъ обыкновенно возникаютъ между жителями ближайшихъ къ нимъ селъ безконечные споры... Яблокомъ раздора при этомъ служитъ обыкновенно та превосходная лоза, которою покрываются такіе острова.

Изданные М—вомъ П. С. планы Днѣпра сколько намъ извѣстно, въ обычную продажу не поступали.

А. Л.

Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ (Справочная книга для одесситовъ и пріѣзжихъ). Адресъ Календарь съ приложеніемъ плановъ г. Одессы, ея окрестностей, городскаго и русскаго театровъ. Изданіе В. В. Скидана. Одесса, 1889 г. стр. I—XXIII, 1—395, цѣна 60 к.

Доступная по цѣнѣ и хорошо изданная книга, необходимая и для пріѣзжихъ, и мѣстныхъ жителей, по той разнообразной массѣ отвѣтовъ, которые могутъ быть вызваны вопросами частной и общественной жизни въ г. Одессѣ.

Н. Т.

Виленскій Календарь на 1889 годъ (шестой годъ изданія) съ тремя рисунками. Вильна 1888 г. Цѣна 30 к. стр. 1—319.

Изъ массы провинціальныхъ календарей это самый лучшій и по содержанію, и по внѣшнему виду, и по дешевизнѣ.—Кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній (118 стр.), въ календарѣ мы находимъ слѣдующія статьи, знакомящія насъ какъ съ настоящею, такъ и съ прошлою жизнью въ Литвѣ: 1) о посѣщеніи и. в. в. к. Михаиломъ Николаевичемъ, Сергіемъ Михайловичемъ, Владиміромъ Александровичемъ и супругою его в. к. Маріею Павловною нѣкоторыхъ храмовъ литовской епархіи въ іюнѣ мѣсяцѣ 1888 г., 2) о посѣщеніи и. в. в. в. к. Владиміромъ Александровичемъ и в. к. Маріею

Павловною, во время поѣздки въ іюнѣ мѣсяцѣ 1888 г. по сѣверо-западному краю, ковенской гимназіи и нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній г. Минска и объ участіи учащихся разныхъ учебный заведеній г. Бреста во встрѣчѣ ихъ высочествъ, 3) преподобная Евфросинія, княжна полоцкая (съ рисункомъ), В. А. фонъ-Роткирха, 4) Каѳедральный Іосифовскій соборъ въ губ. гор. Могилевѣ, 4) Церковная унія (краткій истор. очеркъ) К. Ш., 5) Уніатскій вопросъ въ 1772—1827 гг. А. Бѣлецкаго, 6) Іосифъ, митрополитъ литовскій и виленскій (съ его портретомъ) К. В. Ш—аго и нѣсколько некрологовъ скончавшихся въ минувшемъ 1888 г. русскихъ дѣятелей въ сѣверо-западномъ краѣ.

Н. Т.

Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 и 1889 г.

Кіевлянинъ (265—285, 1—14). *Кіев. Слово* (557—583). *Черниг. Губ. Вѣд.* (98—102, 1—5). *Волынскія Епарх. Вѣд.* (361—1). *Волынск. Губ. Вѣд.* (911, 1—4). *Волынь* (144—165) (1—15) *Подольскія Епарх. Вѣд.* (50—52). *Бессарабск. Губ. Вѣд.* (127—135, 1—5). *Екатериносл. Губ. Вѣд.* (98—102). *Крымъ* (107—124, 1—6). *Харьков. Губ. Вѣд.* (235—236, 1—13). *Южный Край.* (2738—2762). *Воронеж. Епарх. Вѣдомости* (1). *Донъ* (102—146, 1—4). *Донская Рѣчь* (122—128, 1—6). *Елисав. Вѣстн.* (7—12). *Одесскій Вѣстникъ* (1—14). *Новороссійскій Телеграфъ* (4293—4305). *Одесскій Листокъ* (1—10). *Южанинъ* (1—12). *Орловскій Вѣстникъ* 123—168, 1—7). *Минскій Листокъ* (1—3). *Кубанскія Област. Вѣд.* (49—52). *Сибирскій Вѣстникъ* (80—85). *Червоная Русь* (132—151, 1—2).

Кіевлянинъ №№ 265—283, 1—14. 266. *Предстоящія живописныя работы во Владимірскомъ соборѣ.*

Извѣстіе о предполагаемомъ въ память 100-лѣтія присоединенія Подоліи къ Россіи изданіи «Изслѣдованія церковноисторической жизни Подоліи».

267. *Некрологъ А. И. Линниченка*, бывшаго начальника кіевскихъ Фундуклеевской и Подольской женскихъ гимназій.

Библіографич. замѣтка—Г. о книгѣ Е. Шмурло «Митрополитъ Евгеній, какъ ученый».

Перепечатка изъ «Новостей» нѣсколькихъ эпизодовъ осады Очакова въ 1788 г.

Перепечатка изъ «Нов. Времени» эпизода изъ дѣятельности переяславскаго (полт. г.) капитанъ-исправника 1-й четверти текущаго столѣтія Самойлова.

269. *Звенигородскій кладъ.* Сообщеніе гр. А. А. Бобринскаго объ этомъ кладѣ въ археологич. обществѣ.

Засѣданіе историческаго общества 11 декабря. Отчетъ о рефератахъ И. И. Малышевскаго, А. А. Дмитревскаго и М. И. Лилеева.

Корреспонденція изъ м. Жашкова, таращ. у. кіев. г., о мѣстныхъ кустарныхъ промыслахъ.

Корреспонденція изъ м. Новоконстантинова, подол. г. о находкѣ старинныхъ пуль.

270. *Интересное изслѣдованіе.* Объ изслѣдованіяхъ д-ра Талько-Гринцевича надъ продолжительностью жизни населенія звениг. у. кіев. губ.

271. *Засѣданіе общества кіевскихъ врачей 3 декабря.*

272. *Открытіе дома трудолюбія въ Кіевѣ.*

273. *Мірскіе капиталы крестьянъ въ кіев. губ.*

275. *Некрологъ* о. Даніила Левицкаго, настоятеля церкви Свято-Владимірскаго братства во Владимірѣ-Волынскѣ, знатока церковной старины.

Дѣтскія книги. Отзывъ о книгѣ г-жи Роговой «Богданъ Хмельницкій».

276—278. *Присоединеніе къ православію стремигородскихъ и зубовщинскихъ чеховъ, кіев. губ. радомысл. у.*

277. Извѣстіе о предстоящей реставраціи Кіево-Софійскаго собора.

Некрологъ т. с. П. П. Максимовича, кіевскаго уроженца, послѣдняго изъ воспитанниковъ старой кіевской академіи.

Отчетъ о XII т. Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej.

279. Корреспонденція изъ м. Триполья, кіев. г., о небольшомъ кладѣ древнихъ монетъ, захваченномъ мѣстными евреями.

282. *Засѣданіе общества кіевскихъ врачей 17 декабря.*

283. *Дѣятельность каменецъ-подольской коммиссіи Императорскаго человѣколюбиваго общества въ 1887 г.*

1. *Юго-западный край въ 1888 г.*

Корреспонденція изъ радомысл. у. о народныхъ школахъ.

3. *Передвижная выставка Имп. академіи художествъ въ 1888—89 г.* Изъ картинъ, сюжеты которыхъ взяты ихъ южно русской природы и жизни здѣсь отмѣчены: Сергѣева — «Ночь наступила», Мещерскаго — «У кавказскихъ береговъ Чернаго моря», В. Д. Орловскаго — «Охотники», Н. И. Мурашко — «Днѣпръ», Г. П. Кондратенко — «Ночь въ Бахчисараѣ» и «Ночь въ Крыму», К. Я. Крыжицкаго — «Гроза собирается» и «Хуторъ въ Малороссіи», С. И. Васильковскаго — «Малороссійскій видъ», Х. П. Платонова — «Наймичка».

7, 8, 9, *Записка о состояніи и дѣятельности Императ. университета св. Владиміра въ 1888 г.*

— *Десятилѣтіе кіевскаго драматическаго общества.*

— Перепечатка изъ «Черн. Губ. Вѣд.» анекдота, имѣвшаго мѣсто при проѣздѣ черезъ г. Березну имп. Екатерины II.

— *Актъ 8 янв. въ унив. св. Владиміра.*

8 *Общее собраніе членовъ Богоявленскаго братства при кіевской духовной академіи.*

9. *Магистерскій коллоквіумъ въ кіевской дух. академіи.* О защитѣ Г. Я. Крыжановскимъ диссертаціи на степень магистра богословія подъ заглавіемъ «Рукописныя Евангелія кіевскихъ книгохранилищъ».

Перепечатка изъ «Южн. Края» анекдота о поголовномъ сѣченіи харьк. извощиковъ бывшимъ харьков. генералъ-губернаторомъ Кокошкинымъ.

10. *Спб. общество вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ унив. св. Владиміра.* Отчетъ о дѣятельности этого общества.

Крестьянскіе хлѣбные запасы и продовольственные капиталы въ кіев. губ.

Перепечатка изъ № 1 «Кіев. Старины» о томъ, какъ запорожцы посылали изъ Петербурга въ Сѣчь за водкою.

11. Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода о дѣятельности типографіи Кіево-Печерской лавры въ 1886 г.

Контрабандныя раскопки кургановъ съ научною цѣлью. «Возлѣ с. Лосятина, василь. у., въ 18 в. отъ Бѣлой Церкви, въ имѣніи гр. Браницкой осенью прошлаго года произведена была краковскими археологами раскопка одного замѣчательнаго кургана. Раскопка совершена была по всѣмъ правиламъ археологическаго искусства. Что нашли въ курганѣ краков. ученые неизвѣстно, какъ и то, по какому праву они производили раскопку. Говорятъ, будто ими было получено разрѣшеніе отъ спб. археологич. общества».

12. Краткій некрологъ земскаго врача новозыбковскаго у. черниг. губ. П. С. Евсѣенка, воспитанника унив. св. Владиміра.

Кіевское Слово №№ 557—583. 558. Корреспонденція изъ Бердичева. Приводится текстъ заговора отъ укушенія змѣи: «Господу Богу помолюся, Матери Божей Пречистой поклонюся. Изъ видки сонечко сходыть, Изъ видты Iисус Христосъ приходить. Помощь мени приносить. Маты Божа приступае, И я приступаю, Маты Божа помогае, И я помогаю, Гадыну замовляю: На гори, гори Іоньской, На води Іорданской, Тамъ лежала гадына Зофія. Гадыно Зофія! Прикажь гаду, Щобъ не роспускавъ яду До жовтои кости, До червоной крови, До шираго сердця, До румянаго лица, До раба Божаго Крещенаго, священнаго Молитвеннаго Ивана. На Іосафатовой долини, На перекрестному шляху Тамъ стояли: Сава И Варвара и Микола, И Покрова, и Святе Благовищенье; Ясныя свичи посвитылы Господа милосерднаго просилы И молились и благословились *За хрестьянску виру* За раба Господня Ивана».

Если заговариваемое лицо женскаго пола, то упоминается Овдюшка. Эти два имени: *Иванъ* и *Овдюшка* говорятся всегда, хотя бы въ дѣйствительности имена больныхъ были и другія.

Въ томъ случаѣ, когда приходится «одмовлять» какое либо животное, то молитва читается такая же, только, когда рѣчь идетъ о лошади, стяхъ: «за хрестьянску виру» выбрасывается.

— И про свинью можно говорить и про скотыну, а про коня нельзя,— сообщала мнѣ баба.

Я спросилъ, почему для лошади дѣлается подобное исключеніе.

— Свинья и всякая другая скотина святятся, вотъ, напримѣръ, у Великъ-День когда пасхи святятся, а лошадь не святится,—объясняла баба,—потому про нее и нельзя говорить: «за хрестьянску виру».

560. *Объ открытіи перваго кіевскаго дома трудолюбія.*

Корресп. изъ екатериносл. губ. О курганахъ близь с. Чернявщины и д. Алексѣевки павлоград. у. екатер. губ.

Корресп. изъ Харькова. Краткій некрологъ бывшаго профес. астрономіи въ харьков. у—тѣ И. И. Ѳедоренка.

551. Замѣтка о соч. А. В. Гурова «Геологическое описаніе полтавской г.».

Кіевскіе календари.

562. Отчетъ объ 11-мъ очередномъ собраніи кіев. общ. естествоиспытателей.

563, 565. *Тяжкій грѣхъ бабы Солохи.* Разсказъ изъ малорусской народной жизни.

564. О картинѣ Неврева «Ярославъ Мудрый напутствуетъ дочь свою Анну въ замужество француз. королю Генриху I». І. Августина.

567. Отчетъ о засѣданіи общества кіевскихъ врачей 17 декабря.

Извѣстіе о кладѣ, найденномъ въ лѣсу близь д. Гавронщины, кіев. у.

568. Перепечатка изъ Хар. Губ. Вѣд. корреспонденціи изъ кобелякскаго у. полт. губ. о народныхъ обычаяхъ на Рождество Х—во и Новый Годъ.

571. *Изъ отчета о 3-мъ присужденіи преміи гр. Толстаго.* Изъ кіевскихъ ученыхъ получилъ премію въ 400 р. А. І. Степовичъ за «Очеркъ исторіи чешской литературы».

572. Корреспонденція изъ Бердичева. О прекращеніи дѣятельности бердич. драматич. общества.

574. Перепечатка изъ «Южн. Кр.» корреспонденціи изъ Лохвицы о дѣятельности мѣстнаго общества сельскаго хозяйства.

575. Кіевскіе подкидыши,—А. С—кій.

—Земская дѣятельность Г. П. Галагана. Выдержки изъ статьи Ѳ. Г. Мищенка («Кіев. Стар.» № 12).

576. Актъ 8 янв. въ университетѣ св. Владиміра.

579. *Малороссы за Волгой.* Извлеченіе изъ III вып. «Трудовъ саратовской архивной коммиссіи».

Черниговскія Губерн. Вѣдомости 1888. № 98—102. 1889. № 1—5. № 99. Николая Гармашева. Къ исторіи края: *Домницкій монастырь по описанію прошлаго вѣка.*

Нами случайно пріобрѣтена старинная рукопись половины прошлаго вѣка, имѣющая слѣдующее заглавіе:

«Копіи со всѣхъ крепостей монастыря домницкаго, по коимъ оный монастырь владѣетъ наданными от гетмановъ искупленными в разныхъ мѣстахъ грунтами, мелницами, озерами, полями и селомъ Дурнями.—Вписаны в'сію книгу 1750 года Іюня мѣсяца во время бытности в томъ монастырѣ игумена и в чернѣговской катедрѣ намѣсника его высокопревелебія отца Іосифа Миткевича».

По внѣшнему виду рукопись наша была переплетена и обрѣзана, но теперь вырвана изъ переплета. Писана рукопись крупнымъ красивымъ почеркомъ на полулистахъ сѣроватой бумаги. Страницы перенумерованы чьей то чужой рукой. На узенькихъ поляхъ противъ нѣкоторыхъ актовъ находятся отчерки, нотабены; мѣстами попадаются поправки, сдѣланныя также чужой рукой, быть можетъ, самого о. игумена Іосифа Миткевича.

По содержанію рукопись дѣлится на три части. Сначала идетъ краткое историческое описаніе [1]) Домницкаго монастыря, далѣе слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ гетманскіе универсалы (Мазепы, Скоропадскаго, Апостола), данные «на владеніе тому монастыру... грунтами, мелницами, озерами, полями и другими угодіи»; въ концѣ идутъ всевозможныя выписи изъ книгъ мѣскихъ, записи, росписи, духовницы и купчія, данныя «отъ разныхъ званій людей монастыру домницкому на владѣніе купленними у ихъ грунтами, мелницами, полями, сѣнокосами и протчимъ». Всѣхъ документовъ около сотни. Представляютъ они драгоцѣннѣйшій матеріалъ какъ для исторіи самой Домницкой обители, такъ и сосѣднихъ съ нею селъ и мѣстечекъ: Березнаго, Дурней, Салтыковой Дѣвицы и другихъ. Въ виду такого значенія нашей рукописи, мы, по мѣрѣ переписки заключающагося въ ней матеріала, будемъ сообщать его редакціи «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» для печатанія. На этотъ разъ предлагаемъ первую часть рукописи:

Описаніе монастыря домницкаго въ какомъ онъ году и чьимъ иждивеніемъ состроенъ и о прочемъ какъ ниже поименовано.

1) Оной монастырь въ 1696 году построенъ иждивеніемъ и старательствомъ бывшого гетьмана малороссійского Ивана Мазепы, какъ то: церковъ большую, однопрестолну, которая и нынѣ есть, храмъ Рождества пресвятыя Богородецы внутръ монастыря, въ оную иконостасъ утвари, всѣ вещи, сосуды, книги

[1]) Это описаніе занесено переписчикомъ въ рукопись значительно позже написанія оной.

и прочое належащее къ священнослуженію надалъ и монастырь деревяною оградою обнесъ и келеи построилъ деревяніи, и унѣверсаломъ своимъ ствердилъ.

2) Гдѣ монастырь состроенъ прежде было пахатное поле, при коемъ зарослъ небольшого дерева, въ той зарослѣ явилась чудотворная икона въ коемъ году, какъ и кому знать нѣ почему.

3) Съ того времени близъ мѣста того состроена была церковъ храмъ Рождества пресвятыя Богоматере съ тесовыхъ досокъ, въ коей и священнослуженіе отправляемо было близъ десяти лѣтъ, пока состроенъ монастырь вышепрописанымъ Мазепою, по доказательству старожиловъ, а чьимъ иждивеніемъ оная построена о томъ неизвѣстно.

4) Къ оному монастырю онъ же Мазепа 1700 года мая 13 дня деревню Дурнѣ, въ коей дворовъ 25 со всѣми къ ней принадлежащими грунтами такожъ озера, рыболовлѣ и мелницу о двух колахъ состоящую на озерѣ Домницѣ, близъ неи луга, пахатное поле съ гаемъ, при своемъ унѣверсалу надалъ.

Мѣстоположеніе оного монастыря на ровномъ сухомъ и пѣсчаномъ имѣетъ окрестъ его съ 1-й сторонѣ восточной разнаго дерева лѣсъ, съ 2-й стороны отъ Березнаго вышепрописанная мелница. За оною пахатное поле.

5) Въ монастырѣ церквей четыре: первая, внутръ монастыря, деревяная, болшая выстроена коштомъ, зъ средины вымалевана съ горы донизу (кромѣ олторя) иждивеніемъ жителя березинского Григорія Сечевицы въ 1751 году за игумена оного монастыря Саввы Любовича и подъ мурована съ исподу кирпичомъ коштомъ монастырскимъ, Вторая, внутрѣ монастыря, неболша, деревяна жъ, теплая, однопрестолная, Преображеніе Господне, при оной трапеза и келія, построилъ оную своимъ иждивеніемъ обозный генералный Скоропадскій въ какомъ году неизвѣстно. Третая, каменна, неболшая, на брамѣ однопрестолна храмъ святителя Николая, состроена коштомъ монастырскимъ, начата строится за бывшого игумена Иероѳея Малѣцкаго въ 1772 году, закончена въ 1779 году за нынѣшняго игумена Діонисія Левандовскаго. Четвертая, внѣ монастыря, деревяная, неболшая, на томъ мѣстѣ, гдѣ икона явилась, однопрестолна храмъ великомученицы Параскевы, оную построилъ своимъ иждивеніемъ бывшій сотникъ столинскій Иосифъ Сичевскій въ какомъ году неизвѣстно.

6) Оной монастырь въ пожарѣ никогда не былъ, округъ же его ограда прежде сего была вся деревяна и необширна а за прежде бывшого игумена Иероѳея построена общирнѣе в полъ каменная, а въ полъ деревяна иждивеніемъ монастырскимъ; въ окружности состоитъ ввесь монастырь треаршинныхъ саженъ 280.

Въ немъ келій деревянныхъ 11, хлѣбная пекарня 1.

7) По явленіи иконы и по выстройки съ досокъ церкви какъ вышейпрописано были начальники: 1. Климентъ, 2. Діонисій, 3. Инокентій, 4. Генадій и 5. Макарій, а когда они родились и отъ какихъ родителей, и что происходило

до времени ихъ и въ монастырѣ домницкомъ сколько житія ихъ было и гдѣ кто умре, или переселенъ никакихъ достопамятныхъ записокъ въ монастырѣ не сыскано, потому и знать нѣ почему.

8. По выстройки жъ Гетьманомъ Мазепою монастыря были игумены: первый Варлаамъ Василіевичъ выбылъ въ Троецкій черниговскій ильинскій монастырь архимандритомъ, вторый Димитрій Винѣцкій въ Домницкомъ монастырѣ умре, третый Іоаникій Дубравскій въ семъ монастырѣ умре, четвертый Андрей Осмаковскій потомъ переведенъ въ Борисоглѣбскій катедральный монастырь намѣстникомъ, пятый Іоанъ Дубинскій оной переведенъ архіереемъ въ городъ Нижной, по немъ повторно былъ Андрей Осмаковскій въ семъ монастырѣ и умре, шестий Іоасафъ Миткевичъ переведенъ въ Каменскій монастырь игуменомъ же, седмый Савва Любовичъ въ семъ монастырѣ умре.

Въ какихъ годахъ и отъ такихъ родителей и какъ до посвященія ихъ въ Домницкій монастырь происходили, и по сколько лѣтъ были игуменами знать нѣ почему.

Осмый Іероѳей Малѣцкій съ 1762 года по 1774 годъ былъ игуменомъ, переведенъ въ Елецкій черниговскій монастырь архимандритомъ, девятый: нынѣ въ семъ Домницкомъ монастырѣ игуменомъ съ 1774 года Діонисій Левандовскій переселенъ святѣйшаго Синода указомъ съ псковской епархіи великопустыннаго монастыря. Болѣе жъ при ономъ монастырѣ лѣтописей старинныхъ печатныхъ, ни рукописныхъ записокъ и никакихъ другихъ достопамятныхъ и примѣчателныхъ замѣтокъ не отъискано и неимѣется, всего не по чему и узнать.

На подлинномъ подписъ таковъ къ сему описанію Рождественскаго домницкаго монастыря игуменъ Діонисій подписался.

100. Изъ архива гр. Г. А. Милорадовича. Два земельные документа рода Полуботковъ (1713—1714 г).

1. Къ исторіи края. Разсказы старожиловъ. Г. А. Тищинскій, обращаясь къ мѣстнымъ любителямъ съ просьбою сообщать свои разсказы «о добромъ старомъ времени», въ свою очередь разсказываетъ то, что ему удалось слышать отъ старожиловъ про проѣздъ императрицы Екатерины II черезъ г. Черниговъ и его губернію въ 1787 г.—Императрица, не доѣзжая Чернигова, останавливалась въ г. Березномъ (кстати замѣтимъ здѣсь отъ себя: въ Березномъ для проѣзда выстроенъ былъ на казенный счетъ дворецъ,—послѣ проѣзда онъ былъ проданъ и купленъ тайн. сов. Гр. Пет. Милорадовичемъ, перевезенъ въ Черниговъ, гдѣ выстроенъ вновь, но уже съ пристройками и существуетъ понынѣ, принадлежа внуку покупщика графу Гр. Ал. Милорадовичу),—при выходѣ ея на крыльцо, сопровождавшая ее комнатная собачка бросилась съ лаемъ въ кусты, откуда выскочившій мѣстный піита Лежень, бросился къ государынѣ, преподнесъ ей оду своего сочиненія и скрылся,—его розыскали и вручили отъ государыни 150 р. сер.—При посѣщеніи Чернигова Екатерина II пожелала про

гуляться по немъ пѣшкомъ, но грязь сдѣлала то, что при прогулкахъ ея, приходилось или валить ей подъ ноги плетни, которыми по случаю недавно бывшаго пожара были огорожены только что отстроенные дворы, или переносить ее на рукахъ. Наконецъ еще старожилы указываютъ на дворъ, въ которомъ останавливался проѣздомъ австр. импер. Іосифъ II.

2, 4. Къ исторіи края: Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. Ал. Л—ій, приступая къ печатанію этихъ списковъ, въ своемъ вступленіи говоритъ: «Происхожденіе настоящихъ списковъ слѣдующее: на основаніи грамоты на права дворянства, въ каждой губерніи, между прочимъ, должна была быть составлена дворянская родословная книга, при чемъ въ эту книгу слѣдовало «внести имя и прозваніе всякаго дворянина въ той губерніи имѣніемъ недвижимымъ владѣющаго и дворянство свое доказательствами утвердить могущаго». Списки лицъ, которые должны были быть внесены въ дворянскую родословную книгу, составлялись по уѣздамъ: «уѣздный предводитель дворянства имѣетъ сочинить по приложенной формѣ списокъ по алфавиту всѣмъ дворянскимъ родамъ въ томъ уѣздѣ имѣніемъ недвижимымъ владѣющимъ». По приложенной формѣ требовались слѣдующія свѣдѣнія: 1) имя и прозваніе дворянина въ томъ уѣздѣ имѣніемъ недвижимымъ владѣющаго и его лѣта; 2) холостъ или женатъ и на комъ, или вдовъ; 3) много ли дѣтей мужскаго или женскаго пола и ихъ имена и лѣта; 4) сколько за нимъ по послѣдней ревизіи наслѣдственныхъ или купленныхъ, или вновь пожалованыхъ, или въ приданое полученныхъ обоего пола душъ крестьянъ нынѣ состоитъ и во скольких селахъ или деревняхъ: 5) въ уѣздѣ ли живетъ тотъ дворянъ или въ отлучкѣ; 6) какого онъ чина и 7) въ какой именно службѣ или отставкѣ». По этимъ формамъ были составлены по каждому уѣзду особо списки лицъ, имѣвшихъ право, по мнѣнію предводителей, на дворянство, и представлены затѣмъ въ сенатъ. Въ сенатѣ произведена была ревизія этихъ списковъ уже по документамъ, которые были представлены лицами, желавшими доказать юридически свое дворянство.—По разсмотрѣніи документовъ, одни роды—были утверждены въ дворянствѣ, а другимъ—въ этомъ отказано. Такимъ образомъ въ составленныхъ въ 1783 г. спискахъ, оказалось много лицъ, за которыми сенатъ не призналъ дворянства. Тѣмъ не менѣе списки эти сохраняютъ за собою значеніе цѣннаго матеріала для исторіи мѣстнаго общества второй половины XVIII вѣка. По симъ спискамъ передъ нами проходятъ полные ряды того «малороссійскаго шляхетства», персоналъ котораго «съ точнымъ доказательствомъ о шляхетствѣ» правительство давно уже желало знать.

Печатая эти списки, присоединяемъ къ нимъ небольшія примѣчанія, которыя могутъ быть далеко полнѣе и интереснѣе, если бы кто захотѣлъ для составленія ихъ обратиться къ архиву черниговскаго дворянскаго депутатскаго

собранія, гдѣ въ «дѣлахъ о дворянствѣ» того или другаго рода хранятся почти еще нетронутые матеріалы для исторіи мѣстнаго дворянства.

Сообщаемые здѣсь списки относятся къ слѣдующимъ уѣздамъ: конотопскому, коропскому, кролевецкому, глуховскому, погарскому, мглинскому, сураж-скому, новомѣстскому и сосницкому. Только эти списки мы и имѣли въ своемъ распоряженіи».

Послѣ чего слѣдуетъ списокъ по конотопскому уѣзду, озаглавленный такъ:

Вѣдомство о дворянствѣ уѣзда конотопскаго съ означеніемъ кто изъ оного въ службѣ при должностяхъ и въ отставкѣ находится, какихъ чиновъ, кто на комъ женатъ, скольло кто имѣетъ дѣтей, какихъ оные лѣтъ и гдѣ обрѣтаются, сколько за кѣмъ по послѣдней 1782 года сочиненной ревизіи мужскаго и женскаго пола душъ, въ какихъ селеніяхъ и уѣздахъ. Сочиненна по алфавиту 1783 г. апрѣля 27 дня.

Затѣмъ слѣдуютъ роды: 1. Армашевскій, 2. Базилевичъ, 3. Бакланъ, 4. Бартошъ, 5. Богдановскій, 6. Велентѣй, 7. Вольховскій, 8. Волъ, 9. Воленко, 10. Гацукъ, 11. Горошковскій, 12. Громѣкова, 13. Езучевскій Ив., 14. Езучевскій Сем., 15. Забѣяка Дмит., 16. Забѣяка Алексѣй, 17. Занковичъ, 18. Ильнѣцкій, 19. Кандиба Андрей, 20. Козловскій, 21. Косичева, 22. Косинскій, 23. Костенецкій Григ., 24. Костенецкая Марѳа, 25. Костенецкій Алексѣй; 26. Кролевецкая.

5. Къ исторіи края. Ковчинецъ сообщаетъ двѣ мѣстныя легенды, записанныя имъ въ чернигов. у. въ с. Ковчинѣ, а) народное преданіе объ императрицѣ Екатеринѣ II.

«Цариця Катерина дарила панамъ людей, що вана раздарила земли! да толки все хутарцѣ, де нема, значитъ, церкви. Отъ грахъ Кушелевъ и просыть: подари мынѣ Кулычки. Вана ему вже богато понадарювала: Стольне, Дремайловку и ще богато. Цариця поіхала подивилась и каже: церковъ е, не дамъ; се не Кулычки, а Куликовка». Куликовка — с. черн. у. въ 30 верст. отъ Чернигова.

И б) легенду о Петрѣ Великомъ.

«Бувъ царъ Петро. Були таки волшебныци Лютра и Утеранка. Петро выпросывъ земли на шкуру у Утерянки, порѣзавъ шкуру на дробненьки ременцѣ, посшивавъ ихъ, одъ Двини до Двини обовьевъ землю и построивъ крепость. Воевавъ вонъ изъ Утерянкою и изъ Лютрою. Лютру убивъ одинъ казакъ, а зъ Утерянкою царъ Петро воевавъ ще много лѣтъ. Дачка ии полюбыла Петра, ходила па саду зъ имъ и вонъ спрашуе ии, чи возьму я твою матку, чи нѣ. Хоть сѣмъ годъ стой, дакъ не возьмешъ. Есть у тебе солдатъ Иванъ, дакъ его смертъ у моей матки, а матчина у его. Ну якъ же его узнаты, питае Петро. Ты зраби пиръ, на пиру якъ упьюцця, поляжуть спать; вонъ заспе пудъ деревомъ, дерево усхне, бо въ его сыла изъ рота иде, якъ дымъ. Тогда

Петро зробивъ пиръ, узнавъ его. Посли пиру Петро найшовъ его на ученіи и давай спрашувать: что жъ ты можешъ узять ии. Приставъ до его. Вонъ тадѣ й каже: позвольте пугвицю зорвати. Тои каже: хочъ уси зриваи. Москаль зорвавъ пугвицю, выстрелывъ пугвицею и убивъ Утеринку; якъ его въ карету укынулы, сычасъ и умеръ. Царъ сѣвъ на лошадя, перескочывъ черезъ Двину, тольки задни капыты конь умочивъ; городомъ, якъ побѣгъ, дакъ пудкова одарвалась, ударилась въ стену и теперъ высыть.

Царъ Петро ходывъ у зароботки, въ чужой земли зробывъ корабель, одъ его й сталы у насъ корабли». (Записано отъ Лукьянця с. Ковчина чернигов. губ. и уѣзда).

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. № 36.—1889. № 1. 36. Слово въ день памяти Высокопреосвященнаго митрополита литовскаго Іосифа Семашко, іеромонаха Владиміра.

36, 1. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской губерніи (продолженіе): м. Гоща, с. Рясники, с. Завизовъ, с. Михалковцы, с. Краевъ, с. Стадники, с. Майковъ, с. Дулибы, с. Милятинъ, с. Почепки, с. Мнишинъ, с. Могиляны, с. Симоновъ, с. Сѣянцы, с. Тесовъ, с. Томаховъ. 3 благочинническій окр. острожскаго уѣзда с. Бродовъ, с. Оженинъ, с. Верховъ, с. Гульча, с. Глупонинъ, с. Здолбица, с. Ивачковъ, с. Конытковъ (Октавинъ), с. Коростова, с. Плоска, с. Новомильскъ, с. Новоставцы, с. Новоселки, с. Посягва, с. Мятицъ, с. Подлѣски.

1. Польскій католицизмъ на Литвѣ (перепечатка изъ «Правды»).

— Развалины Мстиславова храма во Владимірѣ-Волынскомъ (перепечатка изъ Кіевлянина), В. Г.

Волынскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 91—95. 1889. № 1—4. № 92. По части мѣстной библіографіи: «Житомирскій могильникъ», археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ.—Сергѣя Гамченка, рецензія Братчикова.

95—4. Остатки волынской старины,—историческо-археологическія замѣтки (прод.) Братчикова.

Волынь №№ 144—165 и 1—11. № 157. *М. Искоростъ и его окрестности.* Михайлова.

160. *Былыя времена.* Ш—скаго. Передается содержаніе замѣтки «Архіерейскій подарокъ», напечатанной въ № 12 «Кіев. Старины» 1888 г.

162—164. *Духъ конокрада.* Святоч. разсказъ Кл. Скальскаго. Сюжетъ взятъ изъ народной жизни въ подольск. губ.

164. Корреспонденція изъ м. Лѣщина. При постройкѣ плотины черезъ р. Гуйву, въ горѣ, назыв. «Замкомъ» или «Замчищемъ», гдѣ нѣкогда стоялъ

замокъ владѣтельныхъ князей, найдены три человѣческихъ черепа, старинная сабля и ружье.

9. Сообщается о присоединеніи къ православію чеховъ с. Губина, ровенскаго уѣзда волынск. губ.

Елисаветградскій Вѣстникъ №№ 7—12. № 11. О сельскихъ обычаяхъ подъ праздники. Описываются два характерные обычая, которые сохранились еще и теперь въ патріархальныхъ семействахъ нашей южной Руси—обычай праздновать «Святый Вечиръ» и «смалыть дида».

«Святый вечиръ» —торжественная «вечеря» подъ праздникъ Рождества Христова, отправляемая всей семьей и домочадцами, во время которой уничтожается всякое сословное различіе среди вечеряющихъ—обычай, конечно, чисто христіанскій.

Гораздо древнѣе по своему происхожденію обычай, существующій во многихъ захолустьяхъ Малороссіи— «смалыть дида» подъ Новый годъ. Въ глубокую полночь противъ Новаго года, въ то время, когда «дивчата» заняты выливаніемъ воска, гаданіемъ передъ зеркаломъ и проч., старикъ отецъ со старшимъ сыномъ идутъ въ садокъ и здѣсь подальше отъ построекъ, чтобы не произвести пожара, сожигаютъ нѣсколько вязокъ соломы. Дымъ отъ этого огня долженъ окурить плодовыя деревья и этимъ сообщить имъ плодородіе въ наступающемъ году и избавить отъ гусеницъ, червей и проч. Затѣмъ здѣсь огни тушатся и зажигаются костры на «попилыщи», т. е. на томъ мѣстѣ, куда сбрасываютъ «попилъ» (золу изъ печей) и соръ изъ хаты впродолженіи цѣлаго года. Хозяйка дома выноситъ сюда въ это время и весь соръ, собранный за дни праздничные и сохраняемый подъ «прыпечкомъ». Все это самымъ тщательнымъ образомъ пережигается, потомъ перемѣшивается и снова зажигается. Огни поддерживаются на «попилыщахъ» цѣлую ночь, до встрѣчи дневнаго свѣта, а потомъ тушатся. Вотъ это зажиганіе огней по садамъ и пережиганіе «попилыщъ» и называется «смалыть дида».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это беретъ свое начало въ древней дохристіанской Руси. Это есть ничто иное, какъ нѣсколько измѣненный обрядъ чествованія бога солнца—Дидъ-Ладо...

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. №№ 50—52. № 50—52. Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ приходахъ подольской епархіи.—Владиміра Тиминскаго.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 127—135. 1889. № 1—5. № 128. В. Н. Каразинъ и основаніе харьковскаго университета. Перепечатано изъ Правит. Вѣстника, редакція котораго принимаетъ пожертвованія на сооруженія памятника В. Н. Каразину.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 98—102. № 98. Н. А. Лабинскій—директоръ екатеринославскаго дѣтскаго пріюта (некрологъ).

98. Могилы Близнюки—Ив. Каргопольцева. Въ четырехъ верстахъ отъ г. Екатеринослава, по дорогѣ въ Никополь, расположены самые большіе въ окрестностяхъ г. Екатеринослава курганы, носящіе названіе *«Близнюки»*. Объ этихъ могилахъ такъ много ходитъ среди мѣстныхъ жителей разсказовъ (одинъ изъ которыхъ былъ помѣщенъ г. Кащенкомъ въ № 6 «Екатеринославскаго Юбилейнаго Листка»), что мы употребили всѣ силы, чтобы собрать среди окрестныхъ жителей всѣ существующія о нихъ преданія и легенды. Къ сожалѣнію, многаго намъ добыть не удалось; старые люди вымираютъ, съ ними вымираютъ и слѣды народнаго творчества, выражаемаго въ пѣсняхъ, сказкахъ, преданіяхъ и пр. То, что намъ удалось собрать, мы сочли не лишнимъ записать и тѣмъ сохранить въ памяти потомства хотя остатки тѣхъ интересныхъ разсказовъ, легендъ и преданій, которыми была такъ богата благословенная Украина.

Большинство разсказовъ, существующихъ про «Близнюки», носитъ полнѣйшій оттѣнокъ легендъ, въ родѣ сообщенной г. Кащенкомъ, почти дословное повтореніе которой приходилось и намъ слышать. Но есть разсказы нѣсколько видоизмѣненные, такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что здѣсь существовало когда то «безбожное басурманское государство». Послѣ одного изъ умершихъ царей этого государства осталось два сына «близнецы»; долго они спорили между собою, кому изъ нихъ царствовать, наконецъ рѣшили собрать знатнѣйшихъ изъ своего народа и въ присутствіи ихъ копать землю и носить на избранное мѣсто. Кто больше насыплетъ земли въ опредѣленное время, тотъ и долженъ царствовать. Оказалось, что оба они насыпали поровну, потому и царствовали оба. Другіе разсказываютъ тотъ же разсказъ, но уже нѣсколько въ другомъ видѣ. Тоже послѣ смерти какого то царя, царствовавшаго здѣсь, осталось два брата-близнеца, которые оба и вступили на отцовскій престолъ. Во время одного изъ набѣговъ непріятелей была взята въ плѣнъ мать этихъ царей; грустя о потерѣ матери, братья-богатыри поклялись во что бы то ни стало отомстить врагамъ. Желая издали увидѣть непріятелей, они насыпали два кургана, и каждый сидѣлъ на своемъ курганѣ съ дружиной, ожидая враговъ. Наконецъ третьи, преимущественно жители с. Лоцманской Каменки, передаютъ тотъ же разсказъ, но прибавляютъ, что братья-цари вскорѣ послѣ похищенія матери, по заговору какого то колдуна, вмѣстѣ умерли и были похоронены въ насыпанныхъ ими курганахъ съ массой богатствъ. Вообще мнѣніе, что въ «Близнюкахъ» зарыта масса сокровищъ, сильно распространено въ окрестныхъ жителяхъ и, несмотря ни на какія увѣщанія, они глубоко убѣждены въ этомъ и, какъ будто, въ поддержаніе своего убѣжденія, разсказываютъ цѣлые разсказы о явленіи различнымъ лицамъ около «Близнюковъ» какихъ то рыцарей, стари-

ковъ и пр. Передавать всѣ слышанные нами объ этомъ разсказы нѣтъ возможности (подробно объ этомъ мы постараемся сообщить впослѣдствіи), такъ много слышали мы ихъ отъ крестьянъ, между которыми встрѣчались люди, увѣрявшіе, что они сами видѣли ночью пещеру или старика, и между разсказчиками очевидцами попадались люди не старые. Передадимъ здѣсь одинъ изъ слышанныхъ нами, какъ образецъ всѣхъ подобныхъ разсказовъ. Одинъ изъ крестьянъ возвращался изъ деревни Сурскихъ Хуторовъ домой въ с. Лоцманскую Каменку поздно вечеромъ; поровнявшись съ могилами, онъ услышалъ, что его зоветъ кто то по имени; оглянувшись, онъ увидѣлъ около одной изъ могилъ свѣтъ; во внутренность могилы, какъ будто въ погребъ, были отворены двери, около которыхъ стоялъ мужчина, одѣтый въ зеленое козацкое платье, съ шапкой на боку и съ большимъ пистолетомъ за кушакомъ; стоявшій обратился къ крестьянину со словами: «человѣкъ добрый, иди ко мнѣ, бери сколько хочешь золота и серебра, только запиши меня въ свою граматку». Но крестьянину, сидящему на возу, не видно было золота, поэтому онъ приподнялся и дѣйствительно увидалъ въ погребѣ много сундуковъ, наполненныхъ золотомъ, испугался идти въ могилу, чтобы его тамъ не заперли, а отвѣтилъ: «если бы ты явился мнѣ днемъ, я пошелъ бы къ тебѣ и записалъ бы тебя въ граматку, а ночью не хочу, потому что если бы ты былъ добрымъ человѣкомъ, то не сталъ бы являться по ночамъ». Тогда стоящій у могилы спросилъ: «развѣ я злой»? Крестьянинъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: «да злой», ударилъ воловъ и поѣхалъ домой. Долго боялся крестьянинъ оглянуться, но его какъ будто тянуло посмотрѣть назадъ; наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и оглянулся, но ничего уже не было. Не успѣлъ онъ проѣхать нѣсколько шаговъ, какъ возъ встряхнуло и одинъ изъ воловъ упалъ и околѣлъ. Всталъ съ воза бѣднякъ, заплакалъ и началъ возиться съ телѣгой, чтобы ѣхать дальше на одномъ волѣ; среди работы онъ произнесъ громко: «Господи, за что ты такъ меня наказалъ»; вдругъ слышитъ, что ему кто то сзади отвѣтилъ «это я тебя наказалъ за то, что ты меня назвалъ злымъ—этого мало; черезъ годъ еще хуже будетъ». Говорятъ, что такъ и случилось.

Какъ ни смѣшенъ и невѣроятенъ разсказъ, но въ справедливость его твердо вѣрятъ. Одинъ изъ крестьянъ с. Лоцманской Каменки передавалъ мнѣ, что года три тому назадъ ему пришлось поздно ѣхать около Близнюковъ; вдругъ откуда не возьмись выскочилъ какой то человѣкъ, весь въ красномъ, подбѣжалъ къ нему и перевернулъ воловъ такъ, что рога одного изъ воловъ совершенно вошли въ землю.

На ряду съ этими легендами приходилось намъ слышать и другаго рода разсказы о происхожденіи этихъ могилъ, въ разсказахъ этихъ уже скользитъ доля правдоподобія. Разсказываютъ, что эти могилы поставлены во времена

Богдана Хмельницкаго. Возвращаясь съ войнъ съ поляками, онъ закапывалъ въ поляхъ всю забранную добычу: золото, оружіе и пр., и что здѣсь онъ зарывалъ свою добычу, вмѣстѣ съ какими то знатными козаками, убитыми во время битвъ, и чтобы отличить это мѣсто—насыпаны курганы. Но вопросы мои—не разрывалъ ли кто когда либо эти могилы, старожилы отвѣчали, что было, но до конца не дорывали, а вырывши изъ лѣвой (ѣхавши изъ города) могилы что то, дальше не продолжали рыть, при чемъ присовокупляли, что и нельзя рыть, «грѣшно, время не пришло, а когда прійдетъ, то все богатство само откроется». Приходилось слышать убѣжденіе, что не только въ Близнюкахъ, но и вокругъ ихъ есть много добра. Передавали намъ еще такой разсказъ. Нѣсколько мальчиковъ (теперь уже старики) пасли около могилы воловъ, а къ сѣверо-западу на разстояніи около полверсты отъ нихъ, нашли въ землѣ большое кольцо, въ діаметрѣ около четверти, которое поднять не могли. Одинъ изъ мальчиковъ, заложивъ въ кольцо толстую пастушескую палку, началъ крутить его; послѣ большихъ усилій ему удалось вытащить кольцо, къ нему былъ прикрѣпленъ винтъ, ясно показывающій, что оно было прикрѣплено къ какому то предмету въ землѣ. Кольцо съ винтомъ мальчикъ принесъ домой; и на другой день все семейство мальчика пошло къ Близнюкамъ съ цѣлью разрыть это мѣсто, такъ какъ были увѣрены, что здѣсь долженъ находиться кладъ, но не могли отыскать мѣста, гдѣ было вынуто кольцо, такъ какъ мальчикъ нехорошо замѣтилъ его. Приходилось слышать отъ стариковъ, что около балки, идущей отъ с. Лоцманской Каменки къ Близнюкамъ, и на степи около ихъ, прежде довольно часто отыскивали клады.

Недавно разсказывали мнѣ, что одинъ изъ рабочихъ, бывши въ Каменкѣ лѣтомъ на плотахъ изъ полтавской губ., говорилъ лоцманамъ, что у Близнюковъ и на всей каменской степи зарыто много добра и что у отца его есть доставшаяся ему отъ его дѣда книга, гдѣ про все это написано. Разсказчикъ, говорятъ, ходилъ во время пребыванія въ Каменкѣ нѣсколько разъ къ Близнюкамъ; фамилію этого рабочаго узнать мы не могли.

Какъ бы ни неправдоподобны были большинство изъ слышанныхъ нами разсказовъ, но очевидно, что эти могилы многихъ смущаютъ и сильно развиваютъ въ народѣ суевѣріе, и нельзя не удивляться, почему археологическія общества и многія изъ мѣстныхъ и часто посѣщающихъ насъ столичныхъ археологовъ не обратятъ вниманія на эти могилы и вообще окрестности нашего города. Можно предполагать, что ихъ труды не пропали бы безплодно, наука и исторія края получила бы отъ нихъ не мало пользы,—а если бы даже раскопки и не дали блестящихъ результатовъ, то уже достаточно было бы того, что все суевѣріе народа, связанное съ Близнюками, исчезло; исчезли бы съ ними и вся-

кіе разсказы о видѣніяхъ, погребахъ, пѣтухахъ, бѣгающихъ ночью по могиламъ, синенькихъ огонькахъ, горящихъ тамъ ночью, и т. д.

Крымъ №№ 117—124 и 1—6. № 118. *Жатва въ зимнее время.* Нравы днѣпровскаго уѣзда Д. Прасолова.

123. Библіографическая замѣтка о книгѣ госпожи Роговой «Богданъ Хмельницкій».

124. *Хлѣбная торговля въ таврической губ.*

Библіографич. замѣтка о № 5 «Извѣстій таврич. ученой архивной коммисіи» (въ память 900-лѣтія крещенія Руси).

1—3. *Хлѣбная торговля въ таврич. губ.*

— *№ 5 Извѣстій таврич. ученой архивной коммиссіи. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси.* Замѣтка.

Торговля таганрогскаго порта въ 1888 г.

2. Корреспонденція изъ Екатеринослава о празднованіи 50-лѣтія мѣстнаго клуба.

3. Недавно вышелъ изъ печати отчетъ о гидрогеологическихъ изысканіяхъ въ различныхъ пунктахъ тавр. губ. проф. Головкинскаго; къ сожалѣнію, онъ напечатанъ не для продажи, а какъ отчетъ автора передъ губ. земствомъ.

4. Годовой отчетъ таврическаго медико-фармацевтическаго общества за 1887—88 г.

Корреспонденція изъ Алешекъ, таврич. губ. Сообщается, между прочимъ, объ одномъ интересномъ «нововведеніи» въ крестьянской жизни: «дѣвушка, избравшая себѣ жениха, заключаетъ съ послѣднимъ условіе, которымъ онъ обязывается исправиться, т. е. оставить шалости холостой жизни, а въ особенности употребленіе спиртныхъ напитковъ; для доказательства назначается извѣстное время, въ продолженіе котораго дѣвушка слѣдитъ за поведеніемъ будущаго мужа и, когда послѣдній стойко выполнитъ условіе, назначается день вѣнчанія.

6—7. Таврическая губернская сельско-хозяйственная и промышленная выставка (изъ Зап. Имп. общ. сел. хоз. южной Россіи).

7. Лашковъ. Отвѣтъ Г. Т. по поводу замѣтки его о № 5 Извѣстій таврической ученой архивной коммиссіи (Крымъ № 124 1888 г., 1 и 3 1889 г.)

Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1888. №№ 235—340, 1—10. № 235. Отчетъ по устройству фотографической выставки въ помѣщеніи харьков. городскаго музея съ 1 октября по 15 ноября 1888 г.

235. Къ вопросу о народномъ продовольствіи.

237. Сообщеніе, что въ засѣданіи антропологическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи въ Москвѣ между прочимъ было сообщено о раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ текущаго года И. А. Зарѣцкимъ въ полтавской губ., въ мѣстностяхъ полтавскаго и зень-

ковскаго у., и въ харьковской губ. близъ с. Лихачевки. При раскопкахъ были найдены разные предметы,—бронзовые браслеты, кольца, бусы, глиняные сосуды и особенно интересный колчанъ, украшенный тонкими золотыми пластинками съ изображеніями грифоновъ и горныхъ барановъ, скиѳскаго типа. Череповъ и костяковъ найдено не было, за исключеніемъ небольшаго количества обгорѣлыхъ костей.

— Некрологъ: «14-го декабря скончался бывшій ординарный профессоръ астрономіи харьковскаго университета, Иванъ Ивановичъ Федоренко. Воспитанникъ харьковскаго университета, Ив. Ив. по окончаніи курса со степенью кандидата, поступилъ на службу въ Пулковскую астрономическую обсерваторію на должность сверхштатнаго астронома. Въ концѣ 1853 года И. И. Федоренко былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ астрономіи въ кіевскій университетъ, а въ августѣ 1857 года переведенъ на ту же должность въ харьковскій университетъ, въ которомъ и оставался до выхода своего въ отставку во второй половинѣ 1879 года.

Важнѣйшимъ ученымъ трудомъ покойнаго профессора, доставившимъ ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, было изданное въ 1855 г. сочиненіе: «Positions moyennes pour 1790 des etoiles circompolaires de Lalande dans les Memoires de 1789 et 1790». Сверхъ того профес. Федоренко написалъ различныя ученыя сочиненія и статьи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ преимущественно по вопросамъ звѣздной астрономіи (собственное движеніе звѣздъ, двойныя звѣзды и пр.). Такъ какъ во все время службы Ив. Ив. въ харьковскомъ университетѣ, астрономическая обсерваторія университета имѣла помѣщеніе, неудобное для установки большихъ инструментовъ, то покойному профессору по необходимости пришлось ограничивать свою дѣятельность, какъ астронома-наблюдателя лишь наблюденіями на небольшихъ переносныхъ инструментахъ. Результатомъ этихъ наблюденій было, между прочимъ, точное опредѣленіе широты харьковской обсерваторіи.

Несмотря на невыгодность положенія прежней университетской обсерваторіи и крайнюю затруднительность, по временамъ даже невозможность, производить наблюденія на ней, покойный профессоръ сумѣлъ внушить нѣкоторымъ изъ своихъ слушателей любовь къ астрономическимъ наблюденіямъ и сдѣлать изъ нихъ столь искусныхъ астрономовъ, что они, поступая на другія, лучше обставленныя обсерваторіи, съ честью могли занимать тамъ должность астронома-наблюдателя.

Разстроенное здоровье рано заставило И. И. Федоренка прекратить свою ученую дѣятельность. До конца дней своихъ онъ сохранилъ однако интересъ къ избранной имъ наукѣ, слѣдя за ея развитіемъ, насколько позволяли силы,

по тѣмъ сочиненіямъ, которые присылались ему постоянно какъ русскими, такъ и иностранными учеными.

И. И. Федоренко скончался отъ рака желудка на 62 году жизни.

333. Сообщеніе о выходѣ въ свѣтъ 1 ч. Харьковского календаря на 1889 г., вторая часть котораго «Харьковскій Сборникъ» готовится къ печати.

— Такое же сообщеніе о выходѣ въ свѣтъ «Сельскохозяйственнаго календаря черноземной полосы на 1889 г.», издаваемаго трудами и средствами лохвицкаго общества сельскаго хозяйства.

338. Въ театр. хроникѣ—по поводу возобновившейся сценической дѣятельности г. Кропивницкаго и организаціи имъ новой малорусской труппы.

339. Андрей Николаевичъ Стояновъ (по поводу 35-лѣтней дѣятельности почтеннаго профессора юрид. факультета мѣстнаго университета, праздновавшейся 31 дек. 1888 г.).

— Выставка картинъ А. А. Сахарова—Н. Ѳ. Сумцова.

340. Перепечатка изъ «Русск. Курьера» о нѣкоторыхъ святочныхъ обычаяхъ въ Бѣлоруссіи.

„Въ смоленской губерніи есть игра въ лучъ. Молодежъ собирается въ избѣ, дѣвушки становятся въ кружокъ и подзываютъ котораго нибудь изъ находящихся тутъ же молодцовъ, берутъ у него что нибудь, послѣ чего онъ уходитъ. Въ это время одна изъ дѣвушекъ (по жребію) прячетъ вещь, принадлежащую парню, затѣмъ всѣ становятся въ кружокъ, зовутъ парня: онъ входитъ съ зажженной лучиной въ рукѣ и говоритъ на распѣвъ, послѣ чего передаетъ лучину дѣвушкѣ, у которой по его подозрѣнію находится взятый предметъ. Если онъ не ошибся, то беретъ вещь и цѣлуетъ дѣвушку, въ противномъ же случаѣ дѣвушка бьетъ его и выгоняетъ изъ круга. Парень снова уходитъ изъ избы, а дѣвушки, становясь въ кружокъ, опять призываютъ его и т. д., что продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не угадаетъ, какая изъ нихъ спрятала его вещь. Тогда выступаетъ на его мѣсто другой и т. д.

Въ могилевской губерніи играютъ въ «Ящеръ». Молодыя дѣвушки садятся на полъ въ кружокъ, въ срединѣ котораго помѣщается молодой парень. Онъ отбираетъ всѣ платки у нихъ и не отдаетъ ихъ, и вотъ идетъ обратное выпрашиваніе ихъ пѣснями. Играютъ еще въ «Чорта» и «Шило».

Для первой игры избираютъ одного изъ хлопцевъ, повыше ростомъ, даютъ ему въ ротъ палку, выгнутую на подобіе трубки, комкаютъ его шляпу—однимъ словомъ, дѣлаютъ изъ него смѣшную каррикатуру. Эта фигура носитъ названіе черта, и хлопцы подходятъ къ нему съ объясненіями. Кто засмѣется въ концѣ или среди этого разговора, того чортъ ставитъ по лѣвой сторонѣ отъ себя, кто не засмѣется, тотъ становится направо. Собравшуюся такимъ образомъ около черта молодежь онъ отдѣляетъ чертою: стоящихъ направо назы-

ваютъ праведными, а налѣво—грѣшниками. Далѣе чортъ даетъ имъ въ руки длинную палку концами, за которые каждая группа должна одна другую тянуть черезъ черту. Кто кого перетянетъ, тотъ выигралъ—и подвергаетъ побѣжденныхъ различнымъ штрафамъ, или заставляетъ возить кого либо на спинѣ по извѣстному пространству и т. п.

Игра въ «Шило» состоитъ въ томъ, что садятся на землю въ кружокъ, а ноги закрываютъ свитами, такъ чтобы можно было скрытно передавать шило. Скручиваютъ полотенце, платокъ, поясъ и т. п. коротко, что и получаетъ названіе шила. Одинъ садится на полъ въ кругъ, и каждый изъ играющихъ старается ударить его шиломъ, которое передается подъ накрытыми ногами. Сидящій же въ кругу старается поймать шило. У кого онъ его схватитъ, тотъ садится на его мѣсто. Затѣмъ игра начинается снова».

I. Въ передовой статьѣ, посвященной обзору прошлогодней жизни въ Харьковѣ, обозрѣватель между прочимъ отмѣтилъ:

Возникло нѣсколько новыхъ учрежденій: происходило освященіе бактеріологической станціи харьковскаго медицинскаго общества, открыта въ Харьковѣ больница к.-х.-азовской дороги, положено начало существованію харьковскаго общества пчеловодства и купянскаго общества сельскаго хозяйства. Въ Сумахъ открыто духовное училище, въ Харьковѣ почти окончена постройка зданія женскаго ремесленнаго училища. Съ большимъ сочувствіемъ встрѣчено мѣстнымъ обществомъ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія о возобновленіи при гимназіяхъ приготовительныхъ классовъ, гдѣ въ этомъ настоитъ нужда. Измѣненъ уставъ харьковскаго земледѣльческаго училища, съ расширеніемъ на полгода курса обученія до $5^1/_2$ лѣтъ. Образовалось по почину кружка вольнопрактикующихъ врачей столь необходимое въ большомъ городѣ ночное дежурство врачей. Расширена дѣятельность харьковскаго земельнаго банка, включеніемъ въ кругъ его операцій города Севастополя. Возникъ проектъ учрежденія харьковскаго коммерческаго училища, для чего купечествомъ и другими лицами сдѣланы денежныя пожертвованія, а также проектъ самостоятельной школы рисованія при харьковскомъ художественно-промышленномъ музеѣ. Въ этомъ музеѣ устроена была фотографическая выставка, XVI передвижная художественная выставка, а подъ конецъ года выставка картинъ художника Сахарова. Приведенъ въ лучшій порядокъ и открытъ по воскресеньямъ для публики музей изящныхъ искусствъ при харьковскомъ университетѣ.

— Музыкальное и театральное обозрѣніе 1888 г. въ Харьковѣ.

— Въ хроникѣ рѣчь проф. Владимірова, сказанная на 35-лѣт. юбилеѣ проф. Стоянова. 31 дек. 1888 г.

3. Празднованіе 31 дек. 1888 г. юбилея проф. Стоянова и рѣчи, сказанныя по случаю сего.

— Состояніе и дѣятельность общества испытателей природы при Импер. харьк. университетѣ въ 1888 г.

8. Сообщеніе объ открытой въ Харьковѣ Клеменовской город. богадѣльнѣ.

Извѣстіе о передачѣ кн. Д. Ѳ. Голицынымъ въ архивъ историко-филологич. общества при харьков. у—тѣ цѣннаго собранія бумагъ и частной переписки его предковъ, состоявшихъ въ родствѣ съ Щербиниными, кн. Крапоткиными и Донцами—Захаржевскими. Бумаги эти разсматриваются проф. Д. И. Багалѣемъ.

10. Библіогр. отчетъ о вышедшей въ Харьковѣ книгѣ «Законы о евреяхъ». Изданіе кн. маг. Бирюковыхъ.

Южный Край 1888. № 2738—2751. 1889. № 2752—№ 2738, 2741.

Странствующій учитель (деревен. быль)—М. С—кій. Разсказъ изъ народнаго быта юга Россіи.

2739. Некрологъ Ивана Христіановичъ Дрейсиха—актера, прослужившаго на сценѣ театровъ юга Россіи 75 лѣтъ.

— Некрологъ б. проф. харьк. университета И. И. Федоренка.

2740. Харьковскіе сценическіе дѣятели прошлаго времени. Н. Х. Рыбаковъ. (Оконч.) Н. С.

2744. Замѣтка о томъ, что слѣдующими новинками въ спектакляхъ играющей теперь въ Москвѣ малорусской труппы М. П. Старицкаго будутъ: «Свадьба Терпелыхы», служащая продолженіемъ пьесы «Наталка Полтавка», драма гг. Касиненка и Мансфельда «Не судылось» и комедія тѣхъ же авторовъ подъ названіемъ «Не кажы гоп, поки не выскочышъ» и, наконецъ, народная пьеса, написанная артистомъ этой труппы Л. Я. Манькомъ «Краще свое латане, нижъ чуже хапане».

2745. Библіогр. извѣстіе о вышедшей на дняхъ книгѣ А. В. Гурова «Геологическое описаніе полтавской губерніи».

2747. Рождество Христово въ поэтическихъ представленіяхъ малорусскаго народа.

2748. Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ (изъ воспоминаній помощника военнаго прокурора). Эпизодъ изъ жизни его въ Харьковѣ.

2749. Харьковскіе сценическіе дѣятели прошлаго времени. К. Т. Соленикъ. Карпъ Трофимовичъ по происхожденію малороссъ-дворянинъ родился въ могилевской губерніи въ 1811 г. Въ 1829 г. онъ поступилъ въ виленскій университетъ студентомъ, котораго однакожъ вслѣдствіе его закрытія не окончилъ, а поступилъ въ труппу Штейна, игравшую тогда въ Курскѣ, сначала суфлеромъ, а съ 1832 г. въ Курскѣ же актеромъ на отвѣтственныхъ роляхъ въ труппѣ Млотковскаго. Со второй половины 1830-хъ годовъ онъ началъ пользоваться громкою извѣстностью на всемъ югѣ Россіи. Гоголь отъ игры его

приходилъ въ восторгъ, видя въ немъ рѣшительный комическій талантъ, и старался уговорить его поступить на сцену Импер. театровъ въ Спб.; это же ему предлагали высокопоставленныя лица изъ свиты Императора Николая I, видѣвшія игру его въ Вознесенскѣ на маневрахъ 1837 г.

Долго ли и когда именно игралъ Соленикъ въ Харьковѣ въ тридцатыхъ годахъ—не знаемъ. 1840-й годъ и часть 1841 года онъ провелъ въ Харьковѣ. Женившись на актрисѣ Протасовой весной 1841 года, онъ уѣхалъ съ нею въ Курскъ. За послѣдній годъ своей «службы» въ Харьковѣ Соленикъ получалъ 2,400 р. асс. и 3 бенефиса въ годъ,—окладъ, котораго не имѣлъ никто изъ всей труппы кромѣ него, значитъ, онъ считался ея украшеніемъ На харьковскую сцену Соленикъ вернулся осенью 1843 г. и оставался на ней и въ 1844 году. Игралъ ли Соленикъ въ Харьковѣ въ 1845 и 1846 гг., не имѣемъ свѣдѣній, но надо думать, что игралъ. Кстати, въ отвѣтахъ редакціи «Репертуара» за 1846 годъ, мы нашли слѣдующую замѣтку, адресованную въ Харьковъ на имя какого то Г. С. С. (на эту замѣтку мы уже указывали въ нашихъ статьяхъ о Рыбаковѣ). «Мы бы съ удовольствіемъ приложили къ своему изданію портреты Соленика, Рыбакова и Млотковской, если бы могли имѣть ихъ схожіе портреты». Въ 1847, 1848 и 1849 годахъ Соленикъ, несомнѣнно, опять состоялъ въ харьковской труппѣ. То же, вѣроятно, было и въ 1850 г. Въ 1851 году онъ не надолго ѣздилъ въ Одессу, все же остальное время, вплоть до самой смерти, послѣдовавшей въ октябрѣ, Соленикъ принадлежалъ опять таки къ харьковскій труппѣ. Онъ умеръ отъ чахотки на 40 году отъ рожденія. Его жена въ то время была въ Тулѣ.

Въ Харьковѣ,—какъ и вездѣ, впрочемъ,—Соленикъ былъ любимцемъ публики. Его называли здѣсь «харьковскимъ Мартыновымъ», «харьковскимъ Щепкинымъ» и гордились имъ. «Соленика любили всѣ, отъ райка до креселъ. Какъ бы ни была скучна пьеса, но если въ ней участвовалъ Соленикъ—она проходила весело. Какъ бы ни была мала и пошла роль, она дѣлалась у него замѣчательной. Бывало въ залѣ театра тихо и сонно, зрители дремлютъ, но вотъ за кулисами раздается бойкій говоръ Соленика,—и всѣ поднимаютъ головы, улыбка удовольствія озаряетъ всѣ лица и руки всѣхъ готовятся апплодировать. При столкновеніяхъ на сценѣ со столичными знаменитостями, при чемъ другіе, очень недурные, харьковскіе актеры какъ то уходили въ тѣнь,—Соленикъ всегда стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ». Харьковскіе театралы высоко цѣнили Соленика, они знали, что «онъ могъ бы служить украшеніемъ и столичной сцены», что «самъ Щепкинъ съ уваженіемъ отзывался о Соленикѣ», что «Соленикъ—талантъ первоклассный». Каждое появленіе Соленика на сценѣ харьковская публика встрѣчала, какъ видно изъ одной театральной замѣтки 1848 года, громкими и единодушными апплодисментами. Въ 1851 году, «когда Соленикъ вышелъ

впервые на сцену (по возвращеніи изъ Одессы, должно быть), рукоплесканія долго не давали ему говорить».

Похороны Соленика, благодаря его популярности, отличались торжественностью, не привычною для Харькова при погребеніи актеровъ и актрисъ. «Много шло народу за гробомъ, качавшимся на дрогахъ подъ чернымъ балдахиномъ. Многіе плакали, за гробомъ шли пѣвчіе и играла погребальная музыка. На гробовой крышкѣ малиноваго цвѣта лежалъ зеленый вѣнокъ, сплетенный изъ лавра и мирта—украшеніе гроба дотолѣ въ Харьковѣ еще невиданное».

«Когда будете гулять по городскому кладбищу, писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойный В. К. Пашковъ, зайдите на могилу Соленика и прочтите трогательную надпись на его крестѣ». Эта надпись была сдѣлана однимъ изъ почитателей артиста, замѣтившаго, что надъ его могилой нѣтъ креста.

...Но провинціальная публика особенно такихъ, съ часто мѣняющимся населеніемъ, городовъ, какъ Харьковъ, не долго помнитъ тѣхъ, кому она обязана была минутами высокаго наслажденія. «Давно ли, кажется, писалъ восемь лѣтъ тому назалъ покойный К. Щелковъ, у могилы К. Т. Соленика, на городскомъ кладбищѣ, были прекрасные стихи, а теперь они исчезли, ихъ и слѣда нѣтъ, самый крестъ подгнилъ и наклонился, могилка едва замѣтна, пройдетъ еще годъ—два и сравняется она съ землею, такъ что, пожалуй, и не найдешь».

Отмѣтивъ нѣсколько современныхъ отзывовъ объ игрѣ Соленика, авторъ его некролога г. Ч. заканчиваетъ его слѣдующ. словами: «Конечно, какъ мы уже не разъ говорили, игра Соленика, говоря вообще, была далека отъ совершенства, но у него были роли, въ которыхъ онъ буквально не имѣлъ соперниковъ, которыя онъ исполнялъ по истинѣ безподобно, влагая въ нихъ все свое дарованіе, всю свою наблюдательность, весь свой умъ. Къ числу такихъ ролей, въ которыхъ талантъ Соленика проявлялся во всемъ блескѣ, относились комическія роли малороссійскаго репертуара.

«Кто не знаетъ, какъ неимовѣрно хорошъ Соленикъ въ роли Чупруна («Москаль Чаривнык» Котляревскаго) и какъ мило и забавно поетъ онъ пѣсню: «Ой, чукъ, Тетяна»,—читаемъ въ одной театральной замѣткѣ первой половины сороковыхъ годовъ, въ которой сообщается, что Соленикъ и его жена пѣли въ антрактѣ куплеты:

Ой, хто иде?
Кумъ до кумы.

«Въ роли Чупруна Соленикъ былъ неподражаемъ»—сказано въ одной изъ театральныхъ рецензій 1851 года. Въ роли дурня Стецька въ «Сватанни на Гончаривци» Соленикъ въ 1848 г. «былъ забавенъ до нельзя». Въ этихъ двухъ роляхъ, а также въ роляхъ Шельменка («Шельменко Деньщыкъ»), Мако-

гоненка («Наталка Полтавка») и Чупруна Соленикъ былъ художественно хорошъ. Это общій отзывъ всѣхъ видѣвшихъ его въ этихъ роляхъ. «Въ роли Чупруна, говоритъ Барымовъ, Соленикъ былъ лучше Щепкина», а между тѣмъ эта роль была впервые создана Щепкинымъ и всегда считалась одною изъ лучшихъ въ его репертуарѣ. «Вполнѣ владѣя малороссійскимъ языкомъ, какъ и Щепкинъ, Соленикъ придавалъ этой роли не тотъ характеръ, съ какимъ она являлась у московскаго артиста. У послѣдняго—Чупрунъ простофиля, всему вѣрившій, у перваго онъ простакъ по наружности, все смекающій очень хорошо». По словамъ Мизка, Соленикъ рѣзко отличался отъ другихъ актеровъ тѣмъ, что личность украинца въ его игрѣ выходила не наивною до глупости, а полною внутренней жизни и смысла, хотя иногда и скрывающаго свой умъ подъ маскою простоты. Въ этомъ отношеніи онъ точно былъ первый украинскій актеръ. Что Соленикъ дѣйствительно былъ «первый украинскій актеръ», что доказываетъ и отзывъ такого ужъ безспорнаго компетентнаго судьи, какъ Шевченко. Въ его «Дневникѣ», между прочимъ, упоминается о томъ, что онъ въ первый разъ видѣлъ «геніальнаго» Соленика въ роли Чупруна въ Полтавѣ, въ 1845 году, на Ильинской ярмаркѣ. «Онъ показался мнѣ естественнѣе и изящнѣе неподражаемаго Щепкина». Въ недавно напечатанныхъ воспоминаніяхъ г. А. Щ. о Щепкинѣ, между прочимъ, сказано, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ «никто не могъ сравниться съ нимъ» въ «Наталкѣ Полтавкѣ» и «Москалѣ Чаривныкѣ», «исключая развѣ извѣстнаго тогда въ Харьковѣ актера Соленика, который приводилъ въ восхищеніе самого Щепкина». Если Соленикъ «приводилъ въ восхищеніе» въ малороссійскихъ піесахъ Шевченка и Щепкина, значитъ, что Соленикъ могъ бы многое и многое сдѣлать для русскаго сценическаго искусства, еслибъ его жизнь иначе сложилась,—еслибъ онъ могъ и хотѣлъ всецѣло посвятить себя искусству»...

2759. Изъ воспоминаній о харьковскомъ генералъ-губернаторѣ Кокошкинѣ.—С—ъ. Автору замѣтки «вспомнилось» на этотъ разъ три случая грандіозной порки, устроенной Кокошкинымъ харьковскимъ обывателямъ. Въ первый разъ, въ 1851 году, наказаны были на площади всѣ харьковскіе извозчики, одинъ изъ которыхъ, подавая стремительно экипажъ, проломилъ два ребра какой то полковницѣ. Такъ какъ виновникъ скрылся и остался неизвѣстнымъ, то всѣ собратья его по ремеслу подверглись наказанію въ 250 ударовъ каждому. Наказанію въ 500 ударовъ подвергнутъ былъ тѣмъ же администраторомъ фельдшеръ Сабуровской больницы, отказавшійся своевременно подать помощь вытащенному изъ колодца человѣку. Этотъ субъектъ, раздѣлилъ кару вмѣстѣ съ ординаторомъ той же больницы, удаленнымъ отъ должности и посаженнымъ на мѣсяцъ на гауптвахту. Самому энергическому воздѣйствію подвергнутъ былъ за самоуправство полицейскій унтеръ-офицеръ, полу-

чившій 600 ударовъ. Наказаніе выполнено было въ точности, несмотря на то, что виновный оказался георгіевскимъ кавалеромъ.—Таковы были рѣшительныя, хотя и односторонніе мѣры харьковскаго администратора 50-хъ годовъ, котораго харьковскимъ старожиламъ, не говоря ужъ о потерпѣвшихъ, по истинѣ есть чѣмъ вспомнить.

2762. Воспоминанія о графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ. Эти заимствованныя изъ «Новаго Времени», воспоминанія принадлежатъ перу одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа А. А. Скальковскаго и касаются времени пребыванія М. Т. въ Харьковѣ. Здѣсь приведены обстоятельства пріѣзда графа въ Харьковъ и первыя столкновенія его съ мѣстными властями, черты распорядительности и ума графа и сдѣланъ краткій очеркъ десятимѣсячнаго пребыванія гр. Лорисъ-Меликова въ Харьковѣ, которое онъ самъ считалъ лучшимъ временемъ своей административной дѣятельности.

Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости 1889. № 1. № 1. Общественное служеніе церкви въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи.—Д. Т.

І. Ѳ. И. Піуновскій—профессоръ семинаріи (некрологъ).

Донъ №№ 102—146 и 1—4. № 139, 141, 146. *Литературное обозрѣніе.*

1, 2, 4. Старый 1888 годъ (бѣглое годичное обозрѣніе).

Донская Рѣчь №№ 122—128 и 1—6. № 128. Замѣтка о проектѣ безопаснаго плаванія по днѣпровскимъ порогамъ.

2. Ф. Р. Браславскій, б. редакторъ «Таганрогскаго Вѣстника» (некрол.).

Одесскій Вѣстникъ №№ 1—14. 1. *Торговля Одессы въ 1888 г.* статья составлена по брошюрѣ Рафаловича и К° «Aperçu commercial du marché d'Odessa».

2. *Въ защиту одесской городской публичной библіотеки. Я.*— Статья написана по поводу напечатанной въ газетѣ «Одесскія Новости» за 1888 г. статьи «Одесская публичная библіотека».

3. *Перекопъ* (Очеркъ историческаго и современнаго состоянія). *Ал. Завадовскаго.*

Библіографія. Краткій отзывъ о книгѣ: «Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія», И. Я. Акинфіева. Изданіе екатеринославской городской думы 1889.

Библіографія. Бр. Отзывъ о книгѣ П. Феерчака: «Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ». Одесса 1888.

5. *Какъ встрѣчали запорожскіе козаки новый годъ.* Заимствована изъ статьи *Эварницкаго*, помѣщенной въ новогоднемъ приложеніи къ газетѣ «Новости».

9. *Библіографія. Бр.* Отзывъ о первой книгѣ «Кіевской Старины» за 1889.

10. *Протоіерей Георгій Ивановичъ Попруженко* (некрологъ). Уроженецъ херсонской губ. и воспитанникъ кіевской духовной академіи, Попруженко въ теченіе болѣе 30 лѣтъ былъ преподавателемъ одесской духовной семинаріи и одесскимъ протоіереемъ. Въ то же время онъ состоялъ членомъ одесскаго общества исторіи и древностей и одесскаго статистическаго комитета. Въ духовной литературѣ Попруженко извѣстенъ, какъ авторъ многихъ проповѣдей, напечатанныхъ въ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ»; ему же принадлежитъ краткій учебникъ закона Божія, выдержавшій около 10 изданій и переведенный на новогреческій языкъ.

Новороссійскій Телеграфъ №№ 4293—4305. 4294. *Библіографія*. Замѣтка о книгѣ П. Феерчака «Очеркъ литературнаго движенія угорскихъ русскихъ».

4296. Некрологъ архимандрита Владиміра (Терлецкаго), д-ра богословія и медицины, бывшаго духовника одесской дух. семинаріи.

4298. Корреспонденція изъ Керчи о празднованіи 25-лѣтія здѣшней мужской гимназіи.

4299. *Письма съ Кавказа* III. Ткварибульскія (г. Новосельскаго) каменноугольныя копи.

О вырождающихся типахъ семитовъ. Изложеніе сообщенія д-ра Пантюхова въ антропологич. общ. въ Спб. Наиболѣе чистый типъ представляютъ черноволосые и рыжіе съ черными глазами; они отличаются плохимъ здоровьемъ; въ Одессѣ такіе евреи составляютъ не болѣе 32%. Остальные, подъ вліяніемъ примѣси арійской крови, утратили чистый типъ; цвѣтъ ихъ волосъ и глазъ свѣтлѣе и тѣлосложеніе ихъ крѣпче.

Одесскій Листокъ №№ 1—15. 3. *Торговля Одессы въ 1888*. Передовая статья.

7. *Полезны ли въ нашемъ краѣ (Новороссійскомъ) поселившіеся нѣмцы. Василія Милашевскаго*.

14. *Отчетъ о народныхъ чтеніяхъ въ Одессѣ 1888 г.*

2, 4, 5 и 13. Статьи о спектакляхъ малорусской труппы г. Садовскаго въ Одессѣ

Южанинъ №№ 1—12. 3. Анекдотъ о гр. А. Е. Канкринѣ, помѣщикѣ александровскаго у. екатеринослав. губ., упорно не желавшемъ продавать свои степи нѣмцамъ, Перепечат. изъ «Нов. Времени».

5. Контръ-адмиралъ Дмитрій Ивановичъ Чайковскій, уроженецъ херсонской губерніи (некрологъ).

— Извлеченіе изъ годов. отчетовъ николаевскаго реал. уч. за $188^{7}/_{8}$ г. и николаевской женской прогимназіи за 1887—88 годъ.

Орловскій Вѣстникъ №№ 123—168, 1—7. 162, 168, Замѣтки о предстоящихъ въ 1889 г. столѣтнихъ юбилеяхъ уѣздныхъ училищъ въ Брянскѣ, Трубчевскѣ, Карачевѣ, Сѣвскѣ и Болховѣ.

Минскій Листокъ 1889 г. №№ 1—3. 1, 3. Историко-юридическій очеркъ городскихъ обществъ въ Западной Руси.—К—чъ.

2. 1888 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи.

Кубанскія Областныя Вѣдомости 1888. № 49—52. № 39—40. 49, 50. Путевыя замѣтки (продолженіе и оконч.) учителя К. Живило.

50, 52. Обзоръ Кубанской области за 1887. (продолж.).

51. Георгій Яковлевичъ Есауловъ (некрологъ)—изъ дворянъ куб. коз. войска, воспитанникъ московскаго университета, первый редакторъ (1862—1864) Кубанскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей и съ 1864 по день смерти (3 дек. 1888) много потрудившійся по дѣлу образованія своего роднаго края.

Сибирскій Вѣстникъ 1888.—80—85. 82. Фельетонъ: «Русская жизнь». Есть отношеніе и къ югу Россіи.

84. Передовая статья о пріобрѣтеніи библіотекаремъ сибирскаго университета С. К. Кузнецовымъ значительной коллекціи свитковъ и дѣлъ, много лѣтъ собиравшейся однимъ изъ томскихъ старожиловъ. Въ числѣ множества интересныхъ документовъ есть относящіеся и къ исторіи Малороссіи, какъ напр. грамота томскому воеводѣ о переводѣ изъ селенгинскаго острога въ Томскъ ссыльнаго гетмана Многогрѣшнаго съ семьей.

85. Передовая статья по переселенческому вопросу.

Червоная Русь 1888. 132—151. 132, 143—146, 148—151 *Археологическо библіографическая выставка ставропигійскаю института.*

133. *Библіографія.* Замѣтки о «Каталогѣ выставки ставропигійскаго института» и о IX—X вып. «Русской библіотеки».

136. *Памятникъ юбилея крещенія Руси.*

136, 139, 142, 147, 148, *Роздѣлъ Галичины* (окончаніе).

136. *Библіографія.* Замѣтка о № 10 «Науки».

138. *Отголоски кіевскихъ торжествъ.*

Отчеты о засѣданіяхъ «Галицко-Русской Матицы» и централ. выдѣла «Общества Качковскаго».

140. *Грохольскій и его политика.*

143. *Отчетъ о засѣданіи центр. выдѣла «Общества Качковскаго».*

145. *Краткій некрологъ А. И. Линниченка.*

147. *Библіографія.* Замѣтка о 7-мъ вып. «Галицко-русской библіографіи XIX ст.“ изд. Ив. Эм. Левицкимъ.

148. *Отчетъ о засѣданіи центр. выдѣла «Общества Качковскаго». Библіографія.* Замѣтка о № 11—12 «Русской Библіотеки».

150. *Библіогр.* Замѣтка о повѣсти г-жи Роговой «Богданъ Хмельницкій».

151. *Библіографія.* Замѣтка о вышедшихъ №№ «Русской Библіотеки», «Науки», «Новаго Галичанина» и «Добрыхъ Радъ».

I. *Литература и искусство.* Краткая замѣтка о книгѣ «Уніатскіе церковные соборы».

Книги, вышедшія въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 г., касающіяся ю. Россіи:

Виленскій календарь на 1889 годъ. Вильна 1888 годъ, 8 д., 320 стр.+1 табл.

Гамченко Сергѣй—Житомирскій могильникъ.—Археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ.—Съ атласомъ. Житомиръ 1888 г.

240-е засѣданіе Императорскаго общества исторіи и древностей. 31 окт. 1888 г. Одесса, 8 д., 3 стр.

Kolberg—Pokucie, tom III. Краковъ. 1888.

Кононенко М. Москаль, змій та царивна, казка въ двохъ частынахъ. Кіевъ. 1888 г., 16 д. 104 стр.

Купчинскій И. Чертовъ портретъ. Украинская легенда. Москва 1888 годъ, 12 д., 36 стр.

Rawita F. Na krasnym dworze. Powieść historyczna z czasów pobytu w Kijowie Boleslawa Smialogo. Варшава. 1888 г., 8 д., 291 стр.

Prochazka A.—Z przeszłości Brzozowa. Львовъ 1888 г.

Святая Почаевская Лавра. Съ картинкой. Спб. 8 д., 32 стр.

Труды одесской энтомологической коммиссіи. Энтомологическія изслѣдованія и экскурсіи, произведенныя въ бессарабской, екатеринославской, полтавской, таврической и херсонской губ., въ области войска донскаго, въ кубанской и терской областяхъ, въ 1888 году. Отчетъ *П. А. Забаринскаго*. VIII. Болѣзни хлѣбныхъ растеній. Одесса. 1888 г., 8 д., 32+2 стр.+6 табл.

Urbański.—Watażka, dramat w trzech aktach na tle dziejowem. Львовъ. 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1889 г.

		стр.
I.	Воспоминанія Н. И. Усковой о Т. Г. Шевченкѣ. Съ примѣчаніями М. К. Чалаго. **Н. Зарянки**.	297—313
II.	Русскія колоніи въ Добруджѣ. II. **Лупулеску**. . . .	314—336
III.	Бѣлая Панна. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавшагося поэта). V—IX. (Окончаніе). **Григорія Мачтета**.	337—387
IV.	Воспоминанія **М. К. Чалаго**. III.	388—402
V.	Культурныя переживанія. V—VI. проф. **Н. Ѳ. Сумцова**.	403—423
VI.	Прошлое переяславскаго духовнаго училища. **Памфила Левицкаго**	424—444
VII.	Скорбный листъ архива Малороссійской Коллегіи. **Ив. В. Теличенка**	445—458
VIII.	Документы, Извѣстія и Замѣтки. Посѣщеніе Т. Г. Шевченкомъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка. **М. Чалаго**. Изъ путешествія въ сѣверо-западный край I—II. **Н. Петрова**. Бѣлорусскія колядки. **Хр. Ящуржинскаго**. Народные разсказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ. Сообщ. **А. Савичъ**. Рукописный альбомъ Андрея Ищенка 1780 — 82 гг. **В. П. Науменка**. Къ исторіи зарожденія Кіевскаго дворянскаго собранія. **В. П. Науменка**. Изъ воспоминаній о П. П. Артемовскомъ-Гулакѣ. **А. Ш.** Стефанъ Качала (некр.). **К Х.**	458—512
IX.	Для справокъ.	506—512
X.	Библіографія. П. В. Владиміровъ. Докторъ Франциск Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888 г. **А. Степовича**. Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества, О. И.	

СТР.

Роговой. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб. 1888 г. **О. Л.** Юліанъ Солтыкъ-Романскій. Вѣнецъ славянскихъ поэтовъ. Сборникъ памятниковъ поэзіи славянскаго міра, Т. I. Слово о Полку Игоря древнеславянская (?!) поэма XII в. съ переводами: на русскій (новорусскій?), чешскій и польскій. Львовъ. Ц. 1 гульд. **А. Степовича.** Ilgowski. — Ostatnia starościna Zwinogrdzka. Krakôw. 1888. **В. А.** Deux voyages en Asie au XIII-e siècle par Guillaume de Rubruquis, envoyé de Saint Louis et Marco Polo, marchand venitien. (Voyages dans tous les mondes. Nouvelle bidliothèque historique et litteraire, publiée sous la direction de M. Eugène Muller, conservateur à la Bibliotheque de l'Arsenal). **П. Голубовскаго.** Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра, раздѣленное на пять участковъ: 1) отъ Смоленска до Лоева; 2) отъ Лоева до Кіева; 3) отъ Кіева до Екатеринослава; 4) отъ Екатеринослава до Александровска и 5) Отъ Александровска до лимана. Изданы статистическимъ отдѣломъ Минист. Путей Сообщ. С.-Петербургъ. **А. Л.** Путеводитель по Одессѣ и ея окрестностямъ (Справочная книга для одесситовъ и пріѣзжихъ). Адресъ-Календарь съ приложеніемъ плановъ г. Одессы, ея окрестностей, городскаго театровъ. Изданіе В. В. Скидана. Одесса, 1889 г. Ц. 60 к. **Н, Т.** Виленскій Календарь на 1889 г. (шестой годъ изданія) съ тремя рисунками. Вильна 1888 г. Цѣна 30 к. **Н. Т.** Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 и 1889 г. Книги, вышедшія съ 1888 г., касающіяся ю. Россіи . . . . . 513—560

XI. Объявленія . . . . . 1—16

Приложенія: 1) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г.

2) Южнорусское житіе св. Владиміра XVI в. съ прэд. проф. **П. В. Владимірова.**

ЮЖНОРУССКОЕ ЖИТІЕ СВ. ВЛАДИМІРА XVII В.

Въ только что вышедшей *второй* книгѣ „Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца“ помѣщено нѣсколько памятниковъ древнерусской литературы, посвященныхъ св. Владиміру. Въ числѣ этихъ памятниковъ находится интересное южнорусское житіе св. Владиміра, напечатанное А. И. Соболевскимъ по рукописи XVII в. московск. публичн. музея (Большак. № 23, л. 102 сл.), съ разночтеніями по рукописи XVII в. соловецкой библіотеки (Казанск. дух. акад. № 402).

О происхожденіи этого житія проф. Соболевскій высказываетъ слѣдующія предположенія: 1) южнорусское житіе написано въ концѣ XVI в., или, скорѣе, въ первой половинѣ XVII в.; 2) авторомъ его былъ одинъ изъ кіевскихъ ученыхъ; 3) оно составлено съ цѣлію показать католикамъ, что православная русская церковь имѣетъ своихъ святыхъ.

Южнорусское житіе св. Владиміра не лишено и значенія въ отношеніи къ исторіи древнерусской литературы: оно вошло, почти цѣликомъ, въ печатный кіевскій Синопсисъ (1 изд. 1674 г.) и, повидимому, было извѣстно составителю Густынской лѣтописи 1670 г. (II т. П. С. Р. Л.).

Проф. Соболевскому извѣстны были только два списка южнорусскаго житія св. Владиміра. Пересматривая рукописи, хранящіяся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго Собора, я нашелъ въ двухъ сборникахъ Житій св. еще новую редакцію южнорусскаго житія св. Владиміра. По своимъ интереснымъ особенностямъ и по отношенію къ напечатанному житію новая редакція заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Я принялъ въ основаніе рукопись № 129, сборникъ житій святыхъ на 6 мѣсяцевъ, отъ марта до конца августа, большая часть сборника писана на бумагѣ и рукою XVII вѣка, въ томъ числѣ и житіе св. Владиміра; дополненія рукою XVIII вѣка сдѣланы въ виду утраченныхъ начальныхъ статей. Затѣмъ я привожу разночтенія по рукописи № 130, имѣющей слѣдующее заглавіе: „Сія книга глемая житія стыхъ Іродиона Касяновича пресви(тера) сто. михаиловского“.... Рукопись подобная № 129, XVII в. Всѣ статьи на литературномъ языкѣ юго-западной Россіи XVII в.

П. Владиміровъ.

Іюліа 15 дня. Вто(и) же днь о крщенію всего народу руского і успение стго равного Апостоло(м) князя владимира мона(р)хи киевского и всеи руси нареченного въ святомъ кр̃щнию василиа.

Понева(ж) чотыри повѣсти о крещению руси вкро(й)ника(х) а лѣтописца(х) естъ, и зна(й)мено и описано, розумѣю быть немен̃шую потребу ото(м) якъ се много ра(з) русь крестила свѣту вырази(т). ве(д)лугъ кро(й)никаровъ наши(х) словенски(х) первястки крещениа своего о(т) андреа с̃тго апостола руски(и) народ выводил. бо то(и) стый Апостолъ будучи вхерсонѣ для проповѣди евангелскои хр(с)товои пустился былъ днепромъ вгору, ажъ до новагороду великого, где нѣшто люде(и) окрестивши моремъ инфлянтскимъ до рыму прижекглевалъ онем тежъ свѣтчать же коли днепромъ до новагороду дорогу отправовалъ, приехавши над гори киевские, оные бл̃гословилъ и крестъ с̃ты(и) на горѣ (подле которои тепер брама киевская [1]) стоит от полудня) поставилъ. Пророкуючи иж на то(и) горѣ и иныхъ при не(и) мѣло знаменитое и хвалою б̃жею наполненое мѣсто станут. придает стари(и) *) лѣтописца словенскии стыи нестеръ; же и павел стыи апостолъ словенскимъ проповѣдуючи народомъ многим руси до крщениа стго дорогу указовалъ. Апонемъ андроникъ стыи. Але тое крщение стое немоглося розширит для княжатъ поганскихъ на тои часъ панующих вруси. Повторе крстилъся

---

*) Въ скобкахъ поставлены буквы, надписанныя надъ строками. Далѣе мы внесли ихъ въ строки.

рускии народ за Михаила цесара грецкого около року б҃жго ѡ҃г (863): где фотии ознаимуетъ оруси жеся ок҃тила. Атое крщение такимся отправовало способом, яко свѣдчит стародавнии нашъ лѣтописца словенскии нестор и иные гисторикове: Княжата словенские святополкъ, ростиславъ и косель, посылали до цесара помененого Михаила просячи крещениа с҃тго: цесар шпералъ кого бы мѣл выслать: адовѣдавшися у одного человѣка вселуню именемъ ѵ҃ва же мѣлъ двохъ сыновъ учоныхъ, зкоторых одному имя было мефодии а другому кирилъ. онымъ до себе казал приехат, и послалъ ихъ на проповѣдание евангелиа святого и крщение народовъ словенскихъ. которие щире втои прачи[2]) поступуючи, книгъ не мало з грецкого на словенскии языкъ преложыли. а втот часъ на столици патриаршества[3]) царгородского седѣлъ фотии стыи. Потрете крестилася русь от грековъ за цесара греческого[4]) василиа македона, котории для крещениа еи послалъ былъ епископа (которого имени кроиники не кладутъ) а тои епископъ коли доруси приѣхал, потребовали понемъ русь чудовъ: всякожъ онъ ев҃глие вкинул вогонь, которое же намнѣи-огнем не было нарушо, многое теды руси крестило. на тои час былъ тоиже фотии посмерти ігнатіа патриархою царегородским. вчетвертомъ разу крестилася русь от греков за олги жоны игора княжати рускаго бабки володимеровы бо тая ездила до царагорода за осмого константина цесара грецкого[5]), а за патриархи полиекта: и тамъ еи полиектъ патриархъ царягородскии окрестил и бл҃гословеною межи невѣстами рускими назвалъ. Наостаток крестилася русь от грековъ за володимера святославовича уже зуполне и досконале ведлугъ наших диптихов року ҂а҃ (1000). Ато таким способом володимер былъ сынъ стославов, внукъ игора княжати рускаго и олъги княжны правнук руриковъ, зосталъ паном всеи руси по смерти брати своеи, которим имя было олегъ и ярополкъ. мѣлъ столицу свою первеи в новѣгородѣ потом вкиевѣ. такъ великую широкость мѣлъ своего панства, же не толко всею русю всходнею, полуденною и полночною владнулъ, але землею болгарскою, сербскою, карвяцкою, семигродскою, вылтицкою, вятвязкою, дулѣпскою, и тыи краины где тепер волохи, мултяне и татаре бобруиские, одною выправою до

послушенства своего привернул, и дан на них взложил. Абудучи володимеръ такъ великим монархою руси всеи: мѣл от кирила стого (о которомся вышеи поменило) инструкцию довѣри стои христианскои. бо коли до володимера розмаитыи нацыи присылали, абы ихъ вѣру принял, яко то жыдове, махометани, волохи, грекове, он всѣхъ вѣри собѣ не подобалъ, толко грецкая вѣра ему вмысль впала, за оздобнымъ выводом кирилла философа грецкого, которыи ему обшырные артыкулы вѣри стои проповѣдал: наостатокъ указал запону, на которои выгаптованыи[7]) был судъ божии, а привезлъ еи от цесаров грецкихъ и патриархи за упоминокъ володимерови. На тую запону володимер гледячи пытал философа: которыебы то были поправицы судіи, акоторыи полевици; философъ повѣдалъ: же которіи суть по правици выражени, сут христиане з добрими учынками: а полевици будутъ вси, которыеся не окрестили. володимер до сердца то взявши своего вздохнулъ и реклъ: блгословени тыи которыи на правици станут, а бѣда тым которие полевици. философъ зас рекъ: и ты будешъ на правици если ся[8]) окрестиш. и для того и для болшои вѣдомости вѣръ розныхъ, выслалъ пословъ своихъ володімер дорозных краинъ свѣта которие бы ся пригледали вѣри и церемониамъ. тые звѣдавши много земль жаднои собѣ вѣри и церемонии не подобали одно грецкую, которая им так ся велми подобала, а над то влиторгіи при которои были, повѣдали же учули такъ великую солодкость, ижъ якобы взахвыцене порвани болшеи при небеснои анижели земнои учте розумѣли ся быт. дѣялося то за костантина и василиа цесаров грецкихъ и сергиа патриархи цараградского. однакъ не будучи досконале еще угрунтованы в вѣре хр̃стианскои володимер для розширеня панства своего собравши новогорожан и кианъ пустился до тавріки которую теперъ перекопом зовутъ. тую опановавши и взявши внеи мѣсто херсонь, пословъ своихъ до цесаровъ грецких двохъ братии василіа и костантина сыновъ іоанна земиски цесара грецкого, зычачи собѣ сестру ихъ анну за малжонку, послалъ. Они отповедили володимерови если зостанешъ христианиномъ дамо тобѣ сестру нашу за малжонку. А володимер такую далъ отповѣдь[9]): жем я собѣ уподобалъ вѣру вашу еще

здавна, гдым пословъ моих высылал на вывѣдоване онои до вас. Пришлѣте теды епископа а я се окрещу. Вдячную новину услышавши цесарове, почали намовлят сестру, абы шла за володимера: которая любо дивне не хотѣла: уважаючи однакъ спасение такъ великого народу росиского[10]) и покои отчизны своеи, призволила. Потом ехала звеликим оршакомъ княжат грецкихъ дохерсоня, докоторого приехавши, коли была припроважона на палацъ замку херсонского[11]), володимер знагла ослѣпъ, и почал был уже вонтпить о крщению, розумѣючи иж его богове поганские скарали. Але цесаровна послала донего мовечи: окрестися одно а збудешъ слѣпоты: якъсе и стало: бо херсонскии епископъ коли на него руку положыл блгословячи ему абы принял дха стого, заразъ якъбы луска з очъю его спала и прозрѣлъ ясно, и далъ хвалу бгови мовечи: тепер есми познал правдивого бга. окрстившися теды володимеръ (взял имя на стомъ крещеніи василеи) повеселю ехалъ з цесаровною докиева взявши от патриархи царгородского сергиа, першого митрополита михаила. Априехавши докиева з великою радостю люду посполитого. Привезлъ тежъ з собою кости[12]) стого климента и фива ученика его: образы книги и иншое начине и Апараты церковные: сщеников діаконовъ, діаковъ и чернцовъ и розмаитых ремесниковъ для будованя церквеи гоинымъ юргелтомъ нанятыхъ з греціи зсобою докиева привезлъ. володимер приехавши докіева, казал обалят, ламат, из грунту вывертать балваны, терхаса, стриба и мокоша[13]). а волоса балвана (котории был мянованыи быдлячии и лесныи богъ) казал в выход посполитыи вкинуть и внечистостях утопит. Перуна теж предпѣишого бога, казал до конского хвоста увязати и волочи по буричовом потоку вдѣпръ: и (12) ѕ мужеи приставилъ, абы его киами били: а то чынил не якъ бы дерево тое чути могло: але абыся насмѣал бѣсови, которим прелщал люди. Аколи то такъ чынили, невѣрънии киане всюды вголосъ плакали. А оные приволокши его до берега вкинули вднѣпръ. досказалъ тежъ володимир абы оного перуна нигде доберега не припущали аж минет пороги. итамъ нижеи пороговъ выкинулъ его вѣтръ[14]) до однои гори великои, которая перунъ гора итепер зовется. Потомъ послалъ володимер по всем

мѣсте киеве волаючи [15]): если кто завтра не наидетъся на рецѣ почайнѣ такъ богатыи яко и убогии, неволникъ и волныи, старии и молодыи, то будет мнѣ противным. то люди чуючи мовили: если бы то речъ была не потребна, цар бы нашъ и бояре его не крстилися. Назавтреежъ зышолъ володимер зовсимъ грецким дховенством над рѣку почайню где уже было и стояло люду которому и личбы не было. Теды убравшися сщеникове и діаконове вризы свои стояли на лавках на то уготованых на рецѣ почайни, а люди громадами лѣзли вреку, одны попоесъ, адругие пошию, а сщеники даючи каждои громадѣ зособна имена: тимофеи, василеи, петръ, або симеонъ поливали их водою, и молитвы надними звыклые отправовали, икрестили всих мужеи и невѣстъ въ имя отца и сна и стого дха. Втоиже часъ от митрополита первого в россіи именем михаила, которого тежъ взял з херсони володимеръ вси дванадцат сынове володимеровы окрщени особливе, которих мѣлъ зколкимис жонами. имена их сут вышеслав, изяславъ, святополкъ, ярославъ, всеволод, мстиславъ, святослав, борисъ, глѣбъ, станиславъ, позвиздъ, судиславъ, и от того тую гору и студню над днепром где ся они крстили иносес днь киане хрещатиком зовут. дал тежъ всих пречоных сыновъ своих, и при нихъ колко сотъ сновъ боярскихъ писма грецкого и азбучного которого тепер наша русь ужываетъ, и которое еще перед тым далеко з грецкого на языкъ словенскии переложоно учити. Преложил над ними діаки и млоденци цвичоныи. Потом володимер по всих панствахъ своихъ казалъ выкликать балваны, росказуючи абы ся вси въ вѣру христианскую крестили, а ден певны назначилъ, накотории быся хто не окрестилъ каране яко на непослусных [16]) уставил. услышавши тои люд посполитыи бѣгли вси зрадостю до киева, а другие на иншие мѣстца назначоныи, покоторых были грецкие священики для крещения. казалъ змуровать церковъ вкиевѣ стого спаса з камени великого. Анатом мѣстцу где балван перунъ был перед тымъ хвален, цркковъ стого василіа [17]). и иныхъ тежъ церквеи велми много, звлаще натыхъ мѣстцахъ где передтымъ розмаитыи балваны стояли росказалъ набудовать коштом великим одны з цеглы икаменя, а другие з дерева. А доновагорода великого послал Архіе-

пископа Іоакима херсонянина[18]). Котории пришедши доновагорода здобринею, болваны вси поламалъ а перуна вкинулъ в волхов рѣку, которая посерд мѣста з илмера озера идетъ. А коли того балвана перуна бито почереву киами бо был дутыи, теды внем бѣсъ кричал: о бѣда мнѣ ижъ есми ся досталъ внемилостивые руки а плынул против воды. Потом володимер послалъ знову поремесники догреціи, и змуровалъ церковъ коштом великимъ престои богородицы вкиевѣ, которую книгами и образами тои мужъ стыи[19]) оздобивши преложилъ над ними анастасиа херсонина[20]) сценика, опатривши еи великими десятинами з медов избожа всякого шпиталеи тежъ велми много для убозства и каликъ набудовалъ и надалъ гоине великим достаткомъ[21]). такъже тежъ вси руские бѣлои и чорнои, всходнеи, полночнои и полуденнои лежачои руси народы ввѣре христіанскои ведлугъ обрядовъ и церемонии грецкихъ под звирхностью патриархи константинополского стале и статечне посес ден трвают. для такъ теды великои справы же досконале за его поводомъ[22]) гдь бгъ такъ великии народ докрещениа стого привел: и для жывота тежъ его побожного и с҃тобливого будучи в христіанствѣ до календара его церковъ стая принела и обходит днь его іюля к҃ (15)[23]), днь тои властиве которого господу богу дха отдалъ. похованъ естъ в киевѣ в церкви прстои богородици десятиннои в гробѣ мармуровом.

Што если отцове стые о иныхъ с҃тых которых дома не маемъ мощах то ест костях розумѣли, ровным вправдѣ способомъ почесть належыта естъ тымъ которих мощи дома у себе, то естъ в панствѣ своемъ[24]) маемъ. Затым я (авторъ мовитъ) смѣле рекну оно што амвросии стыи реклъ: радуися з щастья каждого мѣста люд, если одного толко мчника костями стыми естъ осмотреныи амы ото воиска (мчнков) стых и прпдбных отцов и великих чудотворцовъ маемъ. Нехаися радуетъ земля наша пѣстунка нбсныхъ жолнѣровъ[25]), итакъ великая родителка цнотъ плоднаа, тѣшъсяжъ и ты презацная земле киевская, же дочого другие сотницами мил кладут и шествуют. ты то на своем лонѣ пѣстуешъ: у тебе стыи митрополитове, побожные епископове, блгословенные архимандритове. у тебе мироточивые кости знаидуются ты ес родителка ангеловъ земныхъ: ты естес пѣстункою

воиновъ [26]): ты есь поле на которомъ [27]) ся родят лиліи чистости, рожи терпливости, иакинфы послушенства: з которих вѣнцы ся уплѣтают княжат росиских не увядаючие. радуися и тѣшъ [28]). земля римская з петра и павла: ассіа з іоанна бгослова египетская з марка, антиохиискаѧ з луки, греческая з андрея и костантина: а руская и киевская земля преславная з тебе княже владимере яко з господнего Апостола, котории освѣтилъ естъ вси конци и краины земли росиискои стымъ крещением. радуися блгословеныи княже владимере [29]) дѣлателю и насадителю христианскои вѣри искоренивыи [30]) прелестное идолскои слѣпоты терньe. радуйся княже стыи зоравшии рускую землю стым крещением и насѣявшии стого и божественного писма книгами, скоторих жнутъ сынове росиские ужиточные рукояти покаанна, и от которих теж уживаютъ неоскудныи покармъ вцарствіи небесномъ. которого и насъ. хрсте бже рачъ доместити: тобѣ бо вѣмъ належитъ хвала и поклонъ з отцем и стымъ дхомъ, нн҃ѣ и завжды и на вѣки вѣкомъ Аминь.

Разночтенія.

[1]) мѣстска, [2]) працы, [3]) патрнарховства, [4]) грецкого, [5]) царягородского, [6]) припудил (на полѣ: привелъ), [7]) выгафтованыи, [8]) колися, [9]) такии дал респонсъ, [10]) на полѣ: мудрост панны, [11]) корсунского або херсонского, [12]) мощи то ест кости, [13]) сверху строки приписано: «купала, ладо коляда», [14]) днѣпръ (на полѣ: «вѣтръ»), [15]) кличучи, [16]) непослушныхъ, [17]) на. имя свое которое ему было дано на стом крещению, [18]) корсунянина, [19]) нѣтъ, [20]) херсонянина, [21]) потом володимер взявши зсобою два епископи ходил всуздалскую землю и там всѣх крестилъ и збудовал замокъ и мѣсто великое отсвоего имене назвал его володимеромъ межи волгою и окою реками над клязмою рекою в украйне велми гоинои, итам столицу свою перенеслъ зкиева але всякого болше вкиеве мешкал. итам же теж того часу в володимери

стыи володимер церкви и шпиталеи велми много набудовал инадал; [22]) инстанцыею тоест поводом, [23]) лица [24]) нѣтъ, [25]) на полѣ: воинов [26]) христовых, [27]) сеплодяти [28]) радуется и тѣшит [29]) принявшии вѣнецъ невянучии зруки бога вседержителя радуися святая главо вожю и научителю наш радуися благословеныи княже владимере, [30]) котории выкоренил еси.